Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (54)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2019

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.** № 2 (54). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. – 196 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор
А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Х.В. Боссонг – PhD, Prof., Dr. (Университет Дуйсбург-Эссен, Германия); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Л.М. Попов – д.психол.н., проф. (КФУ); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Г. Стартиене – к.э.н., проф. (Каунасский технологический университет, Литва); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2019

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNI NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 2 (54)

Nizhni Novgorod
Nizhni Novgorod University Press
2019

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences. No. 2 (54). – Nizhni Novgorod: Nizhni Novgorod University Press, 2019. – 196 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; H.W. Bossong – PhD, Prof. Dr.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; G. Startienė – Prof., Dr. of Social Sciences (Economics); Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Каращук О.С., Тихонова Е.В. POS-материалы розничных организаций и их трансформация в цифровой экономике 7
Мизиковский И.Е. Выбор модели отнесения общецеховых затрат на себестоимость продукции машиностроительного предприятия 14
Соловьев Д.Б., Кузора С.С. Нечеткое моделирование оценки элемента кластера 23
Трифонов Ю.В., Визгунов А.Н. Переход к «Индустрии 4.0»: оценка потенциала регионов 29
Ангелова О.Ю., Подольская Т.О., Чепьюк О.Р. Цифровая креативная индустрия: на пути к экономике «эмоций» 38

Социологические науки

Резник Ю.М. Трансформация социального государства: от идеала к новым практическим формам 44
Воронин Г.Л., Захаркина Т.Н., Лакомова А.А. Социальное самочувствие лиц с ограниченными возможностями здоровья и отношение студенческой молодежи к инвалидности (на примере Нижегородской области) 52
Карцева Л.В. Профориентационные установки родителей старшеклассников и их влияние на профессиональное самоопределение учащихся школы 68
Кучмаева О.В., Карповская Е.Е. Реализация семейно-демографической политики на примере г. Москвы 84
Петрова И.Э. Участие религиозных организаций в социальной работе регионов России 93
Егорова Н.Ю., Рябинская Е.С. Представления студенческой молодежи о роли отца в современной семье 99
Ермилова А.В., Судьин С.А., Судариков А.А. О пенсионной реформе как о «троянском коне» 106
Золин И.Е. Актуальные проблемы профессиональной подготовки специалистов и качество образования 112
Рушева А.В. Реальное управление виртуальными организациями 120
Звонарева А.Е. Теоретико-методологические основы исследования отцовских практик 127
Шалютина Н.В., Придатченко М.В., Ситникова И.В. Роль социальных медиа в формировании межличностного доверия у молодежи 135
Кобленков А.Ю. «Метаморфозы» восприятия – от милиции к полиции 141
Гребенюк А.И. Проблема качества высшего образования как составляющей экономики знаний 146
Пихтелев А.М. Развитие физического человеческого потенциала военнослужащих 153

Педагогические науки

Даниленко С.В., Мартынюк Ю.М., Гербут С.С. Методические особенности использования интернет-сервисов в разработке контента электронных образовательных ресурсов 158
Кузнецова Е.В., Власова К.А. Выявление различий в отношении студентов к дисциплине «Теория вероятностей» 166
Орлова Е.С., Богатова О.П., Дедегкаева Т.А. Терминологические проблемы в теории обучения иностранным языкам (категория подхода) 173
Пушкина Е.Н. Вводно-коррективный курс иностранного языка в неязыковом вузе 178
Тарханова И.Ю., Ходырев А.М. Организационные модели непрерывного педагогического образования в системе «колледж – вуз» 186
Бударина А.О., Полупан К.Л. Методология цифрового управления качеством высшего образования: подход и принципы 191

CONTENTS

Economic sciences

Karashchuk O.S., Tikhonova E.V POS materials of retail organizations and their transformation in the digital economy 7
Mizikovsky I.E. The choice of the model for departmental costs assignment to the cost of production at machine-building enterprises 14
Solovyev D.B., Kuzora S.S. Fuzzy modeling of cluster element assessment 23
Trifonov Yu.V., Vizgunov A.N. The transition to the Industry 4.0: assessing the region's potential 29
Angelova O.Yu., Podolskaya T.O., Chepyuk O.R. Digital creative industry: on the way to the economy of emotions 38

Sociological sciences

Reznik Yu.M. Transformation of the welfare state: from ideal to new practical forms 44
Voronin G.L., Zakharkina T.N., Lakomova A.A. Social well-being of disabled persons and the attitude of students to disabilities (on the example of the Nizhny Novgorod region) 52
Kartseva L.V. Professional guidance attitudes of high school seniors' parents and their influence on pupils' professional identity 68
Kuchmaeva O.V., Karpovskaya E.E. Implementation of family and demographic policy on the example of Moscow 84
Petrova I.E. Participation of religious organizations in the social work of Russia's regions 93
Egorova N.Yu., Ryabinskaya E.S. How the young students perceive the role of the father in a modern family 99
Ermilova A.V., Sudyin S.A., Sudarikov A.A. The pension reform as a Trojan horse 106
Zolin I.E. Current problems of professional training and education quality 112
Rusheva A.V. Real management of virtual organizations 120
Zvonareva A.E. Theoretical and methodological foundations of research into paternity practices 127
Shalutina N.V., Pridatchenko M.V., Sitnikova I.V. The role of social media in creating interpersonal trust among young people 135
Koblenkov A.Yu. «Metamorphoses» of perception: from militia to police 141
Grebenyuk A.I. The problem of quality of higher education as a component of knowledge economy 146
Pikhtelev A.M. Development of physical human potential of military personnel 153

Pedagogical sciences

Danilenko S.V., Martynyuk Yu.M., Gerbut S.S. Methodological features of the use of Internet services in the development of the content of electronic educational resources 158
Kuznetsova E.V., Vlasova K.A. Discovering differences in the attitude of students towards the course «Probability Theory» 166
Orlova E.S., Bogatova O.P., Dedegkaeva T.A. Some terminological problems in language learning theory (the category of approach) 173
Pushkina E.N. Introductory course of English in a non-linguistic university 178
Tarkhanova I.Yu., Khodyrev A.M. Organizational models of continuing pedagogical education in the system «college – university» 186
Budarina A.O., Polupan K.L. The methodology of digital quality management in higher education: the approach and the principles 191

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 339.187.2

POS-МАТЕРИАЛЫ РОЗНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

© 2019 г.

О.С. Каращук, Е.В. Тихонова

Каращук Оксана Сергеевна, к.э.н.; доцент кафедры торговой политики
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва
kseniak72@mail.ru
Тихонова Евгения Валерьевна, магистрант факультета экономики торговли и товароведения
Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва
sakura-tev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.03.2019
Статья принята к публикации 29.04.2019

Цель статьи – изучение изменений POS-материалов в торговле в условиях построения цифровой экономики в России. Для исследования применялись методы наблюдения, группировок, сравнений. Изучение показало положительную динамику видового разнообразия используемых POSm, в результате чего на рынке увеличивается количество рекламных материалов данного вида в условиях их высокой эффективности. Определено, что в стационарных магазинах состав POSm значительно шире, чем в электронной торговле. Это связано с естественными ограничениями электронной среды деятельности, в которой можно продавать не все товары, и также с отсутствием у торговых организаций необходимых технологий создания электронных POSm. Еще одной причиной отставания развития POSm в интернет-среде является недостаточная работа по этому направлению специалистов организаций, ответственных за данные функции. Дальнейшее развитие цифровой экономики в России будет сопровождаться изменением используемых POSm в сторону расширения номенклатуры цифровых средств и опережающего развития группы «умных» POS-материалов. В стационарных магазинах ожидается развитие POSm, предполагающих интерактивное взаимодействие с клиентами, увеличение количества материалов с использованием смартфонов покупателей, а также более широкое применение материалов на основе вендинговых устройств. В электронной торговле развитие POSm только начинается и пока что номенклатура используемых средств крайне ограниченная. Но в ближайшей перспективе в интернет-торговле можно ожидать расширения применения «умных» видов POSm, учитывающих индивидуальные особенности потенциальных покупателей.

Ключевые слова: рекламные материалы, коммуникации, POSm, торговля, цифровая экономика, Интернет вещей.

Введение

POS-материалы (POSm) являются важным средством взаимодействия участников товарного обращения, в том числе производителей, розничных продавцов и покупателей. Это можно объяснить высокими возможностями POSm воздействовать на принятие решения о покупке. Как отмечается в литературе, POS-материалы увеличивают товарооборот по товарам, к которым они применяются, на 15–20% [1, с. 206].

На современном этапе своего развития POSm вовлекают в состав своих контрагентов даже оптовых продавцов и посредников, что обусловливается расширением возможностей коммуникации на основе компьютерных технологий и Интернета.

POS-материалы появились и получили широкое распространение в 60-х годах прошлого века, когда стало понятно, что в торговом зале необходима реклама для увеличения продаж товаров.

Согласно определению, POS-материалы – это рекламные материалы, размещаемые в местах продаж [2, с. 187]. Однако с течением времени функционал POS-материалов все более расширяется, и, как отмечается в отдельных исследованиях, в современном понимании они представляют собой средства коммуникации производителей и продавцов с покупателями внутри магазина [3, с. 72; 4, с. 57]. Аттрактивная функция POSm, которая была изначальной, в настоящее время не является единственной и дополнена информационной, брендовой, стимулирующей и др.

В целом в современной торговле POSm занимают ведущее место в системе стимулирования сбыта, уступая только мерчандайзингу и стимулированию розничных продавцов [4].

В то же время следует отметить, что POSm остаются недостаточно изученными, так как отсутствуют исследования об эффективности использования тех или иных POS-материалов в отношении конкретных видов товаров. Кроме того, нерешенной проблемой остается механизм обеспечения пополнения товарного запаса, находящегося в системе POSm, так как он требует к себе отдельного внимания со стороны обслуживающего персонала торгового зала. Также остаются неизученными перспективы дальнейшего развития POSm в контексте изменения экономической модели развития общества и его перехода к цифровой экономике.

Все эти проблемы обусловили интерес авторов данной работы к POS-материалам и послужили основанием определения актуальности темы работы.

Цель работы – выявление дальнейших перспектив развития POSm в розничной торговле России в условиях построения цифровой экономики.

Методология

Проведение исследования предусматривало наблюдение и фиксацию состава POS-материалов, находящихся в торговых залах магазинов и на интернет-сайте торговых организаций. Изучение проводилось в торговых точках, расположенных в г. Москве, являющемся «умным городом», что позволило считать исследуемые предприятия наиболее передовыми в отношении POSm в рамках изучаемой торговой сети.

На основе полученных первичных данных, представляющих собой видовое разнообразие применяемых на практике POSm, осуществлялись группировки используемых материалов, их отнесение в одну из однородных по своему составу групп. Используемая классификация групп разработана непосредственно авторами, и для ее формирования были изучены научные работы по соответствующей проблематике, в которых авторами давались классификации POS-материалов по различным признакам. При проведении исследования группировка по стационарным магазинам проводилась отдельно от интернет-торговли.

По результатам группировок было осуществлено сравнение полученных групп POSm на предмет их полноты по отношению к возможному составу материалов, а также проведено сопоставление используемых POSm в различных каналах продаж.

Сравнение позволило сделать выводы о современном уровне развития POSm в различных каналах продаж крупной сетевой организации торговли.

Также на основе изучения инновационных POSm на современном российском рынке были обоснованы перспективные направления дальнейшего их развития, на которые целесообразно ориентироваться торговым предприятиям в условиях цифровой экономики.

Результаты и их обсуждение

Изучение показывает, что по итогам 2017 года объём рынка POSm и услуг технического мерчандайзинга в России составил 32 млрд руб. По прогнозу INFOLine, в 2018–2019 гг. темпы прироста этого рынка в денежном выражении будут составлять 8–9% [5]. При этом ожидаемый прирост будет обеспечен вследствие увеличения количества заказчиков POSm при сохранении бюджетов на уровне 2017 года.

Обзор имеющихся публикаций о развитии рынка России показал, что торговые сети оказывают ключевое влияние на него, в первую очередь посредством системы дистрибьюции сетевых торговых организаций [6; 7]. Существовавшее в прошлом представление, что POS-материалы являются инструментом продвижения производителей и их товаров, в настоящее время претерпело значительное изменение. В современных условиях торговые организации играют ключевую роль в формировании системы POSm, что требует повышения уровня осуществления такой работы.

В процессе разработки и создания POSm по конкретным товарам производители обеспечивают их финансирование и осуществляют все необходимые для этого работы. Розничные продавцы определяют систему POS-материалов в торговых залах, а также создают POS-материалы для собственных торговых марок. При выборе POSm производителей розничные продавцы определяют их с учетом имеющихся ограниченных ресурсных возможностей (торговой площади, персонала, складских мощностей и пр.), а также принимая во внимание собственную торговую политику (POSm производителей должны ей соответствовать).

В то же время имеются серьезные факторы, сдерживающие дальнейшее развитие POS-материалов на рынке. В первую очередь – это значительные расходы на их создание в условиях ограниченности объемов продаж. На современном рынке POSm производители и про-

Таблица 1

Виды POSm в стационарных торговых точках сети «Магнит»

Виды POSm	Наличие POSm в магазинах		Неиспользуемые POSm
	«Магнит у дома»	«Магнит Косметик»	
Торговой сети			
Печатно-информационные	Листовки, буклеты, плакаты, гирлянды, акции, акционные ценники	Листовки, буклеты, плакаты, гирлянды, акции, акционные ценники	Стикеры, напольные наклейки, воблеры, муляжи, мобайлы, баннеры, флаеры
Конструкционно-выкладочные	Дисплеи, полки, стойки, холодильные витрины, контейнеры	Дисплеи, полки, стойки, контейнеры	Витрины, шелфштокеры, ай-стопперы, бигбоксы, вендинговые устройства
Видео-свето-звуковые	–	–	Гирлянды, лайтбоксы, аудио- и видеосообщения, трехмерные изображения виртуальной и дополненной реальности
Товаровстроенные	Упаковка СТМ, тара СТМ	Упаковка СТМ, тара СТМ	Акционные наклейки, некхенгеры
«Умные»	–	–	Just Touch, аудиовизуальные устройства вовлечения покупателей, точки Bluetooth
Производителей товаров			
Печатно-информационные	–	–	Листовки, буклеты, стикеры, плакаты, напольные наклейки, воблеры, муляжи, мобайлы, баннеры, флаеры
Конструкционно-выкладочные	Дисплеи, холодильные витрины, ай-стопперы	Дисплеи	Полки, стойки, контейнеры, бигбоксы, вендинговые устройства, шелфштокеры
Видео-свето-звуковые	–	–	Гирлянды, лайтбоксы, аудио- и видеосообщения, трехмерные изображения виртуальной и дополненной реальности
Товаровстроенные	Акционные наклейки, упаковка, тара, некхенгеры	Акционные наклейки, упаковка, тара, некхенгеры	–
«Умные»	–	–	Just Touch, аудиовизуальные устройства вовлечения покупателей, точки Bluetooth

Составлено авторами с использованием имеющихся исследований [3; 11; 12].

давцы ориентируются в основном только на окупаемые материалы. При этом существует опыт применения эффективных низкозатратных POSm [8–10]. В числе указанных POS-материалов наибольшее воздействие на увеличение продаж оказывают носители в форме надписей с названиями товаров, рекламных лозунгов, объемных букв и изображений, ярких цветов (особенно виниловых), светодиодов, специальной выкладки, подвижных элементов, совместного размещения (с дополняющими товарами), комбинации нескольких видов POSm и др. Однако на практике указанные выше POSm используются достаточно редко, что можно объяснить недостаточно продуктивной работой служб, занимающихся рекламой и стимулированием сбыта.

В табл. 1 отражены результаты исследования POSm, используемых в стационарных магазинах различного формата торговой сети «Магнит». Для изучения были выбраны форматы универсама «Магнит у дома» и неспециализированного со смешанным ассортиментом «Магнит Косметик», которые реализуют товары, приобретенные у различных производителей, а также товары под собственными торговыми марками (СТМ).

Результаты изучения POSm в магазинах сети «Магнит» показывают, что видео-свето-звуковые и «умные» средства в организации не применяются. Также достаточно ограниченными являются товаровстроенные POS-материалы, используемые по отношению к товарам под СТМ. Широко представленными являются печатно-информационные и конструкционно-выкладочные. При этом значительный набор возможных к применению POSm торговой сетью не используется вообще.

Таблица 2

Виды POS-материалов на сайте торговой сети «Магнит»

Виды POSm	Наличие POSm на сайте		Неиспользуемые POSm
	«Магнит у дома»	«Магнит Косметик»	
Торговой сети			
Информационно-выкладочные	Web-витрины, партнерские предложения, акции, акционные ценники	Web-витрины, партнерские предложения, акции, статьи	Рамки, тизеры, баннеры, блоки в e-mail, промокоды, накапливаемые баллы
Видео-свето-звуковые	Движущиеся и меняющиеся сообщения, видеореклама	–	Трехмерные изображения, аудиореклама, всплывающие окна
«Умные»	Подсветка при наведении	Навигация, фильтры	Таргетинг
Производителей товаров			
Информационно-выкладочные	–	–	Web-витрины, рамки, тизеры, баннеры, статьи, промокоды, накапливаемые баллы
Видео-свето-звуковые	–	–	Движущиеся и меняющиеся сообщения, трехмерные изображения, видео- и аудиореклама, всплывающие окна
«Умные»	–	Фильтры	Таргетинг

Составлено авторами по материалам сайтов торговой сети [14; 15].

Сравнение номенклатуры POS-материалов торговой сети и производителей показывает, что здесь лидирует торговля, что вполне объяснимо в условиях собственного торгового зала. Несмотря на происходящую интеграцию ряда производственных организаций России [13], она практически не затронула стимулирование сбыта этих субъектов, в том числе POS-материалы. Применяемые в торговом зале рекламно-стимулирующие средства производителей очень редко являются их партнерским продуктом.

В электронных каналах продаж развитие POS-материалов недостаточное. Такой вывод подтверждает информация, представленная в таблице 2, по результатам изучения уровня развития электронной торговли на примере розничной сети «Магнит».

Как видно из таблицы, перечень возможных видов POSm в электронной среде более узкий, чем в стационарных магазинах. Информационные, конструкционные и товаровстроенные POS-материалы составляют общую группу, так как все они представляют собой электронное изображение в составе единого интерфейса, отражающее соответствующие материальные объекты.

Оценка уровня развития электронных POSm в изучаемой торговой сети «Магнит» показывает, что они отстают от соответствующего ресурса в стационарных торговых точках. Во многом такая ситуация связана с тем, что предприятие не продает товары онлайн (т.е. торговая сеть не имеет интернет-магазина, а есть только сайт).

Достаточно интересным является результат исследования, отражающий практически полное отсутствие электронных POS-материалов производителей на интернет-сайте торговой организации.

Необходимо отметить, что на рынке существуют значительные отличия в интенсивности применения POS-материалов различными торговыми организациями. Более высокий уровень развития POSm отмечается в торговых организациях, которые характеризуются:

– наличием интеграции в сетевую торговую структуру;

– крупным размером торгового формата;

– универсальным ассортиментом товаров;

– размещением в центральных районах населенного пункта;

– более высокими размерами продаж и прибыли.

Функционирование магазина в составе сетевой организации торговли приводит к более активному использованию различных POS-материалов по сравнению с автономными организациями. Это объясняется более высокими ресурсными возможностями сетевых продавцов, имеющих весомую сбытовую мощность. Сетевые магазины более интенсивно применяют эти средства в связи с необходимостью обеспечения более значительных объемов продаж товаров.

Также существенное влияние на интенсивность используемых POSm оказывает размер субъекта деятельности, при этом более крупные торговые форматы имеют более широкий состав применяемых материалов по сравнению с небольшими по размерам магазинами. Это также объясняется лучшими ресурсными возможностями крупных организаций, в том числе их значительной торговой площадью, большим количеством разновидностей реализуемых товаров от разных производителей и пр.

Изучение показывает, что в организациях торговли с универсальным ассортиментом и в неспециализированных организациях доминируют POS-материалы, созданные непосредственно торговой организацией, реализующей товары. Такую ситуацию можно объяснить большой долей товаров под собственными торговыми марками этих организаций, которые требуют формирования соответствующих собственных POS-материалов. В общей системе коммуникации с покупателем такие POSm выполняют в основном функцию, стимулирующую сбыт.

При продаже товаров в специализированных магазинах POS-материалы в основном представлены ресурсами производителей. Это можно объяснить более низким уровнем развития собственных торговых марок у таких организаций, так как глубокий ассортимент специализированных магазинов предполагает наличие предложения большого спектра товаров различных производителей и марок. В этих организациях POSm в основном ориентированы на поддержание брендов производителей товаров.

Следует отметить, что территориальная дислокация торговой точки также оказывает существенное влияние на уровень развития POSm в конкретном магазине. Так, в торговых организациях, расположенных в строящихся жилых комплексах, развитие POS-материалов является наиболее слабым [16], что можно объяснить сложностями периода становления торговых структур на новых территориях. А в организациях торговли, расположенных в центральных районах города, состав применяемых средств значительно более разнообразный.

В настоящее время разработчики POS-материалов активно используют в них различные приемы, не требующие большого вложения средств. Производители в основном предпочитают недорогие конструкционные решения для размещения своих товаров отдельно от других, притом что затратные инновационные POSm остаются малодоступными для брендов, которые имеют небольшие продажи. Розничные продавцы чаще ориентируются на печатную продукцию в различных вариантах: акционные каталоги, ценники и пр., что также объясняется ориентацией магазинов на экономию расходов.

В будущем можно ожидать изменения состава используемых POSm, что связано с цифровизацией всех областей деятельности в России. К наиболее перспективным направлениям развития POSm можно отнести разработки, которые являются долгосрочными и относятся к нематериальным активам торговли [17]. В современных работах по рассматриваемой проблематике уже приводят примеры подобных POS-материалов, которые встречаются в наиболее развитых торговых организациях России [10]:

1) трехмерные изображения виртуальной и дополненной реальности, в том числе движущиеся;

2) аудиовизуальные инсталляции, меняющиеся в ответ на действия покупателей;

3) Just Touch – устройства, реагирующие на прикосновения покупателя;

4) точки Bluetooth – программы, обнаруживающие посетителей с включенной функцией приема таких сообщений и отправляющие им рекламную информацию и др.

Однако следует учитывать, что большинство производителей и продавцов товаров имеют ограниченные средства, не позволяющие вести полномасштабную политику использования современных инновационных POSm. Поэтому в ближайшем будущем можно прогнозировать развитие недорогих интерактивных POSm для торговых залов и электронных POSm для смартфонов. Также можно ожидать активизации использования технических решений, основанных на соединении POS-материалов и вендинговых аппаратов, что создает соответствующие перспективы развития этого рынка [18; 19].

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы о возможностях дальнейшего развития POS-материалов в розничной торговле России.

1. Ожидается развитие рынка POSm с ежегодными темпами прироста порядка 10%. При этом краткосрочные POSm будут продолжать развиваться наиболее динамично. Однако по мере цифровизации экономики России следует ожидать увеличения заказов на долгосрочные POS-материалы, которые будут представлять собой цифровые нематериальные активы.

2. В отдельных торговых организациях уровень развития POSm определяется наличием интеграции магазина в сетевую структуру, размером формата магазина, особенностями ассортимента, территориальной дислокацией, а также размерами продаж и прибыли. Наиболее развитые в отноше-

нии POS-материалов организации торговли являются магазинами в составе торговой сети, крупными по формату, реализуют универсальный ассортимент товаров, расположены в центральных районах населенного пункта и являются прибыльными организациями торговли.

3. На современном рынке развитие POS-материалов сдерживается объемами продаж производителей и продавцов товаров, что приводит в конечном счете к доминированию низкозатратных POSm. Экономия расходов на POS-материалы приводит к недополучению продаж у производителей и продавцов товаров вследствие недостаточного коммуникационного взаимодействия с покупателями товаров. При этом не учитываются эффективные низкозатратные POSm, которые приводятся в различных экономических исследованиях в качестве рекомендаций для успешного бюджетного применения.

4. В розничных торговых организациях разработчиками POSm являются производители брендовых товаров, а также сами магазины. При этом розничные магазины с помощью POSm в основном стимулируют продажи, в то время как производители нацелены на развитие своих брендов.

5. Изучение состава POSm, используемых в торговых организациях, на примере сети «Магнит» показало, что в стационарной торговле применяется менее половины их возможной номенклатуры, а в электронной торговле эти средства еще более скудные. При этом POSm производителей в электронных каналах продаж розничных предприятий практически не представлены. Таким образом, имеется значительный неиспользованный потенциал дальнейшего развития продаж торговых предприятий при расширении и улучшении качества применяемых POS-материалов.

6. В будущем, по мере роста цифровизации экономики, также будет происходить цифровая трансформация POSm. В краткосрочной перспективе можно ожидать развития недорогих интерактивных POS-материалов внутри торгового зала, электронных POSm для отправки на смартфоны, а также POSm на основе соединения различных традиционных POS-материалов с вендинговыми устройствами.

Список литературы

1. Киселев В.М., Парамонова Т.Н., Сяглова Ю.В. Визуальный мерчандайзинг: теория и практика визуальных коммуникаций в товаропроводящих каналах: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям 061500 – Маркетинг и 350700 – Реклама. Кемерово, 2005.

2. Алексина С.Б., Иванов Г.Г., Крышталев В.К., Панкина Т.В. Методы стимулирования продаж в торговле. М., 2013.

3. Король А.Н. Инновационные маркетинговые коммуникации. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2013. 120 с.

4. Винокурова А.М. Маркетинговые коммуникации по стимулированию сбыта: практика фармацевтических производителей // В сб.: Актуальные вопросы современной сферы услуг. Иркутск, 2012. С. 56–61.

5. Рынок рекламных материалов в точках продаж (POSM) в России. Итоги 2017 года, перспективы развития в 2018–2019 годах. Режим доступа: http://infoline.spb.ru/shop/issledovaniya-rynkov/page.php?ID=159352

6. Алексина С.Б. Сценарии развития стратегии дистрибьюции на рынке FMCG в условиях усиления давления федеральных торговых сетей // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 3. С. 709–724.

7. Алексина С.Б. Пути трансформации системы взаимоотношений поставщиков FMCG и розничных торговых сетей в России // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 11. С. 3425–3436.

8. Новиков О.А. Формирование и оценка рекламно-информационного пространства ритейла // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. № 2 (4). С. 80–85.

9. Шамилов М.Ш. Реклама в местах продаж или внутримагазинная реклама // Инновационные образовательные технологии. 2009. № 3 (19). С. 64–69.

10. Чернова В.Ю. Формирование брендов транснациональных компаний на рынке России. Методы коммуникаций в торговле. Повышение лояльности и увеличение продаж // Молодой ученый. 2014. № 21 (80). С. 460–464.

11. Голубцова Е.А., Дуева Е.А. POS-матри: реклама в местах продаж // Постулат. 2016. № 11 (13). С. 17.

12. Денисова И.Н. Управление продажами: Учебник. М., 2015.

13. Каманина Р.В., Белова С.К. Интеграция предприятий в промышленности как ресурс повышения социально-экономического потенциала города, региона // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2012. Т. 1. № 1. С. 32–35.

14. Официальный сайт торговой сети «Магнит». Режим доступа: http://magnit-info.ru/

15. Официальный сайт «Магнит Косметик». Режим доступа: https://magnitcosmetic.ru/

16. Брагин Л.А., Красильникова Е.А., Майорова Е.А., Никишин А.Ф. Интернет-технологии в организации торговли в современных жилых комплексах // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-4 (86). С. 1188–1190.

17. Майорова Е.А. Нематериальные ресурсы торговых организаций // Экономика. Бизнес. Банки. 2016. № 2 (15). С. 111–122.

18. Kevorkova Zh.A., Shinkareva O.V., Panasenko S.V. et al. Prospects for Russian vending sector development based on consumer preference analysis // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. V. 9. № 10. P. 1169–1175.

19. Красильникова Е.А., Майорова Е.А., Никишин А.Ф. Проблемы, тенденции и перспективы развития вендинга // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9-1 (86). С. 894–898.

POS MATERIALS OF RETAIL ORGANIZATIONS AND THEIR TRANSFORMATION IN THE DIGITAL ECONOMY

O.S. Karashchuk, E.V. Tikhonova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

The aim of this paper is to determine the prospects for the development of POS materials in retail trade in the context of building a digital economy in Russia. In our study, we used the methods of field research, grouping and comparison. The research demonstrated a positive dynamics in the diversity of the types of POS materials used. As a result, more advertising materials of this type appear in the market due to their high efficiency. It was found that in stationary stores POS materials diversity is much greater than in electronic commerce. This is explained by the natural limitations of the electronic business environment, where not all products can be sold, and also by the lack of the necessary technologies to create electronic POS materials in trading organizations. Slow development of POS materials in the Internet environment is also due to insufficient efforts in this area on the part of trading organizations' employees who are responsible for these functions. Further development of the digital economy in Russia will be accompanied by a wider use of POS materials, first of all, by expanding the range of digital tools and advanced development of the group of «smart» materials. It is expected that in stationary stores there will be more POS materials involving interaction with customers, an increased number of materials with the use of buyers' smartphones, and wider use of materials based on vending devices. In electronic commerce, the development of POS materials is just beginning and so far the range of tools used is extremely limited. However, in the near future in online stores one can expect the expansion of the use of «smart» types of POS materials, providing for the formation of impact tools that will take into account potential buyers' individual characteristics.

Keywords: advertising materials, communications, POS materials, trade, digital economy, Internet of things.

УДК 657

ВЫБОР МОДЕЛИ ОТНЕСЕНИЯ ОБЩЕЦЕХОВЫХ ЗАТРАТ НА СЕБЕСТОИМОСТЬ ПРОДУКЦИИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

© 2019 г.

И.Е. Мизиковский

Мизиковский Игорь Ефимович, д.э.н., проф.; заведующий кафедрой бухгалтерского учета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
core090913@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.02.2019
Статья принята к публикации 26.04.2019

Статья посвящена изучению проблемы выбора модели распределения общецеховых затрат на себестоимость продукции машиностроительного предприятия. Исследуются теоретико-методологические подходы к учету и калькулированию данного класса затрат, анализируются особенности их реализации в бухгалтерских практиках предприятий машиностроительной отрасли. Обоснована необходимость реинжиниринга процесса распределения общецеховых затрат путем декомпозиции общепроизводственных затрат и внедрения процессного подхода к структурированию информационного пространства общецеховых затрат; сделано экономическое обоснование набора показателей распределения исследуемых затрат. Доказано, что применение Activity Based Costing соответствует современным критериям и параметрам продуктивного менеджмента и бухгалтерского учета, обеспечивает повышение качества внутренней отчетности и принятия управленческих решений. Предлагаемая к широкому использованию модель Activity Based Costing позволит повысить точность калькуляционного результата, обеспечит релевантными данными процессы принятия решений.

Ключевые слова: модель калькулирования, Activity Based Costing, Absorption costing, калькуляционный результат, общецеховые затраты, процессы, распределение, отнесение на себестоимость, носитель затрат, реинжиниринг.

Введение

Стратегия роста эффективности используемых ресурсов и повышения результативности производственной деятельности машиностроительных предприятий требует принципиально нового подхода к калькуляционной работе бухгалтерских служб. Поступательное развитие экономики машиностроения Нижегородского региона, усложнение и диверсификация процессов, образующих поток создания ценности, в корне меняют стратегию работы бухгалтеров, прежде всего связанных с учетно-калькуляционным участком бухгалтерии. Возникает потребность в получении максимально точной информации о рентабельности выпуска продукции, что невозможно без выверенных калькуляционных результатов. Поэтому неслучайно, что на первый план выходит качество расчета себестоимости продукции (работ, услуг), обеспечиваемое, в том числе, гибкой адаптацией калькуляционного процесса к сложной ткани информационного пространства эффективного менеджмента, к все усложняющимся процессам принятия управленческих решений.

Перманентное выстраивание сложной информационно-инструментальной системы «затраты – результаты», служащей платформой для реализации управленческих процедур по поддержанию заданного уровня результативности деловой активности в реальном секторе и в целом доходности бизнеса, требует тщательного, углубленного анализа рентабельности производства и реализации конкретных номенклатурных позиций выпускаемой продукции, что невозможно без точных калькуляционных результатов по каждой из них. Эти сведения позволяют сформировать технологически эффективный информационный фонд, обеспечивающий выработку широкого диапазона текущих управленческих решений и различного горизонта стратегий, начиная от сферы материально-технического снабжения и заканчивая ценообразованием и формированием номенклатуры выпускаемой продукции.

Исследования, проведенные автором на ряде машиностроительных предприятий г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, высветили проблему, связанную с определенными трудностями в поддержании должного уровня качества вырабатываемых управленческих воздействий на объекты производственного менеджмента. Одной из существенных причин ее возникновения, по мнению автора, являются не всегда качественно сформированные исходные данные, в том числе значительно аппроксимированный характер калькуляционных результатов продукции предприятий машиностроительного

сектора экономики, как в валовом исчислении, так и в разрезе конкретных наименований.

Анализ собранных на исследуемых предприятиях материалов показал, что одной из ключевых причин тенденции, связанной с относительно низкой точностью экономических расчетов себестоимости конкретных изделий, является неэффективность применяемых схем распределения косвенных затрат между их себестоимостью (списанными на первом этапе калькулирования прямыми расходами). Эта проблема особенно актуальна в процессах распределения общецеховых затрат (ОЦЗ), относящихся к сегменту накладных расходов, местом возникновения которых является производственное подразделение (цех), согласно общепринятому подходу к классификации производственных затрат, относящихся к общепроизводственным расходам.

Проведенные автором исследования показали, что в настоящее время не существует типового нормативного документа, строго регламентирующего классификацию затрат. Опираясь на известные методические рекомендации, как правило, отраслевого характера и эмпирические знания, ОЦЗ можно представить в виде следующих статей:

– оплата труда и отчисления на социальные нужды специалистов и служащих цехов;

– оплата труда и отчисления на социальные нужды вспомогательных рабочих, занятых на работах по содержанию отопительной сети, уборке производственных помещений и других хозяйственных работах;

– материалы для хозяйственных нужд цеха, на содержание электросети, отопительной сети, водоснабжения и канализации, на содержание помещений в чистоте;

– топливо для нужд цеха;

– амортизационные отчисления по основным средствам и нематериальным активам цехового назначения;

– содержание зданий, сооружений и инвентаря, пожарной и другой сигнализации цеха;

– платежи по обязательному страхованию имущества и работников;

– совершенствование технологии и организации производства;

– охрана труда и техника безопасности, в том числе: оплата труда и отчисления на социальные нужды рабочих, занятых изготовлением и ремонтом средств охраны труда, спецодежды, спецобуви;

– спецодежда, очки и другие защитные приспособления, безвозмездно выдаваемые работникам;

– спецпитание, получаемое за счет предприятия (в установленных законом случаях);

– плата за аренду помещений цехов;

– прочие общецеховые затраты, в том числе: недостачи и потери материальных ценностей; простои и другие непроизводительные затраты по вине цеха.

Подобный вариант структурирования наглядно показывает разнонаправленность и неоднородность многих статей ОЦЗ, что значительно усложняет учетно-калькуляционную работу. Разнообразие векторов применения данных о рассматриваемых затратах в управленческом процессе, значительный набор характеризующих их показателей априори предполагает их использование не только в оперативном управлении, но и для выбора, по существу, модели развития управленческой системы цехового звена, а значит, и всего промышленного предприятия. Наряду с этим вместо, казалось бы, логически вытекающей из сложившихся информационных потребностей, многоуровневой декомпозиции структуры рассматриваемых затрат на практике имеет место обратная процедура – агрегирование сведений о косвенных затратах, осуществляемое при распределении ОЦЗ, инкорпорированных в состав общепроизводственных расходов.

Инкорпорирование для выполнения процедуры отнесения на себестоимость продукции в единый массив ОЦЗ и затрат на содержание и эксплуатацию оборудования, которые, сами по себе, носят комплексный и такой же разнонаправленный, многоуровневый характер, по мнению автора, неоправданно: распределение такого объема данных не позволяет создать информационные условия для детализированного отслеживания и требуемого уровня точности калькуляционных результатов в разрезе конкретных видов продукции. Вместе с тем не требует доказательств утверждение, что эффективный менеджмент обычной деятельности предприятия априори предполагает построение максимально точной модели поведения затрат на производство в зависимости от динамики деловой активности и их «привязки» к конкретному виду (марке, сорту, наименованию) изделия.

Очевидно, что в условиях наличия столь значительного объема данных следование данному постулату значительно затрудняется по вполне объективным причинам. Необходимо добавить, что сложная ткань рассматриваемого класса затрат имеет достаточно динамичную структуру, изменяемую в зависимости от многочисленных цеховых факторов, что создает дополнительные трудности их учета и дальнейшего использования в управленческой работе.

В таком информационном поле, «затушеванные» общей массой столь мощного массива

данных, при отсутствии достаточно качественного набора технологических средств детализации и гибкой адаптации к номенклатурным особенностям выпускаемой продукции, они становятся, по существу, «невидимыми» лицам, принимающим решения и разрабатывающим хозяйственные стратегии, выпадающими из информационно-управленческого пространства, а сама «фабула» такого, по сути «котлового», способа учетной работы априори придает калькуляционному результату аппроксимированный, оценочный характер.

ОЦЗ в потоке создания ценности носят вспомогательный характер и влияют на получение экономической выгоды лишь опосредованно, напрямую не формируя потребительские свойства производимого продукта. Однако это нисколько не умаляет их значения в информационном поле принятия управленческих решений, их динамика и объемные параметры должны постоянно находиться в фокусе внимания руководства хозяйствующего субъекта и прежде всего, как уже отмечалось, в разрезе конкретных номенклатурных позиций выпускаемой продукции.

«Точечное» позиционирование ОЦЗ в аспекте стоимости выпускаемых изделий создает технологически выверенные условия для целого класса актуальных управленческих решений, в том числе связанных с необходимым снижением уровня косвенных затрат в целом, оптимальным конфигурированием учетно-калькуляционного процесса, гибким и адаптивным к внешней и внутренней среде регулированием доходности продаж. Поэтому *целями исследования* является обновление используемого учетно-калькуляционного инструментария при отнесении общецеховых затрат на себестоимость продукции машиностроительного предприятия, кардинальное повышение качества, и прежде всего степени информативности, внутренней отчетности, более глубокое интегрирование в информационное пространство корпоративного и финансового менеджмента предприятия. *В задачи исследования* входят: формирование условий для обеспечения максимальной транспарентности ОЦЗ в себестоимости продукции, анализ применения ключевых калькуляционных моделей, обоснование выбора методики распределения ОЦЗ на себестоимость продукции машиностроительного предприятия и условий ее реализации.

Анализ теоретико-методологической базы исследуемой проблематики, проведенный автором, показал, что в настоящее время не существует какого-либо универсального «рецепта» решения столь сложного и неоднозначного вопроса, как распределение косвенных затрат, т.е. отнесения части их стоимости на себестоимость продукции по определенной схеме, выбираемой или разрабатываемой предприятием. Методологическая основа этой схемы структурируется посредством использования эмпирических знаний, сформированных во многих бухгалтерских практиках.

Центральным звеном отнесения стоимости косвенных затрат на себестоимость продукции является база распределения, под которой понимается показатель или совокупность показателей, максимально влияющих на накопление распределяемого класса (группы) затрат в подразделении предприятия или на предприятии в целом за определенный период. Традиционно базе распределения соответствует определенная статья или несколько статей калькуляции (например, статья «Основная заработная плата основных производственных рабочих», статьи прямых затрат или только прямых материальных затрат); возможно также использование показателей в натуральном измерении (время работы машин и механизмов, время работы основного производственного персонала).

Содержание технико-экономического обоснования базы распределения зависит от многих факторов, в том числе: отраслевых и индивидуальных особенностей хозяйствующего субъекта, от требований к его управлению, особенностей и сложившихся традиций ведения бухгалтерского учета, действующих корпоративных стандартов, состояния оборудования, квалификации персонала и т.д. Так, согласно [1–14], в качестве базы распределения косвенных затрат целесообразно выбрать в условиях:

– материалоемких производств – прямые материальные затраты;

– производств, характеризующихся высоким уровнем трудоемкости, – прямые трудовые затраты;

– определенного количественного паритета прямых трудовых и прямых материальных затрат – совокупные прямые затраты.

Как правило, в традиционных отечественных подходах к распределению косвенных затрат используется упомянутая выше статья «Основная заработная плата основных производственных рабочих».

Проведенные автором исследования показали, что в основе схем распределения ОЦЗ, как и косвенных затрат в целом, лежат две фундаментальные модели: Activity Based Costing [1–7] и Absorption costing [8–10, 15–19]. Английское слово absorption означает поглощение, абсорбцию, что, в данном контексте, предполагает имманентное свойство модели Absorption costing, связанное с отсутствием дифференци-

рования косвенных затрат при их списании на себестоимость. Схема распределения затрат, в основе которой лежит рассматривая модель, действительно достаточно прозрачная и нетрудоемкая: в течение отчетного периода в соответствующих аналитических регистрах происходит аккумулирование косвенных затрат в целом или конкретного (конкретных) классов (например, раздельно по статьям) в разрезе (разрезах) центров ответственности. Прямые затраты распределяются, по определению, напрямую на себестоимость конкретного продукта в соответствии с конструкторско-технологической документацией. По окончании отчетного периода накопленные косвенные затраты распределяются (общей суммой или постатейно) на себестоимость выпускаемой продукции с помощью базы распределения, состоящей из одного или нескольких показателей.

В большинстве исследованных производственно-хозяйственных ситуаций [8–14, 16] Absorption costing предполагает использование коэффициента распределения *K*, рассчитываемого по формуле:

$$K = P / H, \quad (1),$$

где *P* – косвенные затраты, произведенные в определенный период, *H* – база распределения.

Сумма распределенных косвенных затрат на объект рассчитывается путем умножения *K* на значение соответствующей статьи прямых затрат объекта калькулирования:

$$Pi = K * Hi, \quad (2),$$

где *Pi* – сумма косвенных затрат, распределенных на *i*-й объект; *Hi* – статья калькуляции *i*-го объекта, соответствующая базе распределения.

Обоснование актуальности темы

Простота реализации и доступность пониманию работников практически любого уровня компетенций объясняют широкое распространение Absorption costing в бухгалтерских практиках не только исследуемых предприятий, но и во многих отраслях экономики. Необходимо также отметить, что живучесть и прочная интеграция этой модели в сложную ткань учетно-калькуляционного пространства объясняется еще и тем, что особенности ее алгоритмизации легко адаптируются в широком диапазоне средств автоматизации бухгалтерского учета.

Вместе с тем результаты его применения довольно приблизительны, поскольку, как уже отмечалось выше, ОЦЗ, как и все косвенные затраты, имеют комплексный характер, и распределение без учета стоимостных и иных особенностей структурных компонентов не может в необходимой мере отразить многообразие факторов их влияния на себестоимость конкретного объекта калькуляции. Любой метод, так или иначе основанный на усреднении экономических величин, в полной мере не соответствует принципам эффективного менеджмента.

На практике широко применяется метод вторичного распределения затрат, используемый для отнесения затрат обслуживающих и вспомогательных подразделений на себестоимость производимой продукции подразделениями – потребителями их услуг. Перераспределение косвенных затрат позволяет сформировать относительно достоверную стоимость производимых затрат, определить эффективность работы вспомогательных и обслуживающих подразделений. Но и этот прием в достаточной степени не решает проблемы повышения качества калькуляционных результатов.

Теоретико-методологические подходы

Исследования, проведенные автором на ряде машиностроительных предприятий г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, основаны на использовании как теоретических (анализ, синтез, конкретизация, обобщение, формализация, классификация, сравнение), так и эмпирических (наблюдение, описание, измерение) методов.

Результаты

Проведенные автором исследования показали, что модель Activity Based Costing, к сожалению, не нашедшая широкого распространения в учетно-калькуляционной работе предприятий, предполагает декомпозицию косвенных затрат на группы по критерию направленности их применения в потоке создания ценности. Для каждой из сформированных групп производится выбор соответствующего носителя затрат (набора носителей), который используется в качестве базы распределения по методике, представленной в формулах (1) и (2).

Алгоритмизация внедрения рассматриваемой модели в бухгалтерскую практику предполагает формирование методики, включающей в общем виде следующую последовательность шагов:

1) декомпозицию потока создания ценности на процессы (виды деятельности);

2) отражение прямых затрат по статьям в разрезе процессов;

3) технико-экономическое обоснование выбора носителей затрат;

4) расчет коэффициентов распределения косвенных затрат между себестоимостью процессов;

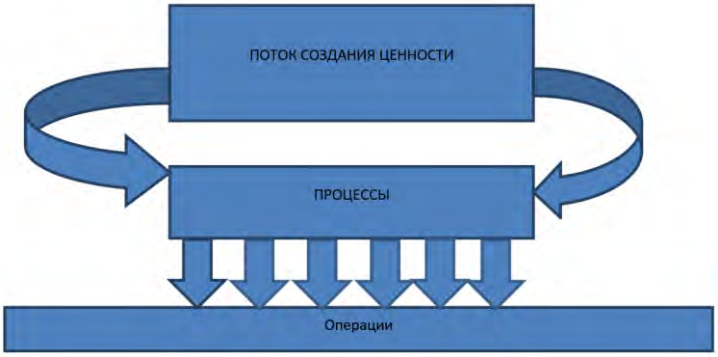

Рис. 1. Принципиальная схема потока создания ценности машиностроительным предприятием

5) расчет суммы косвенных затрат, распределяемой на себестоимость процесса;

6) формирование себестоимости продукции путем сложения итоговых сумм затрат.

Необходимым инфраструктурным условием реализации данной методики является применение процессного подхода в производственном менеджменте, прежде всего к созданию самой конструкции потока создания ценности машиностроительным предприятием. Принятая парадигма структурирования потока создания стоимости, применительно к деловой активности предприятия машиностроительного сектора экономики, позиционирует поток создания ценности в качестве цепочки процессов, как добавляющих, так и не добавляющих ценность, ориентированной на технологическую обработку разного рода ресурсов в целях изготовления продукции (выполнения работ, оказания услуг). В свою очередь, процесс рассматривается как целенаправленное выполнение последовательных и технологически взаимно определяющих операций по переработке ресурсов, указанных в карте процесса (рис. 1).

По мнению автора, для решения задачи обеспечения максимальной транспарентности ОЦЗ в себестоимости изготавливаемого изделия необходима декомпозиция общепроизводственных затрат с последующим выделением из их состава рассматриваемых затрат как самостоятельного объекта распределения между себестоимостью производимой продукции. Поскольку ОЦЗ, как отмечалось выше, имеют сложную структуру, не имеющую четкой и однозначной регламентации формирования, следует тщательно обосновать каждую статью затрат, рассматриваемую в качестве их компонента, что должно найти свое отражение в соответствующих положениях и инструкциях предприятия.

Рассмотрим примеры практической реализации методики распределения ОЦЗ посредством моделей Activity Based Costing и Absorption costing. На исследуемом нижегородском машиностроительном предприятии в марте 2018 года было учтено ОЦЗ на сумму 838 888 руб. В этом же периоде было закрыто три производственных заказа на общую сумму 9 428 876 руб. Распределение по модели Absorption costing будет выглядеть следующим образом:

1) в качестве базы распределения выбран показатель «Оплата труда работников производственных подразделений (факт., март 2018 г.)», равный 551900 руб.;

2) расчет коэффициента распределения как отношения ОЦЗ к сумме оплаты труда

$$K=838888/551900=1.52;$$

3) в соответствии с оценкой специалистов по организации труда сумма оплаты труда работников производственных подразделений распределена между заказами, что послужило основанием для соответствующего отнесения ОЦЗ на себестоимость последних (табл. 1);

4) верификация: суммы распределяемых и распределенных затрат тождественны.

Для реализации более трудоемкой модели Activity Based Costing необходимо:

1) формализовать пространство расходования исследуемых ресурсов в виде набора ключевых процессов (видов деятельности), инкорпорируемых в поток создания ценности, включая:

– работы по хозяйственному обеспечению;

– амортизацию производственного оборудования, задействованного в потоке создания ценности;

– охрану труда, обеспечение техники безопасности, в том числе средствами индивидуальной защиты, спецодеждой и спецобувью;

– административно-управленческую работу;

– прочие процессы;

2) каждому из процессов (за исключением амортизации производственного оборудования и прочих процессов) выбрать коэффициент распределения:

– для работ по хозяйственному обеспечению – производственную площадь;

– для охраны труда, обеспечения техники безопасности, в том числе средствами индивидуаль-

Таблица 1

Распределение ОЦЗ между заказами в марте 2018 г. по предприятию Х (руб.)

Номер заказа	Оплата труда работников цехов	Сумма отнесенных затрат на себестоимость
15 –25	186100	282872
15 –17	231800	352336
15 –24	134000	203680
Итого	551900	838888

Таблица 2

Распределение затрат на хозяйственные работы в марте 2018 г. между заказами по предприятию Х

Номер заказа	Производственная площадь (кв. м)	Сумма отнесенных затрат (руб.)
15 –25	300	84432
15 –17	500	140720
15 –24	800	225152
Итого	1600	450304

Таблица 3

Распределение амортизации производственного оборудования в марте 2018 г. между заказами по предприятию Х

Номер заказа	Сумма отнесенных затрат (руб.)
15 –25	51045.16
15 –17	8600
15 –24	19300
Итого	78945.16

Таблица 4

Распределение затрат на охрану труда, обеспечение техники безопасности, в том числе средствами индивидуальной защиты, спецодежды и спецобуви, в марте 2018 г. между заказами по предприятию Х

Номер заказа	Численность основного персонала	Сумма отнесенных затрат (руб.)
15 –25	37	27347.81
15 –17	49	36217.37
15 –24	52	38434.76
Итого	138	101 999.94

ной защиты, спецодеждой и спецобувью, – численность основных производственных рабочих, задействованных в потоке создания ценности;

– для административно-управленческой работы – время работы основного персонала по выполнению заказов;

3) распределить затраты в разрезе «заказ – процесс» (табл. 2–5);

4) распределить ОЦЗ между себестоимостью затрат;

5) верифицировать результаты.

В отчетном периоде было выполнено работ по хозяйственному обеспечению цеха на сумму 450304 руб. на производственной площади 1600 кв. м. Коэффициент распределения равен отношению затрат на работы по хозяйственному обеспечению к производственной площади: K=450304/1600=281.44. В таблице 2 представлено распределение их суммы между произведенными заказами.

Сведения об амортизации оборудования на сумму 78945.16 руб. в разрезе изготавливаемых заказов были получены из соответствующих учетных регистров (табл. 3).

Затраты на реализацию процесса по охране труда, обеспечению техники безопасности, в том числе средствами индивидуальной защиты, спецодежды и спецобуви, за отчетный месяц составили 102000 руб. при общей численности основного персонала 138 человек. Коэффициент распределения будет равным отношению данных затрат на численность: 102000/138=739.13 (табл. 4).

В качестве базы распределения административно-управленческой работы и прочих процессов целесообразно выбрать показатель времени работы основного персонала по выполнению заказов в отчетном периоде, составивший 132480 человеко-часов, при себестоимости этих процессов 207639 руб. Коэффициент распределения составил 207639/132480=1.56.

Таким образом, общая сумма списания ОЦЗ на себестоимость заказов примет вид (табл. 6).

Из содержания таблиц 1 и 6 становится ясно, насколько увеличивается точность вычислений с использованием модели Activity Based Costing,

Таблица 5

Распределение затрат на административно-управленческую работу и прочие процессы в марте 2018 г. между заказами по предприятию X

Номер заказа	Численность основного персонала	Сумма отнесенных затрат (руб.)
15–25	35520	55766.4
15–17	47040	73852.8
15–24	49920	78019.7
Итого	132480	207638.9

Таблица 6

Распределение ОЦЗ между заказами в марте 2018 г. по предприятию X (руб.)

Номер заказа	Хозяйственное обеспечение	Амортизация	Охрана труда и техника безопасности	АУП и прочие процессы	Сумма отнесенных затрат на себестоимость
15–25	84432	51045.16	27347.81	55766.4	218269.72
15–17	140720	8600	36217.37	73852.8	26392.77
15–24	225152	19300	38434.76	78019.7	361226.16
Итого	450304	78945.16	101999.94	207638.9	838888

Таблица 7

Результаты SWOT-анализа использования моделей Activity Based Costing в учетной практике машиностроительного предприятия

Среда	Положительные стороны	Отрицательные стороны
Внутренняя	*Преимущества*: значительное повышение качества калькуляционных результатов	*«Ослабляющие» свойства:* повышенный уровень трудоемкости
Внешняя	*Дополнительные возможности*: повышение информативности внутренней отчетности, формирование массивов данных, релевантных запросам менеджмента, способствующих принятию решений, обеспечивающих значительный рост конкурентоспособности и рентабельности производственных процессов	*Факторы, которые могут осложнить достижение стратегической цели*: увеличение документационной нагрузки на менеджмент и бухгалтерскую службу, усложнение структуры информационного поля и способов его обработки, необходимость существенных усилий по конфигурированию используемых или внедрению программных средств и обучению персонала

что, к сожалению, не является достаточным аргументом реинжиниринга процесса распределения ОЦЗ на ее основе. Для более убедительного обоснования используем SWOT-анализ, результаты которого представлены в табл. 7.

Обсуждение

Результаты SWOT-анализа использования моделей Activity Based Costing в учетной практике машиностроительного предприятия позволяют прийти к выводу, что реинжиниринг процесса распределения ОЦЗ на основе ее применения оправдан существенным увеличением качества калькуляционных результатов при относительно незначительных издержках в работе управленческого персонала. Результаты реинжиниринга рассмотренного процесса позволят с высокой степенью оперативности и надежности обеспечить менеджмент релевантной информацией на всех этапах управления потоком создания ценности, реализовывать стратегии, направленные на создание конкурентоспособной среды и обеспечение заметного роста эффективности использования ресурсной базы машиностроительного предприятия.

В качестве основы принятия решения о реинжиниринге при применении на предприятии учетно-калькуляционной методологии должно быть использовано тщательно составленное технико-экономическое обоснование, согласованное всеми заинтересованными сторонами. Принятая методология учета затрат и калькулирования может базироваться на отраслевых нормативно-регулирующих документах в той части, которая не противоречит российским стандартам бухгалтерского учёта. Как уже отмечалось, рассматриваемая методология должна быть строго алгоритмизированной и документированной не только в учетной политике, но и в ряде других распорядительных документов: в положениях и поясняющих их инструкциях по калькулированию конкретных видов продуктов; в указаниях главного бухгалтера и т.п.

Заключение

Организационные, технологические и качественные направления развития экономики

предприятий машиностроения предполагают неукоснительное следование основным принципам эффективного менеджмента, применение современных подходов к учету затрат и калькулированию себестоимости продукции (работ, услуг), гибкую адаптацию к быстро меняющимся условиям внешней среды. В этих условиях радикально изменяются требования к качеству экономических расчетов, прежде всего к результатам учетно-калькуляционной работы. Сформировался достаточно сложный запрос менеджмента на бухгалтерскую информацию, адекватно отражающую калькуляционные результаты в разрезе каждого производимого продукта и обеспечивающую широкий спектр вырабатываемых воздействий на объекты управления.

Выявлено, что релевантные указанному выше запросу сведения не всегда соответствуют набору критериев и параметров качества информационного фонда, заданному эффективным менеджментом. В состав таких сведений входят результаты калькулирования себестоимости продукции, что объясняется, в том числе, неэффективным способом распределения общецеховых затрат. Решением поставленной задачи явился реинжиниринг используемых учетно-калькуляционных инструментов на основе декомпозиции общепроизводственных затрат, выделения из их состава ОЦЗ для их дальнейшего распределения на себестоимость продукции с применением модели Activity Based Costing.

По мнению автора, эта модель должна стать надежным средством построения продуктивного инструментально-информационного пространства учета затрат и калькулирования себестоимости продукции машиностроительного предприятия, максимально инкорпорированного в сложную ткань производственного менеджмента. Дальнейший вектор исследования по рассмотренной в статье теме должен быть ориентирован на адаптацию применения данной модели к отраслевым и иным особенностям бухгалтерских практик, имеющих место на машиностроительных предприятиях, на развитие новых процессов и компетенций, направленных на существенное улучшение производственного менеджмента.

Список литературы

1. Друри К. Управленческий и производственный учет. Вводный курс: Учеб. для студентов вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 735 с.

2. Апчерч А. Управленческий учёт: принципы и практика / Пер. с англ. И.А. Смирновой и Я.В. Соколова. М: Финансы и статистика, 2002. 952 с.

3. Хорнгрен Ч., Фостер Дж., Датар Ш. Управленческий учет: Пер. с англ. 10-е изд. СПб.: Питер, 2007. 1008 с.

4. Аткинсон Э.А., Банкер Р.Д., Каплан Р.С., Юнг М.С. Управленческий учет: Пер. с англ. М.: И.Д. «Вильямс», 2016

5. Вебер Ю., Шеффер У. Введение в контроллинг / Пер. с нем.; Под ред. и с предисл. проф., д.э.н. С.Г. Фалько. М.: Изд-во НП «Объединение контролеров», 2014.

6. Каплан Р.С., Нортон Д.П. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты: Пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2005. 512 с.

7. Семина И.В. Методы распределения косвенных расходов // Экономика железных дорог. 2018. № 9. С. 46–53.

8. Absorption and marginal costing (Relevant to AAT Examination Paper 3: Management Accounting). Li Tak Ming, Andy Deputy Head, Department of Business Administration, Hong Kong Institute of Vocational Education (Kwai Chung).

9. Ивашкевич В.Б. Бухгалтерский управленческий учет: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Магистр, 2008. 574 с.

10. Управленческий учет: официальная терминология CIMA. Словарь терминов / Пер. с англ. О.Е. Николаевой, Т.В. Шишковой. М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2004. 200 с.

11. Мизиковский И.Е. Модели распределения косвенных затрат предприятия // Аудит и финансовый анализ. 2012. № 4. С. 25–28.

12. Мизиковский И.Е. Инновационная модель распределения косвенных затрат промышленного предприятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 2. Ч. 1. С. 39–45.

13. Касьянова Г.Ю. Учет-2015: бухгалтерский и налоговый. М.: АБАК, 2015. 968 с.

14. Вахрушина М.А., Рассказова-Николаева С.А., Сидорова М.И. Управленческий учет – 1. Базовый курс. М.: Издательский дом БИНФА, 2011. 141 с.

15. Звягинцев В.В. Методы калькулирования затрат: Абзорпшен-костинг и директ-костинг // Планово-экономический отдел. 2013. № 13. С. 35–41.

16. Модели управления себестоимостью. URL: https://loyp.ru/docs/pdf/models-of-cost-management.pdf (дата обращения: 27.11.2018).

17. Николаева О.Е., Шишкова Т.В. Управленческий учет: Учебник. 6-е изд. М.: URSS: КомКнига, 2006. 320 с.

18. Носова И.Л. Сравнительный анализ методов Direct Costing и Absorption Costing для принятия управленческих решений // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 29. С. 17–24.

19. Савчук В.И. Direct Costing или полная себестоимость? // Финансовый директор. 2012. № 15. С. 21–27.

THE CHOICE OF THE MODEL FOR DEPARTMENTAL COSTS ASSIGNMENT TO THE COST OF PRODUCTION AT MACHINE-BUILDING ENTERPRISES

I.E. Mizikovsky

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

In this article, we study the problem of choosing a model of distribution of departmental costs to the cost of production of a machine-building enterprise. The theoretical and methodological approaches to accounting and calculation of this class of costs are investigated, the features of their implementation in accounting practices of machine-building enterprises are analyzed. The need for reengineering the process of distribution of departmental costs by decomposing general production costs and introducing a process approach to structuring the information space of departmental costs is substantiated; economic justification for a set of distribution indicators of the costs in question is made. It is proved that the use of «Activity Based Costing» meets the modern criteria and parameters of productive management and accounting, improves the quality of internal reporting and management decisions. We propose a model of «Activity Based Costing», which allows one to increase the accuracy of calculation results and provides relevant information for decision-making processes.

Keywords: calculation model, Activity Based Costing, absorption costing, calculation result, total cost, processes, distribution, allocation to cost, cost carrier, reengineering.

УДК 338.27

НЕЧЕТКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ ЭЛЕМЕНТА КЛАСТЕРА

© 2019 г.

Д.Б. Соловьев, С.С. Кузора

Соловьев Денис Борисович, к.т.н.; доц.; доцент кафедры инноватики, качества, стандартизации и сертификации Дальневосточного федерального университета, Владивосток;
доцент кафедры таможенного дела Владивостокского филиала Российской таможенной академии
solovev.db@dvfu.ru
Кузора Станислав Сергеевич, аспирант кафедры инноватики, качества, стандартизации и сертификации Дальневосточного федерального университета, Владивосток
webkuzora@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.04.2019
Статья принята к публикации 30.04.2019

Статья посвящена исследованию нечеткого моделирования экономических процессов. Отмечается роль теории нечетких множеств в теоретической и практической применимости к широкому кругу задач, где действенным инструментом выступает использование прикладных программ. На примере экономического субъекта, кластера, рассматривается способ оценки средствами нечеткого моделирования одного из входящих в него элементов. Практическая часть работы направлена на преобразование алгоритмов нечеткого логического вывода средствами MATLAB с целью наиболее точной оценки участников инновационной инфраструктуры. Полученный результат позволил преодолеть некоторую неточность предыдущих исследований авторов данной статьи, что привело к итоговой оценке элемента кластера. По итогу проделанной работы обращается внимание на то, что нечеткое моделирование, основанное на теории нечетких множеств, может оказаться весьма эффективным средством в контексте экономической деятельности.

Ключевые слова: математическое моделирование, нечеткое моделирование, теория нечетких множеств, нечеткая логика, оценка экономической деятельности.

Введение

Актуальность математического моделирования в научных исследованиях подтверждается большим количеством опубликованных работ. В широком смысле под моделированием понимается абстракция реального явления с целью исследования определенного объекта средствами математики. Многие авторы отмечают, что на протяжении последних десятилетий математическое моделирование выходит за рамки изучения одной области знаний, формируя междисциплинарный подход [1–4].

В связи с компьютеризацией появились новые условия для реализации систем математического моделирования, где используются специальные языки программирования и/или подготовленные автоматизированные шаблоны для создания моделей. Важным этапом развития стало направление по разработке специальных прикладных программ, к которым можно отнести Maple, Mathcad, Mathematica, MATLAB и др. Возможности применения таких программ позволят ускорить процесс переработки, передачи и хранения информации, связанной с различными сферами моделирования. Также к преимуществам следует отнести гибкость построения, визуализацию данных, вариативность предлагаемых методов.

Параллельно с развитием математического моделирования появилась теория нечетких множеств, которая отличается от традиционных методов построения моделей способностью учитывать неполноту и неточность исходных данных [5]. В информационную эпоху данная теория нашла свое применение в некоторых прикладных программах математического моделирования. Вследствие этого методы рассматриваемой теории образуют самостоятельное течение научно-прикладных исследований, название которого – нечеткое моделирование [6].

Автором теории нечетких множеств является профессор Лотфи Заде, который впервые опубликовал работу по данной теме в 1965 г. [5]. Появление теории вызвало неоднозначную реакцию в научных кругах. Ученые разделились на тех, кто осознавал потенциальные возможности предлагаемой теории и кто выступал против подхода по причине отсутствия прикладных результатов [7]. Такие исследователи, как Мамдани, Такаги, Сугено, Цукамото, продолжили развитие теории нечетких множеств, предложив алгоритмы нечеткого логического вывода в качестве методов моделирования [8–10].

Спустя некоторое время на рынке появились различные устройства, для разработки которых применялась нечеткая логика, способная более

Рис. 1. Элементы и участники кластера

точно описать качественные, неточные понятия, суждения математическим путем [7].

К следующему этапу развития теории нечетких множеств можно отнести использование прикладных программ для моделирования систем широкого класса объектов. Примером программы нечеткого моделирования является MATLAB – интерактивная компьютерная система для решения инженерных и научных задач. В среде MATLAB нечеткое моделирование осуществляется посредством пакета расширения Fuzzy Logic Toolbox, в состав которого включены алгоритмы нечеткого вывода Мамдани, Сугено [11].

Существующая разница между двумя алгоритмами в рамках используемой программы состоит в этапах нечеткого вывода, к которым относятся: формирование баз правил; фаззификация; процесс активизации; аккумуляция; дефаззификация. Выбор алгоритма зависит от исходных данных, которые должны удовлетворять условиям перечисленных этапов.

Отметим, что в состав средств Fuzzy Logic Toolbox системы MATLAB кроме редактора для построения систем нечеткого вывода FIS Editor входит редактор нечетких нейронных систем ANFIS Editor, который предназначен для создания, проектирования и настраивания нейронных сетей на основе доступной информации [6, 11, 12]. ANFIS-редактор имеет пункты меню, где работа может происходить только с алгоритмом нечеткого вывода Сугено.

Таким образом, вариантность формализации данных позволяет расширить область применения теории нечетких множеств, не ограничиваясь техническими задачами.

В условиях динамично развивающейся экономики общепринятое математическое моделирование рассматривается как инструмент, используемый для оценки эффективности объекта, количественного обоснования надежности принимаемых решений, научно-практического прогнозирования, где полученные показатели определяют конкурентоспособность изучаемого объекта на площадках взаимодействий экономических агентов.

Экономико-математическое моделирование представлено комплексом таких предметных областей, как математическая статистика, теория игр, системный анализ, теория вероятностей, задействованных для исследования процессов, объектов и явлений реального мира, в которых присутствует неопределенность. Экономическая деятельность всегда сопровождается неопределенностью, ввиду чего могут возникать некоторые трудности при моделировании. В таком случае результаты моделирования оказываются плохо формализуемыми, нестандартными, противоречивыми, учитывая использование перечисленных предметных областей [13].

Ввиду упомянутых характеристик нечеткого моделирования и некоторой неопределенности экономической деятельности практическая часть исследования посвящена использованию алгоритмов нечеткого логического вывода для оценки экономического субъекта.

Анализ результатов нечеткого моделирования оценки элемента кластера с применением системы MATLAB

Обратимся к примеру использования алгоритма Мамдани для оценки бизнес-инкубатора (рис. 1), одного из участников инновационной инфраструктуры кластера, где кластер рассматривался как эффективный инструмент взаимодействия субъектов инновационной деятельности [14].

Из рис. 1 видно, что инновационная инфраструктура (бизнес-инкубаторы, технопарки, малые инновационные предприятия, центры трансфера технологий) является элементом кластера.

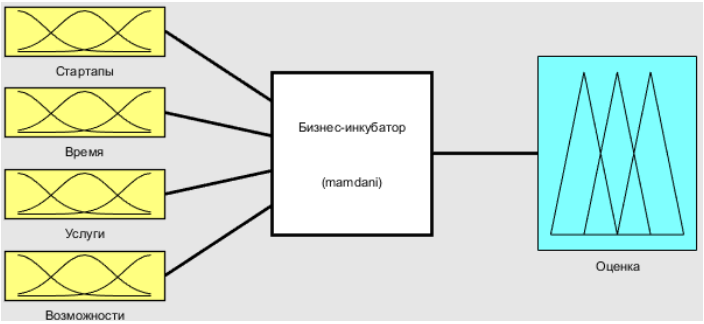

Рис. 2. Структура модели «оценка БИ»

В качестве примера оценки участника инновационной инфраструктуры выберем бизнес-инкубатор (БИ) с универсальными множествами:

– количество реализованных стартапов, проектов (стартапы), единица измерения – шт.;

– время инкубирования стартапов, проектов (время), единица измерения – месяц;

– количество оказываемых услуг (услуги), единица измерения – шт.;

– предоставление производственных площадей и оборудования (возможности), единица измерения – наличие.

На рис. 2 представлена структура модели оценки с соответствующими лингвистическими переменными.

Авторы работы [14] отметили основной недостаток построенной модели посредством алгоритма Мамдани, где при входе четырех переменных трехмерный график визуализировал сгенерированный результат только двух переменных. Вследствие этого было предложено поэтапно выстроить иерархию лингвистических переменных, соблюдая последовательность операций, с целью определения интегральной оценки рассматриваемого элемента [14].

Несмотря на адекватность полученных результатов, в предыдущем исследовании не было учтено, что иерархическая структура может состоять из нечетного количества лингвистических переменных, тогда дать интегральную оценку элемента, используя нечеткий вывод Мамдани, можно путем преобразования системы Мамдани в систему Сугено. Ввиду этого продемонстрируем некоторые возможности алгоритмов нечеткого вывода средствами MATLAB.

Шаг 1. С помощью среды MATLAB – пакет расширения Fuzzy Logic Toolbox – необходимо создать модель, представленную на рис. 2.

Шаг 2. В командной строке MATLAB преобразуем систему типа Мамдани в систему типа Сугено, применяя функцию mam2sug(), следующим образом:

```
>> mamfis = BusInc;
sugfis = mam2sug (mamfis),
```

где BusInc является моделью, представленной на рис. 2, остальные данные являются неотъемлемой частью преобразования.

Шаг 3. Открываем преобразованную систему Сугено, запускаем ANFIS-редактор.

Шаг 4. Создаем исходные данные ANFIS для обучения системы Сугено. Исходные данные имеют вид числовой матрицы $m\times(n+1)$, где m – количество строк выборки, n – количество столбцов входных переменных, 1 – значение выходной переменной. Данные могут быть загружены двумя способами: из внешней среды (file), из рабочего пространства (workspace).

Шаг 5. В нашем случае из внешней среды загружаем исходные данные, которые имеют следующий вид:

0 0 0 0 0
1 1 1 1 1
2 2 2 2 2
3 3 3 3 3
4 4 4 4 4
5 5 5 5 5,

где число от 0 до 5 – оценка, которая соответствует переменным рис.1.

Шаг 6. После обучения систему экспортируем в рабочее пространство (workspace) под названием BusIncSug.

Шаг 7. Заключительным этапом является ввод конкретной комбинации, которая в конечном итоге выдаст результат в виде числа с точностью до долей. В режиме командной строки введем следующую комбинацию:

```
X = mean ([BusIncSug.trndata(2),
BusIncSug.trndata(4), BusIncSug.trndata(4),
BusIncSug.trndata(3)]);
```

X = 2.25 (результат оценки),

где X – название переменной выражения, BusIncSug – название преобразованной системы Сугено, trndata – данные обучения (допустимое число от 0 до 5) – экспертная оценка, которая соответствует входным переменным.

В результате преобразования алгоритма Мамдани в алгоритм Сугено, независимо от количества входных переменных (четное/нечетное), получена конкретизированная оценка участника инновационной инфраструктуры.

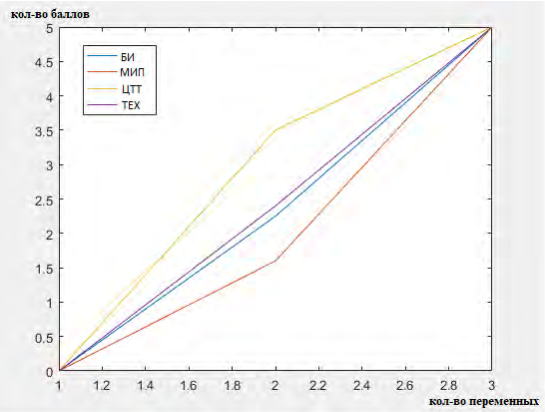

Рис. 3. Результаты оценки участников инновационной инфраструктуры

Оценив бизнес-инкубатор и аналогично оценивая остальных участников инновационной инфраструктуры с использованием алгоритма нечеткого вывода Сугено, получаем следующие оценки:

бизнес-инкубатора (БИ) – 2.25;

малого инновационного предприятия (МИП) – 1.6;

центра трансфера технологий (ЦТТ) – 3.5;

технопарка (ТЕХ) – 2.4.

Наглядное представление полученных результатов приведено на рис. 3.

Можно заметить, что при работе с алгоритмами нечеткого вывода, представленными в среде MATLAB, в контексте решения поставленной задачи основным является наличие функции редактирования ANFIS. Отсюда следует, что выбор алгоритма нечеткого логического вывода Сугено для оценки элемента кластера целесообразнее алгоритма Мамдани, однако пример с преобразованием алгоритмов, рассмотренный в данной работе, не исключает возможности использования алгоритма нечеткого логического вывода Мамдани.

После оценки каждого участника необходимо дать итоговую оценку инновационной инфраструктуры с помощью формулы усредненного значения:

$$\frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} j \cdot x_i,$$

где x_i – результат оценки участника, n – количество участников, j – весовой коэффициент.

Пусть весовой коэффициент j, основанный на анализе кластеров [15; 16], принимает числовые значения: 0.3; 0.6; 0.9 (табл.).

Допустим, бизнес-инкубатор принял значение j=0.3, МИП j=0.3, ЦТТ j=0.6, ТЕХ j=0.9, где каждое числовое значение соответствует показателю «масштабность участника».

Таким образом, итоговая оценка имеет вид:

$$\frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} j \cdot x_i = \frac{(0.3\cdot 2.25)+(0.3\cdot 1.6)+(0.6\cdot 3.5)+(0.9\cdot 2.4)}{4} =$$

$$= \frac{0.675+0.48+2.1+2.16}{4} = 1.354.$$

Возвращаясь к элементам кластера – на рис. 4 отображен результат оценки инновационной инфраструктуры со всеми задействованными участниками. Предполагается, что для общей оценки кластера необходимо оценить каждый элемент. Дальнейшее исследование будет сфокусировано на разработке методики, которая позволит учесть специфику существующих элементов кластера перед использованием определенных инструментов либо выбором того или иного подхода для итоговой оценки.

Заключение

В статье отмечается роль математического моделирования в науке, технике, процессах управления. Применение математического аппарата позволяет успешно решать многие практические задачи. Однако общепринятые подходы не всегда эффективны.

Данная работа является продолжением исследования нечеткого моделирования с точки зрения решения экономических задач [14]. На примере субъекта экономической деятельности продемонстрированы возможности нечеткого моделирования.

Практическая часть исследования сводилась к преобразованию задействованных алгоритмов нечеткого логического вывода средствами MATLAB с целью наиболее точной оценки участников инновационной инфраструктуры, входящих в один из элементов кластера. Выявлено, что для рассматриваемой оценки целесообразнее использовать алгоритм Сугено с функцией редактирования ANFIS.

Таблица

Числовые значения для показателя «масштабность участника»

	Масштабность участника		
	Малая	Средняя	Большая
Бизнес-инкубатор			
Стартапы	1–5 шт.	6–10 шт.	11–…шт.
Время	8–12 мес.	4–8 мес.	1–4 мес.
Услуги	1–2 шт.	3–5 шт.	7–… шт.
Возможности	–	+–	+
Технопарк			
Партнеры	1–3 шт.	4–7 шт.	8–… шт.
Инновационно-технологический центр	1 шт.	2–3 шт.	4–… шт.
Услуги	1–5 шт.	6–10 шт.	11–…шт.
Пространство	–	+–	+
Прибыль	до 0.5 млн руб.	до 2 млн руб.	от 2 млн руб.
МИП			
Стоимость	до 100 тыс. руб.	до 500 тыс. руб.	от 500 тыс. руб.
Интеллектуальная собственность	1–3 шт.	4–7 шт.	8–…шт.
Рабочие места	1–7 шт.	8–15 шт.	16–… шт.
ЦТТ			
Фонды	1–2 шт.	3–5 шт.	6–…шт.
Бизнес	1–3 шт.	4–7 шт.	8–…шт.
Вузы	1 шт.	2–3 шт.	4–…шт.
Технологии	1 шт.	2 шт.	3–…шт.
Числовые значения	0.3	0.6	0.9

Рис. 4. Оценка элемента «Инновационная инфраструктура»

Учитывая гибкость прикладной программы MATLAB, проведена оценка участников инновационной инфраструктуры, результаты которой легли в основу итоговой оценки одного из элементов кластера.

Результат проведенного исследования может быть не только использован с точки зрения оценки, но также применим с целью минимизации неопределенности и обеспечения научно-практического подхода к прогнозированию.

Список литературы

1. Ашихмин В.Н., Гитман М.Б., Келлер И.Э. и др. Введение в математическое моделирование. М.: Логос, 2015. 440 с.

2. Самарский А.А., Михайлов А.П. Математическое моделирование: Идеи. Методы. Примеры. 2-е изд., испр. М.: Физматлит, 2001. 320 с.

3. Hritonenko N., Yatsenko Y. Mathematical modeling in economics, ecology and the environment. Springer, 2014. 305 p.

4. Поляков С.В., Кисляков А.Н. Основы математического моделирования социально-экономических процессов. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. 269 с.

5. Zadeh L. Fuzzy sets // Information and Control. 1965. № 8. P. 338–353.

6. Леоненков А.В. Нечеткое моделирование в среде MATLAB и fuzzyTECH. СПб.: БХВ-Петербург, 2005. 736 с.

7. Пегат А. Нечеткое моделирование и управление: Пер. с англ. 2-е изд. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013. 798 с.

8. Mamdani E., Assilian S. An experiment in linguistic synthesis with a fuzzy logic controller // Int. J. Man Mach. Stud. 1975. **7**. P. 1–13.

9. Takagi T., Sugeno M. Fuzzy identification of systems and its applications to modeling and control // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics. 1985. Vol. 15. P. 116–132.

10. Tsukamoto Y. An approach to fuzzy reasoning method // In: Advances in Fuzzy Set Theory and Applications. Elsevier, 1979. P. 137–149.

11. Штовба С.Д. Проектирование нечетких систем средствами MATLAB. М.: Горячая Линия – Телеком, 2007. 288 с.

12. Jang J.-S.R. ANFIS: Adaptive-Network-Based Fuzzy Inference System // IEEE Trans. Systems & Cubernetics. 1993. Vol. 23. P. 655–658.

13. Аксянова А.В., Валеева А.Н., Валеева Д.Н., Гумеров А.М. Математическое моделирование экономических процессов. Казань: КНИТУ, 2016. 92 с.

14. Соловьев Д.Б., Кузора С.С., Меркушева А.Е. Использование алгоритмов нечеткого вывода для предварительной оценки участников при кластерном подходе // Инновации. 2018. № 5. С. 77–81.

15. Российская кластерная обсерватория. URL: http://cluster.hse.ru (дата обращения: 22.08.2018).

16. Геоинформационная система (индустриальные парки, технопарки, кластеры). URL: https://www.gisip.ru (дата обращения: 22.08.2018).

FUZZY MODELING OF CLUSTER ELEMENT ASSESSMENT

***D.B. Solovyev*[1,2], *S.S. Kuzora*[2]**

[1]Far Eastern Federal University,
[2]Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy

The article continues the study of fuzzy modeling of economic processes. The authors note the role of the theory of fuzzy sets in theoretical and practical application to a wide range of tasks, where the use of applied programs is an effective tool. Using the example of an economic entity, a cluster, we consider a method for evaluating one of the cluster elements using fuzzy modeling. The practical part of the work is aimed at producing fuzzy logic inference algorithms using MATLAB. Such algorithms make it possible to approach the most accurate result in evaluating the participants of the innovation structure. The obtained result allowed us to overcome some inaccuracy of previous studies and to give the final assessment of the cluster element. It is concluded that fuzzy modeling, based on the theory of fuzzy sets, can be a very effective tool in the context of economic activity.

Keywords: mathematical modeling, fuzzy modeling, theory of fuzzy sets, fuzzy logic, assessment of economic activity.

УДК 657

ПЕРЕХОД К «ИНДУСТРИИ 4.0»: ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНОВ

© 2019 г.

Ю.В. Трифонов, А.Н. Визгунов

Трифонов Юрий Васильевич, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой информационных технологий и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kei@ef.unn.ru
Визгунов Александр Николаевич, к.э.н.; доцент кафедры информационных систем и технологий
Нижегородского филиала Государственного университета «Высшая школа экономики»
vizgunovhse@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.02.2019
Статья принята к публикации 25.04.2019

Переход к новому технологическому укладу – «Индустрии 4.0» – является ключевой задачей построения цифровой экономики. Данная задача должна решаться на всех уровнях управления, в том числе на региональном. В работе рассматривается предлагаемая авторами методика оценки потенциала региона в аспекте возможностей применения методов и технологий «Индустрии 4.0». Оценка потенциала строится на основе четырех критериев, характеризующих различные аспекты развития региона: внедрение новых технологий, интеллектуальный потенциал сотрудников предприятий, применение новых методов управления и качество инфраструктуры. Каждому критерию сопоставляется набор статистических показателей, в совокупности определяющих его значение. В рамках предлагаемой методики может проводиться сравнение показателей региона с общероссийским уровнем, а также сравнение показателей нескольких регионов друг с другом. Предлагаемая методика оценки может применяться региональными органами власти в процессе анализа возможностей повышения инвестиционной привлекательности региона. Также оценка потенциала региона может проводиться инвесторами, планирующими развертывание инновационного производства и выбирающими территорию для реализации своего проекта. Применение данной методики иллюстрируется в работе на примере оценки показателей Нижегородской области в сравнении со среднероссийскими показателями.

Ключевые слова: «Индустрия 4.0», цифровая экономика, инновационное развитие региона, субъектно-ориентированное управление бизнес-процессами.

Введение

В настоящее время переход к цифровой экономике является ключевым фактором экономического роста страны. Реализации данной концепции уделяется особое внимание как на государственном уровне, так и на уровне отдельных предприятий и организаций. Так, в июле 2017 года принята федеральная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», обобщающая различные программы развития, касающиеся цифровой экономики [1]. В данной программе определены основные технологии, на использовании которых базируется концепция цифровой экономики. Это большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, компоненты робототехники и другие. Индустриальный уклад, характеризующий промышленный аспект построения цифровой экономики на основе использования указанных технологий, получил название «Индустрия 4.0». Основной целью «Индустрии 4.0» является переход на полностью автоматизированное цифровое производство, управляемое интеллектуальными системами в режиме реального времени в постоянном взаимодействии с внешней средой [2]. Ключевыми технологиями, обеспечивающими достижение этой цели, считаются аддитивное производство (создание объектов с помощью 3D-печати), промышленный Интернет вещей (объединение производственных объектов со встроенными датчиками и программным обеспечением, реализующее функции сбора и обмена данными, а также удаленного контроля и управления в автоматизированном режиме; при этом взаимодействие объектов осуществляется через сеть Интернет) и робототехника [3].

Российские предприятия и организации в настоящее время достаточно активно занимаются вопросами цифровизации своей деятельности. Так, согласно подготовленному компанией KMDA на основе результатов проведенных в 2018 году опросов российских компаний аналитическому отчету «Цифровая трансформация в России» [4], 9.4% опрошенных компаний уже имеют разработанную стратегию цифровой трансформации, 25% компаний находятся в процессе реализации данной стратегии, 26.6% компаний собираются заниматься ее разработ-

кой. Наиболее перспективными технологическими направлениями развития участниками опроса были признаны следующие: машинное обучение (75% опрашиваемых признали данное направление перспективным для своей компании), искусственный интеллект (65%), роботизация (36.7%), голосовой интерфейс (35.0%), блокчейн (30%), распознавание лиц (28.3%), беспилотные транспортные средства (20.0%). Уровень инвестиций в цифровые технологии динамично повышается – так, 57.1% компаний указали, что объем инвестиций по данному направлению в 2018 году вырос по сравнению с предыдущим годом; 71.1% компаний планируют увеличение инвестиций в следующем году.

В аспекте перехода промышленности к «Индустрии 4.0» применительно к данному аналитическому отчету необходимо, на наш взгляд, отметить два следующих важных момента. Во-первых, российская промышленность входит в тройку аутсайдеров отраслей экономики по оценке прогресса цифровой трансформации (в то время как лидерами по данному показателю являются банковский сектор, организации телекоммуникационной отрасли и компании IT-сферы). Во-вторых, развитие промышленного Интернета вещей и технологий аддитивного производства не рассматривается российскими предприятиями в качестве перспективных направлений технологического развития (данные виды технологий в принципе не вошли в сформированный на основе ответов участников опроса перечень перспективных технологий; промышленными предприятиями в качестве перспективных направлений указывались машинное обучение и искусственный интеллект). По мнению С.А. Толкачева, невостребованность технологий промышленного Интернета вещей обусловлена следующими причинами [3]: неразвитость инфраструктуры сети Интернет; недостаточная концентрация машинного парка различных предприятий, в рамках которого могли бы быть реализованы технологии промышленного Интернета вещей; неготовность предприятий идти на удорожание продукции, обусловленное внедрением таких технологий (что связано с ориентацией многих компаний на получение прибыли в краткосрочном периоде и, соответственно, неготовностью вкладывать средства в проекты с долгосрочной отдачей).

Незначительный интерес к технологиям аддитивного производства также обусловлен высокими затратами, связанными с приобретением оборудования и материалов для аддитивного производства (преимущественно зарубежного производства), а также затратами на высококвалифицированных сотрудников, которые могли бы работать с этим оборудованием. Таким образом, возможности перехода к «Индустрии 4.0» обусловливаются, прежде всего, использованием новых технологий, однако вопросы внедрения новых управленческих технологий, развития инфраструктуры (в частности, связанной с распространением сети Интернет) и повышения кадрового потенциала также играют важную роль. В подтверждение этого тезиса приведем сформулированный С.Д. Валентеем перечень задач, которые должны быть решены для обеспечения конкурентоспособности страны в современных условиях [5]: массовое обновление производства, массовое переобучение кадров всех уровней, массовое внедрение лучших практик управления на макро-, мезо- и микроуровне.

Указанные задачи стоят в настоящее время перед каждым российским регионом. Для того чтобы обеспечить проведение мониторинга готовности региона к переходу на использование методов и технологий «Индустрии 4.0», необходимо наличие методики оценки текущего состояния региона, учитывающей различные аспекты цифрового развития промышленности и основанной на использовании конкретных количественных показателей, расчет которых может быть выполнен для каждого региона. Оценка потенциала региона в рассматриваемом аспекте может проводиться региональными органами власти в процессе анализа возможностей повышения инвестиционной привлекательности региона путем развития цифровизации промышленности. Можно определить и другие практические варианты применения такой методики. В частности, оценка потенциала региона может проводиться инвесторами, планирующими развертывание инновационного производства и выбирающими регион для реализации своего проекта. Эффективность внедрения производств, базирующихся на технологиях «Индустрии 4.0», во многом обеспечивается наличием возможностей построения цепочек создания ценности нового типа – гибких и основанных на онлайн-взаимодействии предприятий друг с другом [6]. Соответственно, при планировании развертывания производства предприниматель должен учитывать, насколько предприятия и организации региона готовы к переходу на такой тип взаимодействия.

В последние годы публикуется большое количество исследований, посвященных оценке различных аспектов цифровизации экономики региона. Однако существующие методики оценки либо носят достаточно абстрактный характер (см., в частности, методику, предложенную в работе [7]), либо ориентированы на оценку инновационного потенциала экономики

Рис. 1. Основные факторы перехода к «Индустрии 4.0»

региона в целом, без привязки к проблемам развития промышленности (в качестве примеров можно провести ежегодный аналитический отчет «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации», подготавливаемый Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [8], а также методику формирования индекса инновационности территорий, рассматриваемую в работе [9]), либо ориентированы на анализ лишь отдельных аспектов цифровизации промышленности региона (так, например, в работе [10] проводится оценка инновационной активности малого бизнеса региона путем анализа результатов финансирования проектов на разных стадиях реализации, поданных в Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере).

Целью настоящей работы является разработка комплексной методики оценки характеристик региона, определяющих возможности перехода к «Индустрии 4.0». Для этого должны быть выявлены основные факторы, определяющие возможности перехода региона к использованию методов и технологий «Индустрии 4.0», и отобраны соответствующие статистические показатели, характеризующие эти факторы. Для обеспечения простоты и прозрачности проводимого анализа и мониторинга характеристик региона необходимо, во-первых, минимизировать число используемых показателей, во-вторых, использовать только те показатели, которые неразрывно связаны с оцениваемыми характеристиками, и, в-третьих, ориентироваться на относительные показатели – для обеспечения сравнения с другими регионами или страной в целом (то есть использовать те же принципы отбора показателей, которые применяются при определении ключевых показателей эффективности компании). При этом нужно учитывать, что существующий статистический аппарат не в полной мере обеспечивает отражение вопросов цифровизации промышленности (эта проблема подробно рассматривается в работе [11]).

Методология

В рамках предлагаемой авторами методики оценки характеристик региона, определяющих возможности перехода к «Индустрии 4.0», рассматриваются следующие аспекты социально-экономического и технологического развития региона: использование новых технологий, применение новых методов управления, качество интеллектуального потенциала сотрудников, наличие технологической и образовательной инфраструктуры (см. рис. 1).

Переход к «Индустрии 4.0» обусловливается, прежде всего, активным внедрением инновационных технологий. Технологическая модернизация, связанная с совершенствованием производственного процесса, становится ключевым фактором роста производственной эффективности, обеспечивая переход предприятий на качественно новый уровень развития. Исходя из этого, можно определить следующие ключевые статистические показатели, характеризующие данный аспект развития региона: удельный вес предприятий, осуществлявших технологические инновации; удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг; удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг.

Следующий базовый фактор, определяющий возможности реализации принципов «Индустрии 4.0», – наличие высокого интеллектуального потенциала сотрудников предприятий. В усло-

виях «Индустрии 4.0» от работников предприятий требуется не только качественное образование и ответственное отношение к своей работе, но и ориентация на постоянное повышение уровня компетенций, получение новых знаний, а также стремление к исследованию новых технологий и методов работы; важнейшим требованием становится и генерация сотрудниками предложений по совершенствованию выполняемой ими деятельности. Для определения сотрудников, соответствующих требованиям «Индустрии 4.0», Джон Моравек предложил термин nomadic knowledge worker или knowmad [12], что можно перевести как «мобильный работник сферы знаний». Данный термин расширяет понятие «работник сферы знаний» (knowledge worker), предложенное Питером Друкером [13], с учетом современных тенденций повышения мобильности и роста глобализации (именно поэтому Моравек использует определение nomadic – кочевой, мигрирующий). По определению Моравека, мобильные работники сферы знаний:

– не привязаны к конкретному виду деятельности, могут быстро адаптироваться к кардинальным изменениям условий работы, менять сферы применения своих знаний;

– обладают обширными теоретическими и практическими знаниями, которые используют для генерации новых идей;

– постоянно изучают и целенаправленно применяют новые технологии для реализации своих идей;

– мотивированы на сотрудничество и создание социальных связей;

– развивают навыки непрерывного обучения;

– наиболее эффективно могут работать в рамках «плоских» организационных структур, в том числе сетевых.

Статистические показатели, отражающие информацию о мобильных работниках сферы знаний, в настоящее время еще не разработаны. Однако можно определить ряд показателей, косвенно характеризующих интеллектуальный потенциал сотрудников предприятий региона. В частности, к таким показателям можно отнести число персональных компьютеров на 100 работников организаций, использовавших ПК; удельный вес организаций, использовавших специальные программные средства (для решения организационных, управленческих и экономических задач, для научных исследований и др.); долю затрат на обучение сотрудников, связанное с развитием и использованием информационных и коммуникационных технологий, в общем объеме затрат на информационные и коммуникационные технологии.

Следующий фактор, определяющий возможности реализации принципов «Индустрии 4.0», – применение современных методов управления. Система управления должна быть ориентирована на постоянное внедрение новых технологий (на рис.1 это требование иллюстрируется в виде пунктирной стрелки от блока «Новые методы управления» к блоку «Новые технологии») и, вместе с тем, обеспечивать раскрытие интеллектуального потенциала сотрудников (стрелка от блока «Новые методы управления» к блоку «Интеллектуальный потенциал сотрудников»). В качестве примера такого метода можно привести метод субъектно-ориентированного управления бизнес-процессами предприятия, предложенный в начале 2000-х годов Альбертом Фляйшманом [14]. Субъектно-ориентированное управление бизнес-процессами предполагает предоставление сотрудникам предприятия максимально широких возможностей для определения состава и порядка выполнения процедур, составляющих процессы, в которых они участвуют [15]. При этом в качестве технологического инструмента реализации эти возможностей выступают инновационные информационные системы – BPMS-системы нового поколения, такие, например, как Metasonic Suite – программный продут, разработанный компанией Metasonic AG [16]. Внедрение субъектно-ориентированного управления предполагает реализацию масштабных организационных инноваций, связанных как с преобразованием организационной структуры (целью которых является создание плоской организационной структуры, основой которой становятся динамично реконфигурируемые команды процессов), так и с изменениями организационной культуры (обеспечивающими мотивацию сотрудников на постоянное выявление проблем неэффективного выполнения процессов и самостоятельное их решение, а также постоянное отслеживание и удовлетворение изменяющихся потребностей клиентов). Эффективность внедрения новых технологий в рамках данной концепции управления обеспечивается за счет наличия широкого спектра инструментов взаимодействия системы управления бизнес-процессами с внешними приложениями. Так, например, в рамках Metasonic Suite это взаимодействие реализуется через корпоративную сервисную шину Talend’s Enterprise Service Bus, имеющую более 450 коннекторов к различным IT-системам и приложениям [17]. Подробно основные характеристики субъектно-ориентированного управления и технологии, обеспечивающие его применение, рассматриваются нами в работе [18]. В качестве статистических показателей, в той или иной степени отражающих ориентацию предприятий на исполь-

зование современных методов управления, могут выступать показатели удельного веса предприятий, осуществлявших организационные и маркетинговые инновации.

Последний базовый фактор, определяющий возможности реализации принципов «Индустрии 4.0», – это наличие технологической, образовательной и нормативно-правовой инфраструктуры в регионе. Технологическая инфраструктура определяет, прежде всего, наличие возможностей для внедрения на предприятиях региона новых технологий (на рис.1 это положение иллюстрируется в виде пунктирной стрелки от блока «Технологическая, образовательная, нормативно-правовая инфраструктура» к блоку «Новые технологии»). Поскольку технологии «Индустрии 4.0» базируются, главным образом, на использовании сети Интернет, ключевым показателем качества технологической инфраструктуры региона является уровень доступа предприятий и организаций к широкополосному Интернету (доля персональных компьютеров, имеющих доступ в Интернет). Образовательная инфраструктура неразрывно связана с интеллектуальным потенциалом сотрудников – эта связь отображается на рис. 1 в виде пунктирной стрелки от блока «Технологическая, образовательная, нормативно-правовая инфраструктура» к блоку «Интеллектуальный потенциал сотрудников». Качество образовательной инфраструктуры отражает показатель численности студентов, обучающихся по программам высшего образования, на 10 000 населения. Для оценки нормативно-правовой инфраструктуры может использоваться сводный индекс качества инновационной политики региона, рассчитываемый в рамках ежегодного аналитического отчета «Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации», подготавливаемого Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» [8]. Данный сводный показатель включает в себя оценку таких аспектов, как нормативная правовая база инновационной политики региона (анализируется наличие стратегии инновационного развития, наличие специализированной программы или комплекса мер государственной поддержки развития инноваций и т.д.), организационное обеспечение инновационной политики и бюджетные затраты на науку и инновации.

Таким образом, рассмотренный набор показателей позволяет оценить готовность региона к использованию методов и технологий «Индустрии 4.0» по 4 критериям: активность региона в аспекте применения новых технологий, интеллектуальный потенциал сотрудников предприятий региона, опыт применения новых методов управления и уровень развития необходимой инфраструктуры. На основе этих данных может проводиться сравнение показателей региона с общероссийским уровнем, а также сравнение показателей нескольких регионов друг с другом. Отметим, что указанные критерии характеризуют принципиально различные факторы развития региона, поэтому не могут быть сведены к единому критерию. При сравнении различных регионов друг с другом выбор региона с наибольшим потенциалом применения методов и технологий «Индустрии 4.0» может осуществляться с использованием метода Парето [19]. В этом случае регионы сравниваются исходя из следующих положений:

1. Если регион A_i превосходит регион A_j хотя бы по одному критерию оценки, а по всем другим критериям не уступает ему, то регион A_i является более развитым в рассматриваемом аспекте, чем регион A_j.

2. Если оценка регионов A_i и A_j по всем критериям совпадает, то их уровень развития является равным.

3. Если регион A_i по некоторым критериям превосходит A_j, а по другим критериям уступает региону A_j, то ни одному из них в рамках сравнительного анализа нельзя отдать предпочтение.

Результаты

Рассмотрим предлагаемую методику оценки готовности региона к переходу на использование методов и технологий «Индустрии 4.0» на примере Нижегородской области – в сравнении ее с общероссийским уровнем. Введем следующую шкалу оценки анализируемых показателей:

1 – значение показателя на уровне регионов-аутсайдеров по данному показателю;

2 – значение показателя существенно ниже общероссийского уровня;

3 – значение показателя соответствует общероссийскому уровню (разница не более 10%);

4 – значение показателя существенно превышает общероссийский уровень;

5 – значение показателя на уровне регионов-лидеров по данному показателю (отметим, что по большинству анализируемых показателей регионами-лидерами являются Москва и Санкт-Петербург).

При этом совокупная оценка по каждому из 4 критериев рассчитывается как среднее арифметическое оценок отдельных показателей, определяющих его значение.

Показатели, характеризующие внедрение новых технологий применительно к про-

Таблица 1

Показатели, характеризующие внедрение новых технологий (для предприятий группы «добывающие, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды»), %

Показатель		Период	
		2015	2016
Удельный вес предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем числе предприятий	По России	9.5	9.2
	По Нижегородской области	11.9	13.1
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	По России	7.9	8.4
	По Нижегородской области	13.1	17.7
Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	По России	1.8	1.8
	По Нижегородской области	3.0	2.8

Составлено авторами на основе данных Росстата [20].

Таблица 2

Показатели, характеризующие интеллектуальный потенциал сотрудников

Показатель		Период	
		2015	2016
Число персональных компьютеров на 100 работников организаций, использовавших ПК, шт.	По России	49	49
	По Нижегородской области	39	48
Удельный вес организаций, использовавших специальные программные средства, %	По России	52.3	52.9
	По Нижегородской области	56.4	57.5
Доля затрат на обучение сотрудников, связанное с развитием и использованием информационных и коммуникационных технологий, в общем объеме затрат на информационные и коммуникационные технологии, %	По России	0.6	0.5
	По Нижегородской области	0.4	0.4

Составлено авторами на основе данных Росстата [20].

мышленности, представлены в таблице 1. Всем трем показателям, характеризующим данный аспект развития региона, может быть присвоена оценка «4» – их значения, рассчитанные для региона, существенно превышают значения для страны в целом, что особенно наглядно видно по данным 2016 года. Соответственно, и суммарная оценка региона по критерию активности внедрения новых технологий равна «4».

Иная ситуация с показателями, характеризующими интеллектуальный потенциал сотрудников (см. табл. 2). Их значения, рассчитанные для региона, практически идентичны общероссийским (по данным 2016 года). Соответственно, всем трем показателям, характеризующим данный аспект развития региона, может быть присвоена оценка «3». Таким образом, эта же оценка отражает интеллектуальный потенциал сотрудников предприятий и организаций региона. Отметим, что в данном случае показатели рассчитываются для всех видов экономической деятельности, а не только для промышленности. Это обусловлено указанным выше предположением о высокой мобильности работников, соответствующих требованиям современной цифровой экономики, их способностями реализовывать себя в самых разных областях деятельности.

Следующий аспект развития региона – применение современных методов управления (см. табл. 3). Значения показателей, рассчитанные для Нижегородской области, существенно превышают общероссийский уровень, соответственно, как отдельным показателям, так и сводному критерию оценки применения современных методов управления может быть присвоена оценка «4».

Четвертый аспект развития региона характеризует наличие необходимой инфраструктуры. Показатели, характеризующие данный аспект регионального развития, представлены в таблице 4. Показатели числа персональных компьютеров, имеющих доступ в Интернет, на 100 работников предприятий и организаций (оценка технологической инфраструктуры) и численности студентов, обучающихся по программам высшего образования, на 10 000 населения (оценка образовательной инфраструктуры), рассчитанные для Нижегородской области, соответствуют общероссийскому уровню. Этим показателям соответствует оценка «3». Что касается оценки инновационной политики региона, Нижегородская область занимает 15-е место по России. Это первое место во второй группе регионов (все российские регионы по данному показателю делятся на четыре группы). Со-

Таблица 3

Показатели, характеризующие применение новых методов управления (для предприятий группы «добывающие, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды»), %

Показатель		Период	
		2015	2016
Удельный вес организаций, осуществлявших организационные инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций	По России	2.9	2.8
	По Нижегородской области	4.9	4.2
Удельный вес организаций, осуществлявших маркетинговые инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций	По России	2.0	1.9
	По Нижегородской области	1.7	2.8

Составлено авторами на основе данных Росстата [20].

Таблица 4

Показатели, характеризующие развитие инфраструктуры

Показатель		Период	
		2015	2016
Число персональных компьютеров, имевших доступ в Интернет, на 100 работников предприятий и организаций, шт.	По России	31	32
	По Нижегородской области	22	29
Численность студентов, обучающихся по программам высшего образования, на 10 000 населения	По России	325	300
	По Нижегородской области	301	280
Место Нижегородской области в рейтинге российских регионов по индексу качества инновационной политики региона		15	Нет данных

Составлено авторами на основе данных Росстата [20], данных Рейтинга инновационного развития субъектов Российской Федерации [8].

Таблица 5

Итоговая оценка Нижегородской области в аспекте готовности региона к переходу на использование методов и технологий «Индустрии 4.0»

Критерий оценки региона	Значение оценки
Уровень внедрения новых технологий	4 (существенно превышает общероссийский уровень)
Оценка интеллектуального потенциала сотрудников	3 (соответствует общероссийскому уровню)
Уровень применения новых методов управления	4 (существенно превышает общероссийский уровень)
Уровень развития инфраструктуры	3.33 (незначительно превышает общероссийский уровень)

ответственно, данному показателю может быть присвоена оценка «4». Итоговая оценка по критерию развития инфраструктуры – 3.33.

Итоговые оценки региона по каждому из четырех рассматриваемых критериев представлены в таблице 5.

На основании указанных оценок можно сделать следующие выводы:

1. В целом в аспекте возможностей перехода к «Индустрии 4.0» Нижегородская область является достаточно развитым регионом – по всем критериям, кроме оценки интеллектуального потенциала сотрудников, ее оценки превышают среднероссийский уровень. С учетом того, что по всем критериям Нижегородская область либо превышает среднероссийские показатели, либо не уступает им, применение метода Парето позволяет подтвердить вывод, что Нижегородская область в аспекте возможностей перехода к «Индустрии 4.0» является более развитой, чем условный средний российский регион.

2. Для улучшения характеристик региона целесообразно проработать возможности повышения интеллектуального потенциала сотрудников и развития инфраструктуры. На наш взгляд, эти возможности во многом определяются эффективностью решения следующих задач, предусмотренных «Концепцией инновационного развития Нижегородской области до 2020 года» [21]:

– разработка и внедрение в практику механизмов, стимулирующих инновационное взаимодействие промышленных предприятий и научных организаций области;

– создание правовых механизмов информационного обеспечения инновационного процесса;

– поддержка многоуровневой системы кадрового обеспечения инновационной деятельности;

– организация на базе многофункциональных центров прикладных квалификаций профессионального обучения по заказам предприятий инновационного сектора.

Соответственно, региональные органы власти должны уделять особое внимание решению указанных задач.

Заключение

Предлагаемая методика обеспечивает проведение эффективного комплексного анализа характеристик региона, связанных с возможностями применения методов и технологий «Индустрии 4.0». Достоинством методики является прозрачность алгоритма анализа – в рассмотрение принимается лишь ограниченный набор показателей, сгруппированных в разрезе ключевых аспектов инновационного развития промышленности региона.

Список литературы

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.01.2019).

2. Четвертая промышленная революция // Сайт TAdviser. Государство. Бизнес. ИТ. URL: http://www.tadviser.ru/ (дата обращения: 10.01.2019).

3. Толкачев С.А. Качественные изменения глобального индустриального ландшафта (по материалам доклада на Абалкинских чтениях, 19 сентября 2017 г., Дом экономиста) // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 207. С. 170–200.

4. Аналитический отчет: Цифровая трансформация в России 2018 // Сайт KMDA. URL: http://kmda.pro/ (дата обращения: 10.01.2019).

5. Валентей С.Д. Опыт и некоторые проблемы формирования цифровой экономики в России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 207. С. 342–348.

6. Фролов В.Г., Захаров В.Я., Каминченко Д.И., Павлова А.А. Системные эффекты развития сложных экономических систем в соответствии с концепцией Индустрия 4.0 // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 4 (52). С. 40–48.

7. Гринчель Б.М., Назарова Е.А. Системный подход к мониторингу процесса развития цифровой экономики // Цифровая экономика и Индустрия 4.0: новые вызовы: Труды научно-практической конференции с международным участием. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 28–32.

8. Абдрахманова Г.И., Бахтин П.Д., Гохберг Л.М. и др. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 5 / Под ред. Л.М. Гохберга. М.: НИУ ВШЭ, 2017.

9. Трифонов Ю.В., Веретенникова А.А. Проблема формирования индекса инновационности территории (на примере Нижегородской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 277–284.

10. Толстых Т.О., Шкарупета Е.В., Шишкин И.А. Трансформация предпринимательства в условиях цифровой экономики // Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / Под ред. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2017. С. 133–158.

11. Белоусова О.М. Сравнительный анализ инновационной активности субъектов Российской Федерации. М.: Академия естествознания, 2011. URL: https://monographies.ru/ru/book/view?id=142 (дата обращения: 10.01.2019).

12. Moravec J. W. (Ed.). Knowmad Society. Minneapolis: Education Futures, 2013.

13. Drucker P.F. Managing in the next society. Oxford: Butterworth Heinemann, 2002.

14. Fleischmann A. What Is S-BPM? // S-BPM ONE – Setting the Stage for Subject-Oriented Business Process Management. Berlin – Heidelberg: Springer-Verlag, 2010.

15. Buchwald H. The Power of As-Is Processes // S-BPM ONE – Setting the Stage for Subject-Oriented Business Process Management. Berlin – Heidelberg: Springer-Verlag, 2010.

16. Metasonic Suite // Сайт Metasonic AG. URL: www.metasonic.de (дата обращения: 10.01.2019).

17. Dirndorfer M. ERP Integration in S-BPM Processes // Fleischmann A., Schmidt W., Stary C. (eds) S-BPM in the Wild. Springer, Cham, 2015.

18. Визгунов А.Н., Трифонов Ю.В. Субъектно-ориентированный подход к управлению бизнес-процессами предприятия: технологические инновации и организационные преобразования // Менеджмент в России и за рубежом. 2018. № 6. С. 35–42.

19. Ногин В.Д. Принятие решений в многокритериальной среде: количественный подход. М.: Физматлит, 2002. 176 с.

20. Сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 10.01.2019).

21. Об утверждении Концепции инновационного развития Нижегородской области до 2020 года. Постановление правительства Нижегородской области № 504 от 31.07.2013 // Правовая среда. № 120 (1676). 17.10.2013.

THE TRANSITION TO THE INDUSTRY 4.0: ASSESSING THE REGION'S POTENTIAL

***Yu.V. Trifonov*[1]*, A.N. Vizgunov*[2]**

[1]Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2]National Research University Higher School of Economics

The transition to a new technological order, Industry 4.0, is a key task in the development of digital economy. This task has to be assessed at each level of governance, including the regional level. The article discusses the methodology proposed by the authors for assessing the potential of the region in terms of possibilities for applying methods and technologies of Industry 4.0. The assessment is based on 4 criteria characterizing various aspects of the region's development: new technologies implementation, intellectual potential of employees of enterprises, application of new management methods and infrastructure quality. Each criterion is compared with a set of statistical indicators, which together determine its value. Within the proposed methodology, the indicators of the region can be compared with the national level. In addition, the indicators of several regions can be compared with each other. The proposed methodology can be used by regional authorities in the process of analyzing the possibilities for increasing the investment attractiveness of the region. The assessment of the region's potential can be performed by investors planning to deploy innovative production and choosing the territory for the implementation of their project. The application of the methodology is illustrated in the article using the example of evaluation the Nizhny Novgorod region's indicators in comparison with the average Russian indicators.

Keywords: Industry 4.0, digital economy, innovative development of the region, subject oriented business process management.

УДК 338

ЦИФРОВАЯ КРЕАТИВНАЯ ИНДУСТРИЯ: НА ПУТИ К ЭКОНОМИКЕ «ЭМОЦИЙ»

© 2019 г.

О.Ю. Ангелова, Т.О. Подольская, О.Р. Чепьюк

Ангелова Ольга Юрьевна, к.э.н.; доцент кафедры информационных технологий
и инструментальных методов в экономике
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Oangelova@mail.ru
Подольская Татьяна Олеговна, старший преподаватель кафедры университетского менеджмента
и инноваций в образовании Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
podolskaya79@yandex.ru
Чепьюк Ольга Ростиславовна, к.э.н.; доцент кафедры финансов и кредита
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
chepyuk@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию 05.02.2019
Статья принята к публикации 30.04.2019

На фоне замедления экономического развития, по скорости роста и масштабам международной торговли креативная экономика является одним из самых перспективных направлений. Целью исследования стал развёрнутый анализ текущего состояния креативных индустрий в мире и в России, существующих бизнес-моделей, выделение основных препятствий для исследования креативной экономики, которые связаны с несовершенством понятийного аппарата и недостатком статистических методов наблюдения. Трудности в исследовании авторы связывают с междисциплинарностью темы, которая находится на пересечении с социологией культуры, психологией искусства. Методами исследования стало применение аппарата бизнес-моделирования, который позволяет структурировать представления о креативных индустриях и выделить факторы создания потребительской ценности. Результаты исследования показали, что использование сугубо количественных показателей не позволяет в полной мере отразить структурные изменения в этой сфере, отделить производство продукции от услуг, связанных с передачей по цифровым каналам, или смежных индустрий, например туризма. В контексте экономической теории отличительной особенностью продукции креативной индустрии является её связь с потребительским аппаратом восприятия. Воспитание и образование играет одну из ведущих ролей в диверсификации рынков креативной экономики. Иначе – несмотря на творчество как характеристику, определяющую конкурентоспособность, – основной поток продукции будет сфокусирован на простое эмоциональное восприятие, на границе с манипуляцией страстями и эмоциями.

Ключевые слова: креативные индустрии, социальное предпринимательство, потребительская экономика, статус экономического субъекта, экономика эмоций, глобализация, энтропия.

Введение

Креативная экономика, будучи относительно новой парадигмой, объединившей экономику, культуру и искусство [1, p. 16–18], несмотря на общее замедление мировых темпов экономического развития, в последнее десятилетие наблюдений (2006–2016 гг.) находится в постоянном росте. Оценки этого роста разнятся – в зависимости от статистических методов, классификаций и географии: на интервале 2000–2005 гг. этот рост составил 8.7% [2, p. 4] и более того – был усреднённо-глобальным явлением, не ограниченным рамками отдельных территорий. Даже в развивающихся странах креативные индустрии имеют потенциал обеспечить 5% роста валового внутреннего продукта [3] и уже создают рабочие места для 1% жителей Земли [4, p. 15]. В развитых странах суммарная выручка креативных индустрий составила 3% ВВП [4, p. 17]. «Креативную экономику» трактуют следующим образом: это «целостная концепция взаимодействия между культурой, экономикой и технологиями в современном глобализированном мире, в котором преобладают символы, тексты, звуки и изображения» [2, p. 8]. Несомненно, что именно развитие информационного общества (М. Кастельс) и информационно-коммуникационных технологий позволило креативным индустриям сразу становиться глобальными, без труда пересекать национальные границы и завоёвывать международные рынки[1]. Именно эта *транзитивная* способность отрасли является одним из условий её роста. Другим фактором, на который регулярно указывают исследователи, является глобальное распространение норм защиты прав интеллектуальной собственности [6, p. 29; 4, p. 20]. Однако если цифровая индустрия и является катализатором роста креативной экономики, они скорее пересекаются

Таблица 1

Бизнес-модели в креативных индустриях

Направление	Примеры трендов, реализуемых в бизнес-моделях	Реализуемое конкурентное преимущество
Телевидение	Платное телевидение (контент по запросу, рейтинги, онлайн-покупки новинок)	Персонализация выбора
Визуальное искусство	Музейные инсталляции, совмещающие звук, видео, 3D-проекции	Усиленное эмоциональное воздействие
Газеты и журналы	Цифровизация	Доступность, скорость распространения информации
Реклама	Цифровизация и персонализация (SMM)	Персонализация, сокращение расходов на распространение
Архитектура	Новые материалы и 3D-печать	Инновации в визуальных решениях
Книгопечатание	Цифровизация, работа с сообществами (сетевые модели)	Сокращение затрат на процессы, диверсификация доходов
Театры и перформанс	Растущий спрос, монетизация	Создание готовых рыночных продуктов, тиражирование, связь с туристическим рынком
Видеоигры	Мобильные, облачные, сетевые игры	Расширение рынков (решение проблемы выходного дня), доступность
Кино	Цифровые платформы, домашний кинотеатр (Netflix)	Цифровизация, персонализация
Музыка	Мобильные, облачные, сетевые решения для доступа	Цифровизация, персонализация, доступность
Радио	Локализация – поддержка местных сообществ	Цифровизация, нишевые решения
Ремесло	Локализация – поддержка местных сообществ, сетевые решения для продвижения	Создание готовых рыночных продуктов, тиражирование, связь с туристическим рынком

в понятиях, чем являются структурной частью друг друга. Также следует отметить, что креативная экономика является более широким понятием, чем непосредственно производство креативной продукции. Сфера творчества охватывает деятельность профессионалов, свободных художников и предпринимателей (в особенности – социальных предпринимателей), которые трудятся на себя (самозанятость), находятся в свободном поиске заказов (free-lance) или вообще рассматривают свою активность вне экономического измерения.

Наибольший уровень продаж креативной продукции в виде цифрового контента отмечен [4, p. 24] в области музыки (45%), а также видеоиграх, предлагаемых в онлайн- и мобильном формате (34%). Продажа электронных книг пока составляет только 7% от глобального книжного рынка. Именно цифровизация позволяет предпринимателям реализовывать новые бизнес-модели, которые привносят в предложение *индивидуальный подход (персонализация)* к потребителю и не только расширяют рынки сбыта за счёт дополнительных продаж (сопутствующие услуги), но и оказывают сильное организационно-форматирующее воздействие на традиционные отрасли.

Анализ креативных индустрий на основе бизнес-моделей

Исследование отрасли креативной индустрии на основе анализа бизнес-моделей компаний (подхода, предложенного А. Остервальдером и И. Пинье [7]) демонстрирует (табл. 1), что основными конкурентными преимуществами компаний, занятых в этой отрасли, являются: персонализация, эмоциональное воздействие, визуализация и виртуализация. Выделенные тренды позволяют отдельным авторам говорить о феномене развития экономики эмоций [5].

Сюда можно отнести появление многопользовательских платформ для издательского дела, которые соединяют любителей книг и начинающих авторов, таких как Ridero, виртуальное издательство «Букскриптор», Surgebook, кроме того, ряд площадок (Pubslush, Patreon и др.)[2] используют инструменты краудфандинга. На данный момент эти платформы находятся на этапе роста, так, за 2017 год число пользователей сервиса Ridero увеличилось в 2 раза, а число опубликованных книг – на 38.5% [8].

Функционирование таких платформ позволяет экономить на затратных процессах отбора лучших книг. На смену рекламной модели (написание книг под конкретного потребителя и вложение в рекламу) приходят рейтинги и отзывы потребителей. Меняется сам подход – отрасль уходит от массового производства и больших тиражей, ориентации на широкий круг читателей к «персонализации», использованию альтернативной бизнес-модели в полиграфии print-on-demand, когда книга печатается после формирования на нее запроса от конкретного потребителя. Таким образом, экономическая

Таблица 2

Динамика книжного рынка России, % [11]

Год	Прирост в натуральном выражении	Прирост в стоимостном выражении
2014	– 13.13	+0.71
2015	– 10.13	+ 2.14
2016	– 8.76	+ 7.91
2017	– 0.56	+ 3.12

Таблица 3

Структура рынка цифровых изданий в России за 2014–2017 гг. [11]

Год	Электронные издания		Аудиокниги		Электронные библиотечные системы (B2B сегмент)		Темп роста рынка, % к предыдущему году
	Млн руб.	Доля на рынке, %	Млн руб.	Доля на рынке, %	Млн руб.	Доля на рынке, %	
2014	840	56	110	7.3	550	36.7	+36.4
2015	1450 (+ 72.6%)	64.4	250 (+ 127.3%)	11.2	550 (–)	24.4	+ 50
2016	2200 (+ 51.7%)	70.5	420 (+ 68%)	13.5	500 (– 9.1%)	16.0	+ 38.7
2017	2470 (+ 12.3%)	69.2	650 (+ 54.8%)	18.2	450 (– 10%)	12.6	+ 14.4

стоимость в креативных индустриях выявляется не только в растущих продажах, но и за счёт сокращения затрат или инвестиционных вложений. При всей скорости развития цифровой экономики, стоит отметить, что многие отрасли (книги, музыкальные и театральные представления) остаются верны «реальному миру»: «живые» представления стоят дороже виртуальных, в силу эмоционально более сильного воздействия, и при этом спрос на них только возрастает [4, p. 27].

Показательным является пример книжного рынка, где контент продается в различных форматах: традиционные печатные издания, электронные книги, аудиокниги. Большинство зарубежных рынков электронных изданий, в частности США и Великобритании, демонстрируют отрицательные темпы прироста официальных издательств. По данным AAF (Американской ассоциации издательств, без учета продаж через Amazon.com), сокращение рынка в стоимостных показателях составило за 2014–2016 гг. почти 33%. Но при этом доля самиздата за тот же период увеличилась с 15% до 34%, то есть на наших глазах происходит изменение структуры рынка электронных книг – «перетекание» авторов и пользователей от официальных изданий к самостоятельному изданию с помощью различных сервисов [9]. В Великобритании падение продаж электронных книг составило в 2016 году 17% при одновременном росте продаж бумажных изданий и 7-процентном росте книжного рынка страны [10]. Российский рынок книг, в том числе и электронных, растет в стоимостном измерении, хотя и замедляющимися темпами, демонстрируя падение в натуральном выражении. Динамика рынка по данным отраслевого отчета 2018 г. представлена в таблице 2 [11].

По оценкам российского лидера по продажам электронных изданий – компании «ЛитРес», на данный момент емкость этого сегмента рынка книг в России составляет 3.8 млрд рублей, всего 6–7% от книжного рынка страны. Ожидается, что в ближайшие 2 года размер сегмента возрастет в 2 раза, до 12–15% всех продаваемых книг [12]. Аудиокниги, как одна из форм цифрового литературного контента, занимают, по оценкам журнала «Книжная индустрия», 18.2% от всего рынка электронных изданий нашей страны, причем уже несколько лет подряд данный сегмент демонстрирует как минимум двухзначные темпы прироста. Аналогичный тренд характерен и для мирового рынка. Данные о структуре российского рынка цифровых изданий представлены в таблице 3.

Особенностью российского рынка является значительное (около 79%) кросс-потребление электронных и бумажных изданий одним пользователем, а также значительная доля пиратского контента – почти половина читателей использует торренты, социальные сети, чтобы получить электронные книги бесплатно.

Диверсификация культурного поля является основным фактором дальнейшего развития креативных индустрий. Парадоксально, но глобализация оказывает двойное воздействие на креативную экономику. С одной стороны, она позволяет открывать новые рынки и наращивать обороты. С другой стороны, глобализация неиз-

бежно приводит к «выравниванию» структуры потребления, размытию национальных и культурных особенностей, что можно выразить в росте экономической *энтропии* [13]. Энтропийные явления поражают и саму культуру, которая становится зависимой от положительного денежного потока от креативной продукции. Даже в творчестве производители делают то, что имеет спрос, и его структура глобально усредняется. Например, можно ли считать потребление суши феноменом распространения японской культуры или это явление относится, скорее, к сегменту быстрого питания? В пользу второй версии свидетельствует тот факт, что рост рынка начался в момент формирования формата ланч-бокса, лидирует формат take-away и доставка на дом или в офис. То есть приоритетной потребностью является все же отведать полюбившиеся блюда. Кроме того, для россиян блюда японской кухни стали одним из атрибутов праздников (таких как Новый год, 8 Марта и др.), досуговым фастфудом. Анализ предложений показывает, что сам рынок достаточно ёмкий, по оценкам специалистов, только жители и гости Москвы и Санкт-Петербурга съедают в год суши почти на 60 млн долларов, и популярность продолжает расти. Именно спрос и формирует потребность бизнеса во франшизах, ориентированных на доставку блюд японской кухни [14]. Предлагаются различные бренды со сроком окупаемости от 1.5 до 5 месяцев при первоначальных вложениях около 1 млн рублей. Наиболее популярная в России франшиза «Суши Wok» уже включает почти 400 предприятий по всей стране.

Другой пример – распространение датского стиля жизни «хюгге». Этот культурный феномен воссоздания атмосферы датского уюта описывается как «приятные и высокоценимые повседневные ощущения безопасности, равенства, личной целостности и спонтанного социального потока» [6]. В контексте экономического измерения «хюгге» это наборы товарной продукции – для хобби, домашнего быта, кулинарии, которые выставляются на полках интернет-магазина рядом с другими, сходными по функциональности, предметами домашнего обихода. Однако предметы «хюгге» обладают дополнительной стоимостью, так как их упоминают в соответствующих списках и инструкциях по созданию атмосферы «датского счастья». К таким же примерам относится растущая в объёмах индустрия праздников и выходного дня, готовых решений для хобби и жизни на природе и множество других «креативных индустрий»[3] или направлений для создания «бизнеса в стиле фанк» [16].

Важнейшей характеристикой креативной продукции является её *визуальность*. Традиционно креативность связана с миром телевидения и кино, через который домохозяйства изначально получили доступ к глобальной культуре. Практически вся креативная индустрия (за исключением музыки и радио) воспринимается потребителями по внешним зрительным признакам. Отсюда ключевыми трендами являются «упаковка», дизайн, а в области защиты интеллектуальной собственности – брендинг. Обратной стороной является недостаточная глубина и снижение «внутреннего» качества креативной продукции. В условиях перепроизводства и огромного выбора визуальность необходима, однако она приводит к уходу в «формы», «форматы», картинку, внешний блеск, «симулякры». Театр сегодня «начинается не с вешалки», а с яркой и красочной афиши, краткого видеоролика, способного захватить внимание в обществе информационного изобилия. Как результат – ожидания потребителей часто являются завышенными, а потребительское разочарование в условиях сетевого общества грозит рисками для бизнеса. Прозрачнее всего этот процесс в кинобизнесе, где «аттракцион» вытеснил с рынка глубокое и качественное по сценарию кино.

Весьма спорным в современных условиях становится утверждение Т. Веблена, что потребление культуры – это удел обеспеченных людей, для которых обладание предметами искусства связано с личным статусом и демонстрацией «экономической мощи» [17]. В условиях перепроизводства товарной продукции креативность становится характеристикой не только предложения, но и спроса на труд. Возрастная структура занятости в креативных индустриях отличается большой долей вовлечения молодёжи: в производстве креативных 3% ВВП 19.1% занятых – это люди в возрасте от 15 до 29 лет, во всех других отраслях этот показатель составляет 18.6% [4, p. 18]. Учитывая, что по состоянию на 2016 г. 1.2 млрд человек в мире – это люди от 15 до 24 лет и в ближайшее десятилетие прогнозируется рост их численности, пусть и незначительный [15]. Эмоциональность и открытость, сопутствующая молодым людям, вкупе с повышенной склонностью к предпринимательской активности, говорит о значительном потенциале креативной экономики – в области как спроса, так и предложения рабочих мест.

Заключение

Развитие креативной экономики обусловлено несколькими факторами. Во-первых, претерпевают серьёзные изменения ценностные прио-

ритеты в отношении накоплений: если 200 лет назад основным объектом капитальных вложений были сельскохозяйственные земли, а в XX веке – недвижимость и финансовый капитал [18, с. 124], то к началу XXI века всё большую роль играют инвестиции в нематериальные активы, в том числе цифровой контент. В свою очередь, меняются предпочтения и в личных финансах: если в 1990-х и 2000-х годах стремления людей среднего класса сводились к инвестициям в основной капитал (приобретение транспортных средств, жилья, загородной недвижимости), то современный средний класс проявляет повышенный интерес к путешествиям (фестивалям, ЧМ, крупным событиям, концертам), образованию, интересному досугу, самореализации. По сути у значительной части общества (преимущественно жителей крупных городов) произошло смещение на один уровень вверх в классической модели потребностей – от материальных к самореализации и общению. Это обеспечило рост ёмкости рынка креативной экономики. С другой стороны, развитию креативной экономики способствует растущая нестабильность. Можно также предположить, что в условиях турбулентности и мирового финансового кризиса последних лет происходит обесценение денег как формы долгосрочного капитала, изменяется само отношение к накоплению. Представители домашних хозяйств предпочитают «копить» то, что невозможно потерять – эмоции, знания, впечатления. И вложения в эти сферы воспринимаются как одна из форм инвестиций «в себя», что способствует также формированию новых инновационных и интересных предложений на рынке креативной экономики. Причем важно, чтобы событие имело интересный визуальный ряд, так как мир социальных сетей требует подтверждения успешности.

Примечания

1. С созданием цифровых технологий связано само рождение отрасли креативной экономики, так как именно цифровая сфера позволила соединить культурную и экономическую ценность. См. [5, с. 73].

2. https://ridero.ru/; https://bookscriptor.ru/; www.surgebook.com; https://www.pubslush.com; https://www.patreon.com/

3. В перечень сегментов и отраслей креативной экономики Великобритания, которая одной из первых начала работу над созданием «карты креативных индустрий», включает как минимум 13 направлений, в т.ч. рекламу, искусство, телевидение и радио, архитектуру, производство программного обеспечения, видеопродукцию, музыку, театральное искусство (перформанс), дизайн, печать, видеоигры, моду и разнообразные ремесленные производства. См.: [15, p. 21]. В исследовании международной компании Ernst and Young выделяется 11 секторов. См.: Cultural times: the first global map of cultural and creative industries. EY, 2015. P. 15.

Список литературы

1. Cunningham S., Banks J. and Potts J. Cultural economy: The shape of the field // In: The Cultural Economy. The Cultures and Globalization Series 2. H. Anheier and Y.R. Isar (eds.). London: SAGE Publications, 2008. P.15–26.

2. Creative Economy Report 2008: The challenge of assessing the creative economy towards informed policy-making. 2008. 333 p. URL: unctad.org/en/Docs/ditc20082cer_en.pdf (дата обращения: 13.04.2018).

3. Isar Y.R. Creative Economy Report: Widening Local Development Pathways. 2013. 186 p. URL: http://www.unesco.org/culture/pdf/creative-economy-report-2013.pdf (дата обращения: 13.04.2018).

4. Lhermitte M., Blanc S., Perrin B. (supervision). Cultural times: The first global map of cultural and creative industries. Ernst and Young. [December, 2015]. 120 p. URL: http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-cultural-times-2015/%24FILE/ey-cultural-times-2015.pdf (дата обращения: 15.04.2018).

5. Чепьюк О.Р., Кравченко В.С., Демина М.Г. От креативной экономики к эстетическому капитализму: к вопросу о роли эмоций в экономической коммуникации // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 70–82.

6. Linnet J.T. Interweavings: A cultural phenomenology of everyday consumption and social atmosphere within Danish middle-class families / Syddansk Universitet. Det Samfundsvidenskabelige Fakultet, 2010. 296 p.

7. Остервальдер А., Пинье И. Построение бизнес-моделей: настольная книга стратега и инноватора: Пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2012. 288 с.

8. Российская книжная палата опубликовала итоги года // Интернет-портал «ГодЛитературы.РФ». 12.02.2018. URL: https://godliteratury.ru/events/rossiyskaya-knizhnaya-palata-opublikov (дата обращения: 28.01.2019).

9. Книги съедают долю бумаги // Интернет-портал «ГодЛитературы.РФ». 03.11.2017. URL: https://godliteratury.ru/events/yelektronnye-knigi-sedayut-dolyu-buma (дата обращения: 28.01.2019).

10. В Британии упали продажи электронных книг // Интернет-портал «ГодЛитературы.РФ». 02.05.2017. URL: https://godliteratury.ru/events/v-britanii-upali-prodazhi-yelektronnykh (дата обращения: 28.01.2019).

11. Отраслевой доклад «Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития – 2018». URL: http://bookind.ru/images/docs/Bookmarket-2018.pdf (дата обращения: 28.01.2019).

12. Воздвиженская А. Электронные книги съедают долю «бумаги» // Российская газета. 01.11.2017. № 248 (7414). URL: https://rg.ru/2017/11/01/rynok-elektronnyh-knig-v-rossii-ocenili-v-38-mlrd-rublej.html (дата обращения: 28.01.2019).

13. Чепьюк О.Р. Инновационное общество как матрица современной культуры // Философия и культура. 2015. № 8. С. 1169–1174.

14. Зиятдинова П. Франшизы суши: емкость рынка и разнообразие концепций // Франшиза.ру – актуальные

франшизы 2019 года. URL: https://franshiza.ru/article/read/franshizy_sushi_emkost_rynka_i_raznoobrazie_koncepcij/ (дата обращения: 28.01.2019).

15. Изменение возрастной структуры населения и устойчивое развитие. Доклад Генерального секретаря ООН. 3-7.04.2017. URL: un.org/en/development/desa/population/pdf/commission/2017/documents/ECN920172/ru.pdf (дата обращения: 28.01.2019).

16. Нордстрем К., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк навсегда: Капитализм в удовольствие / Пер. с англ. К. Вагнер. Стокгольмская школа экономики. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. 328 с.

17. Веблен Т. Теория праздного класса: Пер. с англ. М.: Либроком, 2017. 368 с.

18. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.

19. Shaviro S. Accelerationist Aesthetics: Necessary Inefficiency in Times of Real Subsumption // e-flux 46, 2013. URL: http://www.e-flux.com/journal/46/60070/accelerationist-aesthetics-necessary-inefficiency-in-times-of-real-subsumption/

DIGITAL CREATIVE INDUSTRY: ON THE WAY TO THE ECONOMY OF EMOTIONS

O.Yu. Angelova, T.O. Podolskaya, O.R. Chepyuk

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Against the backdrop of a slowdown in economic development, in terms of the growth rate and the scale of international trade, the creative economy is one of the most promising areas. The authors offer an in-depth analysis of the current state of creative industries in the world and in Russia, identify the main obstacles to the study of the creative economy that are related to limitations of the conceptual apparatus and the lack of statistical methods of observation. The authors associate the difficulties in the study with the interdisciplinary nature of the topic, which is at the intersection with the sociology of culture and the psychology of art. By using quantitative indicators, it is not possible to fully reflect the structural changes in this area, to separate production from services related to their transmission through digital channels or from related industries like tourism. In the context of economic theory, the distinctive feature of the products of the creative industry is their connection with the consumer's apparatus of perception. Education and upbringing play a major role in the diversification of creative economy markets. Otherwise, despite creativity as a characteristic that determines competitiveness, the main flow of products will be focused on simple emotional perception, bordering on the manipulation of passions and emotions.

Keywords: creative industries, social entrepreneurship, consumer economics, status of an economic entity, economy of emotions, globalization, entropy.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ОТ ИДЕАЛА К НОВЫМ ПРАКТИЧЕСКИМ ФОРМАМ

© 2019 г.

Ю.М. Резник

Резник Юрий Михайлович, д.филос.н.; проф.; главный научный сотрудник
Института философии РАН, Москва
reznik-um@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.01.2019
Статья принята к публикации 16.04.2019

Социальное государство возникает как инструмент сглаживания классовых противоречий капитализма, а в современных условиях продолжает выступать как форма его политической самокоррекции. Сформулированные еще Л. Штейном идеи, принципы и функции такого государства оказались актуальными и сегодня. В основе его деятельности лежит защита интересов большинства, обеспечение их социальных прав путем перераспределения собственности и доходов в пользу малоимущих слоев населения. Пытаясь разрешить острейшие классовые противоречия, социальное государство проходит в своём развитии несколько стадий: от минималистской модели к государству всеобщего благоденствия и далее – к поиску новых моделей. На этот путь уже стали государства Западной Европы, которые во имя укрепления собственной безопасности существенно расширили спектр социальных услуг, реализуя помимо ограничительной и гарантирующей функций еще и рефлексивную функцию. Однако гуманистический потенциал такого государства (создание условий для развития человека и его достойной жизни) пока не реализован в полной мере, о чем свидетельствуют процессы его становления в современной России. Опыт показывает, что такое государство, будучи классовым компромиссом, успешно развивается лишь при опоре на институты гражданского общества, которые вовлекают людей в различные формы самоорганизации. Кроме того, перед российской государственностью стоит еще одна комплексная задача – введение прямого действия соответствующего конституционного принципа, развитие социальной демократии и стимулирование крупного бизнеса к более масштабному участию в программах социальной поддержки населения.

Таким образом, между идеалом социального государства (свободное развитие человека) и реальностью его воплощения (обеспечение прожиточного минимума) оказалась значительная дистанция, преодолеть которую не всегда удается посредством социальных реформ. Поэтому современное социальное государство переживает острейший кризис. Нужны более радикальные шаги в переустройстве общества и преодолении социально-экономического неравенства различных групп. В этих условиях глобальный капитализм оказался перед историческим выбором: продолжить своё «победное» шествие по планете, усиливая репрессивную направленность своих институтов и порождая цепь разрушительных последствий, или же, не ограничиваясь самокоррекцией, стать на путь фундаментальной перестройки основ своего существования. А это чревато в свою очередь сменой общественной формации и поворотом в сторону общества всеобщего благоденствия или реального гуманизма.

Ключевые слова: капитализм, социальное государство, идея, идеал, принцип, функции, практика, социальная проблема, социальные реформы, реальный гуманизм, государство всеобщего благоденствия, гуманистическое государство.

Возникновение идеи. Идея социального государства принадлежит немецкому мыслителю Лоренцу фон Штейну (1815–1890). Он предложил расширить полномочия государства и возложить на него функции преодоления социального неравенства и предоставления равных исходных позиций («равных шансов») всем людям. Государство должно работать на восстановление социальной справедливости и защиту интересов членов общества. Управление есть «работающее государство» и его деятельный орган. «Смысл управления остаётся неизменным: бытие отдельных индивидов в обществе должно способствовать тому, чтобы, вопреки противоположности интересов и борьбе, личность каждого могла бы свободно развиваться» [1, с. 70]. Для этой цели необходимо осуществлять социальные реформы, минимизирующие ущерб, причиняемый человеку борьбой интересов в обществе. Государство базируется на службе

всему обществу в отличие от классов как объединений частных или групповых интересов.

По сути, Штейн попытался создать альтернативный капитализму проект, предложив устранить классовые противоречия средствами государства (государственный социализм) [2, с. 70]. Правда, в отличие от Маркса, он не призывает лишить буржуазию её капитала руками пролетариата. Он пытается поставить государство на службу рабочему классу, ориентируясь главным образом на модель государственного социализма. Но это потребует более радикальных изменений, так как путем социальных реформ вряд ли можно полностью устранить порабощение рабочего класса. Можно лишь улучшить его участь на какое-то время и помочь в первую очередь тем, кто больше всех нуждается.

Конечно, по тем временам это была социальная утопия. Как преодолеть зависимость неимущих классов и сделать их независимыми и материально свободными? Существует только один путь к решению социального вопроса, не меняющий радикально природу буржуазного строя, – перераспределение средств в пользу малоимущих. Богатые должны делиться своими состояниями с бедными. А это уже межклассовое движение, которое не устраняет систему неравенства в принципе, а делает богатство достижимым для каждого человека. Только так можно добиться социального мира, – считает Штейн.

Сущность социального государства Штейна состоит в следующем: оно *«обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной самоопределяющейся личности благодаря своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве»* [3].

Социальное государство: идеал, принцип и практика реализации. Необходимо различать далее социальное государство как идею (или идеал), принцип построения государства и практическую реализацию этого принципа (конкретные цель, функции, задачи и пути их осуществления), на чём настаивают П.К. Гончаров и Н.И. Лапин (при незначительных отличиях в их интерпретациях) [4; 5, с. 6].

Идеалом такого государства выступает саморазвитие человека как свободной личности. Другими словами, это государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Здесь я присоединяюсь к тем авторам, которые считают, что социальное государство в ходе эволюции становится практикой реального гуманизма: «развитие одного как условие развитие другого» (Л. фон Штейн); «свободное саморазвитие человека, его культуры и гражданского общества», «гуманистическая траектория саморазвития» (Н.И. Лапин) [5, с. 9]. Но так было не всегда. На начальной стадии своего развития «принятие государством на себя социальных обязательств перед гражданином означает не акт гуманизма, альтруизма и человеколюбия, а жизненную необходимость, реализацию воли государства к самосохранению» [6]. В целом же «социальное государство нельзя не считать практическим проявлением многовекового гуманистического поиска европейской цивилизации» [7, с. 35]. Переосмысливая гуманизм после трагических событий Второй мировой войны, её лучшие представители писали о его экзистенциальных корнях («глубоко личное переживание человеком своей экзистенции») и пронизанности «заботой о бытии»[1].

Принципы построения социального государства могут быть заложены в основополагающих документах той или иной страны (конституции, политических программах или стратегиях развития и пр.). А вот основной целью социального государства является, по Штейну, сохранение политической стабильности посредством установления баланса между различными группами интересов. Его функции он видел в следующем: забота о каждом человеке, устранение любых препятствий к межклассовому движению, попечение нуждающихся в самом необходимом, содействие труду, не обладающему капиталом [2, с. 72]. Именно этим и должно, по мнению Штейна, заниматься на практике такое государство.

Кстати, в современном социальном государстве идеи Штейна не утратили своего значения. Это соответствует и сегодняшнему пониманию его основных функций: *ограничительная* функция, реализуемая в отношении господствующих классов (антимонопольная деятельность, регламентация отношений между работодателями и наемными работниками и пр.); *обеспечительная* функция (поддержка социально незащищенных слоев населения (безработных, пенсионеров, инвалидов), социальное страхование и обеспечение); *гарантирующая* функция (гарантирование государством системы социальных прав гражданина, в т.ч. жизненного минимума, доступ к образованию, обязательной медицинской помощи и т.д.). Очевидно, что уже сегодня, а не только в перспективе развития такого государства должна присутствовать и *развивающая* функция (создание условий для саморазвития и самореализации человека).

Ю. Хабермас обратил внимание еще на одну функцию социального государства – *рефлексивную*. «Стать рефлексивным для государства означает, однако, и то, что извлекаются уроки из опыта обращения с таким средством, как власть, которую политики социального государства должны использовать для своего вмешательства в общественные субстраты» [8, с. 96].

Итак, программа социального государства Л. Штейна в её прагматическом смысле не искореняет причины социального неравенства и не устраняет бедность или другие пороки современного капитализма. Его задача состояла в другом: вовлечь потенциал государства в создание минимальных условий жизни для особо нуждающихся ради предотвращения классового конфликта и сохранения самого государства. Следовательно, свободное развитие и относительное благополучие человека (как идеал) является условием безопасности государства и всего капиталистического строя. Эта та плата, которую последний должен был заплатить, чтобы не уйти с исторической арены.

Вместе с тем Штейн предвидел новые формы социального государства, когда самоопределяющаяся личность станет исходным пунктом его политики. И ему совсем был не чужд гуманистический пафос, который в последующие десятилетия поддержали другие европейские мыслители. Немецкому социологу удалось соединить в своём проекте социального государства функциональность и человечность, которые присущи в целом новоевропейской культуре [3].

Трансформация социального государства. И всё же, несмотря на свой классовый характер и прагматический смысл, социальное государство стало в наши дни реальной альтернативой либеральному государству, которое породило цепь кризисных явлений и фактически поставило капитализм на грань самоуничтожения. Именно в нём его сторонники увидели выход из затянувшегося кризиса капитализма. Об этом пишет Е.А. Лукашева: «Социальное государство пришло вслед за правовым, потому что последнее в его классическом либеральном (формальном) варианте опиралось прежде всего на принципы индивидуальной свободы, формального юридического равенства и невмешательства государства в дела гражданского общества. А это привело к глубокому фактическому неравенству, кризисным состояниям в экономике и классовой борьбе. Все это потребовало от государства перехода в новое качественное состояние и выполнения им новых функций» [9, с. 79].

Конечно, качество современного социального государства изменилось, но его буржуазная классовая суть осталась во многом прежней. На это обращают внимание представители неомарксизма, полагая, что такое государство – лишь первый шаг на пути эмансипации угнетенных слоев общества. Ю. Хабермас, испытавший когда-то влияние неомарксизма, так описывает ситуацию: «Программа “социального государства”, которую удалось провести после второй мировой войны в обществах нашего типа, – относительный успех. Она означает, с одной стороны, ощутимую компенсацию за риск и тяготы, связанные с трудом, с другой – некоторое дисциплинирование и в то же время защиту капиталистического роста. Конечно, врожденный порок естественной судьбы, обусловленный капиталистическим рынком труда, пока не устранен, а лишь косметически подправлен. Но в настоящий момент дело обстоит так, что социалистически ориентированные левые силы на Западе не могут добиться дальнейшего прогресса, даже закрепить достигнутое…» [8, с. 92].

Следовательно, даже Хабермас, которого трудно заподозрить в симпатиях к реальному социализму, признает, что введение программы социального государства явилось не чем иным, как попыткой защитить капитализм или его косметической самокоррецией. Рассматривать же социальное государство как стадию развития правового государства, как это делают некоторые исследователи (Л.Н. Кочеткова, Е.А. Лукашева), можно лишь при условии, что решен основной вопрос – о природе общественной системы, частью которой выступают эти институты.

Развитие социального государства сопровождается тремя историческими стадиями, которым соответствуют определенные модели: становление – конец XIX – 30–40-е гг. XX в. (минималистская модель), развитие – вторая половина XX в. (государство всеобщего благоденствия), кризис и начало перехода к новой модели – конец XX в. – начало XXI в. (государство личностного благоденствия или гуманистическое государство).

1. Деятельность классического или минималистского социального государства направлена на улучшение условий жизни людей, находящихся за чертой бедности. Как известно, оно начало складываться в конце XIX века (в первую очередь в Германии и Великобритании) и было призвано не допустить обострения классовой борьбы, снизить рост рабочего движения и со своими задачами в целом справилось. На это указывают и другие исследователи [7, с. 34]. Окончательная же институциализация социального государства состоялась лишь в середине XX века, хотя государственные программы социальной защиты были приняты значительно

раньше: США – 1935 г., Канада – 1940 г., Великобритания – 1942 г. В качестве иллюстрации официального признания такого государства можно привести факт провозглашения в Конституции ФРГ «демократического и социального федеративного государства» (1949 г.). Позже последовали изменения в конституциях других стран Западной Европы (Франция – 1958 г., Швейцария – 1972 г., Греция – 1973 г., Швеция – 1974 г., Испания – 1978 г.) [7].

2. В некоторых западных странах сложилась модель *государства всеобщего благоденствия*. Её авторы – Уильям Беверидж (Великобритания), Дж. Кейнс (США) и другие теоретики позднего капитализма. Основной целью новой модели стало создание системы социального партнерства и установление более тесных связей с институтами гражданского общества (трудовыми и профессиональными союзами и пр.). Функции такого государства существенно расширяются. Ему вменяется в обязанности стимулирование фундаментальной науки и поддержка ученых, помощь институтам семьи, материнства, отцовства, детства, финансовая поддержка образовательных и культурных программ, прогрессивное налогообложение, расширение спектра социальных услуг и пр. Появляются новые формы социального страхования, пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания.

Вторая половина XX века ознаменовалась ростом влияния социал-демократов в большинстве западноевропейских стран и появлением новых форм хозяйствования (социальная рыночная экономика), ставших предпосылками развития социального государства. Успешно развивается шведская модель, концептуальные основы которой были сформированы и практически реализованы У. Пальме в 1970-х гг. Её суть наиболее четко выразил один из лидеров шведских социал-демократов Э. Вигфорес: «изменить экономическую организацию буржуазного общества таким образом, чтобы право принятия решения на производстве находилось в руках всего народа, чтобы большинство освободилось от власти меньшинства, владеющего капиталом, и на основе нового типа экономики создало общество, основанное на сотрудничестве граждан на принципах свободы и равноправия» (см.: [10, с. 35]).

3. В конце прошлого века социальное государство вступает в фазу глубочайшего кризиса. Возможно, это каким-то образом связано с распадом Советского Союза и всей системы мирового социализма. Станет ли этот кризис провозвестником перехода к новой модели государства – государству личностного благоденствия – покажет время.

Эволюция представлений о социальном государстве показывает, что оно явилось результатом межклассового компромисса и во второй половине XX века развивалось во многом под воздействием социальных перемен, произошедших в СССР и других странах социалистического лагеря. В нынешних же условиях, когда социализм как мировая система канул в прошлое, а капитализм вступил в новую (глобальную) фазу своего существования, требуется пересмотр и самой доктрины социального государства. Она уже не соответствует тем изменениям, которые произошли в отношениях между системным и жизненным мирами современного социума.

Таким образом, в зависимости от уровня сложности социальных проблем формируется та или иная модель социального государства и его политики:

– порожденные проблемы (неравенство, бедность, голод и пр.) – *минималистское социальное государство* и соответствующая ему реактивная политика, призванная потушить социальный пожар и обеспечить минимальный уровень жизни (прожиточный минимум);

– порождающие или причиняющие проблемы – *государство всеобщего благоденствия* и связанная с ним превентивная (предупредительная или упреждающая) политика, основанная на стратегии опережающего решения проблем и выстраивании партнерских отношений с организациями гражданского общества;

– конструктивные проблемы – *государство личностного благоденствия* (или государство реального гуманизма) и сопряженная с ним социально-гуманитарная политика, при которой большинство причиняющих проблем снимается еще до момента их обострения, а основное внимание уделяется решению проблем-средств, т.е. преодолению препятствий на пути создания благоприятных условий для саморазвития человека как свободной личности, для проявления его лучших качеств.

К определению понятия «социальное государство». Следует отметить, что современные интерпретации, встречающиеся в отечественной литературе, не всегда включают необходимые и достаточные признаки. Причем в одних случаях социальное государство рассматривается в чрезмерно узком или, напротив, широком контексте: государство, управляющее экономикой в интересах большинства населения, государство всеобщей справедливости, государство, которое провозглашает высшей ценностью человека и создает условия для обеспечения достойной жизни, свободного развития и самореализации творческого потенциала личности.

В других случаях термин «социальное государство» определяется через другое явление, более узкое или иное по смыслу, например через «сильную социальную политику», «сглаживание социальных противоречий», «активное влияние на социальную сферу жизнедеятельности общества» (П.К. Гончаров), «социально ориентированные ценности» (В.К. Левашов), «социальное рыночное хозяйство» (Н.И. Лапин), «социальную справедливость и социальную защищенность» (М.В. Баглай) [11], социальную безопасность (Е.А. Лукашева). Следовательно, содержание понятия «социальное государство» раскрывается зачастую при помощи признаков, характеризующихся, в свою очередь, термином «социальный».

Еще один недостаток имеющихся определений состоит в том, что они не раскрывают классовую сущность социального государства при всех его несомненных позитивных сторонах. По-прежнему подчеркивается, что «социальную ориентацию должна приобрести вся экономическая политика правительства и при этом не перечеркивать конкуренцию и экономическую свободу, поощрять индивидуальную инициативу, сохранять и даже усиливать стимул к росту личного благосостояния. Это государство должно бороться не против богатства, а против нищеты…» [11, с. 136–137]. И всё же бороться нужно с причинами нищеты, которые коренятся во многом в неравномерном распределении богатства. Но эти проблемы должно решать уже не социальное государство, порождённое капитализмом в целях его самосохранения, а другое государственное образование, соответствующее новому типу общественных отношений (например, социалистическое или социал-демократическое государство).

Трудно, конечно, дать полное и исчерпывающее определение такого сложного феномена, но можно попробовать выразить его общий смысл. В моём понимании, *социальное государство – это государство капиталистического типа, которое наряду с правовым государством возникает как инструмент сглаживания противоречий между правящими классами и классом рабочих (и в целом неимущих), прежде всего в сфере труда и занятости, и в дальнейшем берет на себя функции защиты интересов большинства и, опираясь на право каждого человека на достойную жизнь и принцип справедливого распределения доходов, развивается в направлении самоорганизации людей в рамках гражданского общества для решения проблем саморазвития человека как свободной и творческой личности.*

В качестве существенных, эмпирически измеряемых признаков современного социального государства исследователи называют реальное осуществление прав и свобод человека посредством обеспечения социальных стандартов благополучия не ниже средних, значительную долю (более 30%) налогов в национальном доходе, направляемых на повышение социального качества жизни, доверие населения институтам власти (Н.И. Лапин).

Итак, социальное государство появилось в результате компромисса между классами и их политическими партиями, вобрав в себя некоторые лучшие черты двух исторически существующих общественных систем (капитализма и социализма). От капитализма оно восприняло идею «организации на началах свободы», принципы «социальной рыночной экономики» и гражданской ответственности. А от реального социализма – идею планирования и коллективного участия, обеспечение социального минимума (полная трудовая занятость и восьмичасовой рабочий день, единая пенсионная система, минимальные зарплаты, социальная помощь малоимущим).

В любом случае социальное государство как политический феномен и программа деятельности не выходит за пределы капиталистического строя, выступая в лучшем случае его самокоррецией или усовершенствованной версией. Истоки многих социальных проблем не выявляются, а загоняются вглубь (например, камерализм как политика изоляции бедности и маскировки нищеты). Будучи по своей сути институциализированным классовым (или точнее – межклассовым) компромиссом и «эквивалентом социогосударственной самокоррекции капитализма» (Ю. Хабермас), оно проходит в своей эволюции разные стадии, зависящие от конкретной модели капиталистической системы и условий её развития.

Социальное государство в России: возможности и перспективы становления. Что же касается Российской Федерации, то сегодня её следует считать минималистским социальным государством по форме (конституционный принцип) и несоциальным (и даже в ряде случаев антисоциальным) по сути. И причин этого я вижу несколько.

Во-первых, социальное государство в России ещё не сформировано в полной мере и остаётся во многом конституционным проектом (или принципом), соответствующим минималистской модели. Так, в статье 7 Конституции РФ (1993 г.) заявлено, что политика государства «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». В числе функций государства перечислены охрана труда и здоровья людей, гаран-

тированный минимальный размер оплаты труда, государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развитие системы социальных служб, государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. Эти конституционные положения можно рассматривать как требования к высшим органам власти реализовать их в ближайшей перспективе. Однако на практике они остались во многом декларативными и не получили развития.

Во-вторых, реальная социальная политика российского государства пока далека от исполнения им конституционных обязательств. До сих пор отсутствует долгосрочная социальная политика, удовлетворяющая запросы социума в целом, что делает её по сути антисоциальной [4]. Об этом свидетельствует и отсутствие в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (2015) термина «социальное государство», на что обращает внимание Н.И. Лапин [5, с. 7]. Нет в числе стратегических национальных приоритетов и такой важнейшей задачи, как построение социального государства. Считается, что коль оно провозглашено в Конституции РФ, то это уже имеет правовую базу.

К сожалению, Основной закон РФ, закрепив победу определенных сил в обществе, не стал действенным документом. Вынужден согласиться с тем, что в России, «учитывая чудовищную дифференциацию по доходам, основной вектор социальной политики российского государства, ориентированный на перекачку средств «снизу вверх», не позволяет эффективно поддерживать по-настоящему бедствующих» [5].

В последние годы полным ходом идёт наступление государства на социальные права российских граждан. Их пространство постепенно сужается под действием новых законодательных инициатив парламента (рост налогов, реформы медицинских учреждений, повышение пенсионного возраста, снижение уровня обязательных выплат и компенсаций и т.д.). Примечательно, что такая политика расходится также с идеей «умеренного государства», которое предлагали в своё время либералы. Государство становится всё более авторитарным, растёт контрольно-бюрократический аппарат, а вместе с ним увеличиваются коррупция и другие злоупотребления властью как в центре, так и на местах.

В-третьих, российский бизнес никак не способствовал складыванию института социального государства. Напротив, он создал блокирующие механизмы («блокаторы»). Как справедливо отмечает Н.И. Лапин, в современной России утвердился корпоративно-олигархический и во многом компрадорский капитал, который стремится к неограниченному росту и, как следствие, – к сохранению неравенства и сворачиванию социальных обязательств [5, с. 7]. Это мешает выработке консенсуса по поводу введения в действие социального государства как конституционного принципа России. Отсюда автор делает вывод: если такие системные институты, как власть и бизнес, желают сохранить своё существование, то им придётся пойти на социальный компромисс с большинством населения [5, с. 8].

В-четвертых, в современной России слабо развиты традиции социальной демократии, благодаря которой во многих западных странах были достигнуты значительные успехи в построении социального государства. Не случайно В.К. Левашов приводит слова Р. Дарендорфа, который считал, что «в своих лучших возможностях XX век был социал-демократическим» [10, с. 35]. Именно социал-демократам принадлежит заслуга в развитии социального государства в условиях развитого капитализма. И я должен согласиться с теми коллегами, которые считают, что будущее российской государственности зависит во многом от того, сумеем ли мы осуществить на практике модель социал-демократического государства, преодолев сопротивление либерально ориентированной части правящего класса, и реализовать конституционный принцип «Россия – социальное государство».

И здесь нужно признать, что у социального государства в России имеются свои противники (в основном представители либерального крыла научной общественности), которые считают, что оно стоит на пути модернизации страны и что необходимо пересмотреть его основополагающие принципы в поисках оптимального соотношения свободы и регулирующей роли государства [12]. Наиболее же радикальные авторы (Ю. Кузнецов) вообще считают его угрозой существования России, призывая к демонтажу институтов социальной поддержки населения. Имеются также те, кто предлагает так называемую субсидиарную модель социальной политики государства, при которой социальные гарантии обеспечиваются по остаточному принципу и лишь в той мере, в которой это оказывается не по силам самим гражданам [13]. Очевидно, что такая идеология, которую иногда называют идеологией «первобытного либерализма», в случае её поддержки на верхних этажах власти может поставить страну на грань социальной катастрофы[2].

И всё же у России остаётся еще перспектива перехода к государству всеобщего благоденствия или к его расширенному варианту – обществу всеобщего благосостояния, которое

«…предусматривает значительное расширение сети добровольных общественных и коммунальных институтов, реализующих социальные услуги», о чем пишет Н.И. Лапин [5, с. 9]. То есть речь идет о необходимости установления тесного союза между социальным государством и гражданским обществом как самоорганизующейся совокупностью людей, их ассоциаций, выстраивающих свои отношения с государством на паритетных началах и на основе принципа взаимодополнительности.

Кроме того, у правящей элиты, к которой принадлежат сверхбогатые люди, не готовые пока к компромиссному согласию, имеются реальные шансы восстановить прямое действие конституционного принципа, хотя бы ради самосохранения, и продолжить курс на модернизацию, используя, прежде всего, «внутренние ресурсы», в т.ч. механизмы сбалансирования доходов и расходов, а также достижения западноевропейских стран в области строительства социального государства [14, с. 5–9]. В послевоенный период там успешно реализуется план Маршалла, ориентированный на практическую реализацию социального рыночного хозяйства, названного впоследствии «немецким чудом». И всё это происходит на фоне демократических завоеваний, расширения социальных прав и гражданских свобод человека.

Но был ли у России исторический шанс пойти по другому пути, минуя капитализм? Ю. Хабермас считает, что такая перспектива была «в случае успеха проекта Горбачева» [8, с. 92–93]. Но этот проект социализма в отличие от социализма, реально сложившегося в России, должен был «…обеспечить общественное богатство и привнести политические свободы социально-государственных массовых демократий в радикальный плюрализм и автономные практические действия общества, заслуживающего называться фундаментально-демократическим» [8]. А это и называют обществом демократического социализма, которому соответствует государство социал-демократического типа.

Одну из главных причин неудачи в реализации проекта перестройки Хабермас видит в том, что не удалось провести полномасштабную реформу политической системы и искоренить бюрократическое господство номенклатуры. К сожалению, гласность не переросла в прозрачность и открытость, в плюрализм общественного мнения и широкое участие граждан в принятии решений. Как стало понятно позже, власть номенклатуры не утратила своего значения и в наши дни. В 1990-х и 2000-х гг. она полностью восстановила свои позиции. В результате победили именно её частные интересы, ей удалось блокировать инициативу снизу и нейтрализовать политическую энергию масс.

Кто же реально выиграл в борьбе за новую Россию? Ответ очевиден: «крупная буржуазия и новая бюрократия, которая обслуживает квазилиберальные реформы и которая «обменяла» старые властные привилегии на собственность и доходы с собственности» [10, с. 45]. В проигрыше же остался весь российский народ, который был цинично обманут инициаторами «перестройки» и последующей «либерализации» и лишен значительной части социальных прав и собственности. Теперь же нам предлагают закрыть глаза на криминальное происхождение российского капитала и принять как должное новый социальный порядок, основанный на союзе крупного бизнеса и власти.

Пока непонятно, в каком направлении пойдёт развитие социального государства в России. Ясно одно: корпоративно-олигархический капитализм, в который скатывается Россия, несовместим с идеей и практикой социального государства. Очень хочется надеяться, что такое государство будет постепенно эволюционировать в русле «демократического социализма» и «гуманистической траектории саморазвития». Общество реального гуманизма, о котором пишет Н.И. Лапин, с одной стороны, и демократический социализм, о котором размышлял Ю. Хабермас, с другой стороны, могут стать действенной альтернативой как социальному капитализму (социальные либералы, прогрессисты и их сторонники), так и рыночному или либеральному социализму, вобрав в себя положительный опыт обеих общественных систем. Возможно, в нём стоит искать «третий путь», а не в попытках прямой конвергенции двух систем или в создании «нового лейборизма».

Примечания

1. Как подчёркивает Н.А. Касавина, социальное государство, «в сущности, способствует реализации экзистенциально значимых потребностей человека и утверждает особые экзистенциальные ценности (жизнь, свобода, творчество)» (Касавина Н.А. Социальное государство: между гуманизмом и прагматизмом // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 38).

2. Следует признать, что нынешняя российская власть, вводя новые непопулярные меры (изменение пенсионной реформы, рост налогов и пр.), продолжает испытывать терпение народа, становясь порой на путь саморазрушения и действуя зачастую иррационально (по принципу «чем хуже для людей, тем лучше для власти»).

Список литературы

1. Немецкая социология / Отв. ред. Р.П. Шпакова. СПб.: Наука, 2003. 562 с.

2. Кочеткова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. Выпуск № 3 (51). С. 69–79.

3. Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии: Руководство, изд. Лоренцом Штейном, проф. Вен. ун-та, как основание его лекций / Пер. с нем., под ред. [и с предисл.] И.Е. Андреевского, орд. проф. С.-Петерб. ун-та. Санкт-Петербург: А.С. Гиероглифов, 1874. XIV, 594, X с. С. 57–60.

4. Гончаров П.К. Социальное государство: сущность и принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2000. № 2. С. 46–59.

5. Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 3–11.

6. Кочеткова Л.Н. Актуальные проблемы социального государства в России (к 20-летию принятия Конституции РФ) // Электронный научный журнал «ГосРег». 2013. № 2. URL: http://gosreg.amchs.ru/pdffiles/4number/articles4/Kochetkova_4.pdf

7. Касавина Н.А. Социальное государство: между гуманизмом и прагматизмом // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 34–43.

8. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: АО «KAMI», 1995. 250 с.

9. Лукашева Е.А. Социальное правовое государство // Проблемы обшей теории права и государства / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999.

10. Левашов В.К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 32–46.

11. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 3-е изд. М.: Норма-ИНФРА, 2002.

12. Дашкевич В.В. Развитие идеи «социального государства» // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. С. 203–210.

13. Кузнецов Ю. Роковой выбор // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 76.

14. Кочеткова Л.Н. Философский дискурс о социальном государстве // Ценности и смыслы. 2009. № 3. С. 6–15.

TRANSFORMATION OF THE WELFARE STATE: FROM IDEAL TO NEW PRACTICAL FORMS

Yu.M. Reznik

Institute of Philosophy, RAS (Moscow)

The social state appears as an instrument for smoothing out of conflicting class interests under capitalism, and in modern conditions continues to act as a form of its political self-correction. The ideas, principles and functions of such a state formulated by L. Stein are still relevant today. At the heart of its activities is the protection of the majority's interests, ensuring their social rights through the redistribution of property and income in favor of the poor. Trying to resolve the most acute class contradictions, the social state goes through several stages in its development: from the minimalist model to the welfare state and further to the search for new models. This path has already been taken by the states of Western Europe, which in the name of strengthening their own security have significantly expanded the range of social services, by implementing in addition to the restrictive and guaranteeing functions also a reflexive function. However, the humanistic potential of such a state (creating conditions for human development and people's decent life) has not yet been fully realized, as evidenced by the processes of its formation in modern Russia. Experience shows that such a state, being a class compromise, develops successfully only on the basis of civil society institutions, which involve people in various forms of self-organization. In addition, the Russian state faces another complex task: the introduction of direct action of the relevant constitutional principle, the development of social democracy and the stimulation of large businesses to participate more extensively in social support programs.

Thus, there is a significant distance between the ideal of a social state (free development of a person) and the reality of its implementation (ensuring the exact minimum). It is not always possible to overcome this gap through social reforms. Therefore, the modern social state is experiencing an acute crisis. More radical steps are required to restructure society and overcome the socio-economic inequalities between different groups of population. Under these conditions, global capitalism faced a historical choice: to continue its "victorious" march around the planet, strengthening the repressive direction of its institutions and generating a chain of destructive consequences, or to take the path of fundamental restructuring of the foundations of its existence. This can lead, in turn, to the change of the social structure and the turn in the direction of the welfare society or real humanism.

Keywords: capitalism, social state, idea, ideal, principle, functions, practice, social problem, social reform, real humanism, welfare state, humanistic state.

УДК 316

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ И ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ИНВАЛИДНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2019 г.

Г.Л. Воронин, Т.Н. Захаркина, А.А. Лакомова

Воронин Геннадий Леонидович, д.соц.н.; доц.; профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва
voroninglmail@mail.ru
Захаркина Татьяна Николаевна, к.соц.н.; ассистент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zakharkina.tn@gmail.com
Лакомова Анастасия Александровна, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
nastyalakomova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.02.2019
Статья принята к публикации 24.04.2019

Социальное самочувствие лиц с ограниченными возможностями здоровья рассматривается в современной науке, как правило, с социально-экономической, социально-медицинской, юридической и психологической точки зрения. Несмотря на то, что с 2010 г. наблюдается отрицательная динамика инвалидизации в первых двух группах инвалидности, количество инвалидов третьей группы и детей-инвалидов возрастает, а численность лиц, имеющих инвалидность, составляет более 12 млн человек, по состоянию на 1 января 2018 г. Было проведено социологическое исследование о проблемах инвалидов и отношении студенческой молодежи к данным проблемам, взаимоотношениях с лицами с ограниченными возможностями здоровья, факторах, влияющих на рождение ребенка-инвалида, и состоянии социальной инфраструктуры для инвалидов. В ходе исследования были опрошены лица с ограниченными возможностями здоровья мужского и женского пола от 8 до 93 лет, имеющие определенную группу инвалидности (*N*=139, целевая выборка), а также студенты очной формы обучения Нижегородской правовой академии, Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (*N*=169, квотная выборка) методом индивидуального анкетирования. Целью исследования является определение проблем и особенностей социального самочувствия инвалидов. В результате исследования были выявлены проблемы, с которыми сталкиваются инвалиды, основные формы занятости инвалидов, возможности трудоустройства, доступные формы образования и учебной адаптации, уровень включенности инвалидов в интернет-пространство, услуги и помощь, в которой нуждаются инвалиды, типы взаимоотношений в семье, виды насилия и жестокого обращения, которому подвергались некоторые категории инвалидов, и качество жизни инвалидов в целом. Представлен сравнительный анализ необходимости и возможности выполнения инвалидами определенных действий в повседневной жизни, а также отношение студенческой молодежи к взаимодействию с инвалидами и проблемам инвалидизации населения.

Ключевые слова: инвалиды, проблемы инвалидов, заболевание, инвалидность, социальная политика, социальная помощь.

Введение

Социальная политика в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья направлена не только на предоставление социально-психологической, материально-финансовой, социально-медицинской помощи данной категории населения, но и на интеграцию их в обществе. В 1995 г. был принят Федеральный закон № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов», который заложил основу современной правовой базы защиты инвалидов, определив в качестве цели государственной политики обеспечение инвалидов равными с другими гражданами возможностями в реализации гражданских, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией РФ. Социальная политика направлена на предоставление материальных льгот и дотаций инвалидам. Данная мера необходима для обеспечения инвалидов жизненно необходимыми товарами и услугами, лекарствами, но без дополнительных мер другого характера, направленных на развитие активной жизненной позиции инвалидов, подобная социальная политика может при-

вести к пассивной позиции лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Согласно Декларации о правах инвалидов, инвалид – это лицо, которое не может самостоятельно обеспечить полностью или частично потребности нормальной личной и (или) социальной жизни в силу недостатка, будь то врожденного или нет, его или ее физических или умственных возможностей.

Согласно пункту 5 данной Декларации, инвалиды имеют право на меры, дающие им возможность приобрести как можно большую самостоятельность. Они имеют право на медицинское, психическое или функциональное лечение, включая протезные и ортопедические аппараты, на восстановление здоровья и положения в обществе, на образование, ремесленную профессиональную подготовку и восстановление трудоспособности, на помощь, консультации, услуги по трудоустройству и другие виды обслуживания, которые позволят им максимально проявить свои возможности и способности и ускорят процесс их социальной интеграции или реинтеграции [1].

Всемирная организация здравоохранения дает следующее определение понятия инвалидности – ограничение жизнедеятельности и здоровья, подразумевающее совокупность структурных, функциональных и социальных нарушений [2].

С 1998 г. в России наблюдается устойчивая тенденция к сокращению численности инвалидов, что во многом связано с изменениями законодательства о порядке признания лица инвалидом. С 2010 г. отрицательная динамика инвалидизации наблюдается лишь в первых двух группах инвалидности, тогда как численность инвалидов III группы и детей-инвалидов возрастает.

По данным Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на 1 января 2018 г. в России зарегистрировано 12 111 000 граждан, имеющих инвалидность. Среди них около 1 466 000 человек входят в I группу инвалидности, 5 552 000 – во II группу, 4 442 000 человек отнесены к III группе, 651 000 человек являются детьми-инвалидами [3].

Социальное самочувствие по своей природе является социально-психологическим явлением. В рамках социологического подхода социальное самочувствие характеризуется как относительно устойчивая эмоциональная реакция субъекта на воздействие социальной среды и условий его жизнедеятельности. Оно рассматривается во взаимосвязи степени удовлетворенности или неудовлетворенности и оценки социальным субъектом своих возможностей. Социальное самочувствие определяется как интегральная характеристика удовлетворенности/неудовлетворенности человека своим социальным положением, как индикатор его настроений и ориентаций [4].

Некоторые исследователи социального самочувствия инвалидов выделяют патологическое и здоровое социальное самочувствие. Патологическое социальное самочувствие свойственно людям с инвалидностью, которые приняли патерналистскую (пассивную) модель инвалидности в качестве оптимальной в отношениях между обществом и инвалидами. Они соглашаются со своей ролью опекаемого, больного и полагают, что общество должно соответственно относиться к ним. Они ориентированы на социальное обслуживание и обеспечение и не стремятся к социальной интеграции и социальной мобильности. Инвалиды, согласно данной патологической модели социального самочувствия, воспринимают свой низкий уровень интегрированности в общество как естественное следствие их болезни и оценивают уровень своей интеграции в общество с позиции инвалида [5, с. 97].

Здоровое социальное самочувствие свойственно людям с инвалидностью, которые придерживаются социальной модели инвалидности. Они не соглашаются со своим положением опекаемого и ориентированы на большую интеграцию и социальную мобильность в обществе. Они оценивают занимаемое ими социальное положение более адекватно, а потому их социальное самочувствие находится в прямой зависимости от действительного уровня интеграции в обществе [5, с. 97].

Методы исследования

В июне–июле 2018 г. коллективом факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ им. Н.И. Лобачевского) в рамках реализации гранта РФФИ 18-411-520002 «Здоровьесбережение в практиках современной нижегородской семьи» было проведено исследование, посвященное проблемам инвалидов. В ходе исследования проходил опрос инвалидов и студентов двух нижегородских университетов.

В опросе, связанном с проблемами инвалидов и их социальным самочувствием, приняли участие 139 человек, имеющих определенную группу инвалидности и заболевание. Среди них 35.7% инвалидов мужского пола и 64.3% инвалидов женского пола в возрасте от 8 до 93 лет.

В другом опросе приняли участие 169 студентов очной формы обучения Нижегородской правовой академии и Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Таблица 1

Распределение респондентов по группам инвалидности, %

Группа инвалидности	Количество
Первая группа	22.1
Вторая группа	45.0
Третья группа	17.9
Не дали ответа на данный вопрос	15.0

Таблица 2

Причины инвалидности и тип ограничения, %

Причина инвалидности	Количество
Общее заболевание	62.1
Инвалидность с рождения	25.0
Инвалидность с детства вследствие травмы	4.3
Профессиональное заболевание	2.9
Не дали ответа	5.7
Тип ограничения	Количество
Общее заболевание	38.6
Опорно-двигательный аппарат	30.0
Нарушение психического здоровья	12.1
Зрение	7.1
Слух	6.4
Другое	5.8

Результаты исследования

В первом опросе меньше половины респондентов (45%) имеют вторую группу инвалидности, 22.1% – первую группу инвалидности, 17.9% – третью группу инвалидности, 15% не ответили на вопрос о группе инвалидности (табл. 1).

Основной причиной инвалидности у опрошенных является общее заболевание (62.1%), инвалидность с рождения имеется у 25% опрошенных, у 4.3% инвалидность наступила вследствие травмы с детства, 4.3% получили трудовое увечье, у 2.9% инвалидность появилась вследствие профессионального заболевания, 5.7% не ответили на вопрос о причине инвалидности. Основными типами ограничения жизнедеятельности опрошенных инвалидов являются общее заболевание (38.6%), опорно-двигательный аппарат (30%), нарушение психического здоровья (12.1%), зрение (7.1%), слух (6.4%), другое (5.8%) (табл. 2).

Неполное среднее образование имеют 17.9% респондентов, общее среднее – 9.4%, среднее специальное – 40%, и высшее образование имеют 31.9% респондентов. Таким образом, большая часть опрошенных инвалидов (более 70%) имеет профессию, высшее образование или даже ученую степень.

По мнению респондентов, наиболее доступными формами образования без дискриминации по признаку инвалидности являются общее среднее (29%), среднее профессиональное (24%) и высшее (15%). Значительная часть респондентов считают, что ни к одной из перечисленных в вопросе форме образования (общее среднее, среднее профессиональное, высшее, курсы повышения квалификации, переподготовка, обучение компьютерной грамотности) не имеют доступа (34%).

При получении образования лицам с ограниченными возможностями здоровья были предоставлены следующие формы адаптации: индивидуальное консультирование (27%), безбарьерная среда учебного заведения, т.е. пандусы, лифты (27%), адаптация учебного материала под нужды лиц с ограниченными возможностями здоровья (26%), наличие наставника, тьютора (13%), специализированное технологическое обеспечение образовательного процесса (12%). Со специализированными формами контроля и экзаменов (9%), а также специализированными программами практики (9%) лица с ограниченными возможностями здоровья практически не сталкивались (табл. 3).

Если говорить о семейном положении респондентов, то 38.6% опрошенных проживают одни, 25.7% – только с супругой (супругом), 31.4% – с супругой (супругом) и с детьми, 3.9% – только с детьми. По результатам исследования, подавляющее большинство опрошенных инвалидов являются неодинокими людьми, практически каждый второй опрошенный имеет семью.

Значимым фактором социального самочувствия является уровень материального благополучия инвалидов, поскольку большая часть денежных средств тратится ими на покупку медицинских препаратов и изделий, специального реабилитационного оборудования, средств

Таблица 3

Доступные формы образования и формы адаптации учебного процесса без дискриминации по признаку инвалидности, %

Доступные формы образования без дискриминации по признаку инвалидности	Количество
Общее среднее	29
Среднее профессиональное	24
Высшее	15
Курсы повышения квалификации, переподготовка	9
Обучение компьютерной грамотности	9
Ни одно из перечисленных	34
Доступные формы адаптации учебного процесса	Количество
Безбарьерная среда учебного заведения (пандусы, лифты)	27
Индивидуальное консультирование	27
Адаптация учебного материала под нужды лиц с ограниченными возможностями	26
Наличие наставника (тьютора)	13
Специализированное технологическое обеспечение образовательного процесса	12
Специализированные программы практики	9
Специализированные формы контроля и экзаменов	9

Сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

передвижения, лечение и медицинские услуги. Значительная часть опрошенных оценивают свой достаток как «средний» (63.6%), 22.1% считают, что у них низкий уровень достатка, 10% оценивают свой достаток выше среднего, а 4.3% полагают, что у них высокий уровень достатка. Как показал анализ данных, существует взаимосвязь между удовлетворённостью материальным положением и уровнем образования инвалида: чем выше уровень образования, тем выше респонденты оценивают свое материальное положение (χ-квадрат Пирсона равен 16.504, при $p<0.0113$). Взаимосвязи между переменными уровня материального благополучия и группой инвалидности выявлено не было.

Инвалиды имеют средний уровень достатка. Некоторые из них живут не только на пенсию по инвалидности, но и на денежный доход от продажи собственных изготовленных изделий (например, декоративно-прикладного творчества), оказанных услуг (например, набор текстов на компьютере), а также на заработную плату. Вторая и третья группа инвалидности позволяют работать данной категории людей при соблюдении определенных условий труда.

Помимо присвоения самой конкретной группы инвалидности дополнительно устанавливается и степень ограничения трудоспособности. Как и групп инвалидности, их три:

– Первая степень ограничения трудоспособности является самой легкой. В данной ситуации человек не имеет ограничений при выборе труда, за исключением тяжелых, вредных и опасных условий.

– Вторая степень налагает уже большие ограничения. Такому человеку нужно либо специально организованное рабочее место, либо специальные условия труда. Выбор работ и их время тоже ограничены.

– Третья степень ограничения трудоспособности является самой строгой и подразумевает, что человек не может работать. То есть работодатель не имеет права принимать на работу такого работника, даже с его согласия. Иногда в справке об инвалидности, в графе «Степень ограничения трудоспособности» может проставляться пометка «не имеет», это означает, что ограничений по трудоспособности такое лицо практически не имеет, но при этом все равно нужно создавать условия труда, не противоречащие индивидуальной программе реабилитации. За таким инвалидом сохраняются все льготы, положенные трудовым законодательством [6].

В профессиональную реабилитацию инвалидов, согласно результатам исследования, входят содействие в трудоустройстве (26%), производственная адаптация (19%) и профессиональная ориентация (19%).

Инвалиды в основном работают на дому (20.6%), работают на предприятии, в организации на постоянной основе (14%) или являются безработными, но не состоят на учете в службе занятости (11.8%) (рис. 1).

Данное исследование выявило мнение инвалидов об их возможностях трудоустройства. Инвалиды считают, что немногие предприятия согласны брать лиц с ограниченными возможностями на работу (79.7%), лица с ограниченными возможностями имеют доступ к программам профессиональной ориентации, службам трудоустройства (согласны и скорее согласны – 67.6%), социальные службы оказывают помощь в поиске, сохранении и возобновлении работы (57.7%).

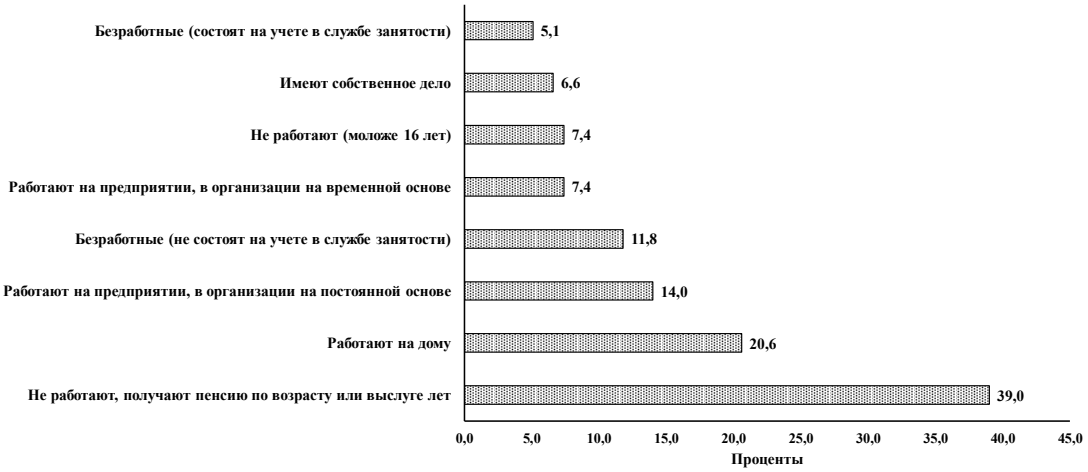

Рис. 1. Занятость инвалидов

(сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа)

Также они полагают, что при выборе между инвалидом и здоровым работником, обладающими одинаковой квалификацией, работодатель предпочтет здорового сотрудника (согласны и скорее согласны – 52.6%), в глазах работодателя инвалиды обладают более низкой квалификацией (53.7%).

Лица с ограниченными возможностями здоровья не согласны и скорее не согласны со следующими утверждениями: «В городе широкий спектр организаций для трудоустройства» (77.2%), «Квалификация лиц с ограниченными возможностями не уступает квалификации здоровых работников» (59.1%); «На предприятиях есть приспособленные рабочие места» (68.3%); «Лица с инвалидностью имеют возможность достойно зарабатывать» (67.4%). Таким образом, инвалиды считают, что не созданы в полной мере условия для их трудоустройства и дальнейшей профессиональной деятельности (табл. 4).

Острым для многих людей является жилищный вопрос, волнует он и инвалидов, поскольку жилье для некоторых категорий инвалидов должно быть оснащено специальным оборудованием для самостоятельного передвижения и жизнеобеспечения в бытовых условиях. Среди опрошенных 50.7% имеют собственную квартиру, 22.9% проживают в доме инвалидов, интернате, 10% проживают в собственном частном доме, 5.7% живут в коммунальной квартире, 5% имеют социальное жилье, 3.6% арендуют чужое жилье, 2.1% живут в общежитии. Больше половины респондентов (59.3%) имеют потребность в улучшении жилищных условий, практически каждый четвертый (23.6%) также имеет данную потребность, но нет никаких перспектив улучшения жилищных условий. Каждый восьмой респондент (12.1%) нуждается в улучшении жилищных условий, в семье планируется покупка лучшего жилья. Небольшая доля респондентов (4.3%) имеют данную потребность и стоят в очереди на получение социального жилья, и 0.7% имеют эту потребность, поэтому планируют переезд в интернат (табл. 5).

Больше половины респондентов (52.1%) проживают в Нижнем Новгороде, остальные (47.9%) – в Нижегородской области (Дзержинске, Кстове, Балахне, п. Новинки, п. Юганец, п. Ардатов, с. Сеченово, д. Константиново).

Часто люди с ограниченными возможностями здоровья не акцентируют внимание на инвалидности, им важнее их физическое самочувствие и настроение. Иногда настрой человека на ту или иную деятельность, отношение к своему заболеванию или физическому ограничению важнее, чем официально подтвержденная группа инвалидности. Люди с инвалидностью часто становятся выдающимися личностями в спорте, музыке, искусстве, науке.

В целом респонденты заявляют о низком уровне удовлетворенности качеством своей жизни. Прежде всего, это низкий уровень настроения (67.6%). Респонденты отмечают низкий уровень организации оформления медицинских документов (65.8%), доступности реабилитации (64.0%). Около 60% респондентов говорят о плохом или удовлетворительном физическом самочувствии (табл. 6).

Результаты корреляционного анализа указывают, что существует согласованность ответов респондентов в оценке качества своей жизни: если респондент оценивает свое настроение как плохое или удовлетворительное, то в качестве объективных факторов выступают в целом низкий уровень удовлетворенности своей жизнью – доступность приема узких специалистов, проблемы в получении психологической помощи и

Таблица 4

Оценка респондентами возможности трудоустройства лиц с ограниченными возможностями здоровья, %

Утверждение	Согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен
Немногие предприятия согласны брать лиц с ограниченными возможностями на работу	41.3	38.4	13.8	6.5
Лица с ограниченными возможностями имеют доступ к программам профессиональной ориентации, службам трудоустройства	12.0	55.6	18.0	14.4
Трудовые права лиц с ограниченными возможностями защищают общественные организации и профсоюзы	10.5	47.4	24.8	17.3
Социальные службы оказывают помощь в поиске, сохранении и возобновлении работы	9.6	48.1	28.1	14.2
В глазах работодателя лица с ограниченными возможностями обладают более низкой квалификацией	22.8	30.9	36.8	9.5
При выборе между инвалидом и здоровым работником, обладающими одинаковой квалификацией, работодатель предпочтет здорового сотрудника	34.8	17.8	40.7	6.7
Квалификация лиц с ограниченными возможностями не уступает квалификации здоровых работников	8.8	32.1	42.3	16.8
Лица с инвалидностью имеют возможность достойно зарабатывать	7.4	25.2	51.1	16.3
На предприятиях есть приспособленные рабочие места	9.3	22.4	44.9	23.4
В городе широкий спектр организаций для трудоустройства	8.8	14.0	50.7	26.5

Таблица 5

Жилье и жилищные условия, %

Тип жилья	Количество
Собственная квартира	50.7
Проживают в доме инвалидов, интернате	22.9
Собственный частный дом	10.0
Коммунальная квартира	5.7
Социальное жилье	5.0
Арендуют чужое жилье	3.6
Общежитие	2.1
Улучшение жилищных условий, жилищный вопрос	Количество
Имеют потребность в улучшении жилищных условий	59.3
Имеют потребность в улучшении жилищных условий, но нет никаких перспектив улучшения	23.6
В семье планируется покупка лучшего жилья	12.1
Находятся в очереди на получение социального жилья	4.3
Планируют переезд в интернат	0.7

Таблица 6

Оценка респондентами качества своей жизни, %

Параметры качества жизни	Плохо	Удовлетв.	Хорошо	Отлично
Обеспечение необходимыми препаратами	31.3	29.9	30.6	8.2
Настроение	27.3	40.3	28.8	3.6
Доступность реабилитации	18.0	46.0	28.1	7.9
Физическое самочувствие	17.3	41.7	36.7	4.3
Организация оформления медицинских документов	12.9	52.9	25.7	8.5
Организация процедуры получения льгот	12.2	45.3	30.2	12.3
Доступность медицинских услуг (анализы, УЗИ)	11.7	49.6	32.8	5.9
Психологическая помощь	9.6	52.9	30.1	7.4
Доступность приема узких специалистов	6.5	47.1	34.8	11.6

других медицинских услуг, забюрократизированность процедуры получения льгот и другие (Альфа Кронбаха равна 0.928, 9 переменных).

Согласно результатам исследования, практически 60% инвалидов считают, что плохо или крайне плохо обеспечены необходимыми

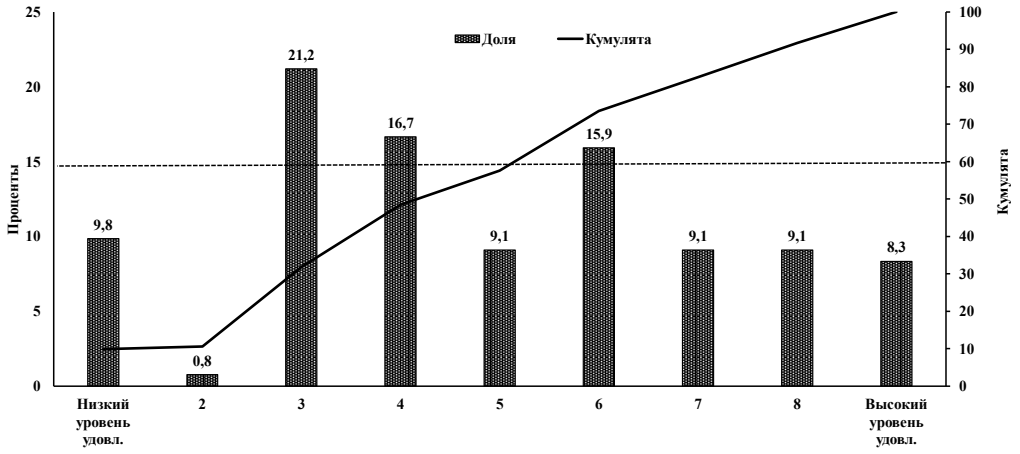

Рис. 2. Интегральная оценка качества своей жизни респондентами в %, по 10-балльной шкале

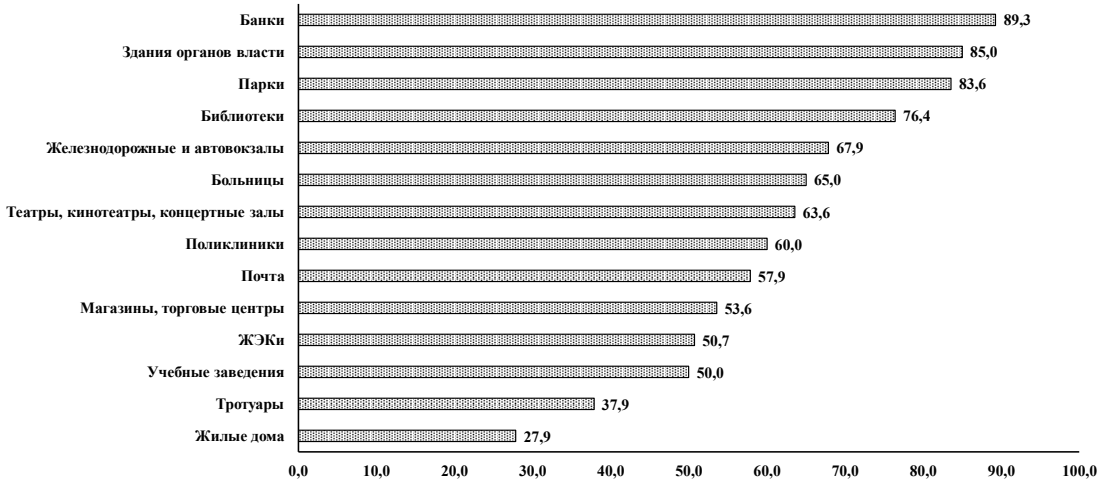

Рис. 3. Оценка респондентами уровня доступности (наличие пандусов/подъемников и других приспособлений) социально значимых объектов инфраструктуры, %
(сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа)

препаратами. Они также низко оценили доступность медицинских услуг (сумма оценок «плохо» и «удовлетворительно» – 61.3%), оказанную им психологическую помощь (62.5%).

В целом результаты анализа показывают, что около 60% респондентов не удовлетворены качеством своей жизни (рис. 2).

Важными составляющими жизни инвалидов являются не только уровень достатка, жилищное обеспечение, физическое самочувствие и настроение, но и социальное обслуживание, другие услуги и помощь, предоставляемые данной категории населения.

Оснащенность социально значимых объектов инфраструктуры (пандусы, подъемники, специальные светофоры и тротуарные дорожки) необходима для облегчения передвижения людей с ограниченными возможностями здоровья в общественных местах. Если данная составляющая реализована в местности в полной мере, инвалиды могут почувствовать себя равными с другими людьми.

Исследование позволило выявить ряд проблем оснащенности социально значимых объектов инфраструктуры: не оборудованы пандусами/подъемниками и другими приспособлениями для инвалидов в большей степени жилые дома (72%), тротуары (62%), учебные заведения (50%), ЖЭКи (49%), магазины, торговые центры (46%), почта (42%) и поликлиники (40%). В меньшей степени – театры, кинотеатры, концертные залы (36%), больницы (35%), железнодорожные и автовокзалы (32%), библиотеки (24%), парки (16%), здания органов власти (15%) и банки (10%) (рис. 3).

К сожалению, 44.3% инвалидов не знают о такой услуге, как социальное такси, 27.1% инвалидов отмечают, что такая служба отсутствует в городе, 15% считают, что данная услуга является дорогой для них, 5% респондентов

Таблица 7

Сравнительная характеристика необходимости и возможности выполнения инвалидами определенных действий в повседневной жизни, %

Необходимость	Действия	Возможность
73.6	Посещать поликлинику	88.6
73.6	Посещать магазин	88.6
72.1	Передвигаться по населенному пункту	87.9
71.4	Посещать банк	60.0
67.1	Посещать почту	60.0
66.4	Посещать органы социальной защиты	82.9
57.1	Посещать культурные заведения (театр, кинотеатр, библиотека)	72.9
52.1	Посещать здания органов власти, администрацию	52.9
42.1	Пользоваться общественным транспортом	62.9
29.3	Заниматься спортом (посещение спортивного зала, бассейна)	42.1

Оценка уровня согласованности ответов респондентов о необходимости и возможности пользования объектами городской инфраструктуры, коэффициент корреляции Спирмена

Оцениваемые параметры: Необходимость * Возможность	Коэффициент корреляции	Значимость (двухсторонняя)
Пользоваться общественным транспортом	.506	$p<0.001$
Передвигаться по населенному пункту	.501	$p<0.001$
Заниматься спортом (посещение спортивного зала, бассейна)	.404	$p<0.001$
Посещать банк	.402	$p<0.001$
Посещать поликлинику	.396	$p<0.001$
Посещать органы социальной защиты	.359	$p<0.001$
Посещать культурные заведения (театр, кинотеатр, библиотека)	.348	$p<0.001$
Посещать магазин	.294	$p<0.001$
Посещать почту	0.019	$p>0.05$

используют эту услугу при необходимости, 8.6% не ответили на этот вопрос анкеты. Возможно, больше половины респондентов данной услугой не пользуются (отсутствует необходимость в ней), поэтому не информированы или мало знают о ней.

Согласно исследованию, сравнительная оценка необходимости и возможности выполнения инвалидами определенных действий в повседневной жизни показывает, что инвалиды имеют достаточно хорошие возможности. Например, 72.1% имеют необходимость самостоятельно передвигаться по населенному пункту, а 87.9% имеют не только эту необходимость, но и возможность. Подавляющее большинство опрошенных инвалидов (82.9%) имеют возможность посещать органы социальной защиты населения и магазин (табл. 7).

В ходе анализа «необходимости» и «возможности» инвалидов посещать социально значимые объекты городской инфраструктуры были выявлены статистически значимые взаимосвязи: в большинстве случае инвалиды, нуждающиеся в посещении тех или иных социальных объектов инфраструктуры, в состоянии это реализовать. Исключение составляет посещение помещений почты и органов власти. В отношении этих социально значимых объектов ситуация выглядит несколько иначе – те инвалиды, которым необходимо посетить их, заявляют об отсутствии такой возможности, и наоборот, те, кто не нуждается в посещении этих объектов, заявляют, что посещение этих объектов не вызовет у них никаких трудностей (табл. 7).

Лицам с ограниченными возможностями здоровья необходимо владеть подробной информацией о своих правах, льготах, социально-медицинских, социально-правовых, социально-бытовых и прочих услугах, которые им необходимы для полноценной жизни в обществе. В связи с этим инвалиды создают сообщества в социальных сетях, делятся своим опытом оформления той или иной льготы, получения определенного препарата. В дальнейшем такие сообщества превращаются в некоммерческие организации, которые оказывают различного рода помощь и консультации таким же людям, как и они, которые попали в трудную жизненную ситуацию или столкнулись с проблемами. Поэтому человек с ограниченными возможностями здоровья должен получать информацию об этом из различных каналов связи (Интернет, телевидение, радио, печатные издания, социальное окружение).

Таблица 8

Источники получения информации о правах инвалидов и социальных услугах, %

Источник получения информации о правах инвалидов, социальных услугах	Количество
Телевидение	75
Интернет	71
Пресса	56
Соседи, друзья, знакомые	54
Радио	50
Печатные издания общественных организаций	32
Социальные работники	18
Работники здравоохранения	18
Социальная реклама	18

Сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 9

Учреждения, организации, люди, к которым инвалиды обращались за помощью, %

Учреждение, организация	Количество
Районные центры социальной защиты населения	72
Семья	43
Общественные организации	41
Органы государственной власти, местная администрация	39
Религиозные организации	31
Благотворительные организации	12
Волонтеры	12

Сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Наиболее доступными источниками информации/связи являются мобильная телефонная связь (86.4%), телевизионное вещание (75%), Интернет (69.3%), стационарная телефонная связь (63.6%), почта (53.6%) и радио (53.6).

Из перечисленных источников информации/связи инвалиды получают информацию о своих правах, социальных услугах в основном из телевидения (75%), Интернета (71%), прессы (56%), от соседей, друзей, знакомых (54%), радио (50%). Меньшая часть респондентов подобную информацию получают из печатных изданий общественных организаций (32%), от социальных работников (18%), от работников здравоохранения (18%) и социальной рекламы (18%). К сожалению, по мнению инвалидов, работники социальных служб и системы здравоохранения не являются основными источниками информации о льготах, социальных услугах, которые могут быть предоставлены, хотя на телевидении, в Интернете и других источниках СМИ все чаще появляется социальная реклама, которая служит достаточно мобильным каналом обратной связи между инвалидами и специалистами, работающими с инвалидами.

Необходимо отметить, как сами инвалиды оценивают свой уровень знания о правах и возможностях их защиты. Меньше половины респондентов (45.7%) достаточно хорошо знают основные положения, 37.1% знают только отдельные аспекты; 11.4% считают, что у них низкий уровень знания о своих правах и возможностях их защиты, только 5.7% знают очень хорошо (имеют полную информацию).

Права инвалидов в исследовании были подразделены на базовые (право на жизнь, личную свободу, свободу слова), политические (выбирать, быть избранным, участвовать в политической жизни), социально-экономические (право на труд, достаточный уровень жизни, социальную защиту), культурные (право на признание и поддержку особой культурной и языковой самобытности) и экологические (право на благоприятную окружающую среду).

По мнению инвалидов, их базовые (46.4%), политические (42.9%), социально-экономические (45.7%), культурные (45.7%), экологические права (44.3%) соблюдены.

Для полной реализации своих прав инвалиды обращаются в государственные и некоммерческие организации за получением консультации, помощи или услуги. Основными организациями, которые оказывают помощь инвалидам, являются районные центры социальной защиты населения (72%), семья (43%), общественные организации (41%), органы государственной власти, местная администрация (39%), религиозные организации (31%), благотворительные организации (12%) и волонтеры (12%). Большее доверие инвалиды проявляют к государственным учреждениям, но также обращаются за помощью к родственникам и специалистам некоммерческих организаций.

Больше половины опрошенных инвалидов удовлетворены оказываемыми им услугами: 41.4% респондентов скорее удовлетворены, 36.4% полностью удовлетворены. Малая доля опрошенных инвалидов не удовлетворены ими:

Таблица 10

Уровень включенности инвалидов в интернет-пространство, %

Цель использования Интернета	Количество
Использование портала государственных услуг	58
Запись к врачу через портал пациента и сайт поликлиники	49
Оплата услуг ЖКХ, мобильной связи, транспорта	48
Общение по электронной почте	46
Общение в мессенджерах (Viber, WhatsApp)	39
Совершение покупок в интернет-магазинах	31
Чтение и общение на форумах	26
Производство и продвижение контента (фото, видео, текст, аудио) на специализированных ресурсах («ВКонтакте», Facebook, Instagram, YouTube, Twitter)	16
Видеоигры	14
Работы через Интернет	11
Ведение личного блога в социальных сетях	9
Онлайн-образование	9

Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

Таблица 11

Услуги и помощь, необходимые для инвалидов, %

Услуга или помощь	Количество
Медицинское обслуживание	65.7
Оздоровление в санатории	60.0
Материальная помощь	44.3
Правовая (юридическая) помощь	40.0
Психологическая помощь	21.4
Получение образования	12.1
Помощь в трудоустройстве	12.1
Обучение компьютерной грамотности	10.7
Услуги социальных работников	10.0

Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

18.6% скорее не удовлетворены, 3.6% не удовлетворены.

Большую популярность практически среди всех категорий населения набирает использование Интернета для получения необходимой информации и осуществления определенных действий и операций, которые облегчают повседневную жизнь.

Лица с ограниченными возможностями здоровья пользуются Интернетом преимущественно с целью использования портала государственных услуг (58%), записи к врачу через портал пациента и сайт поликлиники (49%), оплаты услуг ЖКХ, мобильной связи, транспорта (48%), общения по электронной почте (46%).

Менее популярными оказались ответы, связанные с общением в мессенджерах, например Viber, WhatsApp (39%), совершением покупок в интернет-магазинах (31%), чтением и общением на форумах (26%) и др. (табл. 10).

Если говорить о сообществах, группах для лиц с ограниченными возможностями здоровья в социальных сетях, то 29.3% респондентов не состоят в таких группах, 16.4% состоят в таких группах, но только читают информацию, опубликованную в них, 37.1% не имеют аккаунта в социальных сетях, 5.7% состоят в группах и оставляют комментарии, 5% состоят в группах и активно общаются, 4.3% не знают о существовании таких групп, 2.2% состоят, но не посещают их.

С темой реализации прав инвалидов связан вопрос жестокого обращения или насилия, которому могут подвергнуться инвалиды в семье, при обращении в соответствующие организации или в обществе в целом. Согласно результатам исследования, подавляющее большинство инвалидов отметили, что нигде не подвергались физическому (85.7%), психологическому (72.9%) и экономическому насилию (80%). Но 35.7% респондентов не получили должной заботы в обществе, точнее, их просьбы были проигнорированы.

Ситуация жестокого обращения и насилия в отношении инвалидов может исходить из психологического климата, который существует в семье. Согласно результатам исследования, у 62.9% инвалидов обстановка в семье является дружественной. Кроме того, 48.6% инвалидов отметили, что за последние годы их жизнь и жизнь их семьи стала значительно лучше, а 40.7% считают, что их жизнь и жизнь их семьи в ближайшие годы станет несколько лучше.

Проблемы людей с ограниченными возможностями здоровья являются важными не только

Таблица 12

Виды насилия/жестокого обращения, которому подвергались или не подвергались инвалиды, %

	В семье	При обращении в организации	В обществе	Нигде
Физическое насилие (побои)	8.6	2.1	3.6	85.7
Экономическое насилие (присвоение денег, отказ в выдаче средств на необходимое)	3.6	7.8	8.6	80.0
Психологическое насилие (оскорбление, крик, унижение)	3.6	11.4	12.1	72.9
Отсутствие заботы, игнорирование*	2.1	12.1	35.7	5.0

*45.1% респондентов не дали ответа на данный вопрос.

Таблица 13

Оценка респондентами характера взаимоотношений в семье, %

Взаимоотношения в семье	Количество
Благоприятная обстановка в семье	62.9
Скорее благоприятная, бывают единичные конфликты	25.7
Скорее напряженная	7.9
Очень напряженная	3.5
Изменение жизни инвалидов и жизни их семьи в последние годы	Количество
Жизнь стала лучше	17.1
Значительно лучше	48.6
Не изменилась	20.0
Несколько хуже	10.0
Значительно хуже	4.3
Изменение жизни инвалидов и жизни их семьи в ближайшие годы	Количество
Значительно лучше	10.7
Несколько лучше	40.7
Ничего не изменится	36.4
Несколько хуже	6.4
Значительно хуже	5.8

для них самих, но и для общества в целом. В случае максимального создания условий для инвалидов (в общественных местах, на предприятиях, в фирмах, жилых домах, на объектах социальной инфраструктуры) данная категория населения будет являться трудовым и социальным капиталом наравне практически со всем населением.

Согласно исследованию, респонденты отметили, что публикации статей в СМИ, Интернете (51%), конференции, круглые столы, форумы (41%), формирование районного/городского сообщества инвалидов (40%), рассказ о жизни человека с инвалидностью через интернет-каналы (36%), социальная реклама (35%), раздача листовок, буклетов (30%) привлекут внимание к проблемам инвалидов.

Вторая часть исследования касалась опроса студентов об их отношении к проблемам инвалидов, взаимодействии с ними и факторах, которые могут привести к рождению ребенка-инвалида или появлению инвалидности в течение жизни.

В исследовании приняли участие 169 студентов очной формы обучения. Из них 22% респондентов – студенты Нижегородской правовой академии юридической специализации и 78% — студенты ННГУ им. Н.И. Лобачевского факультета социальных наук, института международных отношений и мировой истории, института филологии и журналистики, института реабилитации и здоровья человека (26%, 34%, 24%, 16% соответственно).

Исследователями был определен перечень основных проблем инвалидов, которые были ранжированы респондентами следующим образом (табл. 14).

Большинство респондентов к наиболее острым проблемам инвалидов относят их трудоустройство и получение ими качественной реабилитации. Это связано с узким кругом трудовых сфер, в которых могут быть задействованы люди с ограниченными возможностями здоровья, и малым количеством специальных учреждений с высококачественным оборудованием для их реабилитации. К достаточно острым респонденты отнесли не только материальные, но и такие медико-социальные проблемы, как доступность медицинской помощи, качество системы реабилитации инвалидов, невнимание со

Таблица 14

Наиболее острые проблемы инвалидов, %

Проблема инвалидов	Количество
Трудоустройство	53
Качественная реабилитация	43
Доступная медицинская помощь	38
Материальные проблемы	37
Доступная среда	34
Качество системы реабилитации	31
Невнимание со стороны власти	31
Получение качественного образования	26
Наличие специализированных социальных учреждений	24
Правовая (юридическая) грамотность	24
Дискриминация в различных сферах	23
Невнимание со стороны общества	22
Доступность и качество услуг социальных работников	21
Доступная психологическая помощь	18
Социальная изоляция	15
Компьютерная грамотность	9
Организация сообщества инвалидов	8
Взаимоотношения в семье	6

Сумма ответов превышает 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

стороны власти, которое, в свою очередь, может коррелировать с низким уровнем развития доступной среды, отсутствие спектра специализированных социальных учреждений с доступными и качественными услугами социальных работников, дискриминация в различных сферах и невнимание со стороны общества и социальная изоляция.

В целом, абсолютное большинство выделенных исследователями проблем (78%) респонденты относят к категориям «достаточно острые» или «острые», что говорит о критическом положении исследуемой категории в представлениях современного студенчества. Наименее острыми респонденты обозначили проблемы правовой и компьютерной грамотности, взаимоотношений в семье и организации сообщества инвалидов.

Большинство респондентов в основном испытывают желание помочь таким группам инвалидов, как инвалиды по зрению (58%), инвалиды по слуху (51%), люди с нарушением функции опорно-двигательного аппарата (55%), инвалиды военных действий (47%), однако больше всего данное желание у респондентов проявляется к детям с ограниченными возможностями здоровья (табл. 15).

Особого внимания среди всех категорий инвалидов заслуживают люди, страдающие нарушением психического здоровья: у 35% респондентов данная группа вызывает сочувствие или жалость, 19% испытывают страх по отношению к ним. По сравнению с распределением ответов респондентов в отношении других категорий инвалидов, значительное количество призналось, что старается «не замечать» людей с нарушениями психического здоровья.

Большинство респондентов считают для себя приемлемыми любые виды взаимодействий с людьми с ограниченными возможностями здоровья (табл. 16).

Оптимальными видами взаимодействия для большинства респондентов являются соседство в подъезде/доме с человеком, имеющим инвалидность (80%), посещение общественных мест с людьми, имеющими инвалидность (70%), и наличие гражданства одной страны (85%), то есть те виды взаимодействий, которые в основном не требуют прямого контакта с людьми, имеющими инвалидность. Взаимодействия, требующие прямого общения с людьми с инвалидностью, такие как дружба, обучение в одной группе, работа в одном коллективе, являются возможными, но для чуть меньшего числа респондентов (67%, 76%, 67% соответственно). Однако более тесный контакт с человеком, имеющим инвалидность, а именно брак и дальнейшая семейная жизнь, для большинства респондентов является уже нежелательным. В целом абсолютное большинство респондентов (80%) относится толерантно к людям с ограниченными возможностями здоровья.

Респонденты полагают, что сегодня основными факторами, влияющими на рождение ребенка с инвалидностью, являются генетические нарушения (83%), вредные привычки, а именно алкоголь и курение (77%) и прием наркотиков (74%). Неблагоприятная экологическая обстановка и венерические заболевания в меньшей степени влияют на появление ребенка с ограниченными возможностями здоровья (38% и 19% соответственно). И только по 5% респондентов полагают, что неправильное питание и отсутствие физической активности могут способствовать появлению ребенка-инвалида.

Таблица 15

Чувства респондентов по отношению к различным группам инвалидов, %

Группа	Желание помочь	Желание «не замечать»	Сочувствие, жалость	Неприязнь	Страх
Инвалиды по зрению	58	8	32	1	1
Инвалиды по слуху	51	8	38	3	0
Люди с нарушением функции опорно-двигательного аппарата	55	8	34	2	1
Люди с нарушением психического здоровья	28	12	35	6	19
Инвалиды военных действий	47	5	41	2	5
Дети с ограниченными возможностями	64	5	26	2	3

Таблица 16

Приемлемые виды взаимодействий с инвалидами, %

Проблема	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет
Брак с человеком, имеющим инвалидность	18	23	43	16
Дружба с человеком, имеющим инвалидность	67	28	3	2
Соседство в подъезде/доме с человеком, имеющим инвалидность	80	17	2	1
Обучение в одной группе/классе с человеком, имеющим инвалидность	76	21	2	1
Работа в коллективе с человеком, имеющим инвалидность	67	25	6	2
Посещение общественных мест с людьми, имеющими инвалидность	70	23	7	0
Гражданство одной страны	85	10	3	2
Предпочел бы не видеть их в моей стране	6	6	8	80

Заметим, что в рассматриваемом вопросе в графе «другое» 1% респондентов в качестве фактора выделили инцест.

Абсолютное большинство респондентов (76% – «согласен»; 18% – «скорее согласен») полагают, что дети-инвалиды рождаются не только у родителей, ведущих асоциальный образ жизни, но и у благополучных родителей (табл. 17).

Хотя 89% респондентов отмечают, что подобная семья может быть счастливой и полноценно функционировать, однако 75% респондентов уверены, что ребенку с инвалидностью сложно вести полноценную жизнь, а 68% считают, что ему будет сложно получить качественное образование. При появлении информации, что ребенок может родиться инвалидом, 49% респондентов предпочтут прервать беременность или будут настаивать на прерывании беременности партнерши. Стоит отметить, что среди всех утверждений данное вызвало замешательство у большего процента респондентов – на него не смогли отреагировать 6%. Отчасти можно полагать, что причиной подобных ответов респондентов явилось их убеждение об отсутствии в стране условий для полноценной жизни людей с ограниченными возможностями здоровья (82%). Следствием чего является боязнь не только трудностей, связанных с воспитанием ребенка-инвалида, но и страх возможности их непреодоления, неготовности социально-медицинской сферы оказывать доступные качественные услуги по реабилитации и неготовности общества принимать людей с ограниченными возможностями здоровья как полноценных его членов. Однако большинство респондентов (86%) считают необходимым интегрировать инвалидов в общество.

Значительная часть респондентов полагают, что основными организациями, которые должны оказывать помощь людям с инвалидностью, являются органы государственной власти (75%), местная администрация и центры социальной защиты населения (77%), то есть в первую очередь это прерогатива государственной бюджетной сферы, а не общественных (56%) и некоммерческих организаций.

Наиболее актуальными для людей с инвалидностью среди выделенных видов помощи респонденты отметили медицинское обслуживание (78%), материальную помощь (53%), помощь в трудоустройстве (48%), психологическую помощь (45%), помощь в быту (44%). Менее значимыми видами помощи для людей с инвалидностью респонденты считают обеспечение доступных занятий спортом (20%), организацию досуга, праздников (16%), правовую

Таблица 17

Утверждения о жизни людей с инвалидностью, %

Утверждение	Согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен
Дети-инвалиды могут родиться у благополучных родителей	76	18	5	1
Инвалиды – полноценные члены общества	63	30	6	1
Необходима интеграция инвалидов в общество	46	40	8	6
Ребенку с инвалидностью сложно вести полноценную жизнь	29	46	17	8
Современное российское общество не готово к интеграции инвалидов	25	43	26	6
Если узнаю, что ребенок может родиться инвалидом, предпочту прервать беременность (буду настаивать на прерывании беременности партнерши)*	21	28	31	14
Ребенку с инвалидностью сложно получить качественное образование	20	48	24	8
В стране созданы условия для полноценной жизни людей с инвалидностью	7	11	38	44
Дети-инвалиды рождаются только у родителей, ведущих асоциальный образ жизни	2	8	32	58
Семья с ребенком-инвалидом не может быть счастливой	1	10	36	53

* 6% респондентов не ответили на данный вопрос.

Таблица 18

Соблюдение прав инвалидов в России, %

(1 – совсем не соблюдаются, 5 – соблюдаются в полной мере)

Вид права	Не соблюдаются 1	2	3	4	Соблюдаются 5
Базовые права	2	8	27	33	30
Политические права	8	18	20	31	23
Культурные права	1	13	34	30	22
Экологические права	12	13	30	24	21

(юридическую) помощь (13%), создание «групп поддержки» и местного сообщества (12%) и обучение компьютерной грамотности (5%).

На вопрос: «В каких проектах/мероприятиях по интеграции инвалидов в общество, помощи им Вы бы хотели принять участие?» – 39% респондентов выбрали создание безбарьерной среды, 36% респондентов – организацию досуга, 33% – организацию спортивных мероприятий.

Отметим, что данные виды помощи выше были определены респондентами как менее актуальные для людей с ограниченными возможностями здоровья. Желание оказать «менее значимую помощь» может объясняться нынешними образовательными специализациями респондентов, которые не позволяют из-за отсутствия необходимой квалификации принять участие в оказании актуальных видов помощи людям с инвалидностью.

55% респондентов полагают, что за последние годы жизнь людей с инвалидностью стала несколько лучше и будет иметь аналогичную тенденцию в ближайшие годы. Однако значительная часть респондентов отмечают, что жизнь данной категории за последние годы не изменилась и не изменится (31% и 27% соответственно).

В целом, большинство респондентов отмечают, что базовые (право на жизнь, личную свободу, свободу слова) и политические (выбирать, быть избранным, участвовать в политической жизни) права людей с инвалидностью в России соблюдаются (63% и 54%, соответственно) (табл. 18). Однако оценка соблюдения социально-экономических прав (права на труд, на достаточный уровень жизни, социальную защиту), культурных прав (права на признание и поддержку особой культурной и языковой самобытности) и экологических прав (права на

благоприятную окружающую среду) вызвала у респондентов затруднения.

Среди наиболее необходимых для привлечения внимания к проблемам инвалидов мероприятий респонденты выделяют публикации статей в СМИ и Интернете (54%), социальную рекламу (билборды, телевидение, радио) (50%), рассказы о жизни человека с инвалидностью через интернет-каналы (46%) и формирование районного/городского общества инвалидов (41%). То есть распространение информации о проблемах людей с инвалидностью должно идти по общественным каналам, так как респонденты считают этот путь более эффективным, чем распространение информации по научным каналам (дискуссии на площадках – 39%, конференции – 32%).

Выводы

Цель проведенного исследования была достигнута: выявлены проблемы не только лиц с ограниченными возможностями здоровья, но и общая оценка качества жизни инвалидов в целом, включая многие составляющие (физическое самочувствие, настроение, доступность реабилитации, специализированной медицинской помощи, возможности получения образования и трудоустройства, социальная инфраструктура для инвалидов, соблюдение прав инвалидов).

Решение проблем лиц с ограниченными возможностями здоровья является прерогативой как государственных учреждений, так и некоммерческих организаций, волонтеров, СМИ. Социальное самочувствие инвалидов зависит не только от состояния здоровья, типа ограничения жизнедеятельности, социально-медицинских, правовых, материальных услуг и помощи, а также от обстановки в семье, отношения общества и социального окружения к самой проблеме инвалидности и взаимодействию с данной категорией населения. Социальная политика регионального уровня должна учитывать текущие проблемы лиц с ограниченными возможностями здоровья, их физиологическое и эмоционально-психологическое состояние (настроение, отношение к себе, окружающим, близким людям, инвалидности), мнение инвалидов об улучшении условий и функционирования объектов социальной инфраструктуры области. Результаты данного исследования могут быть использованы государственными социальными учреждениями и некоммерческими организациями при составлении программ или проектов для лиц с инвалидностью, учитывая их текущие потребности, проблемы, особенности социального самочувствия и отношения населения к проблеме инвалидности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект 18-411-520002 «Здоровьесбережение в практиках современной нижегородской семьи».

Список литературы

1. Декларация о правах инвалидов. ООН, от 9.12.1975. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения: 23.12.2018).

2. International Classification of Functioning, Disability and Health, Geneva, WHO, 2001. 299 p. URL: https://www.who.int/classifications/icf/en/ (дата обращения: 23.12.2018).

3. Уровень инвалидизации в Российской Федерации // Сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (дата обращения: 23.11.2018).

4. Морозова Е.А. Социальное самочувствие инвалидов как ответная реакция на условия жизнедеятельности // Современные проблемы общественных наук в мире: Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции. № 2. Казань, 2015. С. 33–36. URL: http://izron.ru/articles/sovremennye-problemy-obshchestvennykh-nauk-v-mire-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-/sektsiya-19-sotsiologiya-upravleniya-spetsialnost-22-00-08/sotsialnoe-samochuvstvie-invalidov-kak-otvetnaya-reaktsiya-na-usloviya-zhiznedeyatelnosti/ (дата обращения: 22.12.2018).

5. Дарган А.А. Проблемы социальной интеграции инвалидов и роль общественных организаций в их решении // Вестник МИЭП. 2013. №4 (13). С. 96–103. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnoy-integratsii-invalidov-i-rol-obschestvennyh-organizatsiy-v-ih-reshenii (дата обращения: 23.12.2018).

6. Можно ли устроиться на работу, имея 2 группу инвалидности // Сайт юридической консультации «Юрист помог». URL: http://juristpomog.com/labor-law/2-gruppa-invalidnosti.html (дата обращения: 11.01.2019).

SOCIAL WELL-BEING OF DISABLED PERSONS AND THE ATTITUDE OF STUDENTS TO DISABILITIES (on the example of the Nizhny Novgorod region)

G.L. Voronin, [1] ***T.N. Zakharkina,*** [2] ***A.A. Lakomova*** [3]

[1]National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
[2, 3]National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Social well-being of disabled persons is considered in modern science, as a rule, from a socio-economic, socio-medical, legal and psychological point of view. Despite the fact that since 2010 there has been a decrease in the number of disabled persons in the first and the second disability groups, the number of disabled persons of the third group and disabled children has increased, and the number of disabled persons in Russia was more than 12 million as of January 1,

2018. A sociological study was conducted focusing on the problems of disabled persons and the attitude of student youth to these problems, relationships with disabled persons, factors affecting the birth of a disabled child and the state of social infrastructure for the disabled. In the course of the study, persons with disabilities (males and females aged from 8 to 93) who have a certain disability group (*N* = 139, target sample) were interviewed, and full-time students of the Nizhny Novgorod Law Academy and Lobachevsky University were interviewed (*N* = 169, quota sample) by the method of individual questionnaire. The purpose of the study was to identify problems and features of disabled persons' social well-being. The investigation revealed the problems that disabled persons face, the key forms of employment for disabled people, employment opportunities, accessible forms of education, the level of inclusion of disabled persons in the Internet space, services and assistance that disabled people need, types of family relationships, violence and abuse to which certain categories of persons with disabilities were exposed, and the quality of life of disabled persons. The article presents a comparative analysis of disabled persons' need and ability to perform certain actions in everyday life. We also analyze the attitude of students to interaction with disabled persons and to disability problems of the population.

Keywords: disabled persons, disability issues, disease, disability, social policy, social assistance.

УДК 316

ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ РОДИТЕЛЕЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ УЧАЩИХСЯ ШКОЛЫ

© 2019 г.

Л.В. Карцева

Карцева Лидия Валерьевна, д.соц.н.; проф.; профессор кафедры педагогики
Университета управления «ТИСБИ», Казань
lizolda@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2019
Статья принята к публикации 19.04.2019

Цель работы – определить характер влияния родительского авторитета на личность учащегося выпускного класса средней школы в процессе выбора им будущей профессии. Являясь одним из основных агентов первоначальной профессиональной социализации подростка, отец и/или мать как представители предшествующих поколений опираются на собственный опыт трудовой деятельности. Зачастую их представления об условиях и способах организации труда – как интеллектуального, так и физического – в современной действительности утратили актуальность. Возникающее противоречие между объективной реальностью рынка труда и взглядами родительской аудитории в сфере профориентации молодёжи учебное заведение снять не в состоянии. Подросток оказывается в ситуации конфликта интересов, который не устраняется на государственном уровне.

В работе использовались методы сравнительного анализа материалов исследований, проведенных в октябре 2018 г. в различных регионах Российской Федерации, количественный анализ (социологическое анкетирование) позиций родителей городов Москвы, Казани, Ижевска, Нижнего Новгорода, Ставрополя и Клина Московской области. Анализируются отношение опрошенных к физическому труду, к привлечению учащихся школы к различным видам оплачиваемой трудовой занятости, готовность родителей принять профессиональный выбор подростков, оказать им содействие в профессиональном восхождении.

Сформулированы причины расхождения социальных установок опрошенных на трудовую занятость школьников с государственными интересами, и в том числе – отсутствие системы профориентационной работы в образовательных учреждениях, консервативность социальных представлений и предпочтений респондентов в сфере труда. Выявлены основные особенности отношения родителей старшеклассников к физическому труду как способу их трудовой занятости, среди которых основная – положительное отношение к овладению школьниками определёнными трудовыми навыками, к совмещению учебной работы с освоением той или иной рабочей профессии.

Ключевые слова: учащийся, родитель, школа, труд, профориентация, образование, социальный статус профессии, профессиональное самоопределение.

Введение

Российская система образования на всех уровнях направлена на интеллектуальное развитие ребёнка, его движение к высотам науки, желательно в виде высшей ступени обучения. Избранные, особо талантливые выпускники университетов, в XX веке продолжавшие обучение в рамках аспирантуры, в веке XXI в системе послевузовского образования растворены в массе персон, далеко не исключительных по своим способностям. Ищущие отсрочки от армии юноши или от трудоустройства девушки получают карт-бланш на три-четыре года дополнительных занятий наукой, завершением которых далеко не обязательно становится защита соответствующего научного труда. Однако тренд сохраняется: общеобразовательная школа и далее аспирантура. К сожалению, несколько поколений россиян сформировались в ауре тотальной ориентации на высшую ступень образования, когда его отсутствие воспринимается как человеческая (личная) драма выпускника полной средней школы.

Последнее не удивляет. Женщины в России имеют высшее профессиональное образование в 61% населения, и это высший показатель в мире, мужчины – в 47% (пятое место). В целом число высокообразованных лиц в Российской Федерации составляет, согласно данным статистики, 54% россиян [1]. Столько нет ни в одной иной стране. Отсюда проблема: социальная установка старших поколений не меняется из десятилетия в десятилетие, и она нацелена на получение высшего образования детьми с самыми разными природными способностями и талантами.

Иное в реальности второго десятилетия нового века. Вице-премьер О.Ю. Голодец не еди-

нужды высказывалась на тему соотношения высшего и среднего профессионального образования: «У нас есть просчитанный баланс, и этот баланс составляет примерно 65 на 35 процентов, то есть 65% – это люди, для которых не требуется высшее образование, и 35% – специалисты. В дальнейшем эта пропорция будет меняться в сторону увеличения доли специалистов, для которых не требуется высшее образование» [2]. Среди наиболее необходимых профессий нового времени, по данным на 2018 г., – строители, водители, врачи различных направлений, учителя, инженеры, квалифицированные слесари и механики. Понятно, что основной вес этого краткого перечня принадлежит именно рабочим специальностям [3].

В этом дисбалансе проявляется противоречие между общественным сознанием в сфере профессионального выбора молодыми людьми и реальными потребностями государства в рабочей силе. Данный социальный конфликт должен быть решён и с помощью социологической теории, которая правомерно ставит вопрос о новых социальных механизмах в приобретении подростком, юношей знаний того или иного характера, выборе им той или иной модели трудовой занятости.

Если с точки зрения обывателя выпускник школы всего лишь выбирает свою будущую профессию, то социолог видит в этом событии явление. Прежде всего, речь идёт об углубляющемся в современной России социальном расслоении, о том, как воспринимается общественным сознанием социальный статус представителя той или иной профессии и как вписывается человек труда в новую социальную иерархию.

На этот счёт Я.У. Астафьев и В.Н. Шубкин замечают: образование нельзя рассматривать как придаток производства, иначе в обществе будет воспроизводиться прослойка элиты, имеющей доступ к рычагам экономической и политической власти, тогда как основные массы людей останутся на самых низких ступенях социальной лестницы в объятиях массовой культуры [4, с. 176]. Здесь речь идёт о любом производстве, будь то материальное или духовное. Токарь-универсал с заработной платой в 600 долларов на крупном производственном предприятии Казани в 2018 г. и учёный гуманитарного вуза того же города-миллионника с окладом выше тысячи долларов – яркая иллюстрация. Многодетный отец семью из шести человек на свои 40 тысяч рублей прокормит с большим трудом, тогда как пожилой профессор, дети которого давно получили самостоятельность, на 70 тысяч с добавлением пенсионного ресурса в течение месяца будет существовать безбедно. Понятно, что родитель выпускника 9-го класса школы готов приложить все силы, чтобы его отпрыск прошёл на следующую ступень образования, завершил обучение в ней и поступил далее в университет.

Расслоение общества посредством системы образования – проблема не новая. О ней писали в конце XX века российские социологи. Так, Г.А. Чередниченко отмечал в 1994 г.: учащиеся средних школ с углублённым изучением иностранного языка используют «скрытые стратегии обретения разнообразных социальных ресурсов (капиталов), позволяющих в дальнейшем занимать …более высокие позиции в социальной структуре, нежели их сверстники из обычных школ». Таким образом, система образования воспроизводит элиты, которые монопольно владеют властью в обществе [5].

И это только одна часть проблемы. Вторая часть носит социально-психологический характер. Как относятся окружающие подростка люди к получению им рабочей специальности – вопрос не праздный. На протяжении не менее трёх десятков лет России навязывается образ успешного предпринимателя, представителя крупного бизнеса, у которого немало разного рода проблем, но есть основное, чему можно радоваться, – капитал. Долларизация и дедолларизация, ставшая актуальной в последние несколько лет, – процессы, охватившие не только сферу производства, но и сферу сознания. Мерило человеческого успеха и даже всеобщая оценка качества жизни современного российского гражданина – наличие у него денежных средств. По мере развёртывания нового рыночного восприятия действительности жителями Российской Федерации замена ценностей традиционного общества ценностями современного, в котором деньги – ключевое понятие, становится всеохватной.

В связи с этим предметом настоящего исследования является проблема влияния родителей на личность выпускника основного звена средней школы в сфере выбора им будущей профессии. Гипотеза исследования такова: школа, класс, ближайшее окружение учащегося 8–9-х классов средней школы оказывают прямое воздействие на профессиональную ориентацию молодого человека, однако влияние его родителей как представителей старшего поколения является ведущим фактором и может предопределять его окончательное решение в выборе будущей профессии или специальности, в целом ряде случаев не соответствующих запросам самого общества.

Методология исследования

В исследовании вопросов профессионального самоопределения выпускников средней шко-

лы в целом и в рамках социологической науки в частности существует немало теоретико-методологических подходов, опосредующих изучение указанного феномена. Популярны общефилософский и психологический подходы, позволяющие изучать самодетерминацию профессионального выбора личности (К.А. Абульханова-Славская, Л.Н. Коган, И.С. Кон, С.Л. Рубинштейн). Среди определяющих данный процесс условий выступают мотивационная сфера индивида, его возрастные особенности, наличие социальной зрелости, установки на реализацию поставленных жизненных целей [6].

Одним из наиболее распространённых является структурно-функциональный подход, в рамках которого анализируются субъективные и объективные факторы, влияющие на профессиональный выбор молодёжью. Среди таковых изучаются факторы общественной среды (макросреды), непосредственного социального окружения (микросреды), индивидуально-психологических особенностей личности [7; 8].

В этом плане хотелось бы выделить микросреду как основной, ведущий для подростка фактор влияния. Данную среду представляют как родители школьников, так и их учебная группа. Как пишет социолог Е.В. Лобова, имея в виду выбор профессии подростком, «в переходные периоды развития общества фокус исследования переключается с личности на социальную группу». Автор уточняет: под профессиональным самоопределением следует понимать «процесс определения социальной группой своего места в социальной и профессиональной структурах общества и выбора стратегии реализации своего социального потенциала в условиях развивающегося рынка труда» [9, с. 12]. Иначе говоря, школьник не самостоятелен в принятии решения. Данное решение обсуждается в микросоциуме и шлифуется в результате стихийных групповых дискуссий.

В целом социологический подход актуализирует такие вопросы, как профессиональная социализация личности с последующей социальной дифференциацией, сочетание трудовой и брачно-семейной сфер её жизненного самоопределения (Ю.А. Зубок, В.И. Журавлёв, С.Н. Иконникова, В.П. Лисовский, М.Х. Титма, В.И. Чупров), что позволяет проанализировать социальный статус индивида после ухода из родительской семьи в самостоятельную жизнь. И здесь целесообразен акцент на социально-стратификационном компоненте профессионального выбора профессии учащимся и его родителем.

Классическая социология (труды М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. Сорокина, Г. Спенсера) позволяет найти некие доминанты в подобном исследовании. Так, Макс Вебер ставит акцент на феномене профессиональной деятельности, не определяя его. Виды деятельности, к которым приковано его внимание, – хозяйственная, политическая, экономическая, научная. Именно деятельность, а если точнее, то труд, в капиталистическом обществе, был убеждён учёный, и создаёт социальную структуру, а также и этические нормы в обществе. Каждый человек адаптируется к условиям жизни в обществе, овладевает его культурой, в том числе и производственными (хозяйственными) отношениями [10].

Основным механизмом деятельности М. Вебер называет действие. Социальное действие становится у Вебера основой социального поведения, изучается им в рамках исследования политической и хозяйственной системы общества. В данном контексте важна категория формальной рациональности, выведенная М. Вебером [5]. Именно рациональные мотивы и отношения в веберианской концепции становятся отправной точкой для выбора того или иного социального действия как целерационального или ценностно-рационального. Другой индивид и его поведение избирается человеком как объект воздействия. В данном контексте, в сфере профессионального выбора, родитель, видящий своё дитя социально успешным, мыслит скорее эмоциональными категориями, беспокоясь о его судьбе, тогда как сам выпускник школы, настроенный рационально, в полном соответствии с требованиями рыночной идеологии и психологии, готов ориентироваться на материальные дивиденды, оставляя социально-статусные моменты за пределами своего внимания.

В рамках социологических построений Э. Дюркгейма интересна идея социальной солидарности, охватывающей или долженствующей охватить общество с разделением труда [7; 11]. Поскольку люди заняты разными видами труда, основная задача общества – обеспечить для них наличие социальных связей. Специализация не только порождает индивидуальное своеобразие личности и её зависимость от общества, но и формирует согласованность совместного движения.

В теории Дюркгейма фигурирует общество с высокой плотностью населения, что вполне соотносимо с современной урбанной действительностью, но в ней не говорится о видах труда – физическом и интеллектуальном. Однако понятно, что, выполняя разные виды деятельности, индивиды могут находиться в социальном взаимодействии и в процессе его организации проявлять собственную индивидуальность [11, с. 58]. Последнее снимает тревожность относи-

тельно социального положения рабочего (работника) в обществе, в его микросреде, даёт ему уверенность в перспективе самой глубокой реализации личностного потенциала.

П.А. Сорокин выделяет профессиональную принадлежность, как и семейную, в качестве признака образования общности. Семью социолог считает основой общественной структуры, видит в ней государственно-образующее начало. Если семья патриархальная, она формирует личность зависимую, безвольную, целиком ориентированную на общину. Квазипатриархальная семья позволяет ребёнку удалиться от дома для профессиональной деятельности, вместе с тем не отпуская его от себя насовсем. Партикуляристская семья индивидуалистична. Ребёнок получает свободу и узнаёт жизнь такой, какая она есть. Сам Сорокин приветствует именно этот тип семьи. Неустойчивый тип семьи, по Сорокину, формирует личность, которая уходит от семьи, но и свободой своей пользуется неумело, переводя «стрелки» на государство. Оно заменяет общину, предоставляя индивиду гарантии устойчивости. Государство с таким типом семьи уязвимо, считает социолог.

При этом, по его мнению, семья влияет на ребёнка на протяжении всей его жизни, через обычаи и вкусы, верования и правила, симпатии и антипатии. Данное утверждение ценно в настоящем исследовании, поскольку в нём содержится один из объяснительных механизмов совместного (родитель – ребёнок) принятия решения о будущей профессии, вполне понятный на фоне юного возраста индивида, осуществляющего выбор специальности [12].

Как следует из вышеизложенного, учёный убеждён: члены семьи должны быть автономны в принятии решений. Тем самым концепция П. Сорокина ориентирует родителей на сдержанность в проявлении своих эмоций, предупреждает их о недопустимости давления на волю и разум ребёнка.

Нельзя не сказать и о макросреде, в которой происходит профессиональное самоопределение школьника. М. Кастельс, американский социолог, один из родоначальников теории информационного общества, информационного капитализма, пишет о новых формах эксплуатации труда, о решающей роли прибыли в экономических построениях, о сетевом обществе как форме будущей социальной организации [13, с. 134]. Социальное разделение в обществе данного типа усиливается, и этот процесс не только неизбежен, но и глобален, – считает учёный. Новейшее международное разделение труда, с его точки зрения, продуцирует категории производителей информационной собственности (самая высокая категория), производителей больших объёмов (невысокая стоимость труда), производителей сырья (торговля природными ресурсами) и производителей избыточных товаров (обесцененный труд) [13, с. 136].

В данном контексте социальное расслоение идёт по линии «информация» (интеллектуальный труд) – «материальный продукт», «услуги», «переработка сырья» (физический труд). Как следует из этого тезиса, качество труда, как и его количество, разнятся, следовательно, носители данных видов деятельности оказываются в отношениях, как минимум, опосредованных. Достичь некоей социальной солидарности между ними, как на то рассчитывал французский социолог Э. Дюркгейм, затруднительно, если вообще возможно.

Социальный статус человека физического труда в информационном обществе неуклонно снижается. М. Кастельс прямо пишет о «конце рабочего класса». Данная группа уменьшается численно, это во-первых; во-вторых, стоимость физического труда заменяется стоимостью знаний, информации как главного сырья современного производственного процесса; в-третьих, рабочий класс не может работать гибко, быстро приспосабливаться к требованиям информационного общества. В результате политические элиты обращаются не к нему, а к новым социальным группам – феминистским, этническим, экологическим, владеющим медиатехнологиями, высокоорганизованным и научно подготовленным. Информационный труд ведёт за собой информационный капитализм, – делает вывод Кастельс, поясняя: достичь успеха может только человек с университетским дипломом, способный учиться всю жизнь, менять и повышать свою квалификацию, приближать перемены и находить новые амплуа [13, с. 152].

Отсюда следует: старшие поколения россиян, ориентирующие своих детей на обучение в университетах с нацеленностью последних на передачу обучаемым компетенций по созданию информационного продукта, глядят в корень вопроса.

Анализ современной социологической литературы позволяет увидеть интересные детали анализируемого в данной статье явления. В частности, представляется обоснованной точка зрения Е.Н. Шаровой, которая видит двойственность процесса профессиональной социализации личности, обусловленную процессами деятельностного характера. Как считает социолог, личность определяет себя в мире профессий активно, интегрируясь в социальную структуру общества собственным выбором [14]. Последнее означает, что с изменением обществен-

ного строя, обновлением классовой, социальной структуры человек определяет своё место в обществе, в том числе и в профессии, согласно социальным ожиданиям. Не только социум влияет на личность, но и личность оказывает своё воздействие на ситуацию. И, несмотря на влияние таких авторитетных агентов первичной социализации ребёнка, как его родители, решающее слово остаётся всё-таки за самим субъектом профессионального выбора – учащимся выпускного класса школы. И данная позиция небезосновательна.

Ещё в конце XX века А.М. Гендин и М.И. Сергеев отмечали необходимость проведения профориентационной работы со студентами средних профессиональных учебных заведений, а если точнее – коррекции учебно-воспитательного процесса в средней профессиональной школе на основе анализа профессиональной деятельности студентов-выпускников. Исследовалась ими и позиция родителей как носителей социалистического воспитания, традиционно уважительного отношения с их стороны к занятию государственной службой и их надежды на помощь государства в трудных обстоятельствах [15]. Отмечалось социологами и то обстоятельство, что отцы и матери придерживались мнения, что государственная или общественная собственность будут доминировать в российской экономике. К сожалению, данный прогноз не сбылся, и коммерческий сектор экономики продолжает динамично развиваться, вытесняя государственный. Частное предпринимательство, несмотря на свой рисковый характер, сохраняет высокий социальный статус, тогда как государственная служба остаётся делом высокоответственным, но в основе своей совсем не прибыльным.

С другой стороны, важным является то обстоятельство, что социальное равенство в образовании или в профессии – миф, который функционировал в советской стране и до сих пор сохраняется в сознании представителей старших возрастных групп россиян. Как отмечает социолог Д.Л. Константиновский, наиболее активные субъекты образовательной деятельности пытаются отвоевать более престижные позиции в социальной структуре через профессию, специальность, но это не является массовым явлением. Социальная стратификация и образование идут рука об руку, и второе подпитывает первую. Главным статусом становится статус достигаемый, что характеризует российское общество как современное, – отмечает социолог. Согласно проведённым под его руководством социологическим эмпирическим исследованиям тридцатилетней протяжённости в Новосибирской области, социальный отбор начинается с детского сада, продолжается в школе и завершается в университете [16].

При этом «перераспределение шансов на получение детьми полного общего среднего образования произошло, как свидетельствуют результаты исследования, в основном между рабочими и крестьянами, с одной стороны, и руководителями – с другой, в пользу последних, подтвердивших свое право входить в дверь первыми. Дети рабочих и крестьян стали "отсеиваться" из школы на предыдущих ступенях обучения в значительно большей мере, чем прежде» [16]. Отмечено, что при повышении статуса родителей установка детей на высокий уровень образования проявляется сильнее. В наши дни данная закономерность работает с той же силой и направленностью, как показывают наблюдения в ходе родительских собраний профориентационной направленности в городах Казани и Нижнекамске (Татарстан), организованных автором статьи в 2018 г.

Чтобы осуществить исследование установок родителей по вопросу о профессиональном самоопределении школьников, есть необходимость определить набор эмпирических индикаторов для их оценки. Основными из них являются наличие знаний старшего поколения о профессиональных интересах учащихся, в том числе и к рабочим профессиям; наличие представлений отцов и матерей по поводу содержательных мотивов выбора ребёнком будущей профессии; наличие знаний родителей учащихся об условиях будущей профессиональной деятельности детей; отношение мам и пап к практическому опыту трудовой деятельности школьников; наличие желания содействовать профессиональному росту ребёнка в процессе освоения им избранной профессии; наличие представлений отцов и матерей по поводу возможностей школы в профессиональной ориентации учащихся.

Результаты

Установки родителей учащихся исследовались в ходе реализации проекта «Семья и трудовое воспитание подрастающего поколения в контексте Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года» (грант Президента Российской Федерации, II этап). Согласно условиям гранта, опрос проводился в шести субъектах России, которые отличаются между собой как в социально-экономическом, так и социокультурном плане. Так, город Москва – крупнейший город страны, столица, мировой центр культуры и образования, тогда

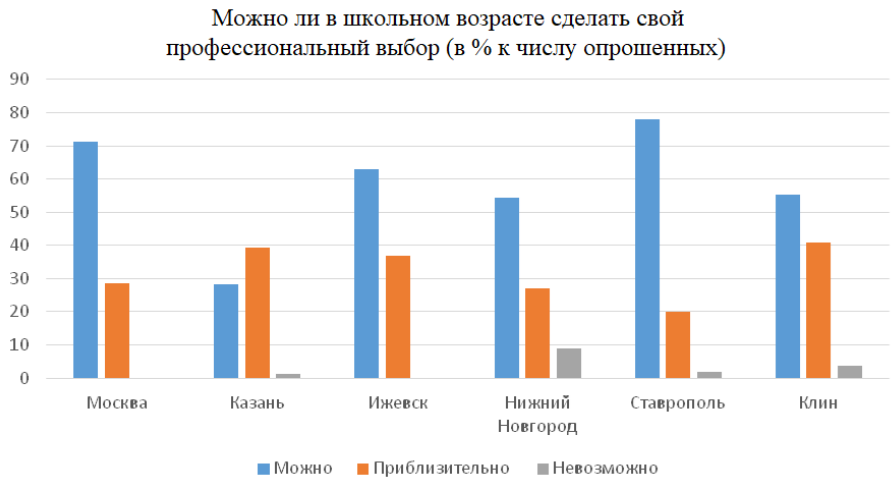

Диаграмма 1

как город Клин – областного подчинения, является административным центром городского округа. Казань – столица Татарстана, один из влиятельных религиозных, экономических, политических, научных, образовательных, культурных и спортивных центров России. Ижевск – столица Удмуртской Республики, крупный административный, промышленный, торговый, научно-образовательный и культурный центр Поволжья и Урала. Ставрополь – административный, культурный, деловой и промышленный центр Ставропольского края с развитым сельскохозяйственным производством. Нижний Новгород – административный центр Приволжского федерального округа и Нижегородской области, экономический, промышленный, научно-образовательный и культурный центр России. Социально-экономический потенциал названных субъектов страны различен, отличаются и социальные установки населения, в том числе и на получение образования и профессии.

Были проанализированы следующие параметры родительских установок относительно профессионального становления детей: 1) оценка возможностей школы в профессиональной ориентации учащихся; 2) представления о существующих профессиях на базе высшего и среднего профессионального образования; 3) знание профессиональных интересов учащихся, в том числе и в сфере рабочих профессий; 4) отношение школьников к посильной трудовой деятельности; 5) установка на содействие профессиональному росту ребёнка по получении им образования. В опросе приняло участие 595 родителей детей школьного возраста.

О возможностях профессиональной ориентации учащихся в средней и старшей школе. Как оказалось, большая часть опрошенных родителей учащихся старших классов полагается на способность своего ребёнка в подростковом возрасте определиться с будущей профессией (диаграмма 1). На эту позицию работает и система профессиональной ориентации учебных заведений. Ставропольские родители получают поддержку школы в большей степени, чем родители из других регионов страны, как показывают данные опроса. Видят уверенные результаты профориентационной работы школы 78% опрошенных из Ставрополя и 20% – с некоторыми оговорками. Сходные позиции только в Москве.

Вместе с тем известно, что система образования на государственном уровне не нацелена на ориентацию учащихся в профессиях. Данные функции возложены на Министерство труда и социальной защиты РФ. Данное обстоятельство является фактором, стимулирующим родительскую активность в данном направлении.

Вопрос о том, соотносятся ли учебные знания и знания о профессии, рассматривается родителями школьников более строго. Кроме Москвы, где утвердительные ответы дали 70% родителей, российские регионы представлены оценками гораздо более скептическими. Большинство респондентов понимают, что школа не подготовит к получению профессии, данная область знаний лежит вне сферы учебного процесса. «Некоторые» профессиональные представления получают большинство учащихся старших классов, знания – меньшинство (от 19.7% в Казани до 28.1% в Клину) (диаграмма 2).

Исходя из полученных сведений можно предположить, что обмен суждениями о профессиях внутри учебных групп в школе происходит не активно, и ребёнок остаётся если не один на один со своими представлениями о будущей профессиональной жизни, то в лучшем случае в компании своих родителей, прародителей и иных родственников.

Отношение родителей к собственной профессии и существующим ныне профессиям на

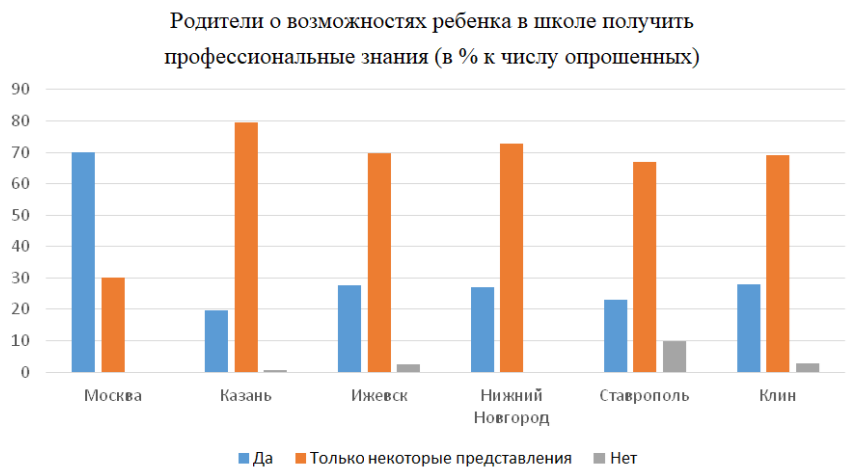

Диаграмма 2

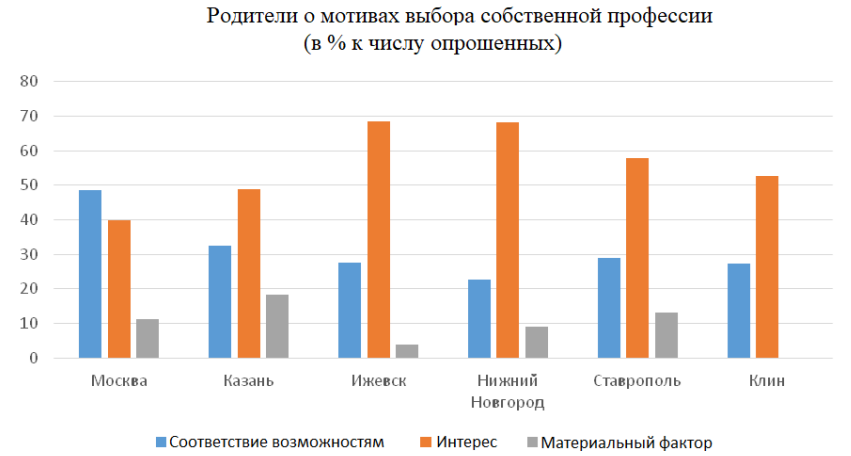

Диаграмма 3

базе высшего и среднего профессионального образования. Поскольку выбор профессии родительской группой осуществлялся в другое время, в другой стране, по другим социально-культурным и социально-экономическим основаниям, оценка ситуации с ребёнком в семье в немалой степени зависит от стереотипов в восприятии старшего поколения по поводу существующих и новых профессий XXI века.

Родителям был задан вопрос, что привело их к выбору собственной профессии. Вариантов ответа было несколько: знание соответствия профессии возможностям, интерес к профессии и материальные соображения. Ответы распределились следующим образом: лидирующее положение оказалось у такого мотива, как интерес к профессии. Почти половина респондентов в Казани (49%) и далее по возрастанию до 68.4% в Ижевске руководствовались именно этим соображением. Исключением стала Москва, где доминирует ответ «знание соответствия профессии возможностям» (48.7%), тогда как интерес к профессии стал основным двигателем в её приобретении для 40% респондентов.

Неудивительно, что материальная заинтересованность, столь понятная в рыночном обществе, в советской стране в этом перечне занимала последнее место. Для Ижевска это оказалась доля в 3.9% ответов, для Казани – в 18.4%. Даже Москва этим параметром не выделилась (11.2%). То есть установки молодых людей прошедшей эпохи были немеркантильные, что наверняка отражается и на позиции родителей относительно нынешних выпускников школы (диаграмма 3).

В советской педагогике был ещё один фактор влияния на профессиональный выбор ребёнка – *наличие профессионального идеала*. Это мог быть человек, на которого респонденту хотелось быть похожим в определённой профессии. На соответствующий вопрос ответ был дан такой. Только в Москве почти не нашлось опрашиваемых, которые бы не руководствовались идеалом. В остальных регионах число указавших ответ «идеал отсутствует» различное – от 46.3% в Клину до 90.9% в Нижнем Новгороде. Ответ «профессиональный идеал был неопределенный, сформирован в основном на

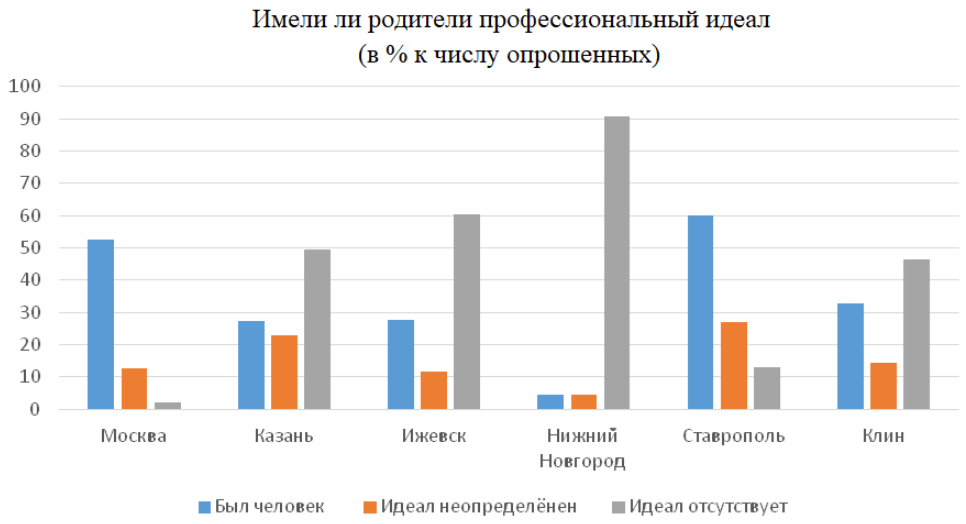

Диаграмма 4

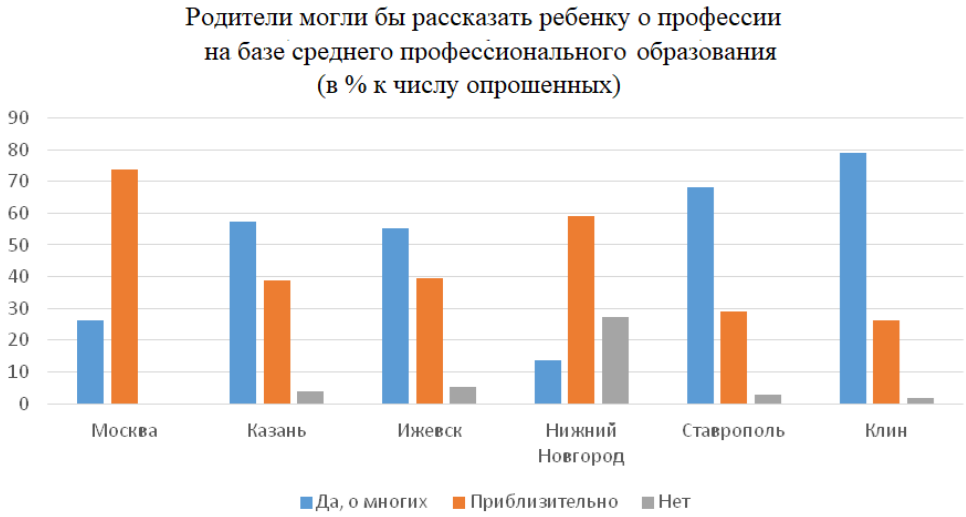

Диаграмма 5

сюжетах из книг, телевидения» менее популярен. Обращает же на себя внимание строка о наличии конкретного человека, с которого «делали жизнь». В Ставрополе на него указали 60% опрошенных, в Клину таковых оказалось 32.7% (диаграмма 4).

Данное обстоятельство позволяет предположить, что современные родители могут в качестве доступного примера приводить своим детям собственный опыт или опыт своих родителей, друзей, знакомых, приятелей, просто известных людей и убеждать следовать ему. Понимая, что времена изменились и в XXI веке ребёнку нужны новые ориентиры, мамы и папы стараются накапливать информацию о новых профессиях, разбираться в ней и транслировать её своим детям.

Так, 79% опрошенных клинчан готовы говорить с ребёнком о многих профессиях, приобретаемых на базе среднего профессионального образования, и это самая большая доля ответов такого характера. Наименьшее число подобных ответов – в Москве (26.2%). Вывод простой: образовательные возможности крупных городов страны и городов районного масштаба различаются, отсюда и разница в профессиональных предпочтениях старших поколений (диаграмма 5).

Ответы на вопрос о профессиях, требующих базового высшего образования, не слишком отличаются по субъектам Федерации. Специфика – в Москве, где почти в равных долях распределились ответы по поводу пространных знаний на данную тему и о наличии неопределённых, книжно-телевизионных представлений у респондентов (51.2% и 48.7% соответственно) (диаграмма 6).

Учитывая, что знания и представления – категории разные, а профессиональный опыт копится преимущественно в одной или нескольких сферах общественного производства,

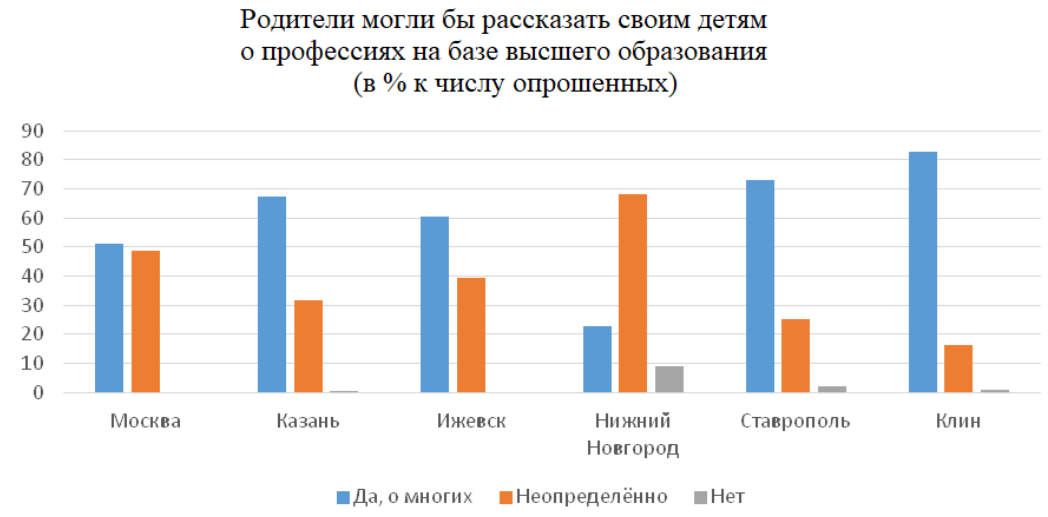

Диаграмма 6

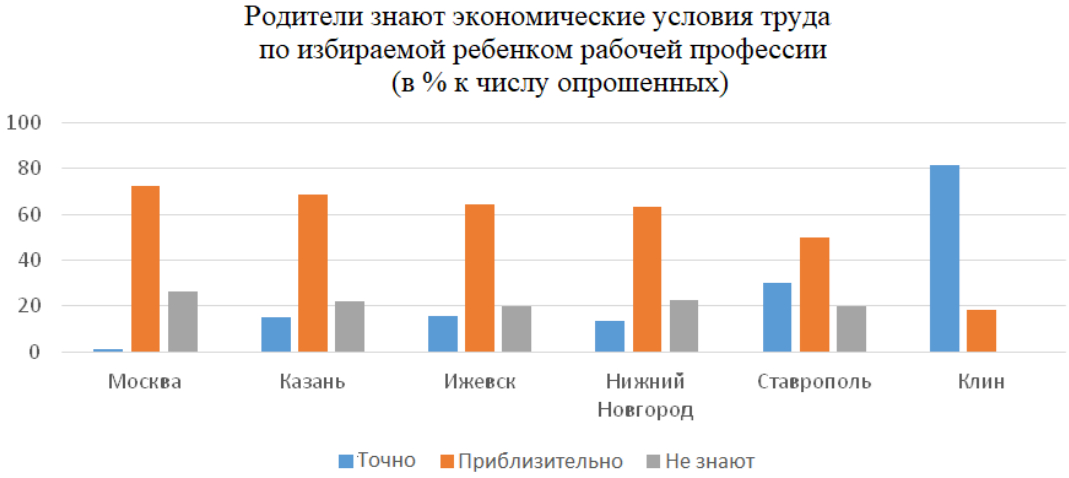

Диаграмма 7

можно заключить, что родители ориентируются в вопросе не слишком свободно. Данный факт подтверждает и их ответ на вопрос, знают ли опрошенные об экономических условиях труда по избираемой ребёнком профессии. «Приблизительно» – самый распространённый вариант ответа. Исключение – город Клин, где точно знают, чего ждать от того или иного предприятия, 81.8% опрошенных родителей. Напротив, в мегаполисе, каким является город Москва, ничего достоверно знать нельзя, что и подтверждают ответы респондентов (см. диаграмму 7).

О профессиональных интересах учащихся, в том числе и в сфере рабочих профессий. «Я обеспокоен(а) профессиональными планами своего ребенка» – состояние души для опрошенных вполне насущное. Нюансы здесь таковы. С той или иной долей активности обсуждают вопросы будущего профессионального выбора фактически все респонденты, и 45% ответов (наименьшая доля из шести подгрупп) свойственна ставропольцам, 90.9% – нижегородцам. Последнее не означает, что вопрос выбора предрешён. К сожалению, остановиться на чём-то реально могут немногие. Опять же несколько легче проблема решается в компактном Ставрополе, где все предприятия разного назначения на виду у населения и 38% ответов таковы: «У меня и у моего ребенка есть представление о его будущей профессии». В Москве данный показатель составляет лишь 16.2%, в Клину 15.4%, в Ижевске 11.8%, в Казани 10.7%, в Нижнем Новгороде 9%. Подобное единодушие объясняется просто: мир профессий стремительно обновляется, информации о них крайне мало, а выбор делать приходится каждый год, когда школьник заканчивает девятый класс (диаграмма 8).

Исходя из ответа «мы обсуждаем будущее вместе с ребенком» логично предположить, что

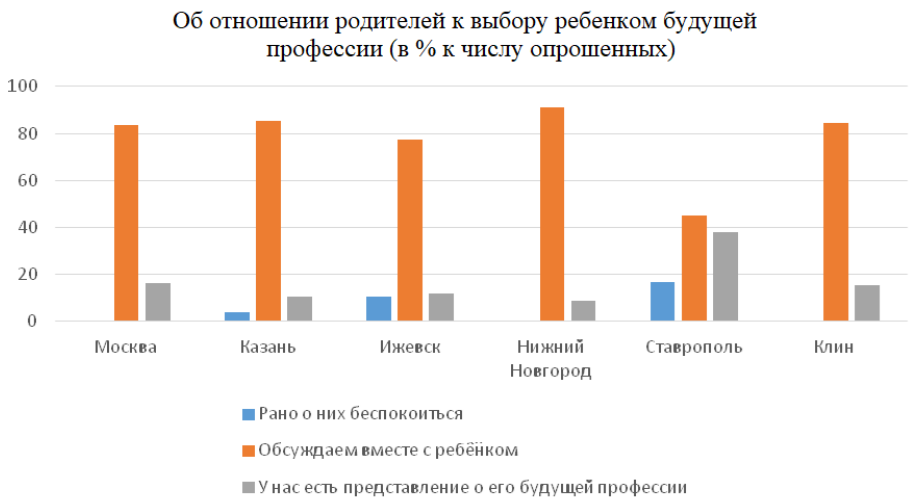

Диаграмма 8

старшее поколение по крайней мере знает о предпочтениях младшего. И здесь ясность («Я знаю, куда он/она поступит после 9-го класса») снова в подгруппе клинских опрошенных (83.6%). Их «догоняет» Ставрополь (65%). В других регионах ситуация сложнее.

В Москве «знающих» только 16.2%, в Казани 28%, в Ижевске 28.9%, в Нижнем Новгороде 18.1%. При этом «чёткости нет» в немалых долях ответов во всех подгруппах респондентов – от 11% в Ставрополе до 25% в Ижевске.

Но сделать выбор – это только первый шаг. Далее этот выбор должен быть как минимум принят семьёй ребёнка. Опрос показал, что здесь не всё так гладко (диаграмма 9).

В Клину родители одобряют выбор подростков практически в большинстве (96.3%). В Москве и Казани такое единодушие не дотягивает до половины подгрупп (48.7% и 47.7%). Заметно меньше половины «согласных» в Ижевске и Нижнем Новгороде (39.4% и 36.3%). Ставрополь снова более благополучен, чем большинство российских регионов, нами опрошенных (68%).

По наблюдениям с родительских собраний в городах Казани и Нижнекамске (Татарстан), общей чертой современных родителей девятиклассников является едва ли не полное отсутствие понимания такого словосочетания, как «высокотехнологичные рабочие профессии», «мультимедийные технологии». В лучшем случае родители называют цифровые технологии. Выбор же из того перечня, что был предложен опрашиваемым, довольно велик, и это такие профессии, как администратор баз данных, мобильный робототехник, программист, разработчик Web и мультимедийных приложений, сетевой и системный администратор, специалист по информационным системам. Отсюда и ответы на вопрос о том, есть ли у ребёнка интерес к рабочей высокотехнологичной профессии.

Для клинчан это направление профессиональной деятельности понятно, его отметили 68.1% опрошенных родителей, говоря о своих детях. В Казани 19.7% респондентов осведомлены об этом явлении. Ставропольцы не отстают от велений времени, и доля их ответов такого характера составляет 48%. Остальные ответы расположились внутри данного континуума (диаграмма 10).

Радует, что ответы об отсутствии интереса к данной профессиональной группе незначительны по числу, в большинстве же остаётся вариант о наличии эпизодического интереса.

Иными словами, в данном вопросе родительское мнение расплывчато, как сам интерес учащихся к высокотехнологичным профессиям, которые не только современны, популярны среди более взрослой молодёжи, но и высокодоходны и перспективны. Вновь остаётся пространство поиска, не заполненное в должной мере.

О посильной трудовой деятельности школьников. Данный блок вопросов крайне важен для выработки общей стратегии работы с родителями в профориентации выпускников 9-х и 11-х классов школ (диаграмма 11).

Как показал опрос, в пользе трудового опыта учащихся не сомневается только трудолюбивый Ставрополь (82% положительных ответов) (диаграмма 11). Основательный Ижевск идёт следом (65.7%), далее Москва (55%). В остальных регионах к труду на благо семейного бюджета и самого подростка относятся более сдержанно. Демократические нормы семейного воспитания направляют родителей на более мягкие методы воздействия на выпускников школы. Пусть дитя работает, но при условии, что оно

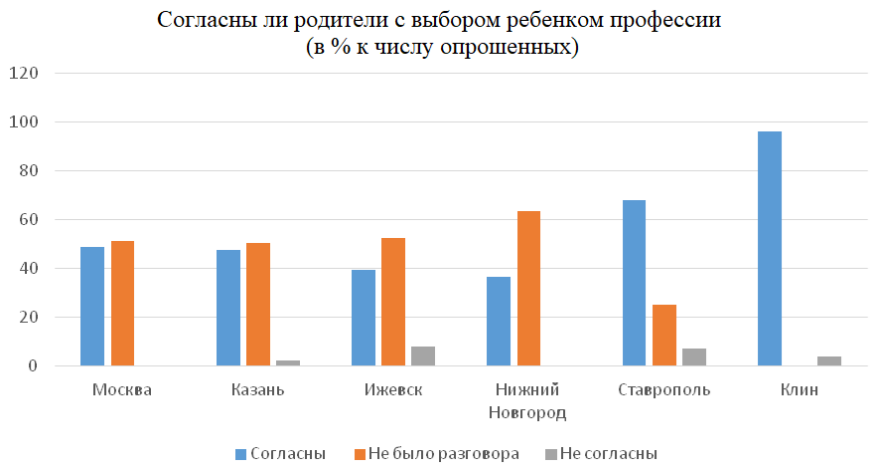

Диаграмма 9

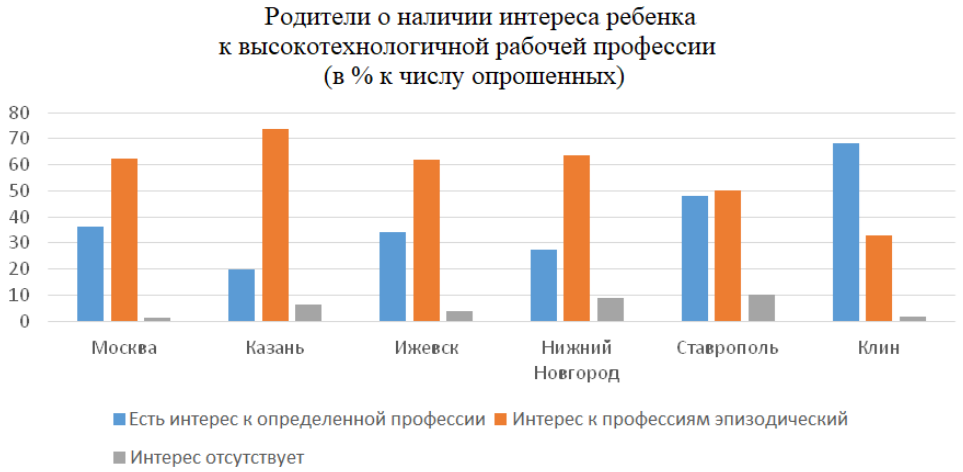

Диаграмма 10

само этого захочет. Здесь наибольшая доля ответов в Казани (68.2%), в Клину (57.2%), далее в Нижнем Новгороде (54.5%), Москве (43.7%). Для Ставрополя такой подход к трудовому воспитанию несвойственен (12% ответов). Как бы ни были доверительны отношения между старшим и младшим поколениями в семье, правило воспитания на Кубани остаётся незыблемым: чтобы стать успешным человеком, нужно научиться что-либо делать своими руками.

В этом контексте важен вопрос о том, не помешает ли работа, даже и эпизодическая, но приносящая собственный доход учащемуся школы, его интеллектуальному труду. Родители отвечают на него определённо: нужно прививать хотя бы некоторые трудовые навыки. В Клину таких ответов 79%, в Казани 50.9%, тогда как в Москве только 35% (диаграмма 12).

Налицо дрейф ценностных установок родителей, начиная от малого города к столичному, в направлении от физического труда к интеллектуальному, «чистому», сулящему поступление в университет. Трудовая занятость в условиях производственной практики – это одно, она и развивает определённые трудовые навыки, а вот работа на производстве в свободное от учёбы время сулит смену жизненных ориентаций школьников, что, возможно, и настораживает опрошенных. Однако характерно, что акцент исключительно на обучении современные мамы и папы не ставят.

При этом немалой является доля тех, кто считает, что ребёнка следует учить делать что-либо своими руками. Число таких ответов выше в Москве (65%) и в Ставрополе (56%), ниже в Клину (10.9%). Как видим, работоспособный Ставрополь настроен решительно на трудовое воспитание школьников, в Москве же труднее выживать и старшим, и младшим, и трудовые навыки помогут ребёнку как определиться с будущей профессией, так и обрести уверенность в своих силах.

Сам по себе процесс зарабатывания денег учениками школы интересует родителей в разной мере. Так, 78% ставропольцев «за» трудовую занятость подростков. Почти столько же жителей Москвы выражают те же настроения (71.2%). Меньшее значение позиции – у ка-

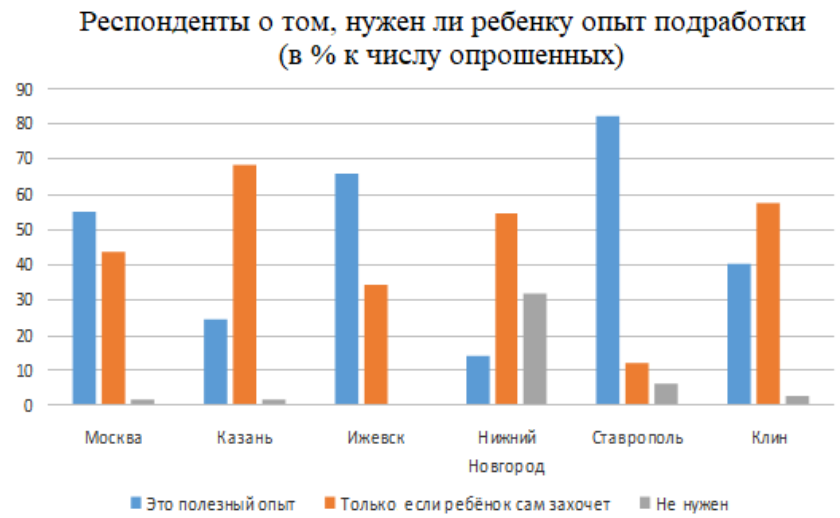

Диаграмма 11

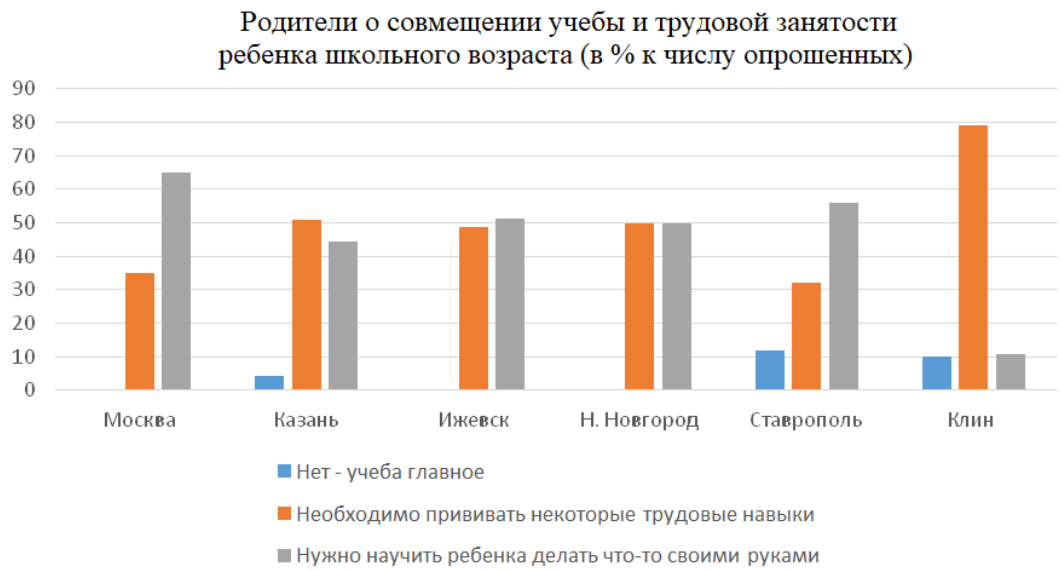

Диаграмма 12

занских респондентов (28.7%), остальные города распределились между указанными значениями (диаграмма 13).

Показательно то обстоятельство, что в этом вопросе родители меньше ориентируются на статусные позиции школьника, чем в его выборе будущей профессии. Речь не идёт о качестве исполняемой работы, у юных работников навыки могут быть преимущественно физического труда. Старшее поколение здесь едино во мнении: учить ребёнка трудиться полезно, оплата труда дисциплинирует, приучает к самостоятельности и ответственности.

О сопровождении профессиональной карьеры ребёнка по получении им образования. Верят в то, что способности ребенка позволят ему справиться с выбранной профессиональной деятельностью, многие, фактически подавляющее большинство, хотя и с оговорками. В частности, 68.1% казанских респондентов и 60% московских отвечают утвердительно, как и 58.1% клинчан и 56% ставропольцев. В Нижнем Новгороде градус уверенности пониже (54.5%). Но так или иначе, без веры в ребёнка невозможно полноценное воспитание, и данная позиция гармонично дополняет трудовые притязания семей (диаграмма 14).

Интересно и то, что отцы и матери готовы помочь ребенку освоить важные трудовые навыки. Причём мера такого желания различна («да» или «в некоторой степени, да»), но охватывает оно фактически все опрошенные подгруппы. В большей доле ответы утвердительны в Ставрополе, в Нижнем Новгороде и в Казани. Очевидно, воспитательские традиции сохраняются вне зависимости от того, какой величины населённый пункт. Следует говорить о культуре воспитания, сформированной в той или иной

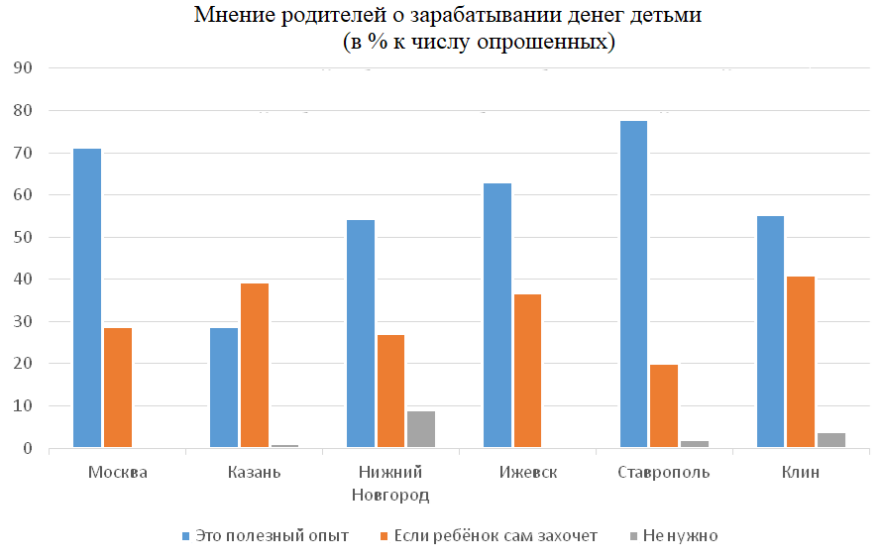

Диаграмма 13

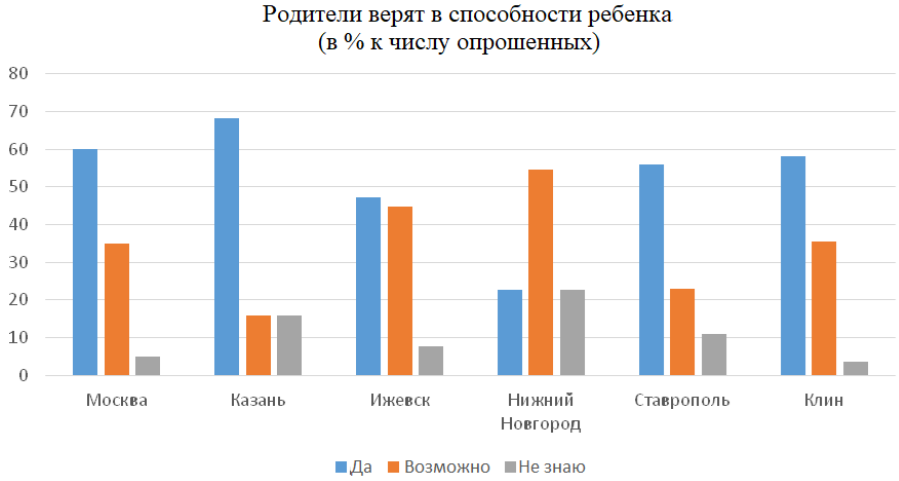

Диаграмма 14

местности и транслируемой из поколения в поколение (диаграмма 15).

Важным представляется мнение опрошенных по поводу устойчивости профессиональной карьеры ребёнка (диаграмма 16). Родители демонстрируют гибкость, выбирая чаще ответ «профессия в течение жизни может измениться». В Нижнем Новгороде (63.6%) и в Москве (62.5%) таких ответов больше всего, в Клину меньше всего (25.4%). Опрошенные города Клин твёрдо стоят на позиции «профессиональное обучение и профессия должны совпадать, иначе зачем учиться» (70.9%): в малом городе воззрения более традиционны, чем в крупных городах. Близко к данному значение и в Ставрополе (60%).

Любопытно, что прежде распространённое мнение «образование нужно для «корочки» присутствует в суждениях респондентов в разной степени. Выше доля таких ответов у казанских опрошенных (28%) и у ижевцев (27.6%), тогда как в Москве это незначимые 1.2%.

«Я могу помочь ребенку достичь карьерного успеха в выбранной им профессиональной сфере» – написали утвердительно едва ли не все опрошенные, что указывает на активное и заинтересованное отношение родителей к процессу профессионального восхождения их детей. Однако иллюзий у отцов и матерей по этому вопросу нет. Большинство из них выбирают вариант ответа «в некоторой степени». Так, 82.5% москвичей и 78.9% казанцев лишь постараются быть полезными своим детям (диаграмма 17). Совершенно уверена в том, что сможет быть рядом с детьми в их будущей профессии и деятельности, немалая часть родителей в Клину (47.2%) и несколько меньшая – в Ставрополе (31%). Почти половина опрошенных нижегородцев (40.9%) и 29% респондентов из Ставрополя, напротив, уверены, что помочь ничем не смогут.

С точки зрения здравого смысла понятны и та, и другая позиции. Если опереться есть на что, почему бы старшим не оказать помощь молодым

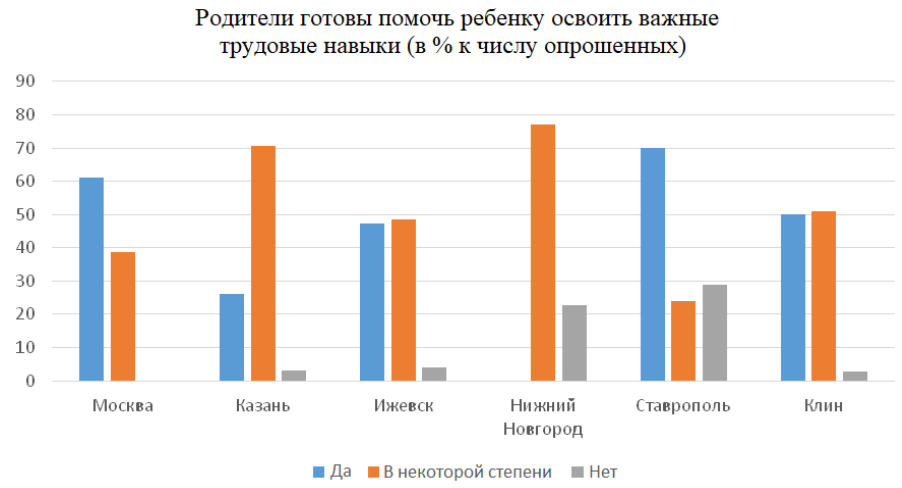

Диаграмма 15

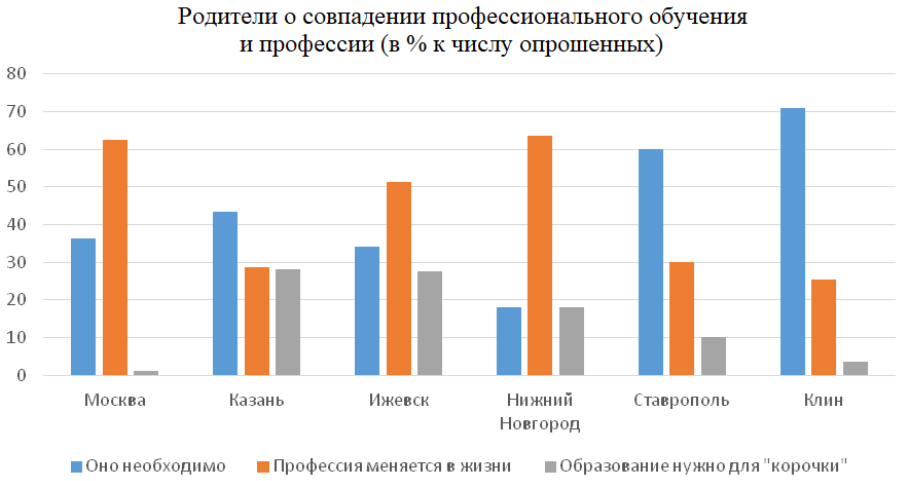

Диаграмма 16

поколениям? Если нет, то всякие попытки помочь могут обернуться своей противоположностью, доставить неудобства и тем, и другим.

Сказанное означает, что настроения родительской аудитории в сфере ориентации подростков на получение профессии очень разные, что отражает состояние современного и демократически развивающегося общества. Главное из них – стремление быть как можно дольше рядом с ребёнком, быть ему полезным по мере своих сил. Детоцентризм в XXI веке в российском обществе не только не ушёл со сцены, но стал явственнее ввиду того, что семьи всё чаще распадаются, супруги конфликтуют друг с другом, межпоколенное взаимодействие сужается, и только связка «родитель – несовершеннолетний ребёнок» остаётся залогом семейности индивида, будь то мужчина или женщина.

Заключение

Влияние родителей на личность выпускника основного звена средней школы в сфере выбора им будущей профессии в основном положительное. Старшее поколение пытается передать свои профессиональные и человеческие знания, собственный опыт поиска профессии младшему. По сравнению со сверстниками, которые, обучаясь в школе, имеют тот же минимум знаний, что и конкретный индивид, его внимание к советам и рекомендациям родителей будет максимально. И здесь вполне вероятно, что родительская неосведомлённость в современных профессиях, тем более рабочих, не требующих высшего образования, но крайне значимых для общества, сыграет свою негативную роль в принятии решения о продолжении обучения после 9-го или 11-го класса средней школы в том или ином учебном заведении. Но так же ясно и то, что со временем крайности в профессиональных позициях «интеллектуальное – физическое», «высшее образование – среднее профессиональное образование» в общественном мнении будут стираться. По мере повышения престижности рабочих специальностей в

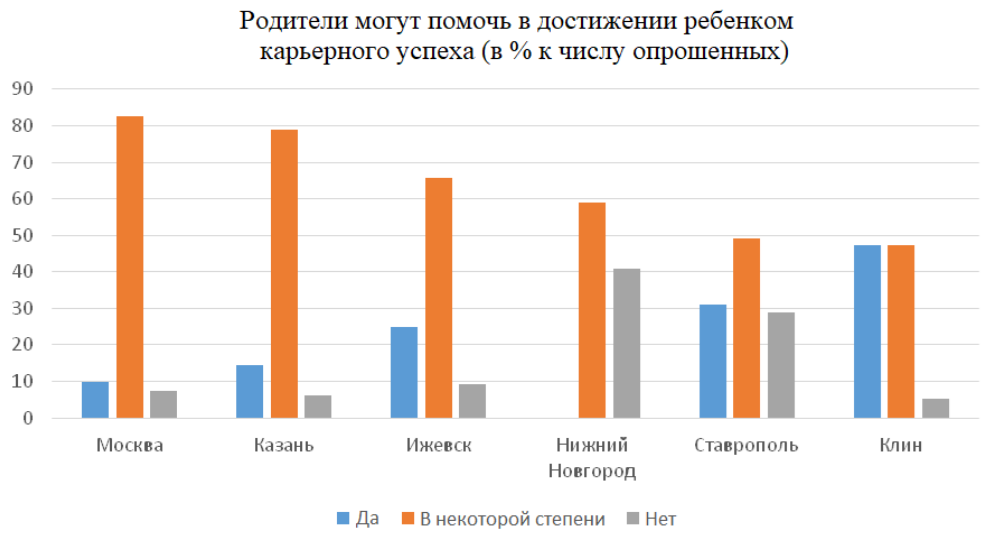

Диаграмма 17

сфере высоких технологий и роста оплаты труда лиц со средним профессиональным образованием будет расти и их социальный статус в обществе, что примирит антагонизм в семьях и в родительских установках по позиции «университет – колледж».

Список литературы

1. Сколько людей с высшим образованием в мире? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://interstate-education.com/2018/06/30/skolko-lyudej-s-vysshim-obrazovaniem-v-mire/ (дата обращения: 23.01.2019).

2. Голодец считает, что высшее образование нужно лишь для 35% профессий [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://go.mail.ru/search?q=%D0%93%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%94%D0%95%D0%A6+%D0%9E%D0%91+%D0%A1%D0%9F%D0%9E&fm=1&gp=901369&rf=21215232. (дата обращения: 24.01.2019).

3. Статистика министерства труда. Режим доступа: http://pro2018god.com/samye-vostrebovannye-professii-v-2018-godu.html. (дата обращения: 24.01.2019).

4. Астафьев Я.У., Шубкин В.Н. Социология образования в СССР и России // Мир России. 1996. Т. 5. № 3. С. 161–178.

5. Чередниченко Г.А. Механизмы социокультурного воспроизводства на примере средних школ и изучением иностранного языка // Образование в социокультурном воспроизводстве: механизмы и конфликты. М.: ИС РАН, 1994. С. 102–141.

6. Трубникова Н.И. Самоопределение как проблема психологического исследования // Сибирский психологический журнал. 2012. № 16–17. С. 28–31.

7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

8. Саппа А.-М.Н. Факторы, воздействующие на профессиональное самоопределение молодёжи [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://repository.kpi.kharkov.ua/bitstream/KhPI-Press/5845/1/2011_Sappa_Faktory_vozdeystvuyushch.pdf (дата обращения: 24.01.2019).

9. Лобова Е.В. Процесс первичного профессионального самоопределения учащихся: социологический анализ: Автореф. дис. … к. соц. н. Екатеринбург, 2006. 23 с.

10. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 576 с.

11. Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России: Рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М.: ГУ ВШЭ, 2001. 100 с.

12. Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина (русский период деятельности). Самара: Социологический центр «Социо», 1992. 154 с.

13. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

14. Шарова Е.Н. Профессиональное самоопределение молодёжи в условиях социокультурной трансформации российского общества (на примере Мурманской области): Автореф. дис. … к. соц. н. Мурманск, 2012. 25 с.

15. Гендин А.М., Сергеев М.И. Профориентация школьников // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 66–72.

16. Константиновский Д.Л. Молодёжь в системе образования: динамика неравенства // СОЦИС. 1997. № 3. С. 92–123.

PROFESSIONAL GUIDANCE ATTITUDES OF HIGH SCHOOL SENIORS' PARENTS AND THEIR INFLUENCE ON PUPILS' PROFESSIONAL IDENTITY

L.V. Kartseva

University of Management «TISBI», Kazan

The aim of this paper is to identify how parental authority influences senior pupil's personality in choosing his or her future profession. Being one of the primary agents of teenager's initial professional socialization, the father and/or mother as representatives of previous generations draw on their own professional work experience. Often, their beliefs about the labour conditions and organization concerning both intellectual and physical labour are no longer relevant in contemporary reality. The gap between the realities of the labour market and parents' attitudes in career guidance of young people cannot be eliminated by the school. The adolescent finds himself or herself in a conflict of interest that cannot be resolved at the level of the state.

In this work, we used the methods of comparative and quantitative analysis of the data of a sociological survey conducted in October 2018 in different regions of the Russian Federation to determine parents' attitudes in Moscow, Kazan, Izhevsk, Nizhny Novgorod, Stavropol and Klin (Moscow region). This paper analyzes respondents' attitudes toward physical work and pupils' involvement into different types of paid work, parental willingness to accept adolescents' professional choices and to support them in the evolution of their career.

The reasons for the existing gap between respondents' social attitudes toward pupils' employment and state interests including the lack of system for career guidance services in educational institutions, conservatism of respondents' perceptions and preferences in employment were summarized. The main features of parents' attitudes toward labour as a way of creating employment opportunities for senior pupils were revealed. The main feature is a positive attitude toward pupils' acquisition of job-specific skills and to combining studies with learning a trade.

Keywords: pupil, parent, school, labour, career guidance, education, social status of profession, professional identity.

УДК 316

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ПРИМЕРЕ г. МОСКВЫ

© 2019 г.

О.В. Кучмаева, Е.Е. Карповская

Кучмаева Оксана Викторовна, д.э.н.; проф.; главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, Москва
kuchmaeva@yandex.ru
Карповская Екатерина Евгеньевна, аспирант Института социально-политических исследований РАН, Москва
e.karpovskay@gmail.com

Статья поступила в редакцию 17.01.2019
Статья принята к публикации 25.04.2019

Положение института семьи в современном обществе актуализирует разработку и реализацию эффективной семейно-демографической политики. В рамках статьи рассмотрены подходы к формированию модели семейно-демографической политики в крупном мегаполисе, основные направления реализации семейно-демографической политики в г. Москве: стимулирование рождаемости; материальная поддержка различных категорий семей; жилищная политика; поддержка молодой семьи; помощь многодетным семьям. Несмотря на комплексный характер принимаемых в социальной практике мер, они зачастую носят краткосрочный характер, не учитывая, что демографическое поведение человека, поведение в области семейных отношений достаточно инерционно, его изменение требует долговременного, системного воздействия. Следует учитывать специфику жизнедеятельности семьи в условиях крупного мегаполиса.

Необходимо принять закон «О минимальных социальных стандартах», в котором поддержка семей с детьми будет обозначена как одно из направлений социальной ответственности государства, наряду с образованием, охраной здоровья, занятостью, оплатой труда и социальным обеспечением. Минимальные социальные стандарты, определяющие перечень социальных благ и услуг, предоставляемых отдельным категориям граждан, должны учитывать остроту существующих проблем, выделенных приоритетов социальной, семейной политики и финансовых возможностей.

Ключевые слова: институт семьи, семейная политика, демографическая политика, поддержка семьи, семья и рождаемость.

Введение

Положение современной семьи в обществе в значительной степени определяется масштабностью социальной политики в ее интересах и осознанием значимости роли семьи в решении социально-демографических проблем. Семьи оказываются объектом воздействия мер и семейной, и демографической политики. Демографическая политика представляет собой реализацию мер, направленных на обеспечение расширенного или хотя бы простого воспроизводства населения. Объектом воздействия семейной политики выступает именно семья (а не отдельные индивидуумы) в целях повышения значимости семейного образа жизни и обеспечения жизнедеятельности института семьи. Однако в рамках оказания помощи семье в реализации ее функций, прежде всего репродуктивной и жизнеохранительной, направления и меры поддержки пересекаются, что зачастую затрудняет возможность их классификации и выделения концептуальных основ. Целью реализации в городе Москве мер государственной семейно-демографической политики является создание условий для достижения полноценной жизнедеятельности московских семей, стимулирования их активности в осуществлении социальных функций; репродуктивного поведения; формирования модели самосохранительного поведения; профилактики социального сиротства, оказания эффективной информационной, консультативной, психологической помощи семье.

Анализ направлений семейно-демографической политики в столице позволяет выявить, насколько основные проблемы жизнедеятельности института семьи находят отклик в современном обществе, отражаются в стратегии государственной политики, определить, насколько эффективны действующие механизмы их решения.

Для современной российской семьи характерны динамичные изменения под воздействием совокупности экономических, социальных и духовно-культурных факторов [1]. Важнейшим трендом выступает процесс нуклеаризации семей. Вступление в брак и создание семьи происходит в достаточно зрелом возрасте. Значи-

тельная часть детей воспитывается в неполных семьях либо в семьях, где один из супругов не является родителем ребенка. Меры социально-экономической политики оказывают влияние на процессы, происходящие в семье, даже в тех случаях, когда проблемы семьи отнюдь не являются предметом их воздействия. Так, низкий уровень минимальной оплаты труда и прожиточного минимума сказывается прежде всего на уровне жизни семей с несколькими детьми. Повышение границ пенсионного возраста не может не повлиять на реализацию воспитательной функции семьи в условиях дефицита услуг учреждений дошкольного образования. Кроме того, российская семья весьма неоднородна, включает целую совокупность моделей: и современные, и традиционные (и с точки зрения демографической структуры, и с точки зрения распределения семейных ролей и характера взаимоотношений в семье). Эффективная модель современной семейной политики не может не учитывать этого фактора [2, с. 524]. Исследования показывают, что семейная политика может быть успешной при условии, что реализуется с учетом многообразия жизненных планов и ценностей людей.

Система мер семейно-демографической политики

В столице функционирует динамично развивающаяся система поддержки семей с детьми. Хотя отсутствуют официально утвержденные концептуальные документы, определяющие стратегию развития городской семейно-демографической политики, предпринимаются значительные шаги в области поддержки семьи при реализации ее функций и обеспечения положительного естественного прироста, формирования инфраструктуры детства, решения жилищной проблемы московских семей, обеспечения семейного жизнеустройства детей, лишенных попечения родителей, и адаптации выпускников интернатных учреждений.

Реализация в столице мер семейной политики включает предусмотренные федеральным социальным законодательством и стратегическими документами в сфере семейной и демографической политики меры [3–9], направленные на обеспечение достойной жизни семей с детьми, формирование условий для рождения желанных детей, сохранение здоровья и обеспечение увеличения продолжительности жизни.

Меры семейной и демографической политики регулируются ежегодно принимаемыми комплексными программами мер социальной защиты жителей Москвы, а также программами по социальной защите семьи, женщин и детей, совершенствуется механизм обеспечения помощи семьям с детьми [10]. Дополнительно к федеральным мерам поддержки за счет средств городского бюджета семьям предоставляются льготы и компенсации, оказывается поддержка в виде системы городских выплат. Особое внимание уделяется таким наименее социально защищенным категориям населения, как многодетные, неполные и семьи с детьми с ограниченными возможностями здоровья, а также детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

Комплекс социальной сферы города Москвы, соответствующие ведомства города реализуют специальные программы, направленные на оптимизацию демографической ситуации, укрепление института семьи, в частности, можно назвать Государственную программу города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы», Стратегию Правительства Москвы по реализации государственной политики в интересах детей «Московские дети» на 2008–2017 гг. Реализуется Программа развития Москвы «Москва – город, удобный для жизни», сформированная Правительством Москвы.

Осуществляется деятельность в сфере формирования механизма межведомственного сотрудничества, интеграции интересов институтов гражданского общества, бизнеса, религиозных конфессий, национальных диаспор [11, с. 152]. Представители бизнеса и некоммерческого сектора входят в состав консультативных и общественных советов органов управления социальной сферы, принимают участие в проводимых социальных конкурсах (например, городской конкурс «Лучший работодатель города Москвы», конкурс «Московская мастерица», конкурс профессионального мастерства инвалидов «Абилимпикс»), что способствует трудоустройству социально незащищенных категорий граждан, повышению качества условий труда. Отдельное направление сотрудничества различных субъектов городской семейно-демографической политики – жизнеустройство детей-сирот и детей, лишенных попечения родителей, реабилитация трудных подростков.

Если в сложных экономических условиях 1990-х гг. Правительству Москвы приходилось решать насущные вопросы жизнедеятельности семей и поддерживать прежде всего малообеспеченные семьи, то в настоящее время реализуется стратегия семейно-демографической политики в интересах различных групп населения, соответствующая принципам развития социального государства [12, с. 2].

В основе этой политики – необходимость улучшения режима воспроизводства населения,

Таблица 1

Финансовое обеспечение государственной программы «Социальная поддержка жителей г. Москвы», 2012–2017 гг., тыс. руб.

Источники расходов	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2017/ 2012, %
Всего	810069299.5	821453778.4	850052668.6	882794761.1	931922193.6	957509604.2	118.2
Бюджет Города Москвы	331931972.2	317148336.8	321916952.1	327934451.9	351261749.6	391192517.4	117.9
Средства федерального бюджета	65310559.9	69006710.8	72172616.7	76098418.8	23542108.9	743040.6	1.14
Средства бюджетов государственных внебюджетных фондов	411519365.4	433945626.4	454410052.3	475619987.5	553503456.6	562031941.5	136.6
Средства юридических и физических лиц	1307402.0	1353104.4	1553047.5	3141902.9	3614878.5	3542104.7	271.9

адаптации мигрантов, приоритет семейного воспитания детей, гендерное равенство во всех областях жизнедеятельности мужчин и женщин, включая семью, сферу занятости и общественную деятельность.

Расходы на социальную политику в бюджете города составляют в последние годы весьма значительную величину – 16–17% (2016 г. – 16.6%). Расходы на социальную политику в столице растут (табл. 1). Прежде всего это касается расходов внебюджетных фондов и привлеченных средств (юридических и физических лиц).

Больше половины совокупных расходов составляют средства внебюджетных фондов. Объем привлеченных средств увеличился в последние шесть лет наиболее значительно – в 2.7 раза. В наибольшей степени бизнес принимает участие в финансировании мер, связанных с социальной интеграцией инвалидов, в том числе участвуя в создании рабочих мест.

В настоящее время все большее внимание к себе привлекает проблема социальной роли бизнеса в развитии российского общества. Современная бизнес-культура признает определенные социальные обязательства предпринимателя перед работниками предприятия, муниципальным образованием, где оно расположено.

Москва является крупным мегаполисом, имеющим значительные возможности для развития предпринимательской активности. Стимулами внешней социальной политики для московских предпринимателей выступают: возможность принимать участие в инвестиционных проектах на территории столицы, формирование позитивного имиджа корпорации; ожидания со стороны общества; определенное давление органов власти; участие топ-менеджмента или собственников предприятия в политической деятельности; следование российского бизнеса международной практике.

Однако в структуре затрат на реализацию программы «Социальная поддержка жителей г. Москвы» доля затрат на подпрограмму «Социальная поддержка семей с детьми. Профилактика социального сиротства и защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» составляет лишь 8.8%, сократившись с 2012 г. на 1.1 процентного пункта. Если в целом расходы на социальную поддержку москвичей увеличились за 2012–2017 гг. на 18.2%, то увеличение расходов на социальную поддержку семей с детьми составило лишь 4.7%, при этом в 2017 г., по сравнению с 2016 г., расходы даже сократились (на 2.6%). Доля затрат на подпрограмму составила в 2016 г. 0.6% валового регионального продукта столицы.

С учетом объемов городских затрат на социальную поддержку, доля различных пособий в структуре социальных выплат, получаемых москвичами, составила в Москве в 2016 г. 29.9% (по России в целом – 24.7%). Масштабы оказываемой помощи характеризуют и следующие данные. Численность детей, имеющих право на получение мер поддержки за счет средств бюджета столицы, на протяжении последних лет неуклонно увеличивалась и достигла в 2017 г. 805541 человека, это 38.7% от численности всех московских несовершеннолетних. Доля граждан, получающих ежемесячные денежные выплаты в столице, на начало 2018 г. составила 9.4%, наиболее значительная часть из

них – инвалиды (более 1 млн чел.). Однако надо отметить, что средний размер ежемесячных выплат в столице не слишком значителен и составлял в 2017 г. 2099 рублей (в среднем по России 2133 рубля) [13].

Наряду с этим нельзя не отметить, что Правительством Москвы и Московской городской думой приняты нормативно-правовые акты, гарантирующие московским семьям дополнительные, помимо федеральных, городские меры социальной поддержки. Статус столичного города позволяет и обязывает учитывать интересы семей с детьми в стратегии городского развития. Принятые законы гарантируют семьям, прежде всего малообеспеченным, получение адресной помощи в виде пособий, компенсаций и льгот.

Основными направлениями реализации семейно-демографической политики в г. Москве выступают:

– стимулирование рождаемости;

– материальная поддержка различных категорий семей;

– жилищная политика;

– поддержка молодой семьи;

– помощь многодетным семьям;

– стимулирование самосохранительного поведения;

– профилактика социального сиротства и адаптация выпускников сиротских учреждений.

Рассмотрим отдельные меры поддержки, реализуемые в рамках семейно-демографической политики в г. Москве в интересах семей с детьми.

Материальная поддержка семей

Финансовые возможности столицы позволяют оказывать семьям дополнительную поддержку как в денежной, так и в натуральной форме. В значительной степени именно на пособия ориентируется московское правительство в стимулировании рождаемости.

Среди пособий можно прежде всего выделить те, которые направлены на поддержку репродуктивной функции семьи (по беременности и родам, на рождение ребенка), а также помощь малообеспеченным семьям [10, с. 72–77].

Следует отдельно обратить внимание на помощь родителям, которые решили принять в свою семью ребенка, лишенного попечения кровных родителей. Помимо единовременного пособия, предусмотренного федеральным законодательством, в столице выплачивается ежемесячное пособие при усыновлении, установлении опеки, устройстве ребенка в приемную семью. Размер пособия дифференцирован и зависит от следующих факторов: возраста ребенка (чем ребенок старше, тем пособие больше), количества детей; наличия у детей проблем со здоровьем (инвалидности).

Хотя в столице отсутствует программа так называемого «регионального материнского капитала», московским родителям при рождении ребенка выплачивается дополнительное (к федеральному) пособие. Его размер определяется очередностью рождения ребенка и колеблется в пределах от 5.5 тыс. руб. (для первого ребенка) до 4.5 тыс. руб. – при рождении второго и последующего ребенка.

В соответствии с Законом г. Москвы от 28.01.2004 «О молодежи» молодым семьям выплачивается дополнительное единовременное пособие в связи с рождением ребенка [14]. Молодыми родителями (или родителем, в случае рождения ребенка в неполной семье) считаются москвичи в возрасте до 30 лет. Величина выплаты учитывает количество детей в семье (которое влияет на уровень жизни), а также косвенным образом стимулирует рождение нескольких детей москвичами уже в достаточно молодом возрасте. Пособие определяется величиной прожиточного минимума: молодым родителям первого ребенка полагается выплата, соответствующая пятикратной величине прожиточного минимума москвича, а третьего ребенка – уже десятикратная.

Выплата пособия отдельным категориям семей определяется их меньшей социальной защищенностью на фоне других социально-демографических групп, более низким уровнем жизни. Ежемесячная выплата, связанная с возмещением роста стоимости продуктов питания, предусмотрена для семей с детьми в возрасте до 3 лет и предоставляется следующим категориям семей: студенческим, многодетным, с ребенком-инвалидом, одиноких матерей, а также выплачивается на детей военнослужащих срочной службы. Для детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, выплачивается специальное пособие.

В столице выплачивается ежемесячное пособие на ребенка в семьях, среднедушевой доход которых не превышает величину прожиточного минимума [11, с. 162]. Размер пособия является одним из самых значительных (по сравнению с другими регионами страны). Величина пособия отличается для разных категорий детей и их возраста. Повышенный размер пособия установлен для детей в возрасте от 1.5 до 3 лет, семьям, особенно нуждающимся в материальной поддержке: базовая величина пособия составила в 2017 г. 2000–3000 рублей, пособие на детей одиноких матерей – 3000–5000 рублей, на детей военнослужащих по призыву – 2400–3800 рублей, на детей, родители которых укло-

няются от уплаты алиментов, – 2400–3800 рублей. Как видно, даже эти, значительные по российским меркам размеры пособия несопоставимы с величиной прожиточного минимума ребенка (в 4-м квартале 2017 г. он составлял 13300 рублей).

Семьям с детьми предоставляются также такие льготы и натуральная помощь, как «бесплатное обеспечение новорожденных комплектами детского белья – в родильных домах; бесплатный отпуск молочных продуктов детского питания; бесплатное обеспечение лекарственными средствами детям до 3 лет; бесплатный проезд в городском пассажирском транспорте для детей в возрасте 7 лет; льготный проезд в городском пассажирском транспорте обучающихся по очной форме обучения – в период обучения; бесплатное посещение зоопарка, музеев, выставочных залов, парков культуры и отдыха; обеспечение бесплатными учебниками; обеспечение льготным или бесплатным горячим питанием в соответствии с правовыми актами города Москвы обучающихся по очной форме в государственных образовательных учреждениях начального или среднего профессионального образования» [10, с. 75].

Особой поддержкой в столице, как и в других регионах страны, пользуются многодетные семьи. Для многодетных семей в Москве действуют льготы по оплате коммунальных услуг, содержанию детей в дошкольных образовательных учреждениях, предоставляется бесплатный проезд детей в городском наземном транспорте, двухразовое бесплатное питание в школе, выплачивается денежная компенсация на школьную форму. Для многодетных семей, в которых родилось 10 и более детей, действуют особые льготы.

Помощь молодым семьям

Одной из серьезных, осложняющих жизнь современной российской семьи, особенно проживающей в крупном городе, является *жилищная проблема*. В Москве осуществляется комплекс мер, направленных на решение жилищных проблем для различных категорий московских семей. Особое место в этом ряду занимают молодые семьи. Жилищная проблема острее в молодых семьях с детьми, однако родителями пока не накоплен необходимый капитал для приобретения собственной жилой площади.

Правительство РФ разработало федеральную программу «Молодая семья», предусматривающую частичное субсидирование стоимости квартиры из бюджета государства [15]. Подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» ФЦП «Жилище» на 2002–2010 гг. предусматривала финансирование за счет средств самих молодых семей, предприятий, заинтересованных в закреплении специалистов, кредитных организаций под залог приобретенного жилья бюджетов субъектов Российской Федерации и федерального бюджета, направляемых на предоставление безвозмездных субсидий молодым семьям. С ноября 2007 г. возраст участников этой программы увеличен с 30 до 35 лет.

Опыт реализации программ государственной поддержки молодых семей [16, с. 85–94] в жилищной сфере на территории г. Москвы несколько отличается от других регионов. С 2003 г. для молодых москвичей предлагается несколько способов улучшения жилищных условий [17]. Самым востребованным вариантом стало приобретение у властей города квартиры в рассрочку до 10 лет под 5% годовых. Категории молодых граждан, которые могут воспользоваться программой, достаточно разные, но обеспеченность жильем у них должна быть ниже нормы: 1) молодые ученые, преподаватели, аспиранты; 2) семьи молодых работников бюджетного сектора; 3) молодые семьи без детей, состоящие в официальном браке не менее 1 года; 4) молодые семьи с детьми; 5) семьи со справкой о 28-недельной беременности. Кроме этого, семья имеет возможность приобрести жилье в ипотеку, а власти списывают 30% после рождения ребенка, а также первоначальный взнос от 10% до 20%. Данными услугами могут воспользоваться не только многодетные семьи [18].

Несмотря на реализацию целого комплекса мер жилищной политики ситуация в столице с решением жилищной проблемы для различных категорий семей остается сложной.

В 2017 г. на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях состояло 7698 молодых семей, их количество каждый год (2012–2017 гг.) сокращалось на 10–15%. Однако данные о числе молодых семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях и улучшивших жилищные условия в отчетном году, свидетельствуют, что на протяжении 2013–2017 гг. ежегодно имели возможность улучшить свои условия не так уж много молодых семей: 2013 г. – 767 семей, 2014 г. – 615 семей, 2015 г. – 16 семей, 2016 г. – 229 семей, 2017 г. – 636 семей. Получается, что, например, в 2017 г. улучшили свои жилищные условия 8.3% состоящих на учете молодых семей [13].

Схожая ситуация наблюдается и в отношении многодетных московских семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий, их число в 2017 г. составило 2764 семьи. При этом в последние 3 года количество многодетных семей, стоящих в очереди на улучшение

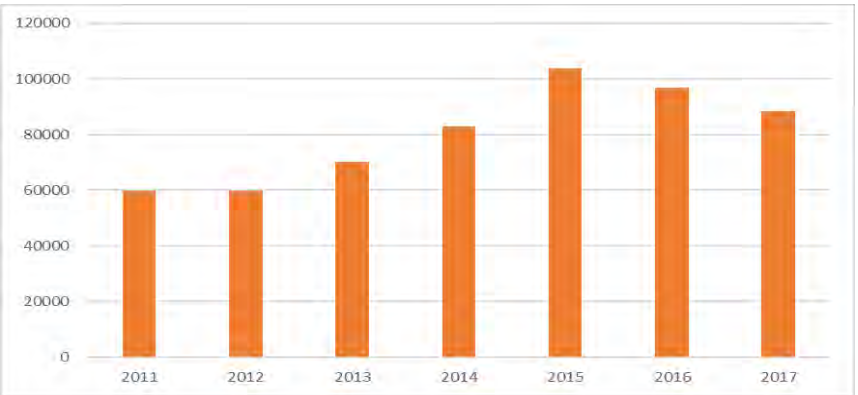

Рис. 1. Численность лиц, получивших государственный сертификат на материнский (семейный) капитал в г. Москве

жилищных условий, практически не сократилось. Если в 2014 г. улучшили свои жилищные условия 148 семей, то впоследствии показатель значительно сократился и составил в 2015 г. 10 семей, 2016 г. – 20 семей, 2017 г. – 84 семьи.

Приведенные данные свидетельствуют о невысокой эффективности жилищных программ в столице. Жилищная проблема многих семей не решается долгие годы.

Стимулирование рождаемости и воспитание детей

Важнейшей мерой по стимулированию рождаемости является программа по выплате материнского (семейного) капитала. Численность получателей материнского (семейного) капитала в столице зависит от динамики рождаемости. До 2015 г. численность получателей росла и достигла 103804 человека [19]. Начиная с 2016 г. количество получателей сертификата на материнский (семейный) капитал стало сокращаться (как и по России в целом), что обусловлено снижением рождаемости и сокращением доли родившихся вторыми и последующими по очередности рождения у матери. В 2017 году в столице было выдано 88385 сертификатов на материнский капитал (рис. 1).

Однако уровень рождаемости в столице оставляет желать лучшего. Последнее десятилетие характеризовалось в России противоречивыми тенденциями в динамике рождаемости. Продолжавшийся до 2015 г. в России (до 2016 г. в столице) подъем рождаемости, обусловленный мерами семейно-демографической политики и благоприятными изменениями возрастной структуры, сменился ее падением. Величина суммарного коэффициента рождаемости, показывающего, сколько всего детей родит за свою жизнь 1 женщина, в столице была и остается ниже общероссийского уровня (1.323 ребенка в 2012 г. и 1.384 ребенка в 2017 г.). Доля первых рождений в столице по-прежнему остается весьма значительной (47.4% в 2016 г. на фоне 39.0% в среднем по России) [19].

Под воздействием мер семейно-демографической политики величина суммарного коэффициента рождаемости в России увеличилась к 2016 г. до 1.762 ребенка. Подъем рождаемости в столице был гораздо менее значительным. Можно сделать вывод, что модель семейно-демографического поведения в крупном мегаполисе требует разработки адекватной модели стимулирования рождаемости, учитывающей специфику жизнедеятельности семьи в крупном городе, необходимости разрешения конфликта «семья – работа».

Остается проблемой устройство московских детей в дошкольные учреждения. Охват детей в возрасте 1–6 лет дошкольным образованием (в процентах от численности детей в возрасте 1–6 лет) является в столице одним из самых низких в стране и составил в 2017 г. 53.3% [19]. Ниже, чем в Москве, показатель охвата детей дошкольным образованием лишь в республиках Северного Кавказа и Республике Крым. Отметим, что, например, в таком крупном городе, как Санкт-Петербург, охват детей дошкольным образованием составил в 2017 г. 68.8%.

Благодаря мерам государственной семейной политики в столице значительно увеличилась доля детей, воспитывающихся в семьях. Если в 2008 г. в московских семьях воспитывалось лишь 58.8% детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что было значительно ниже среднероссийского показателя (71.0%), то к 2017 г. показатель увеличился до 88.6% и практически сравнялся с общероссийским уровнем [19]. Однако наблюдается снижение темпов роста показателя, что свидетельствует об исчерпании потенциала существующих мер поддержки семей, желающих принять на воспитание ребенка. Так, если в 2015 г. число таких семей увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 79.1%, то к 2017 г. показатель сократился до 4.8% (рис. 2).

Рис. 2. Показатели семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в г. Москве, %

Исследования свидетельствуют, что российские семьи, в том числе и московские, неохотно принимают в семью детей подросткового возраста, а также имеющих серьезные проблемы со здоровьем [20]. Это требует формирования мер по стимулированию семейного жизнеустройства данных категорий детей, лишенных попечения родителей.

Меры семейной политики в столице, направленные на формирование благополучной семейной среды, способствуют тому, что в городе наблюдается низкий уровень лишения и ограничения в родительских правах. За 2008–2017 гг. количество родителей, лишенных родительских прав, сократилось с 14 до 5 (в расчете на 10 тыс. детей в возрасте 0–17 лет). Этот показатель в 2 с лишним раза ниже общероссийского уровня [19]. Аналогичная ситуация характерна и для ограничения в родительских правах – столичный уровень составил в 2017 г. 10 родителей на 10 тыс. детей в возрасте 0–17 лет, и это в 3 раза ниже показателя для России в целом.

Выводы

Анализ реализации семейно-демографической политики в г. Москве позволяет сделать следующие выводы. Проводимая политика в интересах семьи носит комплексный характер. Формируется законодательная база, соответствующая современным реалиям, позволяющая говорить о выделении отдельных стратегических направлений деятельности. Оказывается поддержка различным категориям семей с детьми.

Однако принимаемые в рамках реализации меры семейно-демографической политики в значительной степени подразумевают возможность быстрого эффекта в краткосрочной перспективе, при этом не учитывается, что демографическое поведение человека, репродуктивное и самосохранительное, весьма инерционно [21, с. 109], его изменение возможно только на основе долговременной, системной стратегии семейной политики.

Во многих случаях реализация семейно-демографической политики ограничивается выплатой пособий. Отнюдь не всегда разовая помощь или пособия могут в значительной степени изменить ситуацию, особенно если речь идет о влиянии на тенденции рождаемости или воспитательные стратегии в семье. Наличие проблем в демографической сфере и функционировании института семьи, трансформация системы ценностей побуждают к поиску новых форм мер семейно-демографической политики, направленных на обеспечение роста рождаемости, сохранение и укрепление престижа семьи и семейного образа жизни. Необходимо учитывать специфику жизнедеятельности семьи в условиях крупного мегаполиса. Серьезной проблемой семей с детьми в крупном городе выступает разрешение конфликта «семья – работа». Далеко не всегда осуществляются действенные меры по формированию механизмов, обеспечивающих родителям возможность сочетать семейные и профессиональные обязанности. Отсутствует заинтересованность работодателей не только в предоставлении лицам с семейными обязанностями каких-либо дополнительных льгот, но и

соблюдении и обеспечении гарантированных государством прав. Жесткие условия рынка труда в крупном мегаполисе ставят и женщин, и мужчин перед выбором: карьера или семья. Успешными будут стратегии, направленные на развитие гибких форм занятости, позволяющих сочетать уход за детьми и экономическую активность. Экономические семейные стратегии определенной части семей станут успешными при развитии нестандартных форм занятости. Целесообразно ввести в действие экономические стимулы, повышающие заинтересованность работодателей в приеме на работу граждан с высокой семейной нагрузкой, в том числе на условиях неполного рабочего времени, работы по гибкому графику или на дому, позволяющих совмещать работу с выполнением семейных обязанностей.

Доходы семей с детьми продолжают сохраняться на довольно низком уровне. Для того чтобы система пособий работала эффективно, нужно в первую очередь проводить реформу зарплаты. Основные средства для содержания ребенка (детей) родители должны получать в виде оплаты по труду, а не в виде пособий. Это усиливает мотивацию к труду и не провоцирует иждивенчество. Необходимо дальнейшее развитие системы дошкольного присмотра за детьми.

Необходимо принять закон «О минимальных социальных стандартах», что позволит зафиксировать мероприятия поддержки семей с детьми как одну из значимых сфер социальной ответственности государства [11, с. 181]. Минимальные социальные стандарты, определяющие перечень социальных благ и услуг, предоставляемых отдельным категориям граждан, конкретные *минимальные гарантии* государственной поддержки, которыми невозможно пренебречь в рамках планирования и реализации социальной политики, должны учитывать остроту существующих проблем жизнедеятельности различных типов семей. Систему минимальных социальных стандартов составляют взаимосвязанные государственные минимальные социальные стандарты в сфере оплаты труда, пенсионного обеспечения, образования, здравоохранения, культуры, социальной поддержки и социального обслуживания, жилищно-коммунальных услуг. Их принятие позволит осуществлять поддержку семьи исходя из ее потребностей, опираясь на научно обоснованные стандарты, а не руководствуясь исключительно имеющимися финансовыми возможностями. Обеспечение доступа семей к социальным услугам и социальной поддержке в столице будет осуществляться на долгосрочной основе, невзирая на смену приоритетов в социальной политике, сделает доступным оказание услуг учреждений социальной инфраструктуры, социальной помощи, прозрачным процесс индексации городских пособий, создаст ориентиры для развития сектора социального обслуживания, определит политику в сфере оплаты труда с учетом специфики занятости лиц, имеющих детей.

Список литературы

1. Елизаров В.В. Проблемы усиления экономической поддержки семей с детьми и стимулирования рождаемости [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=601

2. Кучмаева О.В., Ростовская Т.К. Семья в системе ценностей российской молодежи // Вызовы цифрового будущего и устойчивое развитие России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2017–2018 годах: Кол. монография. М.: ИТД «Перспектива», 2018. С. 514–543.

3. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/70170932/ (дата обращения: 10.01.2019).

4. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/71684480/ (дата обращения: 10.01.2019).

5. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/191961/ (дата обращения: 10.01.2019).

6. Постановление Правительства от 1 декабря 2015 года № 1297 «Об утверждении Государственной программы «Доступная среда» на 2011–2025 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/77668698/ (дата обращения: 10.01.2019).

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017 – 2022 годы». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213740/ (дата обращения: 10.01.2019).

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2016 г. № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.prof-dolgoletie.ru/2016/03/5-2016-164-2025.html (дата обращения: 10.01.2019).

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/ (дата обращения: 10.01.2019).

10. Кучмаева О.В., Иванова Н.П., Марыганова Е.А. и др. О положении семей в г. Москве. Аналитический доклад. М.: Институт семьи и воспитания РАО, 2010. 109 с.

11. Семья в Москве: тенденции жизнедеятельности / Под общ ред. О.В. Кучмаевой. М.: Институт семьи и воспитания РАО, 2009. 224 с.

12. Овчарова Л.Н., Пишняк А.И., Попова О.Д. Новые меры поддержки материнства и детства: рост уровня жизни семей с детьми или рост рождаемости. Анализ мер поддержки материнства и детства, внедренных в 2007 году в Российской Федерации. М.: НИСП, ЮНИСЕФ, 2007.

13. Социальное положение и уровень жизни населения. 2017. Стат. сб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_44/Main.htm (дата обращения: 10.01.2019).

14. Закон города Москвы от 03.11.2004 г. № 67 «О ежемесячном пособии на ребенка» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/382179/ (дата обращения: 10.01.2019).

15. Программа «Молодая семья» 2017 – актуальная информация // Молодая семья. Руководство по участию в программе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://molodaja-semja.ru (дата обращения: 10.01.2019).

16. Ржаницына Л.С. Молодые семьи с детьми: кто такие, как живут, чего хотят // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 85–94.

17. Карповская Е.Е. Репродуктивное поведение: опыт и проблемы помощи молодым семьям // Иллюстрированный научно-популярный журнал «Человек». 2015. № 5. С. 75–80.

18. Карповская Е.Е. Особенности реализации государственных программ в социальном институте семьи г. Москвы // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. **3.** С. 74–77.

19. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения: 10.01.2019).

20. Сиротство в регионах РФ. Аналитические материалы Фонда «Нужна помощь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nuzhnapomosh.ru/research/2018/sirotstvo-v-regionakh-rf/

21. Емельянова Е.В. Имидж семьи в современном российском обществе // Государственная семейная политика. М.: Изд-во МГСУ, 2008.

IMPLEMENTATION OF FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY ON THE EXAMPLE OF MOSCOW

O.V. Kuchmaeva, E.E. Karpovskaya

Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences

In view of the current position of the institution of family in modern society, the development and implementation of effective family and demographic policy is a problem of high relevance. The article deals with the approaches to the development of a family and demographic policy model for a large metropolis. The main directions in the realization of family and demographic policy in Moscow are considered, including stimulation of birth rate; material support for various categories of families; housing policy; support for a young family; help to large families; stimulation of self-preservation behavior. Despite the complex nature of the measures taken in social practice, they are often short-term and do not take into account the fact that the demographic behavior of a person, the behavior in the field of family relations is quite inertial, its change requires a long-term, systemic impact. Specific features of family life in a large metropolis should be taken into account.

It is necessary to adopt the law «On minimum social standards», in which support for families with children will be stated as one of the areas of the state's social responsibility, along with education, health, employment, wages and social security. The minimum social standards defining the list of social benefits and services provided to certain categories of citizens should take into account the severity of the existing problems, the identified priorities of social and family policy, as well as available financial resources.

Keywords: institution of family, family policy, demographic policy, family support, family and fertility.

УДК 316

УЧАСТИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ РЕГИОНОВ РОССИИ

© 2019 г.

И.Э. Петрова

Петрова Ирина Эдуардовна, к.э.н.; доц.; заведующий кафедрой отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
irinapetrovay@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.03.2019
Статья принята к публикации 30.04.2019

Взаимодействие органов государственной социальной политики и религиозных организаций в сфере оказания социальных услуг за последние 30 лет претерпело существенные изменения, к настоящему времени создана система законодательных актов, легитимирующих эти отношения, сформирован региональный опыт участия религиозных акторов в социальной работе. Религиозные организации и учрежденные ими социальные сервисы занимают свое место в региональных реестрах социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) и реестрах поставщиков социальных услуг для выполнения государственного задания в сфере социального обслуживания. Разные регионы демонстрируют существенные отличия в количестве и составе НКО – поставщиков социальных услуг и, тем более, религиозных организаций среди них. С 2014 г. в России проведено несколько масштабных исследований места и роли НКО в процессе диверсификации социального обслуживания. В качестве основных тенденций необходимо отметить увеличение количества и процентной доли некоммерческих организаций в сообществе поставщиков, хотя закрытость бюрократии и клиентелистские практики ограничивают децентрализацию социальной работы. Конкуренция между религиозными поставщиками, другими НКО и государственными учреждениями на рынке социальных услуг дополняется конкуренцией между религиозными организациями.

Ключевые слова: реестр, социально ориентированные некоммерческие организации, поставщики социальных услуг, религиозные организации.

Введение

Начиная с 1990-х гг. религиозные группы, организации и объединения расширяют свое представительство в социальной сфере в целом и в оказании социальных услуг в особенности.

До 2000 г. в рамках действующего закона № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [1], нормативных правовых актов о деятельности некоммерческих организаций в Российской Федерации регистрируются религиозные организации, а также учрежденные ими социальные службы («Каритас России», «Каритас Западной Сибири»), в уставе которых указана благотворительная деятельность и оказание социальных услуг.

В начале 2000-х гг. крупные религиозные объединения России публикуют программные документы социальной направленности: «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» [2], «Основные положения социальной программы российских мусульман» [3]. В этих текстах определены области соработничества религиозных организаций и государства, в том числе в «Основах социальной концепции Российского Объединенного Союза Христиан Веры Евангельской» впервые упомянуты возможности взаимодействия в сфере социальной работы [4].

К середине 2000-х гг. Правительство РФ приступает к обновлению социальной политики, целью которой становится децентрализация системы социального обслуживания, смена патерналистской парадигмы на целевую адресную помощь, привлечение негосударственных поставщиков социальных услуг. В 2011 г. РПЦ формирует систему церковной социальной работы, включая в нее православные социальные сервисы, а также духовное окормление светских социальных учреждений силами священнослужителей церкви [5]. Эта всероссийская структура возникла на основе опыта работы Комиссии по церковной социальной деятельности при Епархиальном совете города Москвы [6].

В период с 2013 по 2015 г. правительство РФ определило порядок взаимодействия региональных и муниципальных властей с социально ориентированными некоммерческими организациями с целью поддержки социально значимых проектов, а также передачи части государственного заказа в сфере социального обслуживания негосударственным структурам. В регионах России созданы реестры СО НКО для оказания конкурсной и внеконкурсной поддержки

их социально значимых инициатив, а также сформированы реестры поставщиков для оказания социальных услуг в рамках государственного заказа.

Методология

Диверсификация социальной сферы в России является предметом пристального внимания российских исследователей. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. авторы представляли возможные пути децентрализации, а также оценивали степень готовности НКО к конкуренции с государственными учреждениями за региональные субсидии. Основными вопросами обсуждения в то время были: качество предоставляемых услуг; необходимость развития рынка социальных услуг и конкуренции с региональными и муниципальными учреждениями; контроль, стабильность предоставляемых услуг и удовлетворенность потребителей. Обсуждение базировалось более на прогнозах и перспективах разгосударствления социальной сферы [7].

В 2010-х гг. в связи с предпринятыми реформами социальной политики в России количество публикаций о диверсификации социального обслуживания резко возрастает, предпринимаются масштабные всероссийские исследования участия НКО в предоставлении социальных услуг и реализации социально значимых инициатив. Их целью становится изучение эффективности принятых мер по децентрализации социальной помощи и целесообразности финансовой поддержки и выделения государственных субсидий СО НКО [8].

Наряду с малокритичными публикациями, обращающими внимание только на позитивные стороны участия НКО и эффективности мер диверсификации, значительную часть всего корпуса статей составляют глубокие аналитические материалы, вскрывающие как достоинства, так и недостатки реализации обновленной социальной политики, а также трудности расширения негосударственной социальной работы [9].

К настоящему времени проведены несколько всероссийских исследований роли НКО в процессе диверсификации социального обслуживания (Общественная палата РФ, Агентство социальных инициатив, центр ГРАНИ). Анализ региональной специфики участия религиозных организаций в оказании социальных услуг и социальных проектах основывается на данных субъектов Российской Федерации – реестров СО НКО и реестров поставщиков социальных услуг, общероссийского реестра некоммерческих организаций (Главное управление Минюста РФ), а также базы данных религиозных объединений России (например, База данных по социальному служению Русской православной церкви [6]). Автором были проведены интервью с представителями светских социальных учреждений, а также священнослужителями и сотрудниками религиозных организаций (N = 20, 2015 – 2018 годы). В качестве важных материалов для изучения представленной темы в анализ включены данные включенного наблюдения автора за работой социальных сервисов религиозных организаций в нескольких регионах России (Москва, Санкт-Петербург) и за рубежом (Германия, Великобритания).

А.Ю. Ардальянова представляет концепцию *легитимации взаимодействия* в анализе поддержки НКО государственными структурами, а также сотрудничества региональных и муниципальных учреждений с религиозными организациями. Она уточняет определение этого термина: «совокупность знаний, опыта, ценностей, которые получили закрепление в нормативных документах и поведенческих стратегиях взаимодействующих сторон, это восприятие общественным сознанием процесса взаимодействия как нормы значимой и оправданной» [10]. Автор считает, что измерить степень легитимации взаимодействия можно в оценке таких показателей, как «осведомленность населения о взаимодействии в социальной сфере; положительное отношение населения к взаимодействию; частота взаимодействия (количество мероприятий, совместных акций и проектов); наличие нормативно-правовых регуляторов и оснований взаимодействия; наличие доступных механизмов взаимодействия» [10].

Наиболее опытным исследователем процесса диверсификации сферы социального обслуживания в России следует назвать А.В. Тарасенко, предпринявшую долгосрочное наблюдение за этим процессом и комплексно анализирующую все аспекты участия НКО в предоставлении социальных услуг. По мнению петербургской исследовательницы, одной из главных проблем диверсификации является формирование клиентелистских сетей, которые приводят к неэффективному управлению социальной сферой в регионах. Автор считает реформы ограниченными, приводящими скорее к сокращению финансирования и образующими конкуренцию между учреждениями социального обслуживания, нежели к созданию благоприятных условий для НКО. Более того, по мнению А.В. Тарасенко, постоянная угроза «административного давления и уголовного преследования» существенно снижает количество социально значимых проектов, могущих заменить деятельность государственных сервисов [9].

Вместе с тем А.В. Тарасенко весьма подробно анализирует именно региональные различия в процессе децентрализации социальной сферы, отмечая, что отдельные регионы демонстрируют бóльшие успехи в формировании широкого участия НКО в оказании социальных услуг, чем другие. Она отмечает один из трендов современных исследований третьего сектора – анализ локальных, а не национальных социальных систем, так как различия регионов внутри страны становятся наиболее выраженными.

А.В. Тарасенко вслед за европейскими авторами называет основные составляющие диверсификации: «сокращение финансирования бюджетной сферы, приватизация социального обеспечения и маркетизация сферы предоставления социальных услуг, создание рынка предоставления социальных услуг» [9].

Принцип диверсификации социальной помощи представлен в Федеральном законе № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» [11]. НКО в рамках этого закона являются официальными поставщиками социальных услуг. Реформирование бюджетной сферы предполагало согласно федеральным законам № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» [12] и № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сокращение числа неэффективных государственных учреждений и программ [13].

Федеральный закон «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ [14] в статье 32.1 утверждает полномочия региональных властей формировать реестры социально ориентированных НКО для оказания поддержки им в реализации социально значимых проектов.

Для изучения опыта государственной поддержки СО НКО – поставщиков социальных услуг необходимо принять во внимание специфику регионального развития рынка социальных услуг. Как правило, во всероссийских исследованиях социального сектора ученые отделяют Москву и (иногда) Московскую область как уникальные территории с неограниченным набором ресурсов. Считаю необходимым в качестве отдельного кейса привести данные по городу Москве, это поможет проанализировать барьеры участия СО НКО в предоставлении социальных услуг.

В 2016 г. Агентство социальных инвестиций в рамках гранта Общественного народного фронта выполнило исследование социальной сферы Москвы (60 социально ориентированных некоммерческих организаций) [15]. Авторы представили достаточно открытое и подробное описание не только административных барьеров, но и ориентиров в развитии некоммерческих организаций. В анализе использованы данные интервью столичных экспертов, которые определили, что профессиональными игроками социального рынка можно считать не более 5% его негосударственных участников [15]. В качестве основных недостатков опрошенные эксперты называют следующие: отсутствует сформированная стратегия развития организации (в том числе не определены ее финансовые параметры); не оформлены перечни социальных услуг; деятельность НКО нестабильна (люди не задерживаются в организации); недостает профессионального уровня в выстраивании системы бухгалтерского учета и схемы управления организацией; недостаточно развита практика оказания платных социальных услуг; отсутствуют стандарты и регламенты оказания услуг, поэтому невозможно оценить их качество; нет действующей структуры повышения квалификации сотрудников, а также возможности привлечь внешние кадры из-за ограниченных ресурсов организации [15].

С подобными ограничениями в своей деятельности сталкиваются НКО различных регионов, не только столичного. Как правило, многие религиозные поставщики социальных услуг выбирают между «излишним», на их взгляд, профессионализмом и обыденностью социальной деятельности вне условий конкуренции на рынке социальных услуг. Московские исследователи из Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета подчеркивают этот трудный выбор православных поставщиков между заботой и профессионализмом, который может своей формальностью выхолостить содержание церковной социальной работы [16].

Результаты и обсуждение

Представленные законодательные меры очерчивают круг поддержки НКО в регионах РФ: конкурсное и внеконкурсное (преимущественное) субсидирование некоммерческих участников, вошедших в реестр СО НКО, и конкурентная борьба за реализацию государственного заказа на оказание социальных услуг населению.

А.В. Тарасенко в качестве «показателя диверсификации» [9] представляет комплекс из переменных: наличие, количество в абсолютных цифрах и процент негосударственных организаций в реестре поставщиков социальных услуг. Автор по итогам проведенного ею масштабного исследования 66 региональных реестров в 2016–2017 гг. отмечает следующие тенденции.

– Сокращается число регионов, в которых не были утверждены реестры поставщиков социальных услуг (8 в 2016 г., 4 в 2017 г.). Мы в исследовании 2018 г. зафиксировали отсутствие таких регионов – во всех субъектах РФ реестры поставщиков социальных услуг сформированы.

– Сохраняется значительное преимущество государственных учреждений над НКО в реестрах поставщиков. В 2016 г. НКО составляли менее 3% от числа всех поставщиков; более чем в трети регионов (37.8%) НКО в реестре отсутствуют [9]. По нашим данным, в 2018 г. менее 10 регионов из 85 не включили в свои реестры некоммерческие организации.

– Может быть зафиксирована тенденция увеличения количества негосударственных поставщиков. Ориентирована она на исполнение плана Правительства РФ по децентрализации социального обеспечения. А.В. Тарасенко называет в качестве примеров регионы (без НКО в реестре) – Ивановская область, Омская область, Республика Коми. В 2018 г., по нашим данным, список имеет пересечения – Ивановская область, Астраханская область, Владимирская область. А.В. Тарасенко показывает, что, в отличие от 2016 г., в 2017 г. в реестрах некоторых субъектов РФ впервые появились негосударственные поставщики социальных услуг [9]. Соглашусь с ней в выводе о недостаточной пока стабилизации самого процесса децентрализации социальной помощи, что представляет несомненный исследовательский интерес.

– Расширяется состав регионов, увеличивающих число негосударственных организаций в реестрах. А.В. Тарасенко отмечала в 2016 и 2017 г. 9% регионов, лидирующих по количеству таких участников [9]. В 2018 г. мы наблюдаем рост почти в 2 раза – около 18%. Чаще всего такая трансформация достигается в случае перевода большинства казенных и бюджетных учреждений социального обслуживания в автономные. Как правило, региональный социум с трудом переживает такие потрясения, это хорошо известно на опыте первопроходцев – например, в Пермском крае.

А.В. Тарасенко изучала разнообразие поставщиков социальных услуг по принципу категорий обслуживаемых получателей помощи и наименования услуг, в то время как нам интересно включение религиозных поставщиков в региональные реестры. Петербургский исследователь обратила внимание на низкую долю участия религиозных поставщиков, перечислив всего 6 организаций, в том числе 4 имеющие аффилиацию с Русской православной церковью [9]. По результатам авторского исследования 2018 г., основное число из религиозно ориентированных НКО в реестрах поставщиков социальных услуг составляют социальные сервисы РПЦ и хэсэды, центры социальной помощи еврейских общин регионов России (ориентированы они больше на поддержку по этническому, чем религиозному признаку). Всего зафиксировано 28 НКО, связанных с РПЦ, 6 хэсэдов, 1 социальная НКО Евангельских христиан баптистов и 1 учрежденная Евангелико-Лютеранской церковью.

В целом наше исследование 2018 г. подтверждает основные тенденции, выявленные А.В. Тарасенко в 2016 и 2017 г. Вместе с тем представляют интерес намеченные петербургским исследователем направления анализа. Она связывает число НКО в реестре субъекта Российской Федерации с открытостью региональных администраций демократическим преобразованиям, в особенности в очень консервативной социальной сфере [9].

Очень важно к представленному начальному анализу добавить изучение влияния религиозных организаций на региональных чиновников и привносимые ими ограничения конкуренции на складывающемся рынке социальных услуг.

А.В. Егупов и Т.Ю. Жданова изучают сетевые стратегии деятельности российских религиозных организаций. Они достаточно подробно описывают, как структуры РПЦ в регионах вытесняют «другие конкурирующие религиозные организации», в том числе протестантские [17]. По мнению этих исследователей, эта стратегия дополняется активной социальной деятельностью, а благодаря широкому позиционированию в СМИ, общество воспринимает РПЦ более открытой и заслуживающей доверия, чем другие [17].

Заключение

Представляет значимый интерес анализ регионального сообщества поставщиков социальных услуг и их учредителей с точки зрения заинтересованных групп, выявляя лоббистские настроения в практике региональных министерств и ведомств. Например, Нижегородская область не отказалась ни от одного казенного и бюджетного государственного учреждения, подведомственных Министерству социальной политики Нижегородской области.

Очень важно изучить отличия совокупности поставщиков социальных услуг в регионах в зависимости от региональных ресурсов – возможно, как и считает А.В. Тарасенко, в экономически более сильных регионах более благополучное население станет заказывать социальные услуги более качественные.

Религиозные поставщики, вслед за основным составом всех НКО в реестрах поставщиков социальных услуг, в основном оказывают социально-бытовые услуги, как правило, пожилым людям, потом – детям. Работа с зависимыми клиентами пока проводится не в рамках государственного задания, и этот рынок исследован значительно меньше, хотя именно там религиозные организации представлены наиболее широко.

Реестры социально ориентированных некоммерческих организаций в большей мере, чем реестры поставщиков социальных услуг, включают религиозные организации. Вхождение в реестры СО НКО не налагает таких жестких профессиональных требований на начинающих агентов социальной сферы, позволяет им проводить более разнообразные социально значимые проекты. Перевод одной и той же организации из одного реестра (СО НКО) в более сложный (поставщиков социальных услуг) само по себе представляет интерес для исследователя и станет хорошим ориентиром для дальнейших действий.

Список литературы

1. Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (26.09.1997) // Портал справочной правовой системы «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218. (дата обращения: 11.03.2019).

2. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html (дата обращения: 05.03.2019).

3. Основные положения социальной программы российских мусульман // Официальный сайт Совета муфтиев России. URL: https://www.muslim.ru/articles/280/8471 (дата обращения: 12.03.2019).

4. Основы социальной концепции Российского Объединенного Союза Христиан Веры Евангельской // Официальный сайт РОСХВЕ. URL: https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1448133 (дата обращения: 11.03.2019).

5. О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского патриархата. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html (дата обращения: 05.03.2019).

6. Комиссия по церковной социальной деятельности при Епархиальном совете г. Москвы // База данных по социальному служению Русской Православной Церкви. URL: http://social.miloserdie.ru/service/993 (дата обращения: 12.03.2019).

7. Вклад негосударственных некоммерческих организаций в решение социальных проблем в России. Развитие социальных услуг: Сборник статей и материалов «мозгового штурма» / Под ред. О.Б. Казакова. М.: Институт «Открытое общество», 2003 // Официальный сайт НИУ ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2010/04/19/1216827401/ngos_contribute.pdf (дата обращения: 12.03.2019).

8. Перспективы НКО в качестве поставщиков общественной пользы. Сводный аналитический отчет / Исследовательская группа ЦИРКОН. 2013. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/d5d/Perspektivy_NKO_v_kachestve_postavshhikov_obshhestvennoj_polzy.pdf. (дата обращения: 05.03.2019).

9. Тарасенко А.В. Диверсификация сферы социальных услуг в России: факторы региональных различий. Препринт М-58/17. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 28 с. URL: https://eu.spb.ru/images/M_center/M_58_17.pdf. (дата обращения: 06.03.2019).

10. Ардальянова А.Ю. Легитимация процесса взаимодействия государственных учреждений и религиозных организаций в социальной сфере России: Автореф. дис. … канд. социол. н. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2013. 24 с.

11. Федеральный закон №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» (28.12.2013) // Портал справочной правовой системы «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558. (дата обращения: 11.03.2019).

12. Федеральный закон №174-ФЗ «Об автономных учреждениях» (03.11.2006) // Портал справочной правовой системы «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635. (дата обращения: 11.03.2019).

13. Федеральный закон № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (08.05.2010) // Портал справочной правовой системы «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100193. (дата обращения: 11.03.2019).

14. Федеральный закон №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (12.01.1996) / Портал справочной правовой системы «Консультант». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824. (дата обращения: 10.03.2019).

15. Голубев С.В., Славгородская М.Ю., Хрусталев А.А. Система государственной поддержки СО НКО как инструмент развития рынка социальных услуг. М.: Грифон, 2017. 60 с. URL: http://www.socinvest.org/wp-content/uploads/2017/04/The-system-of-state-support_of_NKO_new-2-1.pdf. (дата обращения: 06.03.2019).

16. Забаев И.В., Орешина Д.А., Пруцкова Е.В. Специфика социальной работы на приходах Русской Православной Церкви: проблема концептуализации // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11 (3). URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21685255. (дата обращения: 05.03.2019).

17. Егупов А.В., Жданова Т.Ю. Сетевые стратегии деятельности религиозных организаций в современной России // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 1. URL: http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-1. (дата обращения: 10.03.2019).

PARTICIPATION OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE SOCIAL WORK OF RUSSIA'S REGIONS

I.E. Petrova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The interaction of state social policy agencies and religious organizations in the provision of social services has undergone significant changes over the past 30 years. A legislative framework has been created to legitimize these relations, and significant experience in the participation of religious actors in social work at the regional level has been accumulated. Religious organizations and social services established by them are included in the regional registers of socially-oriented non-profit organizations and the registers of social service providers to fulfill state tasks in the field of social services. Different regions demonstrate significant differences in the number and composition of NGOs among providers of social services and, especially, religious organizations among them. Since 2014, Russia has conducted several large-scale studies of the place and role of NGOs in the process of diversifying social services. The main trends should be noted in the increase in the number and percentage of non-profit organizations in the supplier community, although the closed nature of bureaucracy and clientelist practices limit the decentralization of social work. In addition to competition between religious suppliers, other NGOs, and government agencies in the social services market, there also exists competition between religious organizations.

Keywords: register, socially oriented commercial organizations, social service providers, religious organizations.

УДК 316

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ О РОЛИ ОТЦА В СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬЕ

© 2019 г.

Н.Ю. Егорова, Е.С. Рябинская

Егорова Надежда Юрьевна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
nadegorova@yandex.ru
Рябинская Елена Сергеевна, магистрант кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ryabinskaya95@mail.ru

Статья поступила в редакцию 13.02.2019
Статья принята к публикации 29.04.2019

Рассматриваются представления молодых об отцовских ролях в условиях трансформаций межличностных отношений в семейной сфере. Подчеркивается, что изменения в рамках института семьи, ведущие к вариативности родительства и, как следствие, отцовства, актуализируют вопросы восприятия и закрепления новых отцовских практик, в том числе на уровне представлений и установок молодого поколения. На основании авторского исследования студентов нижегородских вузов в рамках гендерного и функционального подходов анализируются взгляды юношей и девушек на модели родительства в дихотомии «традиционализма» – «эгалитаризма», мнения относительно обязанностей отца по воспитанию и уходу за ребенком на разных возрастных этапах, его качеств. Делается вывод о различиях и противоречиях во взглядах юношей и девушек относительно рассматриваемых вопросов, неодинаковой готовности молодых людей включаться в различные виды деятельности, связанные с отцовством. Несмотря на общее стремление к равенству, работу по реализации родительских функций можно разделить на «мужскую» и «женскую». Очевиден постепенный уход от традиционных представлений об отце, его качествах. От мужчины требуются бо́льшая вовлеченность, гибкость в выстраивании отношений, умение сочетать иногда противоположные качества.

Ключевые слова: родительство, отцовство, отцовские роли, традиционализм, эгалитаризм.

Введение

Трансформации, наблюдаемые в России в сфере брачно-семейных отношений на протяжении второй половины XX – начала XXI века, серьезно затронули структурные характеристики семьи. Динамика демографических показателей (низкая рождаемость и брачность, увеличение числа сожительств, высокие показатели внебрачной рождаемости, высокий уровень разводимости и, как следствие, увеличение числа неполных семей и повторных браков) позволяет сделать убедительный вывод об изменении состава семейной группы, нестабильности ее внешних границ [1, с. 34–53]. Но это только одна, наиболее очевидная и заметная сторона происходящих процессов, другая же, не менее важная, касается перестройки всей системы ролевого взаимодействия в современной семье. Движения в супружеской/родительской, родительско-детской, родственной подсистемах характеризуются общим направлением – стремлением построить отношения на основе партнерства, эгалитаризма. В действительности это проявляется в вариативности образцов поведения [2, с. 56–57], которые могут стать источником новых проблем и противоречий, в том числе во взаимоотношениях полов. В контексте данной статьи речь пойдет в первую очередь о родительских ролях мужчины и женщины, также наполняющихся новым содержанием.

С точки зрения гендерного подхода, гендерные отношения реализуются по двум основным направлениям: традиционному, подразумевающему дифференциацию «мужского» и «женского», и эгалитарному, ориентирующемуся на принцип равенства между мужчинами и женщинами [3, 4]. Первую социологическую концепцию о разделении половых ролей выдвинул Т. Парсонс, один из основателей структурного функционализма. Согласно данной концепции, для существования любой социальной системы, в том числе семейной, необходимо исполнение инструментальной и экспрессивной функций, подразумевающих наличие противоположных качеств, в связи с чем один и тот же человек не может одновременно выполнять обе функции [5, с. 24]. В результате мужчина, обладающий такими качествами, как властность и жесткость, выполняет инструментальные роли в семье, а женщина, характеризующаяся такими качествами, как мягкость и умение погасить кон-

фликт, – экспрессивные [5, с. 24; 6, с. 49]. Структурный функционализм Т. Парсонса описывает традиционную модель семьи, в которой мужчина исполняет роль добытчика и кормильца семьи, а женщина – роль хранительницы домашнего очага и воспитательницы детей. Однако, как было сказано выше, в современных условиях мы наблюдаем переход от традиционной модели семьи к эгалитарной, демократической, партнерской, о чем свидетельствуют многочисленные исследования.

Размывание нормативов в сфере родительства привело к многообразию родительских практик [7]. Изменения представлений о родительской, в том числе отцовской, роли предполагают появление и распространение новых моделей поведения современных отцов. Исследования демонстрируют большое разнообразие моделей отцовского поведения. Например, опираясь на критерии активности/пассивности отцов в поддержке матери, принятие/отвержение роли отца, О.Н. Безрукова разрабатывает следующую типологию отцовства: активно-принимающие, пассивно-принимающие, пассивно-отвергающие и активно-отвергающие отцы [8]. В соответствии с вкладом в содержание детей и степенью участия в их жизни И.О. Шевченко выделяет уникальный, активный, осведомленный и присутствующий типы поведения отцов [4]. С целью выявления стратегий активного участия отцов в уходе за детьми А.А. Темкиной и А.В. Авдеевой было проведено исследование, посвященное изучению модели «вовлеченного отцовства» в современной России [9].

Включение в родительство начинается с «теоретического уровня», предшествующего фактической реализации себя как родителя. Этот этап связан с формированием представлений, реализуемых потом в поведенческих аспектах родительства, важным структурным элементом которых выступают, в том числе, установки и ожидания относительно распределения родительских функций и ролей [10, с. 10–27]. Молодой возраст, студенчество, является периодом активного осмысления себя не только как будущего профессионала, но и супруга, родителя. Учитывая существующее разнообразие моделей, закономерно поставить вопрос: насколько описанные выше тенденции и практики встраиваются *в представления молодых о семье*, роли отца в воспитании детей? Есть ли основания для утверждений о дальнейшем распространении инновационных пока практик «вовлеченного отцовства»? Данная проблема остается малоизученной и затрагивается в первую очередь в исследованиях по социальной психологии, нося фрагментарный, локальный характер.

Так, в исследовании Е.А. Чикаловой 2013 г. участие принимали только юноши в возрасте от 18 до 25 лет, не состоящие в браке и не имеющие детей, обучающиеся на технических и гуманитарных специальностях в университетах Смоленска и Санкт-Петербурга, что не позволило определить степень принятия эгалитарных установок молодыми людьми и девушками, выявить возможные противоречия во взглядах. Предметом изучения стали представления, установки и мнения юношей относительно отцовского поведения. Анализ результатов показал, что большинство опрошенных (54%) ориентированы на необходимость равной включенности обоих родителей в деятельность по уходу за маленькими детьми. Однако доля респондентов, считающих, что ухаживать за маленьким ребенком должна в большей мере мать, также велика (45%). Молодые люди придерживаются мнения, что отец должен непосредственно взаимодействовать с ребенком, иметь с ним общие интересы и проводить время вместе (73%). Спорным оказался вопрос, связанный с готовностью мужчины-отца жертвовать своими профессиональными интересами ради интересов ребенка (70% юношей затруднились ответить, 22% согласились, что важнее семья и дети, 8% решили, что важнее работа и профессиональный рост) [11]. Молодые люди выразили готовность принимать одинаковое участие в совместной деятельности как с сыном, так и с дочерью (70%) [3].

Вывод о том, что отец важен для ребенка, независимо от его пола (79%), подтверждается исследованием И.О. Шевченко «Отцы и отцовство», проведенным в 2014 г. среди россиян в возрасте от 18 до 60 лет [12]. Автор подчеркивает, что обязанности отца подразумевают всестороннее участие в жизни ребенка. По мнению респондентов, это совместная работа с ребенком, обсуждение важных проблем в его жизни, занятия спортом, игры, прогулки, помощь с выполнением домашних заданий, походы в кино и развлекательные центры, сопровождение ребенка в детский сад или школу, посещение врачей, приготовление еды, материальное обеспечение ребенка. В исследовании также затрагивается вопрос, касающийся образа хорошего отца. С точки зрения опрошенных, отец должен быть ответственным, умным, понимающим, заботливым, добрым, веселым, сильным, смелым и строгим. Не до конца ясными остаются ответы на вопросы, насколько одинаково данное мнение разделяется представителями обоих полов и какова готовность молодых людей

Таблица 1

Кто должен заниматься ребенком в семье, %

	Все	Юноши	Девушки
Только мать	0	0	0
В большей мере – мать	8	10	5
В большей мере – отец	1	2	0
Только отец	0	0	0
Мать и отец в равной мере	81	75	86
В зависимости от пола ребенка	8	11	6
Затрудняюсь ответить	2	1	2

принимать участие в различных видах деятельности. Очевидно одно: на уровне представлений фиксируется необходимость/значимость отца не только для выполнения традиционной инструментальной функции, наличие как эгалитарных, так и традиционных взглядов на семью и распределение родительских ролей.

Характеристики исследования

Попыткой ответить на поставленные выше вопросы стало исследование «Представления студентов о роли отца», проведенное авторами в 2017–2018 гг. методом анкетного опроса. Объект исследования – студенты 3–4-х курсов (*N*=283) очной формы обучения естественных/технических (59%) и общественных/гуманитарных (41%) специальностей нижегородских вузов: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, НГТУ им. Р.Е. Алексеева и Высшей школы экономики. Доля юношей среди опрошенных составила 48%, девушек – 52%. Что касается семейного положения, большинство (57%) молодых людей были не женаты (не замужем), 29% имели постоянного партнера, но совместно с ним не проживали, 10% жили в так называемом «гражданском браке», и лишь 5% юношей и девушек состояли в официально зарегистрированных отношениях. Практически все молодые люди (99%) в момент опроса не имели детей, однако большинство в будущем планируют стать родителями: 8% – одного ребенка, 14% – одного-двух детей, 46% – двоих детей, 8% – двоих-троих, 14% – троих и более детей, а следовательно, задумываются о возможных вариантах распределения обязанностей по уходу и воспитанию ребенка в семье. Правда, 10% пока либо не хотят детей, либо не думали об этом. На последних курсах студенты, как правило, еще не работают (51%), однако треть опрошенных студентов подрабатывает время от времени (32%), а пятая часть – работает постоянно (18%).

В качестве рабочих были выдвинуты следующие гипотезы:

– нормативная модель современного отцовства в представлениях студентов предполагает широкий набор обязанностей, подразумевающих активное участие мужчины и в воспитании ребенка, и в уходе за ним на разных возрастных этапах;

– представления юношей и девушек о роли отца в современной семье расходятся. Требования девушек выше, они чаще ориентированы на равенство в распределении родительских функций, более активное вовлечение мужчин во все виды обязанностей, связанных с родительством.

Результаты исследования: каким должен быть современный отец?

По мнению большинства юношей и девушек, родительство является обязанностью обоих партнеров (81%), что свидетельствует о расположенности молодых людей к эгалитарной модели родительства. Необходимость разделения родительской ответственности наиболее выражена в представлениях девушек (86% и 75% соответственно). Каждый десятый опрошенный полагает, что это зависит от пола ребенка. Столько же молодых людей считают, что воспитание ребенка является обязанностью матери. Юношей, придерживающихся данных позиций, в два раза больше, чем девушек (11% и 6%, 10% и 5% соответственно) (табл. 1). Таким образом, представления юношей о родительстве оказываются более традиционными.

Результаты исследования показывают, что в целом уровень эгалитаризма выше, чем уровень традиционализма. Среднее по суждениям, характеризующим эгалитарную модель родительства, составляет 4.1, а среднее по суждениям, связанным с традиционной моделью, – 2.7. По мнению молодых людей, мужчина должен разделять с женщиной обязанности по уходу за ребенком. Степень вовлеченности отца в общение и игру с ребенком должна быть, как у матери. При этом мужчина должен оставаться лидером в семье. То есть в представлениях студентов доминирует эгалитарная модель родительства с традиционными элементами. Значения средних показателей подтверждают вывод о большей расположенности девушек к эгалитарной модели родительства, а юношей – к традиционной (4.2 и 4.0 – ориентация девушек и

Таблица 2

Ориентация студентов на модели родительства
(средний балл, где 1 – совсем не согласен, 5 – полностью согласен)

Суждения		Средний балл	
Ориентация на традиционную модель родительства			
Мужчина должен быть лидером в семье	юноши	4.0	4.2*
	девушки		3.9*
Отец не обязательно должен быть включен в повседневную заботу о ребенке, он воспитывает его своим примером	юноши	2.8	3.0*
	девушки		2.7*
Реальные взаимоотношения отца с ребенком по большей части осуществляются при посредничестве матери	юноши	2.1	2.0*
	девушки		2.3*
Отцу не следует открыто проявлять ласку и нежность к ребенку	юноши	2.0	2.4*
	девушки		1.6*
Ориентация на эгалитарную модель родительства			
Отец должен оказывать эмоциональную поддержку матери и ребенку	юноши	4.5	4.5*
	девушки		4.6*
Отец должен заниматься совместной деятельностью с ребенком (прогулки, походы, игры, кино и т.п.)	юноши	4.5	4.4*
	девушки		4.6*
Отец всегда должен находить время на ребенка, когда ребенку это необходимо	юноши	4.2	4.1*
	девушки		4.4*
Мужчина должен разделять с женщиной обязанности по уходу за ребенком	юноши	4.2	4.1*
	девушки		4.3*
Степень вовлеченности отца в общение, игру с ребенком должна быть, как у матери	юноши	3.9	3.7*
	девушки		4.0*

*Разница статистически значима при $p<0.05$.

юношей на эгалитарную модель соответственно; 2.6 и 2.8 – ориентация девушек и юношей на традиционную модель соответственно) (табл. 2). Стоит обратить внимание, что во всех без исключения суждениях фиксируется статистически значимая разница во взглядах представителей разных полов. То есть демократизация семейных отношений происходит разными темпами в представлениях девушек и юношей.

Согласно результатам исследования, роль отца предполагает широкий набор функций, связанных с поддержкой женщины во время беременности и родов, а также включенностью в процесс воспитания ребенка на всех этапах его развития (младенчество, раннее детство, дошкольный и школьный возрасты).

По мнению большинства молодых людей, мужская поддержка во время беременности партнерши должна заключаться в проявлении терпения и заботы (96%), выполнении домашних обязанностей (82%), совместных прогулках (84%) и посещении детских магазинов и врачей (64%). Многие также считают, что будущему отцу следует помогать своей партнерше с выбором родильного дома и акушерки (47%). Однако молодые люди редко называют обязанности, непосредственно связанные с родами (подготовка к рождению ребенка в семейных группах (27%), совместный просмотр обучающих фильмов (14%), присутствие при родах (18%)). Стоит отметить, что девушек, считающих необходимой подготовку к рождению ребенка в семейных группах, в два раза больше, чем юношей (35% против 18%). В свою очередь, юношей, считающих необходимым присутствие мужчины при родах, почти в три раза больше, чем девушек (27% против 10%). То есть девушки считают, что женщина нуждается в поддержке на протяжении всей беременности, а по мнению юношей, помощь беременной партнерше необходима непосредственно во время родов (табл. 3).

Отец должен уделять внимание ребенку независимо от его пола. Так как серьезных различий в воспитании дочери и сына выявлено не было, рассмотрим обязанности отца по отношению к дочери.

По мнению большинства опрошенных студентов, в период младенчества и раннего детства отец должен играть с ребенком (средний балл – 4.4), учить читать (средний балл – 4.3), укладывать спать (средний балл – 4.2), вставать ночью, когда ребенок проснулся (средний балл – 4.1), кормить (средний балл – 3.9), купать (средний балл – 3.9) и пеленать (средний балл – 3.8), а также взять отпуск по уходу за ребенком, если этого не может сделать мать (средний балл – 3.7).

В период дошкольного и школьного возрастов отец должен участвовать в процессах обсуждения вопросов и принятия решений об образовании и развитии ребенка (средний балл – 4.5), интересоваться жизнью ребенка (средний балл – 4.5), играть с ним в различные игры (средний балл – 4.5), гулять на свежем воздухе (средний балл – 4.5) и ходить в кино (средний балл – 4.5), отводить его в детский сад и за-

Таблица 3

Восприятие студентами необходимости мужской поддержки при беременности и родах, %

Поддержка	Все	Юноши	Девушки
Проявление терпения, заботы и т.п.	96	93	99
Совместные прогулки	84	85	82
Выполнение домашних обязанностей	82	79	84
Совместное посещение детских магазинов, обсуждение детских товаров	64	61	67
Совместное посещение врачей	55	57	53
Выбор родильного дома, врача, акушерки	47	50	45
Подготовка к рождению ребенка в семейных группах (освоение техники дыхания, приемов обезболивания родов и т.п.)	27	18	35
Присутствие при родах	18	27	10
Совместный просмотр обучающих фильмов про беременность и роды	14	13	14

Разница статистически значима с использованием критерия χ-квадрат при $p<0.05$.

бирать из школы (средний балл – 4.3), взять больничный по уходу за ребенком, если этого не может сделать мать (средний балл – 4.2), общаться с педагогами ребенка (средний балл – 4.0) и ходить на родительские собрания (средний балл – 4.0), посещать врачей вместе с ребенком (средний балл – 4.0).

И снова девушки оказываются более требовательны к родительской роли мужчины. Они чаще отмечают, что отец должен играть с ребенком (средний балл – 4.5 и 4.3 соответственно), укладывать его спать (средний балл – 4.4 и 4.1 соответственно), кормить (средний балл – 4.1 и 3.7 соответственно), купать (средний балл – 4.0 и 3.7 соответственно) и пеленать ребенка (средний балл – 4.0 и 3.5 соответственно). Девушки в большей степени убеждены, что отец должен интересоваться увлечениями, успехами и проблемами своего ребенка (средний балл – 4.6 и 4.4 соответственно), играть с ним в настольные и развивающие игры (средний балл – 4.6 и 4.4 соответственно), ходить в кино, цирк и т.п. (средний балл – 4.6 и 4.4 соответственно).

Необходимо отметить, что деятельность, связанная с организацией досуга ребенка и в период младенчества и раннего детства, и дошкольного и школьного возрастов, гораздо чаще рассматривается как подходящая для отца, чем рутинная, ежедневная, обеспечивающая постоянный уход за маленькими и подрастающими детьми. Так, среди возможных обязанностей игры с маленьким ребенком имеют наибольшее среднее значение (4.4), чем его кормление, купание и пеленание (средний балл – 3.9, 3.9 и 3.8 соответственно), а в более старшем возрасте прогулки на свежем воздухе, походы в кино и цирк (средний балл – 4.5) являются более популярными видами деятельности, чем общение с воспитателями и учителями, посещение родительских собраний (средний балл – 4.0) (табл. 4).

В рамках исследования молодым людям было предложено с помощью метода семантического дифференциала определить качества «хорошего» отца, оценив предложенные пары антонимов по 7-балльной шкале. Большинство студентов отметили, что отец должен быть надежным (средний балл – 1.5) и сильным (средний балл – 1.6), отзывчивым (средний балл – 1.7) и заботливым (средний балл – 1.9), активным (средний балл – 2.0) и внимательным (средний балл – 2.0), терпеливым (средний балл – 2.1), хозяйственным (средний балл – 2.3), добрым (средний балл – 2.5) и чутким (средний балл – 2.5). По мнению молодых людей, отец скорее должен быть требовательным, чем снисходительным (средний балл – 2.8), ласковым, чем суровым (средний балл – 3.0). Следовательно, образ авторитарного, жесткого, сурового отца постепенно уходит в прошлое. От мужчины требуют эмоциональной включенности, вовлеченности в жизнь ребенка, в процесс воспитания. Несмотря на допустимость проявления теплых чувств, отец должен оставаться требовательным, гибко сочетая такие качества, как мягкость и жесткость (средний балл – 3.6), властность и демократичность (средний балл – 3.9), эмоциональность и сдержанность (средний балл – 4.0), что очень не просто и предполагает постоянную работу над собой, умение управлять своими эмоциями, оценивать и контролировать свои поступки и поведение как родителя.

Девушки чаще юношей отмечают, что отец должен быть внимательным (средний балл – 1.8 и 2.2 соответственно) и заботливым (средний балл – 1.6 и 2.2 соответственно), добрым (средний балл – 2.1 и 2.8 соответственно), чутким (средний балл – 2.4 и 2.7 соответственно), ласковым (средний балл – 2.5 и 3.6 соответственно), мягким (средний балл – 3.3 и 3.9 соответственно) и эмоциональным (средний балл – 3.7 и 4.4 соответственно).

Таблица 4

Обязанности отца по отношению к дочери
(средний балл, где 1 – совсем не согласен, 5 – полностью согласен)

Суждения	Пол	Средний балл	
Младенчество, раннее детство			
Играть с ребенком	юноши	4.4	**4.3***
	девушки		**4.5***
Учить читать ребенка	юноши	4.3	4.2
	девушки		4.3
Укладывать ребенка спать, читать сказки	юноши	4.2	**4.1***
	девушки		**4.4***
Вставать ночью, когда ребенок проснулся	юноши	4.1	4.0
	девушки		4.2
Кормить ребенка	юноши	3.9	**3.7***
	девушки		**4.1***
Купать ребенка	юноши	3.9	**3.7***
	девушки		**4.0***
Пеленать, переодевать ребенка	юноши	3.8	**3.5***
	девушки		**4.0***
Взять отпуск по уходу за ребенком после его рождения, если этого не может сделать мать	юноши	3.7	3.6
	девушки		3.7
Дошкольный, школьный возраст			
Интересоваться жизнью ребенка (увлечениями, успехами, проблемами и т.п.)	юноши	4.5	**4.4***
	девушки		**4.6***
Играть с ребенком в настольные, развивающие игры	юноши	4.5	**4.4***
	девушки		**4.6***
Гулять с ребенком на свежем воздухе (во дворе, в парке и т.п.)	юноши	4.5	4.4
	девушки		4.6
Ходить с ребенком в кино, цирк, музеи, театры и т.п.	юноши	4.5	**4.4***
	девушки		**4.6***
Участвовать в процессах обсуждения вопросов и принятия решений об образовании и развитии ребенка	юноши	4.5	4.5
	девушки		4.5
Забирать ребенка из детсада, школы, кружков	юноши	4.3	4.2
	девушки		4.3
Взять больничный по уходу за ребенком, если этого не может сделать мать	юноши	4.2	4.1
	девушки		4.3
Общаться с педагогами (воспитателями, учителями и т.п.)	юноши	4.0	4.1
	девушки		4.0
Ходить на родительские собрания	юноши	4.0	4.0
	девушки		4.0
Посещать врачей с ребенком	юноши	4.0	4.0
	девушки		4.0

*Разница статистически значима при $p<0.05$.

Выводы

Результаты исследования показывают, что представления молодых о распределении родительских обязанностей в семье существенно отходят от традиционного восприятия отцовства. И юноши, и девушки выступают за равное участие в процессе воспитания ребенка, чаще ориентируясь на эгалитарную модель выстраивания отношений в родительской сфере. Отец должен присутствовать в жизни ребенка на всех этапах взросления, в том числе во время беременности поддерживать партнершу, что не может не радовать. В сравнении с традиционной роль отца значительно расширяется и требует от мужчины иных качеств: чуткости, внимания, заботы, эмоциональной вовлеченности, причем в сочетании с требовательностью и силой.

Исследование показало, что не во все виды деятельности молодые люди готовы включаться одинаково охотно. Современный отец должен скорее организовывать досуг ребенка, развлекать его, а не ухаживать за ним. Несмотря на декларируемое стремление к равенству, обязанности по уходу за ребенком остаются все же за женщиной. Таким образом, деление работы на «мужскую» и «женскую», в том числе в сфере родительства, никто не отменяет.

Анализ результатов четко выявил гендерный аспект в восприятии отцовских функций. Мужчины не очень стремятся отказываться от лидерства в семье, считая необходимым включаться в процесс взаимодействия с ребенком, но не так активно, как этого требуют девушки. По отдельным вопросам их мнения могут серьезно

отличаться, создавая поле для новых противоречий и конфликтных ситуаций.

Безусловно, движение к равенству, партнерству и, как следствие, к большей ответственности отцов однозначно стоит оценивать как положительное. Но требования к современному отцу высокие и иногда противоречивые. Вопрос, как современный мужчина будет выстраивать свою стратегию в стремлении к идеалу, пока остается без четкого ответа.

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Конкурс проектов 2018 года фундаментальных научных исследований, проводимый РФФИ совместно с субъектами Российской Федерации. Тема: Здоровьесбережение в практиках современной нижегородской семьи. Номер темы – 18-411-520002. Руководитель – З.Х. Саралиева.

Список литературы

1. Саралиева З.Х., Воронин Г.Л., Судьин С.А., Шпилев Д.А. [и др.]. Семейная экосистема человека: Монография. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2018. 225 с.
2. Саралиева З.Х., Блонин В.А., Егорова Н.Ю. [и др.]. Жизненные миры современной российской семьи: Монография. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.
3. Чикалова Е.А. Представления молодежи об отцовском отношении к дочерям и сыновьям // Социологические аспекты трансформации российского общества: Материалы региональной молодежной научной конференции. Санкт-Петербург, 20–21 июня 2013 г. / Отв. ред. К.С. Дивисенко, О.В. Озерова, П.И. Лешукова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 6–15.
4. Шевченко И.О. Институт отцовства: состояние, тенденции, проблемы // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. №3. С. 278–286.
5. Социология гендерных отношений: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. З.Х. Саралиевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 270 с.
6. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2016. 210 с.
7. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.
8. Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // СОЦИС. 2013. №11. С. 118–130.
9. Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // СОЦИС. 2012. №11. С. 95–104.
10. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. М.: Изд-во Института психотерапии, 2003. 319 с.
11. Чикалова Е.А. Мнения молодых мужчин относительно поведения в рамках отцовской роли // Мужское и женское: сотрудничество и конфронтация: Сборник научных трудов Международной научной конференции 3–4 марта 2016 года / Под общ. ред. В.Е. Быданова, Н.А. Вахнина, О.А. Штайн. СПб.: Горный университет, 2016. С. 316–322.
12. Шевченко И.О. Представления россиян об отцах и отцовстве // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2015. № 7. С. 144–152.

HOW THE YOUNG STUDENTS PERCEIVE THE ROLE OF THE FATHER IN A MODERN FAMILY

N.Yu. Egorova, E.S. Ryabinskaya

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article discusses the ideas of the young people about father's roles in the context of transformations of interpersonal relations in family. It puts special emphasis on the fact that changes within the framework of the family institution resulting in parenthood variability and, as a consequence, paternity variability, raise the issues of perception and reinforcement of new paternal practices, including ideas and attitudes of the young generation. On the basis of the authors' study involving students from Nizhny Novgorod universities and using gender and functional approaches, the paper analyses the views of male and female students on the models of parenting in terms of dichotomy of «traditionalism» – «egalitarianism» as well as opinions on father's responsibilities for raising and caring for a child at different age stages and on his qualities. The authors reveal some differences and contradictions in the views of the young people of both sexes, their unequal readiness to engage in various types of paternity activities. Despite the common desire for equality, the work on implementing parental functions can be divided into «male» and «female». The gradual drift from traditional ideas about the father and his qualities is obvious. Males are required to show greater involvement, flexibility in building relationships, the ability to combine some opposite qualities.

Keywords: parenthood, fatherhood, father's roles, traditionalism, egalitarianism.

УДК 316

О ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЕ КАК О «ТРОЯНСКОМ КОНЕ»

© 2019 г.

А.В. Ермилова, С.А. Судьин, А.А. Судариков

Ермилова Анна Вячеславовна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ermilova.75@bk.ru
Судьин Сергей Александрович, д.соц.н.; профессор кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sudjin@mail.ru
Судариков Алексей Александрович, аспирант кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sudarlex@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 31.01.2019
Статья принята к публикации 17.04.2019

Анализируется влияние пенсионной реформы, проведенной в 2018 г., на российский социум, в частности выявляются негативные и позитивные возможные последствия ее реализации. Рассмотрение негативных аспектов пенсионной реформы осуществляется через призму концепции социальных рисков. Основой для интерпретации новых рисков в российской действительности является постмодернистская концепция риска У. Бека, которая позволила зафиксировать возможную трансформацию лиц старше 55–60 лет из объекта в субъект социальных рисков. Авторские исследования (описательное исследование на тему «Особенности восприятия молодым поколением лиц, достигших пенсионного возраста», выполненное с помощью анкетирования молодых людей в возрасте от 12 до 19 лет (*N*=307 чел.); пилотное исследование на тему «Восприятие пенсионной реформы молодым поколением: социологический аспект», проведенное в 2018 г. с помощью интервьюирования студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского (*N*=118 чел.)) позволили проследить отношение молодых людей к лицам старшей возрастной категории до и после осуществления процесса пенсионного реформирования; выявить опасения в возникновении новых типов социальных рисков среди молодежи. В результате авторы приходят к выводу, что модернизация системы пенсионного обеспечения может привести к деформации социально-трудовых и межпоколенных взаимодействий в российском обществе, что и является спецификой возможных новых рисков.

Ключевые слова: пенсионная реформа, социальный риск, восприятие, межпоколенные взаимодействия.

Введение

Логика распределения риска в современном обществе связана с дистрибуцией богатства, а именно с неравномерным его распределением, в результате чего определенные социальные группы оказываются в уязвимом положении, недополучая определенное количество благ. Известным фактом является резкое падение благосостояния россиян, завершивших трудовую деятельность, что подталкивало значительную их часть к возвращению на рынок труда после выхода на пенсию. Пенсионная реформа 2018 г. связана и вызвана рядом обстоятельств:

- объективным фактом старения населения РФ;
- демографической ямой, образовавшейся в 90-х гг. XX столетия (численность населения РСФСР/России с 1989 г. по 2002 г. сократилась на 1.3% (1.8 млн человек); в 1990 году суммарный коэффициент рождаемости опустился до 1.892, а пик падения этого показателя пришелся на 2000 г. – 1.195, что негативно отразилось на соотношении лиц трудоспособного и нетрудоспособного возраста) [1];
- отсутствием реальных государственных программ, позволяющих регулировать развитие пенсионной системы [2, с. 67].

С другой стороны, законодательное принуждение к более длительному пребыванию на рынке труда людей старшей возрастной категории будет способствовать трансформации восприятия социальной реальности россиян. Совершенно очевидно, что пенсионное реформирование изменит систему организации социально-трудовых отношений, что бумерангом может отразиться на функционировании всех социальных институтов современного общества, в результате чего произойдет смена: во-первых, индивидуально-личностных и семейных биографий; во-вторых, вектора влияния возрастных когорт в различных структурах, будь то семья или трудовой коллектив; в-третьих, индикаторов общественного устройства. Так или иначе,

процесс модернизации различных систем/сфер российского общества (образования, здравоохранения, системы пенсионного обеспечения и т.п.) способствует улучшению жизнедеятельности граждан, но также и рождает новые проблемы, связанные с социальным неравенством в российском обществе. В данном случае речь идет о социальных рисках, производство которых, возможно, будет спровоцировано реформой системы пенсионного обеспечения. Стоит заметить, что социальные риски, обострявшие проблему социального неравенства, существовали на всем протяжении развития общества. Однако благоприятной основой для возникновения новых парадигм социального риска, как ни странно, могут являться реформы в различных сферах жизнедеятельности, осуществленные в исторической динамике развития общества.

В XIX в. и начале XX в. многих социальных рисков можно было избежать, как указывает профессор социологии У. Бек, «…с помощью повышения производительности, политики перераспределения и расширения социальных гарантий» [3, с. 25]. В связи с тем, что человек в то время принадлежал к определенному классу в стратификационной структуре общества, его жизнедеятельность и типы социальных рисков были непосредственно сопряжены с классовой принадлежностью. Сегодня независимо от положения в современном обществе, является ли человек представителем инженерно-технической или вузовской интеллигенции, работает ли он в сфере обслуживания населения или на производстве, независимо от уровня образования и профессионально-должностного статуса, люди в равной степени подвержены одинаковой опасности, одной из которых, по мнению авторов, может являться пенсионная реформа. Однако именно сейчас, в условиях модернизации пенсионной и производственной сфер, в социуме начинают формироваться новые социальные риски, которые не были характерны для российского общества в прошлом.

Степень научной разработанности проблемы

Значительный интерес в области изучения социальных рисков представляют теоретические концепции западных ученых: У. Бека [3], сумевшего определить контуры общества риска; Н. Лумана [4], разработавшего поведенческий подход к исследованию риска; Э. Гидденса [5], считающего риск способом «колонизации будущего». Теоретико-прикладные исследования отечественных авторов также вносят определенную лепту в изучение проблемы возникновения социальных рисков. В частности, А.В. Мозговая [6] и К.А. Феофанов [7] исследуют риск на теоретическом уровне через призму принятия решений в трудной жизненной ситуации, тогда как эмпирический уровень позволяет авторам выявить особенности отношения населения к различного рода опасностям. Анализ понятия «социальный риск» приводит О.Н. Яницкого к умозаключению, что производство социальных рисков в РФ – это мощный фактор, меняющий социальную структуру социума [8].

Эмпирическая база

В центре авторского интереса – характеристика возможных новых рисков, которые мы попробуем определить, используя выявленные У. Беком особенности социальной архитектуры и политической динамики цивилизационных угроз современного общества [3, с. 25–27], рассматривая их в преломлении к российской действительности. Для этого мы также воспользуемся эмпирической информацией, полученной в ходе проведения следующих исследований: описательного исследования «Особенности восприятия молодым поколением лиц, достигших пенсионного возраста», выполненного с помощью анкетирования молодых людей в возрасте от 12 до 19 лет (*N*=307 чел.); пилотного интервью студентов Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (*N*=118 чел.), в ходе которого выявилась опасность возникновения новых социальных рисков для данной возрастной группы. Цель исследования – выявить возможные негативные последствия пенсионной реформы 2018 г. Гипотеза нашего исследования состоит в том, что пенсионная реформа 2018 г., на первый взгляд кажущаяся вполне безопасной для жизнедеятельности населения, может оказаться «троянским конем», своего рода замаскированным «подарком» для россиян, который будет способствовать возникновению новых типов социальных рисков. Аргументация авторов представлена в пяти тезисах, позволяющих увидеть обновление качественных характеристик рисков уже сегодня после реформирования системы пенсионного обеспечения и в полной мере осознать всю возможную опасность пенсионной реформы.

Результаты исследования

Первичная недоступность рисков для восприятия, их невидимость

По нашему мнению, многих социальных рисков сразу можно не увидеть и, соответственно, не быть готовыми в полной мере к их восприятию, как, например, тех рисков, которые влияют на состояние здоровья и даже уве-

Рис. 1. Процесс трансформации лиц предпенсионного и пенсионного возрастов в субъект социальных рисков

личивают уровень смертности населения (захоронение ядерных отходов, отсутствие очистительных сооружений на многих предприятиях, повсеместная вырубка лесов, недостаточно высокий уровень обеспеченности гигиеническими технологиями в отдельных регионах Земли). Так и с пенсионным реформированием – недоступность рисков для восприятия большинством людей связана с тем, что значительная часть населения не обладает необходимыми знаниями для прогнозирования последствий пенсионной реформы для себя и для всего общества. Осознание социальных рисков – это процесс, механизм которого связан с временным критерием. Очевидно, прошло недостаточно времени, и многие негативные последствия модернизации пенсионной сферы скрыты от восприятия общественностью.

Однако негативная реакция многих россиян на предстоящие изменения в пенсионном законодательстве, о чем свидетельствуют прошедшие митинги против пенсионного реформирования [9], говорит о том, что значительная часть наших соотечественников, представленная в большей степени людьми старшей возрастной категории, воспринимает эти изменения как угрозу, связывая ее с возможными социальными рисками уже сегодня или в будущем, беря во внимание жизнедеятельность более молодых поколений.

Возникновение социально опасных ситуаций, трансформация рисков

Данный аспект связан со столкновением социальных интересов разных социальных слоев. В нашем понимании, речь может идти о конфликте интересов представителей различных возрастных когорт, в частности молодежи, людей среднего возраста и самой старшей возрастной группы. Для более глубокого анализа заявленной проблемы считаем необходимым остановиться на проблеме восприятия пожилых людей как объекта и субъекта социальных рисков (в том числе женщин старше 55 лет и мужчин в возрасте от 60 лет, которые считались пенсионерами в соответствии со «старым» пенсионным законодательством).

До претворения в жизнь новой пенсионной реформы лица старше 55–60 лет не воспринимались как угроза для вхождения молодежи на рынок труда. Лица предпенсионного и пенсионного возрастов идентифицировались преимущественно как объекты социальных рисков. Новая пенсионная система может привести к их трансформации в субъекты социальных рисков (рис. 1).

Следует обратить внимание на то, что большинство лиц ближе к 55-летней возрастной границе имеют большой стаж трудовой деятельности, достаточно высокий уровень компетентности в профессиональной деятельности и довольно часто высокий уровень квалификации, что в сложившихся условиях еще в большей степени может осложнить вход на рынок труда молодежи и продвижение по служебной лестнице представителей среднего возраста. Следовательно, пенсионная реформа может в значительной мере воздействовать на переход людей старшей возрастной категории из объекта в субъект социальных рисков.

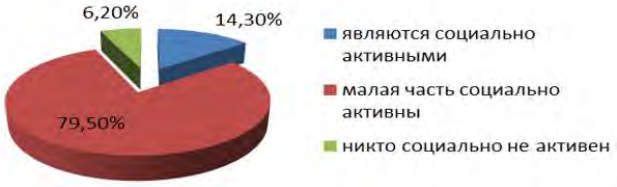

Рис. 2. Оценка социальной активности пожилых лиц, % (*N*=307 чел.)

Рис. 3. Сферы социальной активности пожилых, % (*N*=307 чел.)

Обновление социальных рисков

Аргументация рассмотренного выше тезиса позволяет зафиксировать возможное обновление такого риска, как экономический. Вектор его распространения может сместиться в сторону лиц моложе 50 лет. В связи с этим уместно привести эмпирическую аргументацию, сопряженную с восприятием молодым поколением лиц предпенсионного и пенсионного возрастов, выявленным с помощью количественного (*N*=307 чел.) и качественного (*N*=118 чел.) методов. Следует указать, что анкетирование девушек и юношей было осуществлено в 2018 г. до проведения пенсионной реформы (рис. 2–3), тогда как интервьюирование студентов, заканчивающих высшее учебное заведение, проводилось в конце года, т.е. после принятия новой пенсионной системы.

В представлении большинства молодых респондентов до реформы пенсионного обеспечения явно превалирует образ пожилого человека с недостаточно высоким уровнем социальной активности, которая распространяется на определенные типы социальных сфер (рис. 3).

В восприятии молодого поколения (возраст 12–18 лет) типичной сферой активизации пожилых людей была сфера сельского хозяйства (имеется в виду сельский труд в подсобных хозяйствах), от которой во многом зависит благополучие не только старшего поколения, но и членов их семей. Активизации людей старшей возрастной категории в трудовой сфере участники опроса придают меньшее значение, указывая, что лица старше 55–60 лет не являются основной рабочей силой на рынке труда, занимая в основном рабочие места, которые не пользуются спросом у молодежи. После проведения пенсионной реформы, как показывают данные интервью студентов-выпускников, усиливается уровень тревожности относительно их вхождения на рынок труда. Однако следует отметить, что большинство молодых людей (96%) в целом не устраивает процесс более длительного пребывания на рынке труда, что связано с их нежеланием работать дольше, чем старшее поколение, которое уже сегодня является пенсионерами. Тем не менее большинство молодых людей (87%) считают, что их положение в сфере занятости еще в большей степени может усложниться в связи с более долгим пребыванием старшей возрастной категории в системе социально-трудовых отношений, большим стажем трудовой деятельности и высоким уровнем компетентности. Данный аспект актуализирует первый тезис аргументации возникновения новых социальных рисков (первичная недоступность для восприятия), который, по мнению авторов, может быть связан с уровнем образования населения, т.е. более образованная часть молодых людей в большей степени может распознать угрозу пенсионной реформы. Как показывают данные социологического исследования, именно студенты уже сегодня ощущают всю неоднозначность проводимой пенсионной реформы, которая может в первую очередь именно для этой возрастной категории оказаться тем «троянским конем», который с помощью законодательного механизма въехал в социальную реальность всех возрастных когорт.

Опознаваемость социальных рисков

Возможный или уже опознанный социумом социальный риск является, как указывает У. Бек, политическим детонатором. Он отмечает: «…то, что до сих пор считалось аполитичным, становится политикой – политикой устранения…» [3, с. 26]. Несмотря на то, что пенсионная реформа трактуется как социальное преобразование, вопрос, связанный с ее реализацией, политизируется: общество демонстрирует свое несогласие на разных уровнях, начиная с Государственной думы, заканчивая массовыми шествиями в городах РФ. Соответственно, говорить о том, что общество не ассоциирует пенсионное преобразование с «троянским конем», не приходится. Представители государственной власти однозначно осознают возможность возникновения новых типов рисков, о чем говорят разработанные меры Министерства труда, направленные на профилактику дискриминации лиц старше 55–60 лет на рынке труда. В настоящее время разработан план по смягчению социальных последствий пенсионной реформы. Для граждан предпенсионного возраста могут повысить пособие по безработице, а для работодателей ввести уголовную ответственность за их увольнение. Премьер-министр России Дмитрий Медведев поддержал идею о том, чтобы, наряду с повышением пенсионного возраста, законодательно закрепить ответственность работодателя за увольнение пожилых сотрудников [10]. Становится ясно, что представители власти осознают, что пенсионная реформа несет в себе определенную степень опасности, и, скорее всего, даже прогнозируют возможные побочные последствия. Однако, размышляя о последствиях реформирования системы пенсионного обеспечения, они ассоциируют лиц старше 55–60 лет с объектом социальных рисков, не видя очевидной опасности, нависшей над другими возрастными категориями в результате трансформации данной возрастной группы в субъект риска. Создается впечатление, что представители власти, стремясь поднять уровень пенсий, осознавая, что система трудовых отношений не готова оставить на более долгий срок работников старшей возрастной категории в связи с недостаточным количеством вакантных мест, учитывают только риски, которые связаны с производительностью труда (проблема дискриминации лиц старше 55–60 лет). Риск усиления межпоколенного столкновения в сфере занятости населения остается как бы вне зоны их восприятия. Данное обстоятельство вызывает особую тревогу ввиду того, что реализация пенсионного реформирования еще впереди.

Российская Федерация как социальное государство, конкретные люди, реализующие управленческие функции, заинтересованы в выполнении взятых на себя обязательств. Как отмечает автор концепции социального государства Л. фон Штейн, государство вынуждено искать различные способы для разрешения противоречий, опасных для его целостности, т.е. сохранять социально-политическую стабильность, а именно – условия, при которых государственная власть чувствует себя в полной безопасности [11]. В этом же русле рассуждает и У. Бек: «Благодаря маленьким и большим сбоям в обществе риска возникает политический потенциал катастроф. Защита от него, овладение им могут привести к реорганизации власти и компетенции» [3, с. 27].

Догоняющая природа рисков

Вся жизнедеятельность любого из нас связана с переходом из одной возрастной категории в другую. Рано или поздно, мы или наши дети столкнемся с возможными социально опасными ситуациями, вызванными пенсионной реформой, имеющими прямое отношение к сфере занятости населения. Мы сегодня должны в полной мере осознать ответственность перед следующими поколениями, чтобы Российская Федерация не ассоциировалась с обществом риска.

Заключение

Модернизация системы пенсионного обеспечения, с одной стороны, может снизить вероятность попадания людей старше 55–60 лет в разряд малоимущих, что является позитивным аспектом ее реформирования. С другой – снижается вероятность и того, что представители старшей возрастной категории доживут до момента выхода на пенсию, особенно мужчины (средний уровень продолжительности жизни мужчин в 2017–2018 гг. составляет 63 года, женщин – 75 лет [12]). По мнению авторов, особое внимание следует обратить на людей средней возрастной категории, на возможности их продвижения по служебной лестнице. Именно пенсионная реформа может являться тем тормозом, который будет отрицательно сказываться на их карьерном росте. Естественно, нельзя не обратить внимания на обеспокоенность молодежи, связанную с осознанием проблемы вхождения на рынок труда, уровень которой возрос после реформирования системы пенсионного обеспечения. Однако создание новых рабочих мест и расширение спектра вакансий на рынке труда может снизить уровень социальной напряженности в ходе осуществления пенсионной реформы 2018 г. Тем не менее мы должны помнить, что, модернизируя сферу пен-

сионного обеспечения, внедряя в нее новые механизмы, мы вмешиваемся и в иные системы, которые могут быть не готовы к быстрым трансформациям, что может негативно отразиться на их функционировании в будущем. Пенсионная реформа может стать источником возникновения новых социальных рисков, деформации социально-трудовых отношений и системы занятости, межпоколенных взаимодействий.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект 19-011-00889 «Старикам везде у нас почет? Ресурсность старшего поколения в континууме от преклонения до эйджизма».

Список литературы

1. Демографические ямы России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/info/5503201 (дата обращения: 20.01.2019).

2. Ниворожкина Л.И., Арженовский С.В., Синявская Т.Г. и др. Пенсионная реформа: проблемы и пути их решения // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 5. С. 66–71.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельникова и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.

5. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://riskprom.ru/TemaKtlg/RiskSociety/eh_giddens_sudba_risk_bezop_1991.pdf (дата обращения: 20.01.2019).

6. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. «Социальная приемлемость риска» как социологическая категория // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 31. С. 30–45.

7. Феофанов К.А. Возможности современной социальной рискологии // Вестник МГТУ «Станкин». 2008. № 2. С. 140–144.

8. Яницкий О.Н. Турбулентные времена как проблема общества всеобщего риска (Времена турбулентности и задачи социологии) // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155–164.

9. В регионах России прошли митинги против пенсионной реформы [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.svoboda.org/a/29517448.html (дата обращения: 20.01.2019).

10. Минтруд предложил ввести уголовное наказание за увольнение работников предпенсионного возраста [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://newsland.com/community/politic/content/ (дата обращения: 22.01.2019).

11. Теория социального государства Лоренца фон Штейна. Соционауки [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.socionauki.ru/journal/articles/130203/ (дата обращения: 22.01.2019).

12. Средняя продолжительность жизни в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://visasam.ru/russia/goroda/prodolzhitelnost-zhizni-v-rossii.html (дата обращения: 25.01.2019).

THE PENSION REFORM AS A TROJAN HORSE

A.V. Ermilova, S.A. Sudyin, A.A. Sudarikov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This paper provides an analysis of the effects of the 2018 pension reform on the Russian society. In particular, the possible negative and positive consequences of its implementation are identified. The negative aspects of the pension reform are considered through the prism of the social risk concept. The basis for the interpretation of new risks in the Russian reality is the post-modern concept of risk by U. Beck, which states the possible transformation of persons over 55–60 years of age from an object to a subject of social risks. The authors' studies, including a descriptive research on «Features of perception of the young generation of persons who have reached the retirement age» carried out with the help of a survey of young people aged 12 to 19 years (*N*=307 persons) and a pilot study on «Perception of pension reform by the young generation: the sociological aspect» conducted in 2018 by interviewing students of Lobachevsky National Research University (*N*=118 persons), allowed us to trace the dynamics of young people's attitude to older people before and after the implementation of the pension reform process; to identify the potential threat of new types of social risks in the perception of young people. As a result, the authors come to the conclusion that the modernization of the pension system deforms social, labor and intergenerational interactions in Russian society, thus providing specific grounds for possible new risks.

Keywords: pension reform, social risk, perception, intergenerational interactions.

УДК 316.422

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ И КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2019 г.

И.Е. Золин

Золин Игорь Евгеньевич, к.э.н.; доц.; доцент кафедры экономической теории
Нижегородского института управления РАНХиГС при Президенте РФ
iz.iz2016@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 29.01.2019
Статья принята к публикации 26.04.2019

Статья посвящена актуальной в настоящее время теме – анализу проблем профессиональной подготовки кадров. Учитывая специфику проводимого исследования, автор полагает целесообразным рассмотрение обозначенной проблемы в неразрывной связи с вопросами качества современного образования. Исследование проводится посредством выявления актуальных проблем в образовательной сфере с учетом инновационного характера современного социально-экономического развития. Данному этапу развития присущ ряд устойчивых глобальных тенденций, связанных с формированием цифровой экономики, что, в свою очередь, существенно меняет требования к квалификации работников, содержанию и методам их профессиональной подготовки. Показано, что результирующая этих воздействий не совпадает с общей направленностью процесса профессиональной подготовки кадров.

В статье использованы данные социологического исследования, осуществленного на базе глубинных экспертных интервью. В своих выводах автор опирался также на собственный опыт разработки указанной проблематики. Комплексный подход к проблемам профессиональной подготовки кадров обусловил содержание и композицию статьи, в которой последовательно раскрывается суть интересующей нас социальной проблемы, осуществляется ее перевод на язык социологического знания, предлагается ряд способов, которые, по мнению автора, могут приблизить ее оптимальное разрешение.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, специалист, качество образования, рынок труда, молодежь, цифровая экономика.

Введение

Происходящие изменения во всех сферах жизни нашего общества, социальный и научно-технический прогресс предъявляют все более сложные и разнообразные требования к системе профессионального образования в нашей стране, в том числе и к высшей школе. За прошедшие два десятилетия наша страна в сфере образования растеряла многое из того, чем могла бы с полным правом гордиться: происходит спад уровня общеобразовательной подготовки молодежи, растет число выпускников с низкими базовыми профессиональными навыками. В итоге выпускники зачастую оказываются неспособными к продуктивной трудовой деятельности.

Безусловно, негативные тенденции в системе отечественного образования были усугублены рядом специфических негативных явлений прошлых десятилетий: глубоким экономическим, политическим и социальным кризисом общества; длительными деформациями в социальной политике, снизившими престиж образованности и образования в целом. Поэтому вопрос профессиональной подготовки кадров приобрел статус важнейшей проблемы современного образования, ключевой задачи образовательных реформ настоящего и ближайшего будущего.

Практика показывает, что продолжительность существования ряда профессий сегодня оказывается короче, чем период трудовой деятельности человека. Подвижны и границы самих профессий, а изменение содержания труда обусловливает необходимость периодического обновления работником своих знаний и навыков. Кроме того, развитие современного общества характеризуется рядом устойчивых глобальных тенденций, одной из которых является информатизация [1] и формирование цифровой экономики [2], которые существенно меняют требования к квалификации работников, содержанию и методам их профессиональной подготовки. Углубление этого процесса будет стимулировать рост занятости по профессиям, требующим высокого уровня общего и специального образования, с одной стороны, и массовое высвобождение работников отмирающих специальностей и невысокой квалификации – с другой. Как показывают последние данные, в 2018 г. в России под сокращения попадали прежде всего работники, труд которых был

связан с выполнением рутинных производственных процессов: операторы ввода информации, юристы низкой квалификации, операторы call-центров, специалисты по страхованию, бухгалтеры начального уровня. В 2019 г. в зоне риска окажутся сотрудники транспортных компаний, специалисты банковского сектора, предприятий по производству электрооборудования [3].

В этих условиях вопрос профессиональной подготовки приобретает жизненно важное значение не только для отдельно взятого работника, так как от уровня квалификации все в большей степени зависит как размер его заработка, так и уверенность в сохранении своего рабочего места, но и для общества в целом. Этим обусловливается необходимость тесной связи образовательных учреждений с наукой и производством, значительного повышения практической составляющей образовательного процесса. Все это требует интенсивного поиска образовательной парадигмы с новыми идеями, принципами, подходами, которые отвечали бы современным реалиям.

Методология

Как и любое общественное явление, образование – сложнейший феномен, характеризующийся множеством сторон и аспектов, исследование которых требует весьма тонкого научного инструментария. Данное обстоятельство, а в еще большей мере необходимость осмысления происходящих перемен привели нас ранее к идее комплексного анализа образовательной сферы и поиску новых путей ее реформирования в контексте взаимодействия с рынком труда [4, 5]. Изучение специальной литературы показывает, что данным вопросом занимается много ученых, которые рассматривают различные аспекты происходящих изменений в образовательной сфере, в том числе проблемы интеграции школы и вуза [6], востребованности российского среднего образования [7], организации научно-исследовательской работы студентов [8], совершенствования профессионального образования [9] и его международной интеграции [10], а также социально-экономические последствия реформирования [11, 12].

Проведенные исследования, безусловно, интересны и заслуживают внимания. Но их, на наш взгляд, совершенно недостаточно, как только мы переходим к конкретным проявлениям обозначенной проблемы в практической плоскости. Очевидно, в последнем случае нужны более четкие подходы, поддающиеся формализации и измерению, так как говорить об изменениях не имея возможности их измерить, независимо от точности этого измерения, – значит ничего не сказать по существу.

Предлагаемый подход в качестве такого измерителя предусматривает проведение эмпирического исследования, посвященного проблемам развития рынка труда в России. Цель исследования – определить узловые проблемы процесса трансформации российского рынка труда. Исследование «Проблемы и перспективы развития рынка труда России» осуществлено автором в 2018 г. с использованием метода глубинных экспертных интервью. Опрос экспертов осуществлен в мае–июле, анализ результатов – в августе–ноябре 2018 г. Было опрошено 20 экспертов. В качестве экспертов выступили актуальные и потенциальные работодатели – руководители предприятий и организаций различных форм собственности и отраслей экономики, ассоциации промышленников и предпринимателей, региональных отделений банков, производственных предприятий, работники больниц, управления экономической политики городской администрации, а также преподаватели вузов, сочетающие педагогическую и научную работу с успешной практической деятельностью (бизнес-консультанта, эксперта по правовым вопросам, специалиста по промышленному туризму, общественного деятеля, оперирующего хирурга). Возраст участников опроса находился в диапазоне от 33 до 68 лет, при этом количество мужчин и женщин было примерно одинаковым. Исследование позволило рассмотреть обозначенную проблему с двух сторон – с точки зрения как нанимателей рабочей силы, так и непосредственных участников ее профессиональной подготовки – и получить высококачественную информацию по интересующей проблеме. Важно при этом отметить, что все эксперты в той или иной мере коснулись вопросов подготовки кадров и в большинстве своем стремились, во-первых, раскрыть проблемы и механизмы подготовки кадров не только с точки зрения их соответствия современному этапу развития общества, но и с учетом динамики, взаимопереходов, противоречивого единства существующих в этой сфере проблем, и, во-вторых, не абстрактно, не отвлеченно, а в связи с реалиями жизни. При этом, характеризуя свою позицию, эксперты старались дать развернутое концептуальное обоснование своей точки зрения, поставить ее на прочный фундамент логических построений.

В ходе исследования было выявлено 26 сюжетных линий, две из которых напрямую касались профессиональной подготовки выпускников вузов и качества образования, а также пред-

ставлений экспертов об оптимальной структуре профессионального образования. Характеристики этих двух сюжетных линий представлены в настоящей статье.

Обозначенные замечания процедурного характера помогут более ясно и однозначно интерпретировать представленные результаты проведенного исследования, оценить познавательную и практическую значимость его выводов и рекомендаций.

Результаты исследования

За последние десятилетия проявилась тенденция экстенсивного роста системы образования, ускоренного накопления образовательного потенциала общества (по количественным признакам). Количественное наращивание образовательного потенциала без необходимой перестройки его в соответствии с нуждами рынка труда в конечном счете привело к противоречию между развитием системы образования и изменяющимися потребностями кадрового обеспечения экономики. Именно за последние десятилетия, как полагают многие эксперты, выявился избыток образования, прежде всего высшего, в сочетании с острым дефицитом работников по ряду многих рабочих специальностей (сварщики, монтажники, станочники, крановщики).

Упал престиж высококвалифицированного труда рабочих и специалистов, нарушились необходимые соотношения в заработной плате работников различной квалификации, снизилось качество образования, все большая нагрузка в формировании конкретных профессиональных навыков легла на обучение после начала трудовой деятельности. В итоге появилось множество не востребованных на рынке труда дипломированных юристов, экономистов, финансистов, бухгалтеров, менеджеров, которые, как констатировали эксперты, только числятся специалистами, а на самом деле многие из них «нули». Ситуацию кратко можно охарактеризовать так: «Специалистов избыток, а не хватает». «*Скажу вам честно, квалифицированные специалисты в сфере банковского дела мне практически из вузов не попадаются. И это большая проблема не только в нашем банке. Из общения с коллегами могу сказать, что это проблема системная*» (управляющий коммерческим банком).

По данным нашего исследования, подобное положение дел затрагивает подготовку кадров всех направлений и специальностей, в том числе и тех, где позиции отечественной высшей школы были традиционно высоки. «*В настоящее время в России понятие высшего образования обесценилось. У нас на предприятии есть советские инженеры, которые действительно готовились как инженеры, а есть современные выпускники – менеджеры, бакалавры, магистры. Им даешь элементарную инженерную задачу, а они зачастую не могут ее решить*» (руководитель производственного предприятия).

Все это, по мнению экспертов, требует системных изменений, которые позволили бы существенно скорректировать качественные и количественные характеристики сферы образования в целях достижения ее адекватности современным запросам общества. На вопрос, какими качествами должен обладать молодой человек, вступающий в современный мир труда, в ответах экспертов был получен весьма единодушный их перечень: высокий уровень профессиональной подготовки, предполагающий в том числе хорошие знания в сфере IT-технологий и иностранных языков, способность к постоянному совершенствованию своих навыков, умение генерировать новые идеи и самостоятельность в принятии решений, способность работать в команде, коммуникабельность, честность, ответственность.

Перечень этот – своего рода модель основных жизненных функций молодого человека. Ее ключевые характеристики – образованность, непрерывность обучения, креативность, самостоятельность – находятся в явном противоречии с существующей системой профессионального образования, излишне теоретизированной в настоящее время.

Как же нужно учить будущих специалистов? Сегодня в обучении преобладает подход, согласно которому главное – довести до студента определенные сведения, предусмотренные учебной программой. Здесь делается упор на учебный план, дисциплину и волевые усилия студента, его восприятие «разжеванного материала». Такой подход к обучению слабо развивает познавательную активность, так как предполагает пассивно-репродуктивную, повторительную деятельность. Между тем современной цифровой экономике требуются высококвалифицированные кадры, владеющие новыми автоматизированными средствами труда, практическими навыками, способные быстро реализовать идеи, задумки. А что же происходит на самом деле? Нередко случается, что, приходя на производство, выпускники вузов, например, впервые в своей жизни вживую видят современный роботизированный комплекс. Получается, что этот специалист уже отстал, его надо переучивать, так как он сориентирован на вчерашний день. Подобные ситуации, связанные с отсутствием необходимых прикладных знаний, сегодня достаточно распространены не только в

технической, но и в гуманитарной сфере, а также в медицине, где за последние годы начался крен именно в сторону теоретизирования учебного процесса с большим внедрением симуляционной техники. «*Сейчас при обучении студентов в медицинских вузах делается упор на активное внедрение симуляционной техники, что не в полной мере соответствует тем реалиям, которые встречаются в клинической практике. Было бы несправедливо, в этой связи, полностью отвергать тот принцип в обучении, который существовал всегда в отечественной медицине, – делай как я, то есть когда преподаватель вживую показывал, что и как нужно делать*» (преподаватель, оперирующий хирург).

Таким образом, подготавливаемые трудовые ресурсы получают знания и навыки, которые в дальнейшем им не понадобятся, либо они не смогут полностью воспользоваться ими на практике. Перечень возникающих в этой связи проблем можно продолжить, однако важнее, что все они имеют общие корни. Рассмотрение любой из них показывает, что трудности, вытекающие из их решения, отчасти связаны с традиционным представлением об образовании как о чем-то предшествующем трудовой деятельности, существующем в стороне от нее. Отсюда вытекают, по мнению большинства экспертов, две основные задачи по повышению качества образования выпускников.

Первая задача – усиление практической составляющей в обучении. Как полагают эксперты, сегодня настало время изменений во взаимоотношениях учебных заведений с отраслями народного хозяйства, усиления их взаимной заинтересованности в повышении качества обучения и переподготовки кадров. Высказывалась идея о подготовке специалистов по заказу крупных корпораций, с учетом их требований, с тем чтобы можно было готовить потенциального выпускника для конкретной работы, например на должности инженера по наладке электронных систем, имеющихся на данном предприятии, начальника цеха, специалиста по IT и т.п. Это позволяет дифференцировать подготовку специалистов в соответствии с особенностями их будущей трудовой деятельности. «*Было бы неплохо, чтобы организации и крупные компании, которым требуются профессионалы, в течение всего процесса обучения «вели» своих выпускников, брали над ними некое шефство, давали определенные ориентиры учебным заведениям относительно того, какие специалисты им нужны, какими навыками и качествами они должны обладать*» (исполнительный директор банка с государственным участием).

Следовательно, обучению профессии должны предшествовать анализ сферы профессиональной деятельности будущего специалиста, выделение ее основных принципов и общих закономерностей. Такой подход, с одной стороны, означает ликвидацию сверхспециализации, дробных обязательных специальных курсов, а с другой стороны, требует привлечения к преподаванию наиболее талантливых, высококвалифицированных специалистов, имеющих опыт практической деятельности в данной сфере и способных к обобщениям на соответствующем теоретическом уровне. Сердцевиной обучения должны стать предметы практической направленности. Однако формирование программ по этим предметам должно отличаться от традиционного: обучение должно начинаться не с отвлеченных принципов той или иной науки, а с демонстрации использования этих принципов в производственных процессах, инженерных разработках, прикладных научных работах.

Трудным для окончательного решения остается вопрос о связи учебного процесса с реалиями современной жизни общества. Известно, что новая техника и технология появляются значительно раньше, чем находят свое место в учебниках и учебных пособиях. Следовательно, учебные планы и программы должны быть открытыми для систематического их обновления, позволять дальнейшее их скорейшее совершенствование по мере накопления методического, практического и теоретического опыта. Другими словами, необходимо, чтобы образовательная подготовка могла быстро реагировать на изменения, происходящие в науке, технике, производстве. Обозначенные направления позволяют оптимизировать учебный процесс, усилить профессиональную подготовку студентов, разработать эффективные учебные планы, значительно повысить результативность производственной практики, курсового и дипломного проектирования, максимально подчинить все это нуждам и запросам жизни.

Вторая задача состоит в том, чтобы поставить учащегося в условия, вызывающие в нем внутреннюю потребность в знаниях для достижения в будущем определенных жизненных целей (карьеры, получения высокооплачиваемой работы, признания в обществе, самореализации). Здесь во главу угла ставится самостоятельная активность студента, пробуждение в нем элементов творчества, выработка навыков к преодолению препятствий в профессиональной деятельности, к созиданию ожидаемого результата. В этом случае мобилизуются все положительные стороны потенциального работника, включая его волевые усилия, что создает

наилучшие условия приобретения знаний для достижения поставленной цели.

Перечень обозначенных экспертами задач, на наш взгляд, необходимо дополнить еще одной – задачей повышения профессионализма учебно-педагогических кадров, в том числе и в вузах. Это связано с тем, что совершенствование высшего образования на современном этапе определяется во многом учебно-педагогическими кадрами, их общей культурой, научной эрудицией, преданностью своему делу и, разумеется, профессиональным мастерством. Роль лектора, руководителя семинарских занятий, консультанта научно-исследовательской работы студентов, руководителя выпускных квалификационных работ будущих специалистов исключительно велика. Работа их из года в год становится сложнее: повышаются требования к специалистам, ускоряется рост объема специальных знаний, уплотняется сетка часов. Но преподаватель еще должен быть и воспитателем, а значит, и социологом, и психологом.

Ряд экспертов отмечают, что в научно-педагогической практике до сих пор отсутствует вполне продуманная, четкая и сохраняющая преемственность система подготовки и отбора научно-педагогических кадров, например для высших учебных заведений – система, исключающая возможность проникновения в преподавательский состав лиц, лишенных необходимых профессиональных и моральных качеств. «*Если рассматривать вопрос в общем, то наблюдается процесс снижения качества профессорско-преподавательского состава. В какой-то момент прервалась определенная преемственность в этой сфере. Если вернуться к советской высшей школе, в эту профессию шли лучшие, была такая тенденция, что лучшие учились у лучших, соответственно, становились лучшими*» (заместитель главного врача больницы).

Сегодня к преподаванию в вузе фактически может быть допущен каждый, имеющий диплом о высшем образовании, а тем более – диплом кандидата или доктора наук. Но ведь такие дипломы – в лучшем случае лишь свидетельство об образовательном уровне и научных заслугах их владельца и ни в коей мере не характеризуют педагогические достоинства преподавателя. Вот почему отбор, например, в аспирантуру, готовящую резерв преподавательских кадров, должен быть весьма тщательным и с этой стороны. Важно не только требовать от преподавателей высокого уровня обучения, но и вооружать их самым передовым учебно-методическим опытом, систематически повышать их квалификацию. Необходимо, чтобы содержание преподавания в полной мере отражало современные достижения науки, техники и культуры, взаимосвязь науки и производства, достижения философского знания и научной методологии, чтобы в нем учитывались современный уровень образованности, особенности психологии новых поколений молодежи. В конечном счете, научно-педагогический состав высшей школы призван формировать специалистов широкого профиля, способных быстро адаптироваться в условиях современного научно-технического и социального прогресса, сочетающих теоретические знания с умением решать практические вопросы.

С точки зрения большинства экспертов, достаточно консервативно в своем развитии выглядит и среднее общее образование, основной целью которого стала подготовка выпускников к учебе в высших учебных заведениях без учета профессиональной мотивации и реальных способностей выпускника. Результаты экзаменов красноречиво говорят о том, что современные выпускники школ хуже пишут, меньше читают, испытывают больше затруднений в решении математических и прикладных задач, чем их предшественники. В то же время, например, в старших классах сокращается количество часов на освоение естественно-математических дисциплин, снижается уровень требований к учебным успехам школьников. Поэтому в рамках решения обозначенных задач подготовку специалистов необходимо осуществлять в учебных заведениях различных типов, каждое из которых должно готовить работников определенной квалификации и видов профессий.

Высшие учебные заведения должны быть ориентированы на выпуск высококвалифицированных специалистов и обеспечивать фундаментальную подготовку по широкому кругу технических, гуманитарных и естественно-научных дисциплин. Данная подготовка должна позволять выпускнику свободно ориентироваться в быстро меняющихся реалиях современной экономики и творчески применять потенциал научных знаний. При этом важно исключить массовость получения высшего образования, сосредоточив внимание на качественных аспектах образовательного процесса. «*Высшее образование – это образование элитное, его не надо рассматривать как образование, которое должен иметь каждый человек. Такое количество людей с высшим образованием нашей стране вряд ли нужно в современной ситуации*» (преподаватель вуза).

В профессионально-технических заведениях среднего звена необходимо готовить работников массовых профессий, а также специалистов рабочих специальностей. При этом профессио-

нальное обучение должно быть построено таким образом, чтобы, по возможности, обеспечить учащихся профессией широкого профиля, что, в свою очередь, требует использования модульной системы построения учебных курсов. Так, например, подготовка современного станочника должна включать не только овладение навыками работы на станках всех типов (от традиционных до станков с программным обеспечением), но и умение налаживать и ремонтировать их (в определенных пределах), читать чертежи. Следовательно, важнейшей новой чертой профессионального образования должна стать его многофункциональность, предполагающая отказ от узкой специализации в ходе обучения и стремление обеспечить современному специалисту широкую ориентацию по определенной группе специальностей, способность действовать универсально, то есть под влиянием не только требований собственного рабочего места, но и требований общей социальной среды. Для этого необходимо не только изменить содержание учебных программ и укрупнить специальности, по которым ведется подготовка, но и скорректировать саму организационную схему обучения, используя ступенчатую систему подготовки специалиста, предусматривающую его профессионализацию сначала в школе, затем в средних специальных образовательных учреждениях, в вузе.

Практика показывает, что к моменту окончания школы у большинства учащихся обычно уже складываются определенные мотивы выбора профессии. Однако устойчивая потребность в получении конкретной профессии возникает только тогда, когда человек сможет посмотреть на нее как бы через увеличительное стекло своей будущей специальности, которую планирует получить. Такое положение можно создать, если активно использовать профориентационную работу, позволяющую глубже понять вопросы специальности, способности человека к той или иной профессии.

Профориентация выступает как один из рычагов трудовой мобильности рабочей силы на основе целенаправленного воздействия на выбор профессии, рода занятий, места работы и может включать в себя самые разнообразные формы воздействия на человека: беседы и лекции о профессиях, индивидуальное собеседование, психологическое тестирование, встречи с известными людьми, дни открытых дверей на предприятиях, в организациях и в учебных заведениях, выпуск специальной литературы, использование Интернета и средств массовой информации.

Известно, что память обладает избирательным свойством и человек неосознанно для себя отбирает из поступающей к нему информации то, что, как ему представляется, может быть полезным в дальнейшем. Получив новую информацию, учащиеся старших классов, например, смогут рассматривать будущие профессии, обладая комплексной информацией – базовой, дополнительной, а также и выработанной собственным умом. Без грамотной профориентации, в обычных условиях человек этого сделать, как правило, эффективно не может.

Кроме того, по мнению ряда экспертов, выпускнику школы для правильного осознания своего профессионального выбора первоначально требуется, как правило, получить среднее специальное образование или же приобрести минимальный трудовой опыт. Игнорирование этого обстоятельства приводит к тому, что многие выпускники поступают в вузы вслепую или же, например, просто из самолюбивого стремления получить высшее образование любой ценой. «*Если мыслить глобально, то возраст, начиная с которого человек может получить высшее образование, недостаточен для того, чтобы чрезвычайно ответственно подойти к этому вопросу. В 17–18 лет большинство выпускников школ достаточно тяжело представляют конечный результат своего образования. Исходя из этого, было бы правильно получение выпускником школы сначала среднего специального образования либо приобретение определенного трудового опыта*» (проректор вуза).

Таким образом, в условиях, когда обучение превратилось в интегральную часть современного производства, сегодня необходимы серьезные шаги в направлении модернизации национальной системы профессионального образования, связанные с расширением контингента обучающихся в центрах профтехобразования, а также в учебных заведениях, готовящих квалифицированных работников среднего технического уровня.

Решение задач по цифровизации экономики и обеспечение обороноспособности страны актуализирует также, по мнению большинства экспертов, проблему наращивания подготовки инженерных кадров. Это обусловлено тем, что обновление технической базы производства, внедрение систем гибкой автоматизации и обеспечение обороноспособности страны невозможны без участия инженера в решении конструкторских и технологических задач. В перестройке материально-технической базы промышленного производства, других сфер экономики важнейшую роль призваны сыграть отрасли передовой технологии – IT-сфера, микроэлектроника, производство робототехники, средств связи, биотехнология. Динамичный

рост именно этих отраслей является залогом своевременного осуществления прогрессивных сдвигов в структуре экономики, от них зависят уровень интенсификации производства и темпы роста производительности труда, качество жизни населения. Все это делает фигуру инженера центральной в экономическом развитии.

Следовательно, должна быть выстроена такая образовательная система, которая целенаправленно подпитывала бы свой сегмент рынка труда и способствовала решению ряда взаимосвязанных задач:

- экономической – обеспечение развивающегося производства необходимой рабочей силой;
- социальной – предотвращение и компенсация роста безработицы;
- стратегической – подготовка технически грамотного контингента работников для развития приоритетных отраслей экономики, обеспечения обороноспособности страны.

Исходя из этого, эксперты строят различного рода прогнозы будущей потребности экономики в рабочей силе. Авторы прогнозов подчеркивают, что экономика в ближайшем будущем будет попрежнему испытывать повышенную потребность в программистах и специалистах в сфере IT, инженерах, квалифицированных рабочих кадрах. Увеличится потребность в высококвалифицированных специалистах со стороны непроизводственной сферы, и прежде всего таких ее отраслей, как здравоохранение и образование.

Выводы

1. Основные направления реорганизации системы профессиональной подготовки кадров призваны решить три основные задачи. Во-первых, обеспечение возможности для максимального числа трудоспособных лиц активно включиться в трудовую жизнь и избежать безработицы; во-вторых, обеспечение экономики страны необходимыми кадрами, способными воспринять и развивать новейшие технологии; в-третьих, повышение качества профессионального образования.

2. Анализ действующих форм обучения показывает, что они в настоящее время изолированы друг от друга. Между тем связь всех звеньев системы образования должна быть мобильной и гибкой, допускать определенное их сцепление, обеспечивая взаимосвязь школьного, среднего, высшего образования и производства, и являться эффективным средством отбора способных учащихся от школьной парты до студенческой скамьи.

3. Массовость высшего образования спровоцировала возникновение сложной проблемы – снижение качества профессиональной подготовки выпускников вузов. Под напором экономических и социальных проблем последних десятилетий последовательно снижались требования к обучению, подготовка кадров велась по многим дробным специальностям, без учета конкретных нужд и потребностей отдельных отраслей экономики.

4. Государственная система профессиональной подготовки, действующая в отрыве от частного бизнеса, неспособна гибко реагировать на все изменения спроса на рабочую силу, прежде всего в отношении ее качества – квалификации и специализации. Это связано с тем, что конкретные требования к специалисту, его общенаучной и профессиональной подготовке, личным качествам определяются в конечном итоге сферой приложения его труда, запросами рынка труда. Реализация этих изменений требует теснейшей кооперации учебных заведений, прежде всего с крупными предприятиями и корпорациями. Такая кооперация повышает роль обратных связей между производством и учебными заведениями, усиливает контроль производства над качеством подготовки кадров и реальной значимостью дипломов и сертификатов.

5. Современная концепция развития образования требует внести существенные изменения в сферу подготовки кадров, которая должна предусматривать не только обеспечение учащихся определенной информацией, но и развитие творческих способностей познания нового и возможности их применения на практике, формирование системы умений самостоятельной познавательной деятельности.

Этот важный фактор повышения уровня образования предполагает не столько обстоятельное приобщение человека к наличному в данное время знанию, сколько развитие в нем способности к постоянному приобретению новых знаний, самообразованию, совершенствованию профессиональной памяти, умения владеть информацией, воспитание восприимчивости к социально-экономическим нововведениям, творческого отношения к труду. В целом профессиональная подготовка работника в современных условиях становятся все более дорогостоящей, так как требуется совершенствовать материально-техническую базу в этой сфере, активно применять информационные технологии, повышать качество преподавания.

6. Расширение системы подготовки специалистов рабочих профессий и высококвалифицированных инженерных кадров обусловливает необходимость первоочередного развития как среднего профессионального, так и высшего инженерно-технического образования. Большего

внимания потребует и подготовка кадров для непроизводственной сферы, прежде всего для таких ее отраслей, как здравоохранение и образование.

При этом проблема подготовки кадров не может быть решена путем простого увеличения выпуска специалистов, поскольку наряду с количественным на первый план выступает и качественный аспект.

Для реализации обозначенной цели необходимо подвести соответствующую общеобразовательную и профессионально-квалификационную базу, но при соблюдении важного условия: между уровнем образования и возможностями его использования не должны допускаться диспропорции, которые неизбежно ведут к снижению производительности труда, неудовлетворенности работой, структурным противоречиям между имеющейся и требуемой рабочей силой.

Список литературы

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утв. Указом Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

2. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

3. Минтруд назвал попадающие под сокращение профессии в 2019 году. URL: https://rg.ru/2018/12/27/mintrud-nazval-popadaiushchie-pod-sokrashchenie-professii-v-2019-godu.html? (дата обращения: 27.12.2018).

4. Золин И.Е. Образовательный комплекс и рынок труда: парадоксы взаимодействия // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 10 (295). С. 28–39.

5. Золин И.Е. Совершенствование форм и методов государственного регулирования рынка труда в современной России // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 3 (36). С. 76–83.

6. Грудзинский А.О., Малинин В.А. Интеграция школы и вуза в условиях инновационного общества знаний: «предпринимательская» модель // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1 (37). С. 201–210.

7. Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Российское среднее профессиональное образование: востребованность и специфика выбора // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 34–44.

8. Саралиева З.Х., Исакова И.А. Опыт организации научно-исследовательской работы студентов (на примере кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского) // Социальные технологии работы с молодежью: новое время – новые решения: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Сборник научных статей / Под ред. Т.К. Ростовской, С.Н. Фоминой. 2016. С. 226–230.

9. Агабекян Р.Л. Профессиональное образование как фактор инновационного развития региона (на примере Краснодарского края) // Вестник Академии знаний. 2017. № 2 (21). С.12–17.

10. Рогачева Е.Ю., Слепухин А.Ю. Региональные вузы и международная интеграция образования // Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 1 (78). С. 6–12.

11. Иудин А.А. Современные реформы образования как фактор разрушения социального капитала // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: Материалы Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего – наука молодых». В 2 т. / Под общ. ред. З.Х.М. Саралиевой. 2017. С. 263–273.

12. Соболева И.В. Социальные и экономические аспекты реформирования образования // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 4. С. 103–117.

CURRENT PROBLEMS OF PROFESSIONAL TRAINING AND EDUCATION QUALITY

I.E. Zolin

Nizhny Novgorod Institute of Management – RANEPA branch

The article presents an analysis of some problems of professional training. With the account of the specific features of the research, these problems are considered in connection with the issues of the quality of modern education. We identify current problems in the field of education, taking into account the innovative nature of modern socio-economic development. The present stage of development is characterized by a number of sustainable global trends associated with the formation of the digital economy, which leads to significant changes in the requirements for the qualification of workers, the content and methods of their professional training. The paper shows that the result of these impacts does not coincide with the general direction of the professional training process. In this article, we use the data of a sociological study that was carried out on the basis of in-depth expert interviews. The author's conclusions are also based on his own experience in the study of this issue. The content and composition of the article are determined by the comprehensive approach to the problems of professional training. The social problem is translated into the language of sociological knowledge, and a number of ways for its solution are proposed.

Keywords: vocational training, expert, quality of education, labor market, youth, digital economy.

УДК 316.4

РЕАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВИРТУАЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

© 2019 г.

А.В. Рушева

Рушева Анна Витальевна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
avr0201@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.01.2019
Статья принята к публикации 18.04.2019

Цель статьи – анализ реального функционирования виртуальных бизнес-структур и некоторых особенностей управления ими. В условиях динамичной внешней среды и быстро меняющихся требований потребителя такая форма организации становится реальным конкурентом традиционным предприятиям, выпускающим аналогичную продукцию в стационарных условиях. Представлены результаты теоретического изучения сущности виртуальных объединений, раскрыты предпосылки их формирования, стратегические преимущества и недостатки. Анализ содержащихся в научной литературе трактовок виртуальных организаций сделал возможным представить их как коллаборацию партнеров, которая может меняться в зависимости от текущих целей. Автор указывает на ключевые проблемы в управлении виртуальными предприятиями, поясняя их некоторые причины. Описание и основные выводы эмпирического исследования, проведенного методом опроса руководителей и сотрудников реальных виртуальных структур, позволили понять специфику дистанционных партнерских отношений, имеющих, как правило, временный характер и выстраивающихся с помощью информационно-коммуникационных технологий. Практическая значимость результатов данного социологического исследования определяется самой актуальностью управления работниками умственного труда, особенно для России, которая постепенно входит в мировое информационное пространство. Высказывается предложение дальнейшего исследования виртуальных организаций и более подробного изучения условий их успешного функционирования.

Ключевые слова: информационное общество, виртуальная организация, управление, информационные технологии, интеграция ресурсов, социальное взаимодействие, удаленная работа, оперативные знания, самоорганизация, бизнес-партнеры.

Введение

В современном информационном обществе понятие предприятия, традиционно определяемого как производственно-технологическая организация, объединяющая средства производства и рабочую силу для выпуска товаров и услуг, постепенно утрачивает характеристики обособленности и пространственной территориальной локализации. Появляется новый тип предприятий – виртуальные предприятия.

В силу быстрого развития информационных технологий, расширения способов работы с информацией, возрастающей значимости умственного труда управление виртуальными организациями представляется важной исследовательской проблемой.

Проблема информационного общества как нового типа общественного устройства была подробно проанализирована такими учеными, как Д. Белл, М. Кастельс, Э. Тоффлер, А. Урсул, Дж. Нейсбит, А. Турен, Ж. Бодрийяр. Этот вид социальной организации является закономерным этапом развития техногенной цивилизации, поскольку он не только коррелирует с соответствующим уровнем научно-технического прогресса, но и определяет дальнейшую цивилизационную динамику: «Информационное общество относится к конструкциям социума, в создании которых огромную роль играют как естественные механизмы самоорганизации, так и развитие информационных технологий» [1, с. 180]. П. Друкер утверждал, что корпорации XXI века будут организованной совокупностью производственных модулей, каждый из которых охватывает стадию производственного процесса или несколько подобных операций. Причем общее руководство корпорацией будет соблюдаться, однако у модулей будет своя полноценная система управления для взаимодействия с внешней средой и с другими модулями. В каждом модуле будет определенный «баланс» между стандартизацией и гибкостью за счет формирования новой системы коммуникаций и информации. Рост весомости горизонтальных каналов связи приведет к постепенному переходу от иерархии к сетевым организациям [2].

Анализируя современный этап развития общества, исследователи в качестве его системообразующих признаков выделяют информацию,

рассматривая ее не только как ресурс субъектной деятельности, но и как результат. На начальных стадиях становления информационного общества информация приобретает все признаки товара: она имеет стоимость, продается и покупается, обменивается. В дальнейшем информация становится одним из основных производственных ресурсов, изменяя социальную структуру общества.

Методология исследования

Вопросы управления виртуальными организациями раскрыты в трудах таких авторов, как Г.Л. Багиев, В.И. Бугорский, О.Н. Громова, Т.Е. Андреева, Е.В. Бутурлакина, А.В. Катаев, Р.Р. Кафиатуллин, И.П. Пономарев, М. Уорнер. В своих работах ученые представляют новый тип предприятия, например, как «добровольную временную форму кооперации нескольких, как правило, независимых партнеров (предприятий, институтов, отдельных лиц), обеспечивающую благодаря оптимизации системы производства благ большую выгоду всем участникам» [3, с. 129]; или как «динамическую открытую бизнес-систему, сформированную на базе единого информационного пространства юридически независимыми предприятиями с целью совместного использования собственных ресурсов для сквозной реализации всех этапов экономически привлекательных проектов от источника первичного сырья до сдачи продукции конечному потребителю» [4].

Одним из важных условий возникновения виртуальной организации является развитие и широкое распространение современных коммуникационных технологий, которые дают возможность для сотрудничества разных автономных, географически распределенных предприятий. Интернет-технологии способствуют режимам интеграции и общего управления, включающего моделирование динамических процессов взаимодействия участников и поддержку выполнения работ. Эти процессы поддерживают все этапы выполнения проектов (заказы клиентов) [5].

Стратегическим преимуществом виртуальных предприятий является устойчивость и выживаемость в рыночной экономике, умение участников обеспечивать гибкость и интеграцию ресурсов, возможность быстро создавать виртуальные команды и виртуальную среду, объединять знания компетентных лиц для целенаправленной деятельности. Несмотря на многогранность задач и повышенные требования к участникам, виртуальная организация более эффективно управляется, в ней оптимально распределены ресурсы и более оперативно осуществляется регулирование [6; 7].

В рассматриваемых предприятиях границы между их участниками, ресурсами и подразделениями могут быть четко не обозначены; в своем штате они имеют реальных специалистов в реальных подразделениях, поставщиков и потребителей. В то же время для виртуальной организации характерна некоторая ограниченность физических структур, возможность выполнения работы в любом месте, нестандартность и безграничность организационных форм [8].

Центром управления виртуальной организации может быть как юридический орган, исполняющий функции координации, так и головное предприятие или любой из партнеров. Вход и выход из данного образования свободен и осуществляется самим участником с соблюдением правил партнерства, оговоренных в договоре [9]. С позиции типа управления исследователи выделяют три вида виртуальных предприятий:

– с централизованным управлением, при котором один из участников управляет процессом: ставит задачу, дает задания другим, суммирует и оценивает результаты, принимает решения, а остальные – подконтрольны и действуют согласно данным поручениям;

– с распределенным типом управления, предполагающим, с одной стороны, рассредоточение знаний и ресурсов между участниками деятельности, с другой – сохранение единого органа командного управления, принимающего решения в конфликтных ситуациях;

– с децентрализованным управлением, где управление и процесс достижения цели осуществляется за счет самостоятельных и ограниченных взаимодействий между участниками.

На основе изучения природы и особенностей виртуальных структур сформулируем следующее определение: виртуальная организация – это организация, созданная как система искусственно интегрированных в информационном пространстве разнородных предприятий с единой системой управления, способная гибко менять свою конфигурацию.

Преимущества виртуальных организаций:

1) по критерию – результат: ускорение завоевания мировых рынков, использование стандартов, принятых в мировом экономическом сообществе; реализация инновационных технологий; конкурентоспособная продукция; продукция более высокого качества; сокращение цикла изготовления продукта; работа в виртуальном мире и оперативные знания об окружающей действительности;

2) по критерию – затраты: снижение затрат на капитальные вложения; снижение затрат на накладные расходы; снижение операционных затрат за счет сокращения цикла изготовления

нового изделия; снижение прямых затрат за счет объединения различных ресурсов; снижение общих затрат за счет получения системных эффектов;

3) по критерию – риск: распределение рисков получить убыток между участниками виртуального предприятия;

4) по критерию – ресурсы: технические идеи; рост квалификации сотрудников; рост финансового потенциала.

Недостатки виртуальных организаций:

1) по критерию – риск: прозрачность маркетинговой политики для потенциальных конкурентов; угроза потери новой идеи;

2) по критерию – ресурс: возможность замены партнера; субъективные факторы выбора партнера;

3) по критерию – результат: преобладающая философия работы с компьютером, а не с личностью.

Можно предположить, что виртуальное предприятие является по своей сути структурой кластерного типа. Об этом свидетельствует ряд их общих признаков, среди которых: узкая специализация, добровольность объединения, самоорганизация, независимость участников, сочетание кооперации и конкуренции, ориентированность на конечный результат, замкнутый цикл производства. Виртуальное предприятие, как правило, создается с целью выполнения определенного проекта, что и ограничивает время его деятельности, а возможность соединения участников с различным местонахождением обеспечивает его гибкостью и динамичностью. Если виртуальное предприятие функционирует постоянно, оно приобретает характер виртуального кластера [10].

Управление виртуальной организацией требует переориентации существующих систем и организационных структур в соответствии со спецификой ее функционирования, проявляющейся, в частности, в многообразии ассортимента заказов, высоком уровне сложности процессов, расширении пространства поиска решений, наличии нескольких распределенных источников информации, которые должны быть скоординированы в режиме реального времени.

Эмпирическая база исследования

В целях выявления фактических особенностей управления реальными виртуальными структурами было проведено социологическое исследование, состоящее из двух блоков. В первый входило интервьюирование руководителей среднего звена (n=3), в подчинении которых находится более 5 человек. Респонденты работают на разных виртуальных предприятиях: в компании Admitad, агентстве контекстной рекламы Direct All-in, сервисе Marketcall. Второй блок – анкетирование сотрудников (n=38) виртуальных организаций (в том числе руководителей низшего звена). Все респонденты работают удаленно, общение осуществлялось средствами онлайн-коммуникаций (специализированные чаты, Skype, e-mail, WhatsApp, социальные сети) [11].

Рассмотрим первый блок исследования и прежде всего кратко охарактеризуем каждое предприятие, на котором проводилось интервью с руководителями. Компания Admitad объединяет тысячи брендов и сотни тысяч веб-мастеров по всему миру; помогает своим партнерам развивать и монетизировать проекты. Команда опытных разработчиков и профессиональных аккаунт-менеджеров Admitad постоянно ищет новые способы развития компаний [12]. Определенным пояснением миссии Marketcall является фраза на главной странице сервиса: «Владельцам бизнеса нужны клиенты. Веб-маркетологи могут их привлечь. Marketcall – это сервис, который связывает тех и других» [13]. Агентство Direct All-in специализируется на разработке и реализации рекламных кампаний клиентов, основной целью ведения которых является постоянное увеличение прибыли.

Несмотря на имеющиеся расхождения в направлениях деятельности, работа всех данных предприятий выстраивается в соответствии с ключевыми принципами виртуальных организаций: системность, альтернативность, динамическое равновесие, эластичность, коллегиальность, комплексность, оперативность, рациональность, самоорганизация, синергия. Учет данных правил управления позволяет создать сеть, элементы которой свободно взаимодействуют в информационном пространстве.

Результаты исследования

Анализ проведенного интервью с руководителями, целью которого было выявление особенностей управления виртуальной организацией, указывает на явные проблемы в сфере управления персоналом. Так, например, сложности были отмечены при взаимодействии с подчиненными и выстраивании командной работы. На вопрос: «Является удаленная работа плюсом или минусом с точки зрения управления?» – большинство руководителей не смогли ответить однозначно. Другими проблемными моментами в управлении, по мнению респондентов, являются следующие:

– нет личного контакта с подчиненными;

– затруднительно формирование корпоративного духа;

– практически отсутствует межличностное взаимодействие между коллегами;

– существует высокая текучесть кадров, что осложняет работу с командой.

В то же время в ходе интервью все респонденты утвердительно ответили на вопрос: «Применимо ли к виртуальной организации понятие «трудовой коллектив»?» Были отмечены следующие особенности такого трудового коллектива:

– иерархические связи, как и в классической организации;

– интеллектуальный труд, определяющий свойства трудового коллектива;

– динамичность трудовых коллективов: в виртуальной организации происходит постоянная перегруппировка команд в соответствии с поставленными задачами;

– лояльность персонала к компании присутствует, но не столь выраженно, как в классических организациях;

– контакт между членами коллектива посредством интернет-коммуникаций, что препятствует созданию сплоченности, как в классической организации.

Кроме этого, как отметили сами респонденты, затруднение функционирования и процесса взаимодействия виртуальных команд может быть вызвано кросс-культурными различиями, поскольку в них часто входят представители разных культур (отдельных стран, регионов или организаций).

Еще одной особенностью виртуального трудового коллектива была отмечена его открытость внешнему миру, которая неоднозначно сказывается на результатах работы и управлении. С одной стороны, наблюдается незащищенность сотрудников от внешних воздействий ввиду отсутствия сильных межличностных связей, с другой стороны, «размытость» виртуальной команды, ее бесформенность дают работникам больше возможностей использовать различные внешние ресурсы, увеличить разнообразие в источниках информации для деятельности команды, способов её обработки, принятия решений и воплощения их в жизнь.

Участниками опроса также были отмечены некоторые черты сотрудников виртуальных организаций, позволяющие достичь успеха и упрощающие процесс достижения цели:

– пунктуальность;

– целеустремленность;

– организованность;

– собранность;

– гибкость.

Ключевой характеристикой руководителя виртуального предприятия все респонденты назвали компетентность (профессиональную, методологическую, социальную) как в вопросах управления персоналом, так и в организации других подконтрольных ему процессов.

Процедура принятия управленческих решений, по мнению респондентов, не имеет существенных отличий от традиционной организации. Управленческие решения принимаются высшим начальством, при этом предложения вносят руководители всех уровней. Взаимодействие с высшими уровнями власти выстраивается без каких-либо трудностей, скорее, наоборот, виртуальный вариант общения облегчает процесс взаимодействия и экономит время.

Рассмотрим второй блок исследования, в рамках которого проводилось анкетирование работников виртуальных организаций. Основной целью данного опроса было выявление уровня их осведомленности о функционировании виртуальных сообществ, а также специфики их практической деятельности.

Обратимся к результатам анкетирования.

1. Наиболее распространенными мотивами деятельности для большинства респондентов являются: свободный график работы, возможность удаленной занятости, размер оплаты труда и статус организации.

Большинство опрошенных работают в виртуальной организации 1–2 года. Намного меньше тех, кто трудится в ней более 5 лет, что свидетельствует о проблеме текучести кадров. 42% респондентов имеют свободный график работы (сами планируют трудовую деятельность в зависимости от поставленных задач); 58% имеют нормированный график (5/2 или 2/2). Следует заметить, что в подобных структурах работа сверх нормы является достаточно частым явлением, и, как правило, она материально вознаграждается.

2. Руководство виртуальных организаций слабо заинтересовано в развитии персонала, о чем свидетельствует отсутствие систематического корпоративного обучения.

Как показал опрос, возможности карьерного роста и обучения являются наименее популярными мотивами для сотрудников, что, вероятно, связано с отсутствием в некоторых виртуальных организациях подобных перспектив. На вопрос о корпоративном обучении большинство респондентов (84%) отметили, что оно осуществляется только в период стажировки. Остальные сотрудники (2 группы по 8%) считают, что систематическое корпоративное обучение является редкостью либо вовсе отсутствует.

3. Взаимодействие между сотрудниками виртуальных организаций строится в большей степени на доверии, приветствуется проявление инициативы.

Таблица 1

Характеристика взаимоотношений между подчиненными и руководителями в виртуальных организациях

Вопрос	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет
Доверительные или партнерские отношения с руководителем	58%	8%	13%	21%
Свобода в принятии решений в рамках своих компетенций	16%	21%	37%	26%

Таблица 2

Сформированность представлений респондентов о специфике виртуальных организаций

Результаты	Руководители и digital (*n*=20)	Специалисты (*n*=18)
Полное понимание специфики виртуальных организаций	25%	11%
Частичное понимание специфики виртуальных организаций	75%	89%
Отсутствие сформированных представлений о специфике виртуальных организаций	0%	0%

Как видно из таблицы 1, большинство респондентов считают свои отношения с руководством доверительными, при этом наблюдается даже некоторая свобода в принятии решений в рамках компетенций работников. Данный факт следует трактовать как присутствие в виртуальных структурах сравнительно нового типа социальных связей, отличающихся от привычных и традиционных отношений между руководителями и подчиненными. Следует отметить, что подобный характер внутриорганизационного взаимодействия крайне необходим и оправдан в управлении современными предприятиями. Более того, обеспечение разумного уровня демократичности в трудовых отношениях в настоящее время рассматривается многими исследователями как способ повышения эффективности деятельности.

Трудовая деятельность в виртуальных организациях, имеющих свою специфику и разновидности, предполагает большую свободу действий специалистов, дополнительные полномочия в принятии ими решений. Очевидно, что любое отступление от принципа централизации управления требует нестандартных, более гибких и оперативных (в т.ч. и неформальных) способов контроля за ситуацией. Так, например, для операторов, осуществляющих обзвон клиентов, предусматривается метод записи звонков, контроль и самоконтроль личных результатов; в случае выполнения проекта информация о результатах деятельности, как правило, осуществляется посредством отчетной документации. Если работа требует постоянного присутствия «онлайн», осуществляется «внезапный» мониторинг.

4. Не только рядовые специалисты, но и руководители и digital (цифровые маркетологи) не в полной мере понимают специфику деятельности виртуальных организаций, что можно объяснить отсутствием корпоративного обучения.

Приведем примеры ответов респондентов, которым присуще очень ограниченное представление о виртуальном предприятии:

– *«Удобное место работы, где можно распланировать свой рабочий день»;*

– *«Мировая компания, которая осуществляет свою деятельность в нескольких странах. Деятельность ведется не только в офисах, но и с удаленными работниками, находящимися в разных городах и странах»;*

– *«Компания, которая работает в сети Интернет, ведет свою деятельность без ограничений по местоположению, имеет центральный офис, который управляет удаленными сотрудниками»;*

– *«На мой взгляд, это организация, у которой может существовать главный офис, в котором обычно пребывает начальство, но в основном все сотрудники работают удалённо. Возможно, это полностью удалённая компания, без привязки к какому-либо адресу, где все задачи и функции компании сотрудники выполняют удалённо».*

Как видим, собственное восприятие деятельности у большинства сотрудников связано со спецификой трудового процесса, а именно с удаленной работой. Опираясь исключительно на собственный опыт, они не видят целостной картины виртуального предприятия и, как следствие, лишь частично идентифицируют себя с ним. В свою очередь, по мнению многих социологов, идентификация – это компонент приверженности организации. Заметим, что проблема организационной идентичности была выявлена и в первом блоке исследования, где руководители выделяли особенности трудового коллектива виртуальной организации.

Заключение

Проведенный анализ реальных виртуальных образований свидетельствует о формировании новой системы взглядов на управление современной организацией в целом и виртуальной в частности. Исследованный (в рамках данной работы) объект характеризуется следующими ключевыми положениями:

– наблюдается отказ от управленческого рационализма классических школ менеджмента, в которых эффективность управления прямо зависит от правильного воздействия на внутренние факторы предприятия. В условиях сетевой экономики ключевым фактором успеха является гибкость и адаптация к постоянным изменениям внешней среды;

– применение теории систем для моделирования деятельности организации дает возможность рассматривать её как уникальное «органическое целое», с собственной логикой функционирования и законами развития;

– доминантой современной системы менеджмента виртуальной организации является ситуационный подход, суть которого заключается в том, что организационное наполнение предприятия в большей степени определяется под воздействием внешней среды;

– признание социальной ответственности менеджмента как перед обществом в целом, так и перед каждым привлеченным работником виртуальной организации.

Представленные результаты свидетельствуют о явных проблемах в управлении, в связи с чем целесообразны дальнейшее изучение природы и специфики функционирования виртуальных организаций, а также разработка модели совершенствования процесса управления ими. Полученные в ходе подобных социологических исследований сведения помогут субъектам управления виртуальных структур разработать востребованные сотрудниками меры трудовой мотивации, более четко осознавать возможности виртуального предприятия, рационально и грамотно выстроить процессы социального взаимодействия, совершенствовать систему коммуникаций, столь важную в управлении данным типом организаций.

Список литературы

1. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.

2. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке: Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2002. 112 с.

3. Бугорский В.И. Сетевая экономика: Учеб. пособие. М.: Финансы и статистика, 2007. 256 с.

4. Иванов Д.А. Логистика. Стратегическая кооперация. М.: Вершина, 2006. 176 с.

5. Манюшис А.Ю., Смольянинов В.В., Тарасов В.Б. Виртуальное предприятие как эффективная форма организации внешнеэкономической деятельности // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 4. С. 89–93.

6. Мильнер Б.З. Теория организации. М.: Инфра-М., 2006. 864 с.

7. Триливен Ф. Открой свой электронный бизнес: 10 золотых правил начинающего бизнесмена в сфере высоких технологий. М.: ФИАР-ПРЕСС, 2002. 635 с.

8. Хашева З.М., Ткачева Е.Н. Виртуальные организации в современной экономике: предпосылки становления и особенности управления // Вопросы экономики и права. 2012. № 44. С. 61–68.

9. Алексеев Н.С. Эволюция систем и организационное проектирование // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 4. URL: http://vasilievaa.narod.ru/ptpu/12_4_98.htm (дата обращения: 07.04.2018).

10. Гольдштейн Г.Я. Стратегический инновационный менеджмент. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. 267 с.

11. Данные социологического исследования, проведенного в рамках подготовки магистерской диссертации Пантелеевым М.Е. на тему «Создание модели управления виртуальным предприятием» / ННГУ им. Н.И. Лобачевского, факультет социальных наук, март–май 2018 г. Научный рук. Рушева А.В.

12. Сайт компании Admitad [Электронный ресурс]. URL: https://www.admitad.com/ru/about_system/ (дата обращения: 19.01.2019).

13. Портал сервиса Marketcall [Электронный ресурс]. URL: https://www.marketcall.ru/ (дата обращения: 19.01.2019).

REAL MANAGEMENT OF VIRTUAL ORGANIZATIONS

A.V. Rusheva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The purpose of the article is to analyse the real functioning of virtual business structures and some features of their management. In a dynamic environment and with rapidly changing consumer requirements, this form of organization becomes a real competitor to traditional enterprises producing similar products in stationary conditions. The results of a theoretical study of the essence of virtual associations are presented, the prerequisites for their formation, strategic advantages and disadvantages are revealed. The analysis of the interpretations of virtual organizations contained in scholarly literature made it possible to present this form of organisation as a collaboration of partners, which may vary

depending on current goals. The author points to the key problems in the management of virtual enterprises and explains some of their reasons. The description and main conclusions of an empirical study conducted by interviewing managers and employees of real virtual structures made it possible to understand the specific features of distance partnerships, which are usually temporary in nature and are built using information and communication technologies. The practical significance of the results of this sociological research is determined by the relevance of the management of knowledge workers, especially for Russia, which is gradually entering the world information space. The author proposes to continue research of virtual organizations and to conduct a more detailed study of the conditions for their successful functioning.

Keywords: information society, virtual organization, management, information technology, integration of resources, social interaction, distant work, operational knowledge, self-organization, business partners.

УДК 316.356.2

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЦОВСКИХ ПРАКТИК

© 2019 г.

А.Е. Звонарева

Звонарева Александра Евгеньевна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета
alexandra_zvonareva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.02.2019
Статья принята к публикации 29.04.2019

Систематизируются подходы к изучению практик отцовства. Представлены анализ и типология отцовства как социальной практики, даются факторы выбора отцовских практик, отраженных в современных социологических исследованиях. Анализ включает теории классиков социологической мысли и современных социологов. Типы практик отцовства выделяются по следующим критериям: в соответствии со степенью участия отца в жизни ребенка; активности/пассивности отца в поддержке матери; принятия/отвержения роли отца; восприятия отца своими детьми; сохранения в сегодняшних практиках элементов традиционного, социал-демократичного и индивидуального типов отцовства. Определяются факторы выбора отцовских практик: поддержка матери ребенка; желания отца быть вовлеченным в воспитательный процесс; организация рынка труда в отношении женщин и мужчин; стереотипы, существующие в общественном мнении; социально-экономическое положение; уровень образования; пол ребенка.

Ключевые слова: практики отцовства, типология практик отцовства, факторы выбора отцовских практик.

Введение

В последние десятилетия в социологической науке возрос исследовательский интерес к проблемам семьи и брака, родительства в связи с изменениями института семьи в целом, гендерного разделения ролей, практик материнства и отцовства в частности. В условиях феминизации общества, демократизации ценностей женщины наравне с мужчинами участвуют в экономической деятельности, соответственно устанавливается равная ответственность родителей за воспитание детей, мужчина больше не является единственным кормильцем в семье и все более вовлекается в процесс воспитания, эмоциональную близость с ребенком. В то же время довольно большое количество семей придерживаются традиционного мнения, что забота о детях – исключительно женская сфера деятельности. Появление новых родительских практик – «ответственного отцовства» или «вовлеченного отцовства» – при сохранении традиционных и девиантных моделей поведения отцов стимулирует исследование отцовских практик социологами и психологами.

Цель данной статьи заключается в систематизации подходов, направленных на изучение практик отцовства, типологий практик отцовства, факторов выбора отцовских практик.

Отцовство как социальная практика

Отцовские практики входят в категорию практик повседневной жизни. Важность изучения повседневной деятельности людей признавал Э. Гидденс, определяя предметом социальных наук социальные практики, упорядоченные во времени и пространстве [1]. По его мнению, повседневная жизнь представляет собой поток преднамеренной деятельности [1, с. 47], через эту деятельность акторы воспроизводят условия, делающие эту деятельность возможной. Это положение соответствует главному принципу теории структурации – принципу дуальности структуры, согласно которому правила и ресурсы, которыми индивиды руководствуются, должны рассматриваться «и как средства воспроизводства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности, и одновременно как продукты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью» [1, с. 61–62].

Деятельность представляется как непрерывный процесс, который деятель (или актор) отслеживает (он ожидает этого от других, а также контролирует социальные и физические факторы своего окружения). Гидденс подчеркивает, что индивид, контролируя свои действия, является их движущей силой. Он различает понятия рефлексивного мониторинга и рационализации действия, а также его мотивации. Рационализация означает, что акторы имеют целостное теоретическое представление о мотивах своих действий [1, с. 44]. Мотивы же представляют собой проекты или планы, согласно которым развертываются сценарии действия [1, с. 45]. Причем рутинные действия в повседневной жизни не

мотивированы напрямую, они проявляются в нестандартных ситуациях. Социолог придает важное значение контекстуальности – масштаб контроля за действиями ограничен конкретными условиями ситуации.

Хотя акторы совершают преднамеренные контролируемые действия, последние могут иметь непреднамеренные последствия, а «эти последствия могут систематически превращаться в неосознанные условия дальнейших поступков» [1, с. 47]. То есть, с одной стороны, отцы в своей повседневной деятельности руководствуются структурными правилами и ресурсами, которые ограничивают контроль за деятельностью в данном контексте, и тем самым воспроизводят структуру. С другой стороны, их действия не лишены возможности модернизации, вследствие чего повседневные отцовские практики производят новую структуру.

Взаимосвязь структуры и практик рассматривает в конструктивистском структурализме П. Бурдье. Французский социолог вводит понятие «агента», характеризующегося активностью, способностью осуществления практик определенного сорта и стратегий, направленных на сохранение или изменение своей позиции в социальном пространстве [2, с. 14–15]. Социальные агенты «непрерывно конструируют социальный мир через практическую организацию повседневной жизни» [2, с. 16].

Позиции агентов в социальном пространстве определяются их активными свойствами или объемом и структурой их капиталов, то есть структурой сил [3, с. 559]. Именно капитал представляет собой «возможность распоряжаться необходимыми условиями и предпосылками практик и в то же время является силовой структурой – структурой господства и власти над другими агентами» [3, с. 559].

Основным понятием в теории Бурдье является «габитус» – система «устойчивых и переносимых диспозиций» [4, с. 103]. Габитусы, в состав которых входят когнитивная и мотивирующая структуры, порождают и организуют практики. Но данная система диспозиций не подразумевает механического воспроизводства опыта, сложившегося в изначальных социальных условиях, практики соотносятся с объективными возможностями, присущими данной ситуации. Создаются новые практики, агенты через практики конструируют социальные структуры. При этом габитус стремится исключить поведение, не соответствующее объективным условиям, то есть практики, вызывающие негативные санкции. Также габитус является продуктом структуры, которая управляет практиками через принуждения и ограничения, изначально определенные его находчивостью [4, с. 107].

Соответственно, отцы производят родительские практики, обусловленные не только личной мотивацией, наличием соответствующих капиталов, но также прошлыми практиками и структурой. В то же время практики воспроизводят и структуры, трансформируются сами и видоизменяют структуры – от традиционного отцовства до вовлеченного. В частности, традиционное отцовство воспроизводят практики, в основе которых устойчивы габитус и мифоритуальная система, конструирующие деление полов и мужское господство как естественные и очевидные [3, с. 292]. Согласно такому делению полов, женщинам, а не мужчинам атрибутируются такие свойства, как внутреннее, низкое, постоянное, вследствие чего женщины воспринимают как свои все домашние работы, то есть внутренние и спрятанные, такие, как растить детей [3, с. 294].

Бурдье разделяет групповой габитус и индивидуальный габитус. Групповой габитус характеризуется согласованностью практик членов группы: ожидаемо, что «при объективной гомогенизации габитусов группы или класса, вытекающей из гомогенизации условий существования» [4, с. 115], агенты будут производить сходные практики. Так, практики отцов, принадлежащих к среднему классу, скорее, будут во многом совпадать и отличаться от практик отцов, принадлежащих к более низкому классу.

В соответствии с идеями С. Уильямса и У. Бека, а также Э. Гидденса, при реализации отцовских практик мужчины руководствуются персональным выбором, но на самом деле эти выборы детерминированы обстоятельствами семейной жизни. Так, отцовство, по словам Д.В. Мальцевой, «очень индивидуализированная и, учитывая, что отцы стремятся ответить на ситуационные вызовы, крайне рефлексивная социальная практика» [5, с. 277].

Практики отцовства являются производными от социальных функций отца, реализуемых в сфере родственных и семейных отношений. В рамках этих функций выделим следующие практики отцовства:

– репродуктивная функция – репродуктивные практики;

– статусная функция – практики сохранения и укрепления семьи и рода, представления семьи во внешнем мире и согласования интересов семьи с общественными интересами;

– функция инкультурации и социализации – практики обучения членов семьи культурным и социальным ролям;

– хозяйственно-бытовая функция – практики материального обеспечения жизни и быта семьи [6, с. 64].

Формирование отцовских практик на уровне социальной роли имеет три измерения:

– идеальное, включающее социокультурные эталоны;

– нормативное, включающее набор социальных ожиданий в отношении поведения индивида, реализация которого обеспечивается с помощью социального контроля;

– вероятностное, связанное с индивидуальным поведением, детерминируемым комплексом социальных статусов человека [6, с. 65].

Исследование нами советской журнальной периодики с 1920-х годов по 1985 год (журналы «Работница», «Крестьянка», «Общественница», «Семья и школа») показывает процесс формирования образов отца. Образы отца, формируемые советскими СМИ, воздействовали на идеальный и нормативный уровни исполнения отцовской роли, эти образы закрепляются в габитусе как диспозиции [7, с. 119], которые будут лежать в основе восприятия и оценивания последующего опыта.

То есть идеально-нормативный образ отца, сформированный советскими СМИ, закрепленный в габитусе, воспроизводится современным мужчиной, однако видоизменяясь под влиянием объективных и субъективных факторов. Таким образом, содержание социальных практик отцовства, понимаемых как совокупность действий по реализации обязанностей, прав и ответственности за их выполнение, задается существующими объективными структурами, в рамках которых функционирует институт семьи, а также регламентируется культурными идеалами, социальными нормами [7, с. 59].

И.С. Кон определял реальные отцовские практики (fathering) как деятельность, связанную с выращиванием и воспитанием детей, практики более изменчивы и разнообразны, чем институт отцовства (fatherhood); их изучение подразумевает описание того, что фактически делают конкретные отцы и что чувствуют. Объем и содержание отцовских практик зависят от нормативных установок, существующих в данном обществе. Практики трансформируются вследствие социокультурных изменений – ученый рассматривает «кризис отцовства» в трех аспектах: кризиса семьи, кризиса маскулинности и кризиса власти [8, с. 305–306].

О.Н. Безрукова рассматривает социальные практики ответственного отцовства как «совокупность навыков, представляющих вовлеченность в заботу о ребенке и его матери, начиная с планирования рождения ребенка и беременности, навыков ухода и воспитания ребенка, раскрывающих и оформляющих идентичность мужчины как отца в условиях повседневности» [9, с. 268]. Эти практики автор рассматривает в трех основных формах:

– гендерные: навыки и формы участия в эмоциональной и инструментальной поддержке жены и ребенка, стиле распределения домашних обязанностей, характере ответственности и лидерства в супружеских отношениях, в приоритетах распределения ресурсов свободного времени между заботой о близких и дружеским общением, трудовой занятости;

– репродуктивные: действия отца, сопровождающие беременность, способствующие созданию благоприятных условий и повышению качества подготовки семейной системы «отец – ребенок – мать» для рождения ребенка, присутствие при родах;

– коммуникативные: коммуникативное взаимодействие в сообществе отцов «Папа-школы», сетевых родительских сообществах в процессе создания солидарных норм, правил и практик идентичности ответственного отца, обмена опытом отцовства [9, с. 268–269].

Таким образом, отцовство как социальная практика формируется под влиянием объективных структурных и субъективных факторов. Практики, в свою очередь, являются результатом и предпосылкой действий, изменяют структуру. Э. Гидденс особо подчеркивает рефлексивность акторов, в теории П. Бурдье важным оказывается габитус как диспозиции, инкорпорированное акторами объективное. Вариативность содержания отцовских практик зависит как от идеалов и нормативных установок данного общества, так и от индивидуальных свойств конкретного отца.

Типологии отцовских практик

Многие исследователи типологизируют полученные данные с целью классификации моделей отцовского поведения.

И.О. Шевченко, основываясь на данных собственного исследования, выделяет следующие типы отцов в полных семьях в соответствии со степенью их участия в жизни ребенка:

– *«активный отец»* – наравне с матерью вовлечен в воспитательный процесс и повседневную заботу о ребенке;

– *«осведомленный отец»* – вовлечен в процесс воспитания, но не выполняет повседневные обязанности;

– *«присутствующий отец»* – не является авторитетом для детей и жены, самоустраняется от процесса воспитания ребенка;

– *«уникальный отец»* – занимается воспитанием детей вместо жены (или без жены при мононородительстве) [10, с. 283].

Отцы в послеразводной ситуации делятся на следующие типы:

– *«отвергнутый отец»* – обиженная мать препятствует участию отца в жизни ребенка, в

данную категорию могут попасть и ранее активные и заботливые отцы;

– *«ограниченный в правах» отец* – может видеться с ребенком, но часто на условиях матери, использует возможность участвовать в жизни ребенка в ущерб иным интересам;

– *«счастливый» отец* – активно принимает участие в воспитании ребенка, поддерживая хорошие отношения с его матерью, не пренебрегая своими интересами;

– *«пропавший» отец* – сам не желает участвовать в жизни ребенка [10, с. 284].

О.Н. Безрукова, исследуя отцовские практики поддержки матерей, выделяет четыре типа идентичности отцов на основе критериев активности/пассивности в поддержке матери, принятия/отвержения роли отца [11, с. 120]:

1) *активно-принимающими* отцами являются как традиционные, так и современные отцы, выполняющие практики вовлеченности в воспитание, присутствия при родах; данный кластер включает традиционных отцов (образ «труженик») и современных отцов («ответственный», «особый отец особого ребенка», «эгалитарный», «творец»);

2) *пассивно-принимающие* отцы преимущественно выполняют инструментальные практики фрагментарного характера или практики смешанного характера: «отец-ребенок», «отстраненный отец», «формалист», «звезда», «трудоголик»;

3) *пассивно-отвергающие* отцы, для которых характерны практики избегания заботы о матери и ребенке, невыполнение функций кормильца и воспитателя, избегание выплаты алиментов: отцы-«прагматики», «незрелые», «стигматизирующие», «эгоисты», «мигранты» и «зависимые» отцы;

4) *активно-отвергающие* отцы, не выполняющие ни инструментальных, ни экспрессивных практик, т.е. для них характерны практики отвержения матери и ребенка: «жестокий», «суррогатный», отец-«гедонист», «иждивенец», «неадаптивный» отец, «отец одного ребенка» и «просто прохожий».

Первые две группы включают отцов, в основном относящихся к средним слоям, но среди них присутствуют и представители рабочих специальностей. Отцы из последних двух групп имеют низкий социальный статус, уровень образования и квалификации. По результатам данного исследования, доминирующими оказались инфантильная и ситуативная отцовские идентичности, следовательно, доминирующими являются практики по большей части инструментальные, отражающие вовлеченность отцов в профессиональную сферу.

В результате анализа социально-статусной функции отца ивановскими исследователями выделены три типа восприятия отца своими детьми:

– *«папа-друг»*, активно участвующий в жизни детей, поддерживающий эмоциональную близость с ними; данный тип в основном выделяют участвующие в исследовании женщины из полных семей;

– *«папа – муж мамы»* не вовлечен в процесс воспитания ребенка или вовсе отсутствует, соответственно, такой тип присущ в большей степени участникам исследования из неполных семей;

– *«папа-пример»*, которого дети уважают и к которому прислушиваются; ожидаемо, что данный тип присущ больше опрошенным мужского пола из полных семей [12, с. 71].

Немецкие исследователи говорят о сохранении в сегодняшних практиках элементов традиционного, социал-демократичного и индивидуального типов отцовства. Наиболее часто воспроизводимым является традиционный отец *кормилец*. Другая разновидность традиционного отцовства – *модерный кормилец*, которому наряду с исполнением функций обеспечения и защиты удается построить тесные, хорошие отношения с детьми [13, с. 83].

Среди нетрадиционных отцов выделяют следующие типы:

1) *рефлексивный отец*, которого отличает попытка индивидуального пересмотра отцовской роли; в становлении данного типа важную роль играют соответствующие социально-экономические условия и собственный биографический опыт;

2) *целостный, или тотальный, отец*, для которого отцовство является результатом осознанного решения; отцы данного типа придерживаются идеи равноправного участия в семейном быту, отличаются ответственностью и активным участием в повседневной жизни ребенка и семьи в целом;

3) *эгалитарный отец* делит с партнершей обязанности по обеспечению семьи и воспитанию детей 50:50, его участие в повседневной жизни детей отличается большим разнообразием;

4) *отсутствующий отец* – к данному типу относятся отцы, которые после развода не участвуют в процессе воспитания и заботы о детях, а также физически присутствующие отцы, не желающие заботиться о детях [13, с. 83–84].

Генеративное отцовство выходит за рамки социальных практик, так как больше наставляет ребенка, расширяет круг его интересов и горизонт знаний. Данный тип включает «обеспечение здоровья и благосостояния детей, заботу об их отдыхе, личностном и духовном развитии, работу по формированию и трансляции смыс-

лов (в том числе и религиозное воспитание), поддержание полезных для ребенка в будущем социальных контактов, рассматриваемых как социальный капитал» [13, с. 84].

Итак, сегодня существует разнообразие отцовских практик от традиционных, заключающихся в исполнении функции «добытчика», до практик вовлеченного отцовства. Между этими двумя крайними категориями выделяют практики, различающиеся по степени пассивности отца в процессе заботы о ребенке, эгалитарности разделения обязанностей между матерью и отцом.

Факторы выбора отцовских практик

Отцовские практики обусловливают как субъективные факторы, так и внешние обстоятельства. Рассмотрим, влияние каких факторов эмпирически доказано в исследованиях социологов.

Исследование Т.А. Гурко 2006 г. выявило фактор социальной зрелости мужчины. Некоторые респонденты отмечали, что ко второму ребенку они проявляют больше внимания, в случае с первым ребенком они были, возможно, не готовы к отцовству, не понимали, что такое быть отцом [14, с. 200].

Некоторые исследователи немаловажным фактором считают возраст отца. Молодые отцы более интенсивно общаются с детьми по сравнению с отцами старшего возраста, что дает возможность говорить о разных стилевых особенностях воспитания отцов разного возраста [15, с. 106].

Среди объективных факторов в первую очередь существенна позиция супруги, которая может как способствовать вовлечению мужчины в родительскую роль, так и создавать барьеры. О.Н. Безрукова и В.А. Самойлова отмечают, что в отношении роли отца в повседневной заботе о ребенке мнения матерей противоречивы: в принципе поддерживая участие отца, матери чаще, чем отцы, сомневаются, что он сможет справиться с уходом за ребенком, меньше матерей поддерживают желание отцов участвовать в повседневной заботе о ребенке наравне с матерью [16, с. 120].

Фактором, дифференцирующим воспитательные стратегии отцов, проявляющим традиционалистские представления о феминности и маскулинности, является пол ребенка. Согласно результатам исследования социологических проблем дошкольного воспитания, отцы мальчиков считают необходимым физическое развитие и воспитание волевых качеств ребенка, для отцов девочек важнее воспитать в ребенке аккуратность, дисциплинированность, художественные способности [15, с. 52].

В зависимости от пола детей дифференцируются коммуникативные стратегии отцов. В общении с сыновьями отцы предпочитают большую дистанцию, то есть выбирают авторитарную стратегию. Партнерской стратегии придерживаются отцы больше в отношении дочерей: согласно результатам исследования Н.Б. Гафизовой, 75% отцов девочек считают важным поддерживать теплые, дружеские отношения, тогда как среди отцов мальчиков – только 45.8% [17, с. 122].

Влияние на осуществляемые отцовские практики оказывают условия и характер трудовой занятости. Так, отцы, которые хотели бы, но не могут пойти в отпуск в связи с рождением ребенка, в качестве причины отказа называют невозможность уйти с работы. Реализации практик вовлеченного отцовства способствует гибкая занятость, «хотят и могут» пойти в отцовский отпуск те, кто имеют возможность самостоятельно планировать трудовую нагрузку [16, с. 122]. Также важна занятость матери – в отпуск по уходу за ребенком идут отцы в тех семьях, где матери выгоднее не оставлять работу.

На поведение отцов влияет и общественное мнение, непонимание или неодобрение коллег решения об отцовском отпуске. В использовании отцовского отпуска мужчин ограничивает «возможность применения по отношению к ним различного рода негативных санкций как со стороны окружения – друзей, знакомых и семьи, так и со стороны работодателя» [18, с. 97]. Важны социальная поддержка родительской семьи и дружеского окружения, опыт семейной социализации [9, с. 273].

«Ожидание пассивности мужчин в домашней сфере, с одной стороны, и успеха в работе – с другой, препятствует развитию культуры партнерских отношений и совместных практик повседневной заботы о детях» [19, с. 82].

Совместное влияние субъективных и объективных факторов прослеживается в случае обращения мужчины в сетевые родительские сообщества. Они рассматриваются О.Н. Безруковой как источники социального капитала, формирующие ответственные родительские практики. Она исследовала «Папа-школы», представляющие собой «коммуникативную сеть отцов, объединившихся на основе общих целей, ценностей и интересов, а также социального капитала в виде ресурсов информации, компетенций, обмена опытом и новых репродуктивных, гендерных, коммуникативных практик, формирующих идентичность ответственного отца» [9, с. 267]. По результатам исследования, в сообщество отцов изначально включаются мужчины, ориентированные на демократиче-

ские модели отношений в семье и эмоциональную вовлеченность в заботу о детях и женах, но не всегда владеющие знаниями и практическими навыками нового отца [9, с. 269]. Влияние фактора родительских сообществ на отцовские практики иллюстрирует пример из данного исследования: мужчины, придерживающиеся традиционного мировоззрения в отношении семейной жизни, пройдя группы поддержки в «Папа-школе», изменили свое отношение к участию в родах и заботе о ребенке [9, с. 269]. Подобная коммуникативная практика способствовала осознанию мужчиной своей новой идентичности как отца, обеспечивая принадлежность к группе и эмоциональную поддержку от таких же, как он, ответственных родителей.

Исследование А.Н. Липасовой показало, что «вовлеченные» отцы не обязательно разделяют эгалитарные представления относительно роли и прав женщин в публичной и частной сферах. Большинство респондентов, отнесенных к категории «ответственных» отцов, будучи религиозными людьми, проявляли активное участие в жизни детей не из стремления к эгалитарности, а из желания укрепить существующие семейные образцы; эгалитарные установки представителей среднего класса из этой категории связаны с экономической необходимостью в доходе, поступающем от обоих родителей [20, с. 339]. Автор заключает, что если на Западе «новое отцовство» носит либеральный характер, то в России оно легло скорее на традиционную почву [20, с. 339].

Выявлению индивидуальных характеристик отцов, определяющих вероятность их участия в повседневной практике заботы о детях, посвящен кросс-культурный анализ мужчин в заботе о детях во Франции, Норвегии и России. Наиболее распространенным способом проявления заботы со стороны мужчин во всех трех странах является проведение досуга с детьми [19, с. 75]. Норвежские отцы более ориентированы на совместное участие в заботе о детях, чем российские и французские. Значимыми факторами, влияющими на вовлечение отца в практики по уходу за ребенком, были признаны:

– *организация рынка труда*, определяющая гибкость занятости и возможности для женской занятости; причем во Франции отмечались результаты, противоречащие ожиданиям, – «негибкие условия работы стимулируют респондентов в большей степени, чем гибкие, принимать участие в заботе»;

– *уровень образования* – фактор одинаков для трех стран: чем ниже образование, тем меньше вероятность вовлечения мужчин в заботу;

– *количество детей:* «в Норвегии вероятность участия отцов с одним ребенком была ниже, чем отцов с тремя детьми и более, во Франции отношение между этими же категориями было противоположно, в российской выборке в семьях с двумя детьми вероятность участия отцов в заботе была больше, чем в многодетных» [19, с. 79];

– *доход* – для норвежской выборки «участие в заботе оказывается практикой среднего класса, высококвалифицированных наемных работников, в то же время не распространяясь на среду более состоятельных людей, способных удовлетворить потребность в уходе посредством привлечения наемного труда» [19, с. 79];

– *гендерные установки* – чем они традиционнее, тем меньше вероятность, что мужчины будут участвовать в заботе о детях, во всех трех странах [19, с. 80].

Как показало исследование, индивидуальные характеристики не во всех национальных контекстах оказывают одинаковое влияние на вовлеченность мужчин в заботу о детях.

Влияние описанных выше факторов – рынка труда, готовности женщин отдать мужчинам часть обязанностей по воспитанию детей, стратификационных условий (социально-классовая принадлежность, региональный контекст, возраст и количество детей) – на участие отцов в воспитании детей подтверждают и исследования в Германии. «Самый высокий отцовский вклад в воспитание детей – в больших городах, самый низкий – в сельской местности, чем меньше количество детей в семье, тем больше отцовского участия» [13, с. 81].

Таким образом, многие исследователи сходятся во мнении, что на отцовские практики более всего влияют следующие факторы: поддержка матери ребенка желания отца быть вовлеченным в воспитательный процесс; организация рынка труда в отношении как женщин, так и мужчин; стереотипы, существующие в общественном мнении; социально-экономическое положение; уровень образования; пол ребенка.

По результатам исследований последних лет социологи выделяют спектр практик, различных по степени активности отца в воспитательном процессе и уходе за ребенком. Выявлено наличие «нового» отцовства при доминировании традиционного типа, сохраняющейся проблеме «отсутствующего» отца. Однако «новый отец» присутствует скорее как идеальный образ, нежели как социальная практика; участие отцов в воспитательном процессе часто носит фрагментарный характер, наиболее распространенная форма участия – проведение досуга с ребенком. Различия отцовских практик обусловлены рядом субъективных и объективных

факторов. Важную роль играет фактор рынка труда: зачастую мужчина оказывается более вовлечен в процесс заботы о ребенке, если семье экономически выгоднее, когда женщина работает. Другими важными факторами являются: поддержка матерью ребенка стремления отца быть вовлеченным в воспитательный процесс; социально-экономическое положение; уровень образования; пол ребенка; возраст отца.

Заключение

Следует отметить, что изучение практик отцовства имеет большое значение. Государственная семейная политика направлена на повышение авторитета родительства в семье и в обществе [21]. В Стратегии развития воспитания до 2025 г. одним из направлений указано усиление роли отца в семейном взаимодействии, в механизм реализации стратегии включены проведение и развитие научных исследований в области семьи и воспитания [22].

Государство стремится повысить престиж семьи в обществе, обращаясь к традиционным ценностям, при этом призывая к ответственному отцовству.

Исследовательский интерес должен быть направлен на изучение отцовских практик в современном обществе, на выяснение того, насколько действенна государственная политика с проводимым курсом вовлечения отца в воспитательный процесс при утверждении традиционных ценностей.

Список литературы

1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.

2. Шматко Н.А. Введение в социоанализ Пьера Бурдьё. URL: http://bourdieu.name/content/shmatko-vvedenie-v-socioanaliz-pera-burde (дата обращения: 26.02.2018).

3. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

4. Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

5. Мальцева Д.В. Теоретические подходы к изучению отцовства в современной западной социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 272–289.

6. Звонарева А.Е. Социальные практики отцовства // Женщина в российском обществе. 2010. № 4. С. 61–68.

7. Звонарева А.Е. Советское отцовство: становление, конструирование и трансформация практик. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. 152 с.

8. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.

9. Безрукова О.Н. Практики ответственного отцовства: «Папа-школа» и социальный капитал // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2012. № 3. С. 266–275.

10. Шевченко И.О. Институт отцовства: актуальные проблемы в поле социологических исследований // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 3 (46). С. 278–286.

11. Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118–130.

12. Гафизова Н.Б., Смирнова Д.И. Отцовство как социальный феномен в полных семьях и неполных (вследствие развода) (на примере г. Иваново) // Женщина в российском обществе. 2015. № 3-4. С. 67–77.

13. Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75–89.

14. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.

15. Собкин В.С., Марич Е.М. Социология семейного воспитания: дошкольный возраст. М.: Центр социологии образования РАО, 2002. 247 с. (Серия: Труды по социологии образования. Том VII. Выпуск XII).

16. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 116–125.

17. Гафизова Н.Б. Коммуникативные стратегии отцовства // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск. В 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск–М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 2. 444 с.

18. Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.

19. Кравченко Ж.В. Мужчины в заботе о детях: сравнительный анализ России, Франции и Норвегии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Том XV. № 1 (60). С. 65–85.

20. Липасова А.Н. Модели отцовства в постсоветской России: динамика и преемственность в разных социальных группах // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск. В 2 т. / Отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Н.А. Мицюк. Смоленск – М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 2. 444 с.

21. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/ (дата обращения: 19.11.2017).

22. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/400951e1bec44b76d470a1deda8b17e988c587d6/ (дата обращения: 19.11.2017).

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF RESEARCH INTO PATERNITY PRACTICES

A.E. Zvonareva

Ivanovo State University, Ivanovo

The article attempts to systematize existing approaches to studying paternity practices. The author conducts in-depth analysis of paternity as a social practice, systematizes the typology of paternity practices and presents a number of factors, which determine the choice of paternal practices reflected in modern sociological research. Our analysis of paternity as a social practice includes classical sociological theories and those developed by modern scholars. The article presents the types of paternity practices in accordance with the following criteria: according to the degree of father's participation in the child's life; father's activity/passivity in supporting mother; accepting/rejecting the father's role; how father is perceived by his children; preservation of elements of traditional, social democratic and individual types of paternity in today's practices. The author identifies the following factors that determine the choice of paternal practices based on sociologists' findings: support for the child's mother, the father's desire to be involved in the educational process; labor market organization in relation to both women and men; stereotypes that exist in public opinion; socio-economic situation; the level of education; child's gender. The findings of the article will be relevant for those who are interested in studying modern family, parenthood, modern practices of fatherhood, social policy, gender stereotypes, gender socialization.

Keywords: paternity practices, typology of paternity practices, factors of choosing paternity practices.

УДК 316.7

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ДОВЕРИЯ У МОЛОДЕЖИ

© 2019 г.

Н.В. Шалютина, М.В. Придатченко, И.В. Ситникова

Шалютина Надежда Владимировна, к.соц.н.; старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
shalyut@mail.ru
Придатченко Мария Викторовна, к.соц.н.; старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
primariya80@gmail.com
Ситникова Ирина Викторовна, ассистент кафедры отраслевой и прикладной социологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
april@fsn.unn.ru

Статья поступила в редакцию 19.12.2018
Статья принята к публикации 19.04.2019

Одним из современных ресурсов формирования доверительного взаимодействия являются социальные медиа, предоставляющие новые возможности для наращивания социальных связей и капитала. Исследуется проблема формирования доверия посредством социальных медиа. Проведенный в апреле–мае 2018 г. интернет-опрос пользователей социальных медиа 16–35 лет констатирует, что коммуникация в сети выстраивается по принципу «свой – чужой», межличностное доверие зависит от контекста и сетевой репутации.

Наиболее популярные среди опрошенных социальные медиа («ВК», Instagram) отражают низкий уровень доверия, характерный для современного российского общества. Другую картину демонстрируют мультимодальные специализированные сообщества, в которых есть потенциал создания доверительных социальных кругов, в них уровень доверия выше, там создаются интерактивные репутации. Именно пользователи с высокой репутацией, высоким социальным капиталом вызывают наибольшее доверие.

В сети доверяют тем участникам, по поводу которых есть иллюзия знания, тем, кто не является ни другом, ни незнакомцем. Сетевое доверие занимает промежуточное положение между абсолютным знанием собеседника и абсолютным его незнанием. В отличие от реальной жизни слабые горизонтальные связи, формируемые в сети, не становятся сильными; «сетевые» друзья и их мнение не вызывают доверия у пользователей, что усугубляет ситуацию институционального и межличностного недоверия в современной России.

Ключевые слова: межличностное доверие, радиус доверия, социальные медиа, киберсоциализация, интерактивная репутация, транспонирование.

Введение

Доверие как ценность приобретает новую значимость в условиях информационного общества. Как научная категория феномен доверия с 1970-х гг. является интенсивно развивающимся направлением междисциплинарных исследований; изучение этого феномена актуально и востребовано не только в социологии, но и в экономике, политологии, философии и психологии. Комплексное представление о значимости доверия в условиях современности, рационализации, ускоренной трансформации социальных отношений и нестабильности даёт именно социология. Опираясь на разработки этой категории в других гуманитарных дисциплинах, социология рассматривает различные аспекты доверия: экономические, культурные, этические, политические. С одной стороны, актуальность изучения феномена доверия связана с тем, что оно является продуктом современности, с другой стороны – самой логикой развития социологии. Различные аспекты доверия проявляются на макросоциальном (институциональное доверие) и микросоциальном (межличностное доверие) уровнях. На макросоциальном уровне доверие влияет на организацию социальной жизни и способность социальных институтов поддерживать порядок, оно является индикатором сплоченности общества. На микросоциальном уровне доверие является одним из регуляторов поведения и факторов развития социального капитала и формируется как в процессе непосредственного социального взаимодействия, так и на основе той картины мира, которая является доминирующей для данной культуры.

Теоретико-методологические подходы

Вопросы формирования доверия приобретают новые социологические смыслы по мере ин-

тенсификации распространения информационных технологий, глобализации и глокализации [1]. Последний термин подчеркивает надтерриториальный подход к изучению социокультурных аспектов современности, фокусируясь на воображаемых социальных пространствах, служащих основой для мобилизации групповых идентичностей и формирования доверия. В трудах социологов, например У. Бека [2], институциональное доверие связывается прежде всего с рисками и неопределенностью глобального общества. Доверие рассматривается как продукт современности, лежащий в основе всех социальных взаимодействий. Н. Луман [3] отмечает, что в условиях информационного общества и возрастания неопределенности ценность доверия повышается, так как оно может быть одним из механизмов социального контроля. Институциональное доверие позволяет социальной реальности восприниматься как надежной и предсказуемой, способствуя снижению рисков и чувства тревоги.

Проблема доверия на микросоциальном уровне касается, прежде всего, баланса доверия и недоверия, регулирующего жизнедеятельность индивида; его ожиданий и установок относительно исполнения социальных ролей другими акторами. Уровень межличностного доверия можно измерить, используя параметр социального капитала с опорой на теорию М. Грановеттера [4]. Согласно этой теории, количество сильных и слабых связей у индивида формирует его социальный капитал. Сильные связи – это регулярные, эмоционально насыщенные взаимодействия, слабые – недлительные и неинтенсивные социальные контакты, похожие на те, что формируются в социальных медиа. Именно слабые связи имеют решающее значение для уровня социального капитала, так как через них происходит обмен значимой информацией, полученной из аутгрупп, причем именно той, которая может отсутствовать в регулярных сильных связях. В свою очередь, социальный капитал определяет уровень доверия и позволяет предсказывать экономическое поведение индивида, ощущение безопасности и комфорта окружающей среды, уровень оптимизма.

Т. Парсонс [5] связывает микро- и макроуровни анализа, акцентируя внимание на роли индивидуальных ожиданий в процессе самосохранения общества как системы, так как одним из факторов существования общества является размер вклада каждого члена в функционирование этой системы и то, насколько он ожидает такого же поведения от других людей. Иначе говоря, уровень стабильности общества зависит от того, насколько каждый член общества может доверять другим, от предсказуемости реального поведения членов общества.

Вопросы доверия подвергаются не только всестороннему теоретическому осмыслению, но и регулярному эмпирическому анализу, это, прежде всего, кросс-культурные исследования Г. Хофстеде [6] и методика изучения ценностных ориентаций жителей разных стран Р. Инглхарта [7]. В глобальных аналитических исследованиях доверие рассматривается как ресурс, способный формировать гражданскую идентичность. Исследователи отмечают, что снижение уровня доверия в обществе, как межличностного, так и институционального, приводит к росту издержек во всех областях социальной жизни и ведет к падению благосостояния. При этом отмечается рост потребности в доверии в различных культурах. Российское общество характеризуется аналитиками как «общество недоверия». Исследовательский проект World Values Survey («Всемирный обзор ценностей»), собирающий с 1981 г. эмпирические данные о ценностях людей по всему миру, демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению доверия в современной России: 69.1% россиян утверждают, что людям доверять не стоит [8]. Специфическая ситуация дисбаланса индивидуального и институционального недоверия усугубляется современными коммуникационными технологиями, которые, с одной стороны, отражают общекультурные тенденции, а с другой – сами влияют на формирование норм.

С появлением технологий Web 2 появилась возможность, а затем и потребность активного участия пользователей, технологическая возможность быть всегда на связи, быть актором. Пользователи новых медиа перестали быть просто объектом информационного воздействия, но и сами получили возможность транслировать контент. Соответственно, возрастают информационные потоки, неоднородность источников информации, растет уровень информационной агрессии, формируя потребность в создании доверительной институциональной среды, в круге «своих».

Необходимо отметить, что этот аспект формирования доверия особенно актуален для молодежи, которая вовлечена в цифровую или киберсоциализацию [9]. И если институциональное доверие зависит от опыта, усвоенного с детства, то межличностное доверие зависит от конкретной ситуации взаимодействия. Социализация в сети формирует «представление о себе как о множественной системе и влияет на представление о социальных практиках» [10]. Социальные нормы осваиваются не только в процессе адаптации к внешним обстоятель-

ствам, но и посредством внутреннего прочтения себя как сюжета. Специфичность цифровой социализации состоит, прежде всего, в зависимости от опосредованной коммуникации в ущерб непосредственной; в исчезновении связи с локальностью (детерриторизации); в отсутствии одиночества как необходимой части процесса социализации; в деформации языкового общения, в размывании границ между публичным и приватным. Для старшего поколения большее значение может иметь личный опыт, накопленный в процессе непосредственного взаимодействия, а для молодежи – коммуникативный опыт, складывающийся не только и не столько в реальном социальном поле, но и в виртуальном, в социальных медиа. Именно в социальных медиа появляются новые запросы на доверие или недоверие к собеседнику, там важно суметь отличить фейк от данных, основываясь на репутации источника. Сеть создает новые формы взаимодействия, что, с одной стороны, позволяет находить единомышленников, повышает взаимную информированность и, возможно, доверие, а с другой – создает новые возможности для манипуляции и недоверия.

Цель статьи – проанализировать, каким образом выстраиваются доверительные связи в виртуальном пространстве социальных медиа.

Методология

В статье приводятся результаты исследования, проведенного в апреле – мае 2018 г. На первом этапе исследования на основе изучения вторичных данных, полученных в исследованиях по смежной проблематике, были выделены маркеры доверительного межличностного поведения в социальных медиа: мотивы обращения к социальным медиа, активность в сети (репосты, подписки на паблики, комментарии, участие в группах); полнота предоставляемой о себе информации (искренность) и отношение к комментариям со стороны других пользователей; мотивы добавления пользователей в списки друзей и, наоборот, их блокировки; отношение к информации, полученной из социальных медиа.

На втором этапе было осуществлено исследование методом онлайнового анкетирования, возраст респондентов от 16 до 35 лет. Предполагаемый на этапе составления программы исследования объем выборки – 200 человек. В данном случае онлайн-опрос представляется наиболее приемлемым методом в связи со спецификой темы исследования. В опросе использована стихийная (доступная) выборка, основанная на самоотборе респондентов. Очевидным недостатком подобной выборки является несоответствие генеральной совокупности, но она позволяет наметить общие тенденции и дает информацию о наиболее активных членах сетевых сообществ.

Результаты

Мы исходили из гипотезы, согласно которой, сети – социальное поле, где можно легко найти «своих», пользователей со схожими интересами, мотивами и ценностями, то есть людей, которым можно доверять по принципу сходства и предсказуемости ожидаемой реакции. Пользователи получают положительные эмоции от общения в сети с единомышленниками, от одобрения и поддержки со стороны других, что также способствует росту межличностного доверия.

Прежде всего, стоит отметить, что все опрошенные имеют аккаунты в социальных медиа. Эти данные не противоречат данным общероссийских исследований, например ВЦИОМ: вовлеченность молодёжи в социальные медиа – 91% [11]. Самые популярные социальные медиа среди опрошенных: «ВК», Instagram.

Что касается мотивов обращения к социальным медиа – они используются, прежде всего, для развлечения (48%) и общения (36%), а также как источник информации, заменяющий СМИ.

Вовлеченность в социальные медиа у опрошенных высокая – все респонденты пользуются социальными медиа ежедневно: 47% проводят в сетях от 1 до 3 часов, а 30% – более 3 часов. На основании данных о времени, проводимом в социальных медиа, можно констатировать, что они являются значимой частью социальной жизни опрошенных.

Важным вопросом формирования доверия является степень открытости, склонность пользователей предоставлять информацию о себе: 34% заполняют профиль полностью, 66% – выборочно. Одно из основных «преимуществ», которые дает общение в сети, – возможность сохранять анонимность. Насколько это важно для пользователей? 45% утверждают, что никогда не использовали фейковый аккаунт, 43% опрошенных сообщили, что пользовались поддельными профилями для общения в сети в прошлом, а 12% продолжают общаться через несколько аккаунтов, прежде всего потому, что это дает возможность оставаться анонимным. Можно сказать, что опрошенные ценят искренность в сети: даже такие формы виртуального коллективного поведения, как троллинг и хейтерство, в последнее время все чаще осуществляются через настоящие аккаунты, не анонимно.

При этом чуть больше половины опрошенных (54%) утверждают, что им безразличны комментарии к выложенной ими информации о себе; 34% заинтересованы в «лайках» и положительных комментариях, а 12% сообщили, что обижаются на друзей, если «лайки» не получают. То есть половина опрошенных нуждается в одобрении и поддержке «сетевых друзей». Одобрение со стороны других пользователей и положительные комментарии формируют репутацию в сети и способствуют наращиванию социального капитала. Треть опрошенных считают, что в сетях общаться проще, чем в реальной жизни, прежде всего потому, что это требует меньше времени (44%) и дает возможность скрывать свои эмоции (27%).

Интересным является вопрос: насколько можно транспонировать виртуальные социальные связи в реальные и наоборот? Можно предположить, что большая часть виртуальных связей – это слабые и горизонтальные связи, в терминологии теории М. Грановеттера. Интересно сравнить количество знакомых в виртуальной и реальной жизни. По нашим данным, пользователи имеют достаточно большое количество «друзей» в сети: 20% опрошенных – до 100 «друзей», 40% – 100–200 человек, 29% опрошенных – от 200 до 300 «друзей», 11% утверждают, что у них более 300 «сетевых друзей». При этом половина опрошенных (52%) в реальной жизни знакома и общается менее чем с 50 из «виртуальных друзей», и только 15% знакомы более чем с 100 «сетевыми друзьями» в реальной жизни. 74% опрошенных добавляют к «друзьям» тех, кто дружит с «другом», 37% добавляют незнакомых людей. То есть в социальных медиа поддерживаются в основном очень слабые, слабые и средние связи, которые не могут быть переведены в сильные.

Существует определенный тренд на добавление максимального количества людей к «друзьям». К набору «друзей» пользователи относятся как к спортивному состязанию: чем больше, тем лучше. Молодёжь стремится наращивать социальный капитал и социальные связи, считается, что чем больше у человека «сетевых друзей» и подписчиков, тем он популярнее. Примечательно, что эта тенденция характерна и для взаимодействий офлайн, она зафиксирована в исследованиях проекта Центра социологических исследований РАНХиГС «Евробарометр в России», изучающего ценности и социальные практики россиян с 2012 г. По данным проекта, за последние годы количество сильных и слабых связей у россиян увеличилось (сильные связи – с 4 до 7; слабые с 25 до 35) [12].

Сетевые (виртуальные) сообщества создаются на основе общих интересов, соответственно, на представлениях об общности ценностей, целей и мировоззрения, то есть они должны быть основаны на доверии, но это не всегда так: уровень доверительного поведения различается в виртуальных и мультимодальных сообществах (существующих онлайн и офлайн). Интересно, что пользователи, проводя много времени в социальных медиа, абсолютно им не доверяют: степень доверия самым популярным у опрошенных медиа – 13% (это отражает низкий уровень доверия к сетевым «друзьям»).

С другой стороны, уровень доверия к разного рода специализированным сообществам выше. С появлением новой возможности находить единомышленников связана тенденция транспонирования коллективной деятельности из сети в реальную жизнь: ярким примером такого переноса является становление неформальной экономики: площадки личных продаж, платформы для обмена услугами и вещами, движения городских активистов, краудфандинг, совместные поездки и покупки, сетевые сообщества дарообмена. Пользователи охотно присоединяются к акциям, которые проходят в этих сообществах: 84% опрошенных слышали о таких платформах, 62% опрошенных ответили, что интересуются их деятельностью. Необходимо отметить, что подобный тип сообществ является примером «мультимодальных социальных миров», то есть существующих и в реальном, и в виртуальном социальном поле. Общение в таких сообществах начинается в онлайновом пространстве, но затем переходит в реальное в связи с материальной природой вещи или услуги, которой пользователи обмениваются. Уровень доверия в подобных сообществах достаточно высок, 57% склонны доверять информации, опубликованной в группах, основанных на взаимном интересе. А информации, полученной от пользователей с высоким социальным капиталом из этих сообществ, доверяют 74% опрошенных.

Что касается сообществ, существующих исключительно в онлайн-пространстве, мы можем констатировать, что пользователи вполне понимают всю условность виртуального общения и относятся к информации, циркулирующей в социальных медиа, скорее с недоверием. В этой связи интересен вопрос радиуса доверия среди пользователей: 65% читают комментарии незнакомых людей на свои сообщения, а половина (53%) иногда и отвечает на них. Те, кто читает сообщения (66% опрошенных), не доверяют этим сообщениям, впрочем, как и информации от «друзей» (68%). При этом пользователи охотно копируют и пересылают контент из этих сообществ, репосту обычно подвергается соци-

ально незначимая информация, например юмор, – 41%, а также информация от пользователей, считающихся авторитетными источниками (экспертами), – 40%. Авторитеты и эксперты являются, по мнению пользователей, самым заслуживающим доверия источником информации: 84% опрошенных отмечают, что мнению экспертов доверяют больше, чем мнению и рекомендациям друзей.

С одной стороны, пользователи относятся к общению в сети как к реальному: ищут в нем поддержку и одобрение. С другой стороны, воспринимают социальные медиа как часть института массмедиа, соответственно, процесс формирования доверия можно описать в терминах теории двухступенчатой коммуникации [13], согласно которой коммуникативное воздействие осуществляется через лидеров мнений. Опрошенные доверяют тем, кого считают экспертами (84%), и считают, что умеют отличать фейки от реальности (63%). Основным инструментом создания доверия является интерактивная репутация, которой обладают пользователи со значимым социальным капиталом (это могут быть блогеры с устоявшейся репутаций; люди, приглашенные постоянными участниками сообщества; пользователи, активно делящиеся значимой и полезной информацией и получающие положительные отзывы и «лайки»). То есть активные индивиды, с множеством контактов, которые, с одной стороны, производят собственный контент, а с другой – потребляют множество медиасообщений, попутно делая репосты, комментируя и «пересказывая» их. Основной количественный индикатор надежности – время существования аккаунта в сообществе и количество положительных отзывов.

Заключение

С точки зрения формирования доверия на микроуровне, то есть формирования межличностного доверия, пользователи создают собственное коммуникативное поле, близкое по смысловому восприятию им самим и другим участникам, соответственно, основной гипотезой было предположение, что взаимодействие в рамках этого поля осуществляется на основе доверия, но это не совсем так.

Межличностное доверие в социальных медиа основывается на контексте взаимодействия и репутации его участников.

Контекст общения определяется типом сообщества (виртуальное или мультимодальное), в котором осуществляется. Виртуальные открытые медиа и паблики отражают общую ситуацию кризиса доверия в российском обществе. Мультимодальные специализированные сообщества характеризуются возможностью транспонировать виртуальное общение в реальное и в большей степени воспринимаются как сообщества единомышленников. Доверие в них является важной ценностью, на которой основывается взаимодействие. Закрытые мультимодальные сообщества демонстрируют потенциал создания доверительных кругов, где наращивается социальный капитал и создаются репутации, уровень доверия там высок.

Что касается интерактивной репутации, наиболее значимый вклад в формирование доверия вносят лидеры мнений, «эксперты», участники пабликов и сообществ с высоким социальным капиталом и сетевой репутацией (особенно в сообществах с закрытым доступом и возможностью транспонировать виртуальные контакты в реальные), модераторы и организаторы, устанавливающие формальные правила общения.

Большинство опрошенных одинаково не доверяют как информации от незнакомых людей, так и тому, что содержится в записях друзей. При этом сами опрошенные стремятся быть открытыми и заслуживать доверие окружающих. Друзья не влияют на степень доверия; межличностное доверие формируется в сети по принципам институционального. Можно сделать вывод, что в сети доверяют тем участникам, по поводу которых есть иллюзия знания, тем, кто не является ни другом, ни незнакомцем. Сетевое доверие занимает промежуточное положение между абсолютным знанием собеседника и абсолютным его незнанием.

Социальные медиа являются основным институтом создания сети слабых и средних горизонтальных связей, которые, в отличие от взаимодействия в офлайн-режиме, не перерастают в сильные связи. «Сетевые» друзья и их мнение не вызывают доверия у пользователей. Этот узкий и широкий радиус недоверия усугубляет ситуацию институционального и межличностного недоверия в современной России.

Список литературы

1. Appadurai A. The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective. URL: http://townsendgroups.berkeley.edu/sites/default/files/appadurai_social_life_of_things_0.pdf (дата обращения: 15.11.2018).

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. URL: https://www.litmir.me/br/?b=415347&p=1 (дата обращения: 15.11.2018).

3. Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=1899334 (дата обращения: 15.11.2018).

4. Грановеттер М. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/09/17/1215001435/Granovetter_labour_markets.pdf (дата обращения: 15.11.2018).

5. Парсонс Т. Система современных обществ. URL: http://socioline.ru/pages/tolkott-parsons-sistema-sovremennyh-obschestv (дата обращения: 15.11.2018).

6. Hofstede G. Values Survey Module. URL: http://www.geerthofstede.nl (дата обращения: 05.12.2018).

7. Inglehart R. World Values Survey. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp (дата обращения: 05.12.2018).

8. World Values Survey Wave 6. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp (дата обращения: 05.12.2018).

9. Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'а до Homo Cyberus'а. URL: http://homocyberus.ru/sites/default/files/homocyberus.pdf (дата обращения: 15.11.2018).

10. Turkle S. Alone Together. Basic Books, 2011. URL: https://www.basicbooks.com/titles/sherry-turkle/alone-together/9780465022342 (дата обращения: 29.11.2018).

11. Каждому возрасту – свои сети. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3577 от 12.02.2018. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691 (дата обращения: 27.11.2018).

12. Вахштайн В., Степанцов П. Евробарометр в России: социальный капитал, уровень городского развития и образовательные стратегии (2012–2014). URL: https://www.hse.ru/data/2014/12/26/1103971596/П1%20Вахштайн%20Презентация_ВШЭ.pdf (дата обращения: 29.11.2018).

13. Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice. How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.276929/page/n5 (дата обращения: 10.01.2019).

THE ROLE OF SOCIAL MEDIA IN CREATING INTERPERSONAL TRUST AMONG YOUNG PEOPLE

N.V. Shalutina, M.V. Pridatchenko, I.V. Sitnikova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

One of the modern resources for the formation of trust interaction is social media, which provide new opportunities for the accumulation of social relations and social capital. The article investigates the problem of trust formation through social media. According to the internet survey of social media users 16–35 years old that was conducted in April-May 2018, communication in the network is built on the «friend-stranger» principle, while interpersonal trust depends on the context and network reputation.

The most popular social media (VK, Instagram) reflect the low level of trust characteristic of modern Russian society. A different picture is demonstrated by multimodal specialized communities, which have the potential to create trusting social circles, where the level of trust is higher and where interactive reputations are created. The users with a high reputation and a high social capital enjoy the greatest confidence.

The network trusts those participants about whom there is an illusion of knowledge, those who are neither a friend nor a stranger. Network trust occupies an intermediate position between the absolute knowledge of the interlocutor and the absolute lack of knowledge about him. Unlike in real life, the weak horizontal connections formed in the network do not become strong; "network" friends and their opinions do not inspire trust among users, which exacerbates the situation of institutional and interpersonal distrust in modern Russia.

Keywords: interpersonal trust, radius of trust, social media, cyber socialization, interactive reputation, transposition.

УДК 316/342

«МЕТАМОРФОЗЫ» ВОСПРИЯТИЯ – ОТ МИЛИЦИИ К ПОЛИЦИИ

© 2019 г.

А.Ю. Кобленков

Кобленков Андрей Юрьевич, аспирант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
koblenkoff@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.2018
Статья принята к публикации 22.04.2019

Целью настоящей статьи выступает анализ восприятия гражданским обществом категорий «милиция» и «полиция». Основным методами исследования являются: диалектический, сравнительный и статистический анализ. Эмпирическую базу составили данные статистических опросов (ФОМ, ВЦИОМ), произведения художественной литературы XIX – XX веков, а также современные научные изыскания в области исследования. Научная новизна статьи проявляется в полученных результатах, выраженных в изменении оценки и уровня доверия граждан к рассматриваемому правоохранительному органу в связи с его переименованием «милиция – полиция». Автор констатирует рост престижа службы в органах внутренних дел, улучшение общественного восприятия термина «полиция», а также увеличение степени поддержки гражданами деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: милиция, полиция, общественное доверие, правосознание, правовая культура.

Введение

Первое десятилетие XXI века характеризуется наступлением определенной стабильности социально-экономического положения в Российской Федерации. После кризиса 90-х гг. XX века, сопровождавшегося массовым обнищанием, озлобленностью населения, проявлением резкого контраста между олигархами, нуворишами и остальной частью общества, в стране произошло улучшение экономической ситуации. В период стагнации закономерно происходит ухудшение отношений между различными социальными слоями населения. Обостряются противоречия по принципу «сытый голодного не разумеет», увеличивается количество депрессивных дотационных регионов, которые в большей части зависят от финансирования, поступающего из федерального центра. Настроение населения «убыточных» областей характеризуется недовольством, озлобленностью, агрессией и безразличием. Недовольство экономическим кризисом сопровождается критикой власти и политической элиты, нежеланием участвовать в общественной жизни, проявлением неповиновения и сопротивления представителям правоохранительных органов. Сокращается естественный прирост населения, увеличивается количество граждан, желающих эмигрировать, возрастает число суицидов. Ухудшение условий жизни в обществе отражается на деятельности правоохранительных органов, сотрудники которых обязаны обеспечивать защиту государственных институтов и граждан от преступности.

В период экономического спада в государстве и обществе увеличивается количество правонарушений, возникают преступные группы и сообщества, которые отличаются организованностью, дерзостью, жестокостью по отношению к сотрудникам полиции. На фоне недовольства населения уровнем жизни возрастает негативное отношение общества к сотрудникам полиции и их служебной деятельности. Сами органы внутренних дел также оказываются под влиянием кризисных факторов, так как зависят от выделяемого федерального финансирования. Резко снижается уровень материально-технического обеспечения ОВД, происходит несвоевременная выдача денежного довольствия и форменного обмундирования сотрудникам. Перечисленные выше факторы приводят к конфликтным ситуациям в семьях сотрудников, массовым увольнениям из ОВД. Жертвами «палочной» системы выявления и раскрытия преступлений становятся сотрудники со знаниями и опытом, которые не хотят заниматься раскрытием преступлений для галочки, в угоду статистической отчетности.

На фоне экономического кризиса закономерно ухудшается оперативная обстановка, опытные сотрудники, которые могут быть наставниками молодежи, увольняются, едва дослужив до пенсии. На службу принимаются кандидаты, прошедшие медкомиссию и готовые работать за зарплату, по психологическим и моральным принципам не соответствующие статусу право-

охранителя. По отношению к гражданам проявлялись черствость, высокомерие, лицемерие и обман, сотрудниками МВД допускались факты злоупотребления служебным положением. Достоянием общественности стали уголовные дела в отношении сотрудников МВД, уволенных со службы за взяточничество и коррупцию. Примером, подтверждающим допущенные злоупотребления, могут послужить материалы уголовного дела, возбужденного в отношении командира отдельного батальона ДПС г. Волгограда, который организовал преступную группу и занимался поборами с подчиненных инспекторов ДПС. В период с марта 2010 г. по январь 2011 г. в качестве взятки ему было передано 2.7 млн рублей (300 тыс. рублей в месяц). В рамках уголовного дела было опрошено около 80 сотрудников милиции, которые собирали и передавали деньги. В соответствии с приговором суда «продвинутый и креативный» бывший милиционер получил 3 года 10 месяцев лишения свободы, 30 его бывших подчиненных уволены из ОВД в ходе следствия. В 2008 г. в Московском регионе направлено в суд уголовное дело в отношении пяти оперуполномоченных уголовного розыска по обвинению в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, организации устойчивого преступного сообщества, ограничении свободы и убийстве человека, рэкете, вымогательстве взятки, «крышевании» и покровительстве наркодилеров, незаконном хранении оружия и наркотиков, превышении должностных полномочий, фабриковании доказательств по уголовному делу. С 2005 г. по 2007 г. на территории городов Подольска и Троицка Московского региона бандой было совершен ряд организованных резонансных преступлений. Сотрудники уголовного розыска пользовались предоставленными законом полномочиями, арестовывали и впоследствии оказывали покровительство наркодилерам, за деньги и предоставленную информацию разваливали возбужденные уголовные дела, фальсифицировали факты и доказательства следственных действий и исключали материалы, подтверждающие вину заинтересованных лиц и их родственников. В 2005 г. бандиты задержали гражданина Республики Таджикистан и потребовали от родственников взятку за фальсификацию материалов уголовного дела по обвинению в торговле наркотиками. В течение нескольких дней милиционеры прятали и избивали гражданина в загородном доме. Впоследствии от травм и побоев наркодилер умер в медицинском стационаре [1].

Методология

Основными методами исследования являются: диалектический, сравнительный и статистический анализ. Эмпирическую базу составили данные статистических опросов (ФОМ, ВЦИОМ), произведения художественной литературы XIX – XX веков, а также современные научные изыскания в области исследования.

Результаты и их обсуждение

В середине первого десятилетия XXI века, несмотря на достигнутую экономическую стабильность после преодоленного кризиса, сложилось устойчивое отрицательное общественное отношение к сотрудникам милиции. В 2005 г. Фондом «Общественное мнение» был проведен опрос граждан. На вопрос: «Доверяете ли вы милиции?» – в целом были получены следующие данные. Престиж милиции в российском обществе оказался невысоким. В результате 61% респондентов уверенно констатировали, что в обществе в настоящее время превалирует негативное мнение по отношению к сотрудникам правопорядка, при этом противоположный результат – о положительном мнении – зафиксирован гораздо меньше (19%). При этом опрашиваемые граждане на вопрос, доверяют ли они сами милиции, показали весьма разнообразный и неоднозначный спектр мнений: доверяют – 39%, не доверяют – 46% (прочие 15% не определились во мнении) [2].

Таким образом, несмотря на некоторое улучшение экономической ситуации в стране, уровень доверия к правоохранительным органам оставался достаточно низким. Возникла объективная необходимость реформирования структуры правоохранительной системы. Непосредственным поводом реорганизации в МВД явилось событие, произошедшее в столице России в ночь с 26 на 27 апреля 2009 г., когда действующий сотрудник, майор милиции Д. Евсюков, находясь в торговом центре в состоянии опьянения в форменном обмундировании, начал стрелять в посетителей магазина. В результате 2 человека погибли и 7 получили ранения. Указанный случай вызвал серьезный общественный резонанс и обсуждение в СМИ. Видеосюжет со стрельбой в торговом центре был показан по всем федеральным телевизионным каналам. В результате Президентом России Д. Медведевым был подписан указ об освобождении от занимаемой должности начальника ГУВД по г. Москве генерал-полковника милиции В. Пронина. В адрес руководителя исполнительного органа власти Р. Нургалиева 19.02.2010 г. Мосгорсудом было вынесено частное определение об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений сотрудниками милиции.

Факты злоупотребления должностными полномочиями сотрудниками милиции закономерно вызвали осуждение и негативный ассоциативный ряд в обществе, которые подтверждались не только статистическими исследованиями. Президентом России был подписан Указ от 24.12.2009 г. «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». В преамбуле указа было сказано о важнейшей функции органов внутренних дел по защите жизни и здоровья граждан, в то же время обращено внимание на нарушения законности и служебной дисциплины сотрудниками милиции, которые умаляют авторитет власти и вызывают реакцию порицания и негодования в обществе. В связи с изложенным выше Президент России дал поручение Правительству РФ и министру внутренних дел провести структурную реорганизацию МВД, все службы и подразделения перевести на финансирование из федерального бюджета, провести переаттестацию сотрудников, избавившись от не соответствующих предъявляемым требованиям и «офисного планктона». Перевод всех подразделений МВД на федеральное финансирование лишил возможности региональных руководителей муниципальных образований влиять на деятельность местных правоохранительных органов (исчезла так называемая «карманная милиция»). Министерству внутренних дел было поручено разработать новые критерии и порядок отбора кандидатов на службу с учетом психологических и морально-этических требований [3]. Было принято решение о смене названия скомпрометированной перед населением службы «милиция» на изначально применявшееся «полиция» (по аналогии со сменой аббревиатуры ГАИ на ГИБДД).

В связи с предпринятой реорганизацией МВД для понимания ассоциации названия службы и рефлекторного отношения граждан к образу и деловым качествам ее сотрудников необходимо рассмотреть вопрос этимологии и значения слов «милиция» и «полиция». Термин «милиция» имеет латинское происхождение и обозначает отряды солдат и местного ополчения, которые созывались на время войны. В России название «рабоче-крестьянская милиция» закрепилось Постановлением НКВД от 10.11.1917 г. «О рабочей милиции». Образец названия «милиция» органа службы по охране общественного порядка был взят за основу в связи с деятельностью Парижской коммуны в 1871 г., когда была временно упразднена префектура полиции, а ее обязанности возложены на отряды городского ополчения. Термин «полиция» имеет греческое происхождение и первоначально образован от слова «полис», город-государство. В России полиция была учреждена Петром I как институт, охраняющий государство и граждан [4].

В большом энциклопедическом словаре 1982 г. термин «полиция» тенденциозно определяется как система особых органов надзора и принуждения, а также карательные войска внутреннего назначения, охраняющие существующий общественный строй путем прямого уничтожения несогласных с мнением правящей элиты [5].

В словаре русского языка С.И. Ожегова термину «полиция» дается нейтральное определение – административный орган охраны государственной безопасности [6].

Целью реорганизации МВД было вернуть доверие населения к государственному органу, призванному обеспечивать общественный порядок, сотрудники которого вызвали недоверие в глазах общества многочисленными фактами нарушений закона. Вернувшись к названию «полиция», необходимо проанализировать, насколько лояльным было отношение общества к полицейским с момента создания структуры в 1718 г. до ее упразднения в 1917 г. В должностной инструкции царского полицейского было прописано: «Полицейский – есть член великой армии порядка» [7]. Однако образ полицейского не всегда соответствовал декларируемым целям. Можно привести пословицу: «В лесу сучки, а в городе полицейские крючки». Под «крючками» подразумевались крючки, на которые застегивались двубортные мундиры полицейских околоточных (квартальных) надзирателей. В произведениях классиков русской литературы XIX–XX веков прослеживается отрицательное отношение к полицейским. Многие правоохранители имеют «говорящие» фамилии, которые высмеиваются автором либо стали нарицательными в отрицательном смысле. Н.В. Гоголь в комедии «Ревизор» 1836 г. наделяет собирательные образы полицейских характерными чертами и типичными «качествами правоохранителей». Частный пристав Уховертов живет по принципу: вертись перед начальством и держи ухо востро, при удобном случае он сам готов вывернуть ухо любому неугодному. Квартальные надзиратели: Свистунов – предпочитает общаться с гражданами посредством полицейского свистка; Пуговицын – высокий ростом с ничтожной фамилией; Держиморда – бессердечный, грубый и тупой, «для порядка всем ставит фонари под глазами, и правому, и виноватому»; Прохоров – пьяница, «вчерашнего дня случилась за городом драка, – поехал туда для порядка, а возвратился пьян». Уховертов называет квартальных медведями косолапыми и учит брать по чину. Из разговора унтер-офицерской вдовы и слесарши Пошлепкиной мы узнаем,

насколько активно и рьяно несут службу полицейские: «Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла». Полицейские привыкли вершить правосудие кулаком и розгами. В поэме «Мертвые души» 1841 г. Н.В. Гоголь характеризует полицмейстера словами помещика Собакевича: «Мошенник! – продаст, обманет, еще и пообедает с вами». В стихотворении «Прощай, немытая Россия» 1841 г. М.Ю. Лермонтов дает нелестную оценку голубым полицейским мундирам. В поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» 1860–1877 гг. словами помещика-самодура Оболт-Оболдуева: «Закон – мое желание! Кулак – моя полиция!» – выражается презрение и неуважение к полиции как органу власти. В 1884 г. А.П. Чехов выпустил печатный сборник. В рассказе «Хамелеон» полицейские надзиратель и городовой охарактеризованы недвусмысленными фамилиями: Очумелов и Елдырин. Очумелов изображен в роли хамелеона, который готов лицемерить и приспосабливаться к любым обстоятельствам. Елдырин – бездумный исполнитель приказов начальства, при этом оба ведут себя как хозяева города, блюстители полицейского порядка. В рассказе «Маска» старый полицейский служака Евстрат Спиридоныч угодливо терпит насмешки и оскорбления от пьяного потомственного почетного гражданина фабриканта-миллионера Пятигорова. Таким образом, очевидно, что в произведениях авторов в определенной пропорции правды и художественного вымысла блюстители порядка не безупречно относятся к исполнению возложенных обязанностей по защите прав и свобод граждан.

Несмотря на художественные примеры литературных образов, государственная служба по охране общественного порядка МВД нуждалась в смене названия и принципиальной реорганизации. Принятые меры и новые принципы деятельности полиции, регламентированные 2-й главой ФЗ «О полиции», безусловно, отразились на уровне доверия населения полиции на современном этапе. Впервые деятельность полицейских провозглашена открытой и публичной, ОВД законодательно стремятся к общественному доверию и поддержке граждан. В соответствии с ч. 6 статьи 9 ФЗ «О полиции», общественное мнение является одним из официальных критериев оценки деятельности правоохранителей. 9 ноября 2017 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представлены данные исследования, приуроченного к Дню сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации. Поддержку полицейским правоохранителям в своем городе или населенном пункте в 2017 г. оказали две трети респондентов (67% – очень хороший индикатор); в 2015–2016 гг. подобный индикатор выявил 46–47%. Показатель негативного отношения «упал» до 27%. Маркер оценок деятельности полицейских в 2017 г. показал максимум в течение всей истории наблюдений (58 п. из 100 возможных – против 46 п. в 2015–2016 гг.). Процент респондентов, позитивно отметивших службу полицейских в своей области, крае, республике, достиг 46% (примерно в два раза выше показателя 2016 г. – 24%), при этом количество опрошенных, ответивших негативно, в три раза снизилось – до 7% (с 21% по индикатору). Очевидно, что доля позитивных мнений превалирует над долей средних (43%). Необходимо констатировать, что полицейскому соответствует опрятный внешний вид (77% граждан считают, что это применимо к правоохранителю гораздо больше, чем неряшливый внешний вид), он вежливый и обходительный (66%), дружелюбный и не злой (66%), порядочный и бескорыстный (65%), храбрый и смелый (65%), компетентный профессионал (64%), готовый прийти на помощь (64%). По сравнению с 2012 г. оценки серьезно улучшились [8]. Об улучшении доверия населения к правоохранительным органам в результате проведенной реформы свидетельствуют и другие исследования в рассматриваемой области [9–12].

Заключение

В связи с изложенным выше можно утверждать, что реорганизация министерства внутренних дел, безусловно, принесла положительные результаты. Смена названия «милиция» – «полиция» оказалась не формальной заменой аббревиатур, бланков и печатей. Произошла перемена в понимании населением назначения МВД как государственного органа, призванного обеспечивать и защищать права и свободы социума. Резко возрос уровень доверия граждан к полиции, в общественном сознании сложился положительный образ сотрудника правоохранительных органов.

Список литературы

1. Преступления, совершенные сотрудниками милиции РФ. Справка / РИА Новости, 2009. 30 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/incidents/20090430/169680469.html (дата обращения: 05.10.2018).

2. Фонд «Общественное мнение» / ФОМ [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/ (дата обращения: 01.04.2018).

3. Указ Президента РФ от 24.12.2009 № 1468 (ред. от 01.03.2011) «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. 28 декабря. № 52 (1 ч.). Ст. 6536.

4. Как создавалась полиция России // Военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: https://topwar.ru/116942-rossiyskuyu-policiyu-sozdaval-adyutant-petra.html (дата обращения: 01.04.2018).

5. Полиция это… – Что такое полиция? [Электронный ресурс]. URL: https://bse.slovaronline.com/31053-POLITSIYA (дата обращения: 01.04.2018).

6. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. URL: http://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 01.04.2018).

7. Из инструкции полицейского царской России… // Возрождение России [Электронный ресурс]. URL: http://russia-reborn.ru/news/profile/30148.html (дата обращения: 01.04.2018).

8. Пресс-выпуск [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8766 (дата обращения: 02.04.2018).

9. Глухова А.А., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Отношение к полиции представителей разных социально-демографических групп населения (по материалам Нижегородского региона) // Регионология. 2018. Т. 26. № 2 (103). С. 384–407.

10. Глухова А.А., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Оценка гражданами уровня доверия полиции и защищенности от преступных посягательств // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 3 (43). С. 56–80.

11. Глухова А.А., Треушников И.А., Шпилев Д.А. Образ полицейского глазами нижегородцев // Философия права. 2018. № 1 (84). С. 112–118.

12. Бондаренко Т.А. Стереотип восприятия правоохранительных органов в Дальневосточном регионе // СоцИс. 2006. №1. С. 99–103.

«METAMORPHOSES» OF PERCEPTION: FROM MILITIA TO POLICE

A.Yu. Koblenkov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The aim of this article is to analyze the perception by the civil society of the categories «militia» and «police». The main research methods are: dialectic, comparative and statistical analysis. The empirical base includes the data of statistical surveys, works of fiction of the 19th – 20th centuries, as well as modern scientific research in the field. The scientific novelty of the article is manifested in the results that show the changes in the assessment and the level of citizens' confidence in the law-enforcement agency in connection with its renaming from «militia» to «police». The author also notes an increase in the prestige of service in the internal affairs bodies, an improvement in the public perception of the term «police», as well as an increase in the level of citizens' support for the activities of law enforcement officers.

Keywords: militia, police, public trust, legal awareness, legal culture.

УДК 316.4

ПРОБЛЕМА КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ

© 2019 г.

А.И. Гребенюк

Гребенюк Анастасия Игоревна, аспирант кафедры социологии и управления
Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова
scherbacovaa@gmail.com

Статья поступила в редакцию 16.07.2018
Статья принята к публикации 15.04.2019

Дается теоретическое обоснование заявленной проблемы, обусловливается необходимость выявления с позиции социологии основных проблем качества образования и угроз ему. Характеризуются основные современные проблемы в системе высшего образования в комплексе со школьным, заключающиеся в большей степени в качестве подготовки школьников к обучению в вузах. Рассматриваются основные компоненты и основания экономики знаний. Приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного автором, нацеленного на определение уровня качества современного российского образования в оценке преподавателей вуза. Анализируются результаты вторичного социологического исследования, проведенного ВЦИОМ в соответствии с заявленной темой исследования. Определены ресурсы поддержки интереса молодого поколения к получению высшего образования и повышению его уровня. Профессиональная компетентность специалистов рассматривается как конечная цель и комплекс профессиональных составляющих, на наличие которых молодое поколение должно ориентироваться как на успешный результат обучения. В результате эмпирического исследования частично выявлены угрозы повышению качества высшего образования РФ и развитию инновационной экономики, повышению уровня конкурентоспособности страны.

Ключевые слова: экономика знаний, качество высшего образования, конкурентоспособность страны, национальные интересы, «утечка умов».

Введение

В современном обществе существует много проблем, отражающихся на функционировании и развитии техники, науки и инноваций, что, в свою очередь, определяет уровень конкурентоспособности страны. Так как образование по праву считается основным условием развития общества, вопрос о его качестве рассматривается на национальном уровне, а повышение его качества представляет собой сложную систему, до конца не сформированную. Переход к экономике знаний способствует оптимальному использованию имеющегося человеческого потенциала и потенциала вузов.

В связи с тем, что тенденции высшего образования находятся в перманентной трансформации и зависят от экономической политики, актуализируется проблема качества высшего образования в РФ. Концепция экономики знаний не является новой для мировой общественности, однако каждое государство интерпретирует и вносит собственные изменения в соответствии с национальными интересами, особенностями, менталитетом. Россия так же, как и другие государства, использует основные положения теории экономики знаний, усовершенствованные и уточненные в сравнении с первичным использованием Фрицем Махлупом в 1962 г. Однако при значительной проделанной работе по повышению уровня образования, как составляющей экономики знаний, возникает ряд принципиально важных задач и проблем.

Несмотря на изученность и всестороннее развитие экономики знаний, в частности в Российской Федерации, в ходе развития цивилизации возникают новые препятствия и проблемы, затрагивающие общественные, национальные, государственные и международные интересы.

Методы

В статье представлены результаты проведенных автором исследований, направленных на выявление оценки качества образования преподавателями вузов. Также используются результаты вторичного анализа данных социологических исследований, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения. Для рассмотрения и анализа имеющихся проблем в высшем образовании как составляющей экономики знаний используются аналитический и эмпирический методы исследования.

Результаты исследования

Современность знаменательна развитием технологий и естественных наук в геометрической прогрессии. России, несмотря на проделанные шаги в развитии экономики знаний, еще далеко до «передовиков», с учетом имеющегося потенциала вузов и человеческого капитала как основы научных инновационных разработок.

На протяжении последнего десятилетия ученые много внимания уделяли переходу к новой, инновационной экономике, или экономике знаний. Буквально до 2013 года эта проблема была причиной многочисленных научных публикаций и исследований. Однако результаты исследований не были оценены достаточно высоко, чтобы стать основой эффективных экономических решений и рационального использования имеющихся в России человеческих ресурсов и потенциала.

Стоит отметить основные компоненты экономики знаний:

1) образование;

2) науку;

3) человеческий капитал (в том числе качество жизни и специалистов высшей квалификации);

4) инновационную систему, в том числе законодательную базу и материальные составляющие инфраструктуры инновационной системы;

5) инновационную промышленность, реализующую новшества;

6) благоприятную среду функционирования человеческого капитала [1].

Выделяются 4 основания экономики знаний: 1) экономический и институциональный режим; 2) образование и опыт; 3) информационная и коммуникационная инфраструктура; 4) система инноваций [2, с. 2590]. Каждый компонент взаимодействует и влияет на качество образования в целом. Основные условия развития экономики знаний неоднократно были исследованы зарубежными учеными, что помогло определить: трудовые действия [3]; приоритетные образовательные задачи и направления подготовки, отношение как поддержку конкурентоспособности организации [4]; модель самоорганизации интернет-сетей, как составляющей повышения экономики знаний [5, с. 153].

Институциональная среда экономики знаний включает в себя определенное количество участников, партнеров, имеющих непосредственное влияние на продуцирование новых знаний и дальнейшее их практическое применение с максимальной выгодой для национальной экономики. Так, для успешного функционирования инновационной экономики и создания эффективной институциональной среды определяется институциональная модель, включающая в себя институты развития, освоения знаний, производства знаний, распространения знаний, а также правовые и финансовые институты [6, с. 9].

Экономика знаний – это не просто разновидность и уровень развития экономики страны, а сложная система управления знаниями и инновациями, которая напрямую зависит от большинства аспектов управления страной (политика, экономика, общество, образование и т.д.). Не стоит забывать, что развитие этой системы зависит от бюджетной политики России. Так, путь перехода к экономике знаний для РФ был непростым, необходимо было решить ряд принципиально важных вопросов, которые были отражены в основных параметрах бюджетной системы и направлениях бюджетной политики РФ на 2015–2017 гг., это, к примеру, оптимизация расходов бюджетной системы РФ, повышение качества государственных программ, так, дефицит федерального бюджета 2013–2017 гг.: 0.323 трлн руб. – 0.554 трлн руб., объем ВВП РФ 2013–2017 гг.: 66.5 трлн руб. – 89.8 трлн руб. и т.д. [7, с. 81–82]. Эти задачи стояли перед Россией на период 2015–2017 гг. И что получилось? Возьмем, к примеру, рост ВВП на душу населения. Чтобы не углубляться в экономическую специфику исследования и терминологию, отметим только, что в подготовленной минэкономики картине деловой активности говорится о значительном росте ВВП на апрель 2018 г. Ответом на оптимистические прогнозы и положительные официальные финансовые данные практически сразу опубликованы различные варианты анализа представленных рейтингов в соответствии со спецификой подсчета процентов (например, на сегодня Россия считает ВВП в рублях, что значительно дешевле, чем в долларах США) в статьях экономистов, ученых различных направлений. Наличие этих публикаций если не является основанием для полного недоверия официальным данным, то по крайней мере заставляет задуматься. На то, что экономика не пребывает, как представлено общественности, в хорошем состоянии, указывают ряд проведенных в 2018 г. нововведений, затрагивающих, помимо системы налогообложения, еще финансовую поддержку науки и образования со стороны государства с учетом ВВП на душу населения.

Переход на инновационную экономику, основанную на знаниях, происходит под непосредственным влиянием глобализации. Несмотря на то, что этот процесс вызывает неоднозначную реакцию научного общества, нельзя отрицать тот факт, что на различные тенденции,

системы и т.д. повлиял именно он. Ввиду произошедших радикальных перемен перед социумом стоит сложная задача: контроль результатов и своевременная корректировка. Человеческие ресурсы являются как решением вытекающих проблем, так и потенциальными угрозами. Учитывая эти факты, отметим, что важным «рычагом» управления и развития общества является образование и образовательная политика.

С учетом интеллектуального потенциала российского молодого поколения и потенциала экономического и промышленного в сфере развития экономики знаний и в системе обеспечения качества высшего образования продолжают присутствовать недочеты и наблюдается недостаточно высокий уровень развития. Для выявления причин данной проблемы необходимы фундаментальные исследования. Тем не менее выявим основные проблемные точки соприкосновения качества образования и инновационной экономики или экономики знаний.

К примеру, в Ирландии среди существующих проблем в развитии экономики знаний определяют низкий уровень взаимодействия студентов, науки и технологий [8, с. 34]. Китай реализует собственную экономику, основанную на инновациях, что позволяет не только поддерживать собственное производство, но и инвестировать в иностранные предприятия. Образование является ядром в стратегии развития экономики знаний Китая [9]. В России признается приоритетность развития данных областей, однако действия правительства для их поддержки и развития совершенно несопоставимы с имеющимися ресурсами.

Ввиду ряда событий последних пяти лет экономические и торговые взаимоотношения России с определенными мировыми государствами значительно ухудшились. Естественно, это повлекло за собой действия правительства, направленные на развитие экономики, начиная с модернизации системы образования для молодого поколения с начала 2000-х гг.: укрепление и развитие отечественной промышленности (тенденция импортозамещения); науки (упор на организацию и проведение всероссийских олимпиад, конференций по приоритетным направлениям; научных конкурсов, фестивалей, грантов для молодых ученых и школьников и т.д.); образования (высшего и среднего: открытие «кванториумов», инновационных площадок и школ) – и заканчивая повышением пенсионного возраста и налогообложения, условиями предоставления льгот для пенсионеров. Таким образом, к тенденции «*образование* на протяжении всей жизни» прибавляется тенденция «*работа* на протяжении всей жизни». Об истинных целях и мотивах подобных изменений можно только догадываться, тем не менее ясно, что бесконечные изменения, отмены и нововведения могут отразиться негативно на старшем и младшем поколениях.

Ввиду перечисленных изменений, возникает вероятность, что условием выбора будущей специальности абитуриента будут не столько собственные интересы (самореализация, удовлетворенность родом занятости, направлением и т.д.) или даже государственные (согласно государственному заказу профессий, финансовой поддержке и предоставлению рабочих мест), а интересы коммерческие – то, что принесет б*о*льшую прибыль.

С учетом вышесказанного отметим, что в первую очередь страдает отношение общества, в частности молодежи, к правительству, что может стать причиной низкого уровня патриотизма среди населения. Кроме того, еще один «рычаг» регулирования стабильности – финансовая обеспеченность, что для молодого поколения имеет большое значение. Поддержание этих показателей на низком уровне может стать серьезным основанием для увеличения внешней миграции населения в страны с более развитой экономикой и социальной политикой, т.е. новая волна «утечки умов» за рубеж.

Стоит справедливо заметить, что сегодня высшему образованию уделяется очень много внимания со стороны как правительства, так и общества. Для повышения его качества разработано и внедрено множество инновационных экономических, педагогических, методологических и управленческих разработок и концепций. Однако с позиции методологии и педагогики этим модернизация не ограничивается. Сейчас изменения в систему управления образовательными учреждениями и в сам учебный процесс могут вноситься по несколько раз за учебный год, и, соответственно, все это влияет на качество образования.

Приведем в пример результаты социологического исследования (2016 г. и 2018 г.), проведенного ВЦИОМ после нескольких лет действия единого государственного экзамена (ЕГЭ). В 2018 г. 80% опрошенных «знают о ЕГЭ», что значительно больше в сравнении с 2016 г. – 75%. Основные цели, которыми руководствовалось правительство РФ при введении ЕГЭ, были вынесены разработчиками исследования для оценки респондентами. Так, выяснилось, что, по мнению опрошенных, качество подготовки и знаний учащихся ухудшилось в целом – школьников «натаскивают» только на прохождение тестов (2016 – 70%; 2018 – 77%).

Кроме того, достаточно малая часть считает, что российское образование приблизилось к общепринятым международным стандартам (2016 г. – 41%), а за два года и это количество уменьшилось (2018 – 37%) [10]. Проблема данного вида аттестации школьников неоднократно поднималась в трудах современных российских ученых, таких как М.Ю. Демидова, И.В. Воеводина, Т.В. Немчикова и др. ЕГЭ также является составляющей принципа альтернативности в управлении образовательными инновациями в вузе, означающей, что в экономике знаний и инновационном развитии высшего образования непосредственное участие принимают школы [11, с. 198; 12].

Несмотря на то, что среднее и высшее образование взаимосвязаны и являются частями единой образовательной системы, определяющие уровня их качества разнятся. Отметим, что качество высшего образования измеряется в первую очередь уровнем компетенций выпускников и их способностью к дальнейшему профессиональному и личностному росту [13].

Качество образования имеет тесную взаимосвязь с качеством жизни населения [14, 15], социальными взаимоотношениями, развитием науки, техники, технологий, экономики, культуры, обеспечением национальной безопасности и многим другим. Не стоит игнорировать также тот факт, что благодаря образовательным учреждениям поддерживается и передается национальная культура.

В понятие «качество образования», согласно закону об образовании РФ, вкладывается комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы [16]. Однако, несмотря на официально утвержденное определение, в науке не прекращаются дискуссии относительно критериев и составляющих качества образования в соответствии со всеми потребностями в первую очередь общества и государства.

Образование уже давно представляет собой процесс не просто обучения молодежи определенной профессии для работы по существующей и устаревшей схеме, а развития у молодого поколения способностей и желания самостоятельно мыслить и вести, в соответствии с тенденцией, инновационную деятельность. Таким образом Россия постепенно формирует и активирует новое мышление молодых профессиональных кадров.

Выделяют факторы, от которых зависит качество высшего образования:

– качество персонала, которое определяется степенью академической квалификации преподавателей и научных сотрудников вузов;

– качество образовательных программ в сочетании с качеством процесса преподавания и научных исследований;

– качество подготовки студентов в условиях диверсификации образовательных программ, повышения роли механизмов учебно-профессиональной ориентации и мотивации молодежи;

– качество инфраструктуры и учебной среды высших учебных заведений, охватывающей всю совокупность условий их функционирования [17].

Для формирования международных рейтингов стран мира по уровню образования используется система индексов, куда входит индекс уровня образования в странах мира (Education Index): он оценивает достижения страны по двум показателям – индекс грамотности взрослого населения (2/3 веса), индекс совокупной доли учащихся, обучающихся на начальном, среднем и высшем уровнях образования (1/3 веса). Так как уровень качества высшего образования общепризнан как показатель конкурентоспособности страны на мировом рынке, правительство должно реагировать на международные показатели.

К пониманию качества образования в каждом государстве подходят по-разному в соответствии с национальными интересами и потребностями. К примеру, в США к действующей системе образования и ее содержанию был проделан долгий путь: проведено множество исследований и разработок, на основе которых были учтены все аспекты образовательной деятельности и выявлены основные цели, которые актуальны и сегодня [18].

Одной из проблем современной науки является то, что заказчиком проведения научных исследований в большинстве случаев является государство, а не общество. При подобных обстоятельствах проблемы для исследований могут быть продиктованы интересами правительства, а результаты иметь некоторую искаженность, чтобы избежать в случае широкой огласки недовольства граждан. В этом случае наука подчиняется инвесторам, которые формируют направления исследований, и не имеет необходимой свободы.

Ввиду описанных выше проблем и тенденций в сфере экономики и высшего образования актуализируется необходимость в изучении общественного мнения о качестве действующей системы образования РФ и уровня знаний учащихся и выпускников школ и вузов.

Рис. 1. Состояние современной системы образования России (по данным ВЦИОМ)

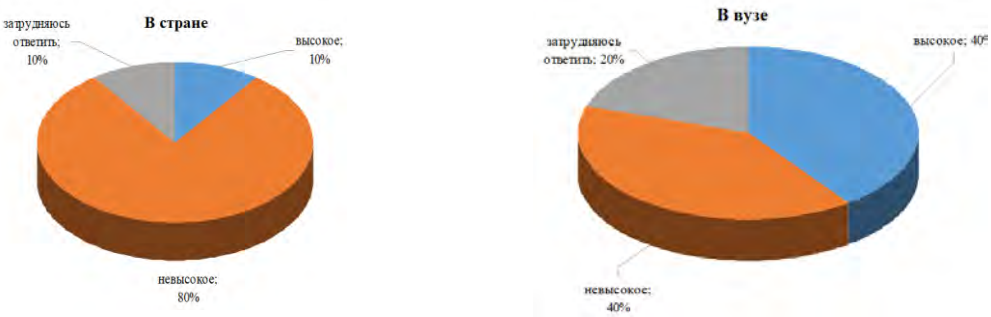

Рис. 2. Качество профессионального образования на примере вуза и в целом по стране в оценке преподавателей

Всероссийским центром изучения общественного мнения был проведен социологический опрос «Система образования в России: 1991–2016 гг.» (*n*=1600 респондентов) [19]. Результаты показали, что 53% опрошенных видят современное высшее образование менее доступным, тем не менее 81% респондентов хотели бы, чтобы их дети получили высшее образование, что значительно повысилось в сравнении с результатами 1991 г. – 53%. Увеличилось количество людей, которые считают, что материальное благополучие зависит от уровня образования человека (1991 – 31%; 2016 – 40%) и не зависит (1991 – 47%; 2016 – 53%). Кроме всего прочего респонденты оценили качество образования (см. рис. 1).

В марте 2018 года в г. Белгороде нами был проведен социологический опрос преподавателей вузов. Респондентам было предложено оценить качество профессионального образования на примере собственного вуза и в целом по стране (см. рис. 2).

Общий объем опрошенных – 515 человек. Социологическое исследование проводилось в два этапа и имело две отличные друг от друга тематики: 2016 год – «Профессиональная компетентность как фактор обеспечения национальной безопасности»; 2017–2018 гг. – «Взаимосвязь качества высшего профессионального образования с обеспечением национальной безопасности России».

На основе полученных данных можно сделать вывод, что невысоко оценивают качество профессионального образования в целом по стране большая часть опрошенных (80%), высокую оценку дали 10% респондентов, и столько же (10%) не смогли ответить на поставленный вопрос. Что касается оценки качества профессионального образования, которая отражает и деятельность университета, 40% определили его как высокое, такое же количество (40%) считают, что уровень образования невысокий, и 20% воздержались от оценки образовательной деятельности университета, в котором работают.

Так, полученные нами результаты позволили определить мнение вузовских преподавателей относительно качества современного высшего образования на примере части белгородских вузов. Кроме того, эти данные легли в основу дальнейших исследований и разработок, нацеленных на определение качества высшего образования и формирование концепций управленческих моделей вузами как залога его повышения.

Проблема низкой оценки качества образования в РФ уже неоднократно поднималась в научных публикациях, однако это не делает ее неактуальной, скорее наоборот, она только обретает новую значимость ввиду произошедшего прогресса и изменений в науке и промышленности.

Сегодня экономика находится в плотной взаимосвязи с наукой и образованием, в частности высшим. Вузы постепенно переводятся на самостоятельный заработок за счет продаж образовательных услуг и научных разработок. Экономические трудности возникают у университетов при выполнении научно-исследовательской работы. Так, вместо того чтобы к ученым обращались предприятия и другие представители бизнеса за научными разработками и после успешной реализации выплачивали часть от прибыли научным работникам, университеты самостоятельно вынуждены искать инвесторов, стремиться получить грант или любую другую материальную помощь для проведения научных исследований. Таким образом рыночная экономика становится основным рычагом деятельности образовательных организаций и научных коллективов. Ввиду этого в высшем образовании устанавливается концепция рыночного предпринимательства, которое «…ориентировано на получение прибыли, поэтому оно обходит некоммерческие сферы и отрасли национальной экономики, не приносящие прибыли. К ним относятся прежде всего фундаментальные науки. … Рыночная экономика не способна должным образом развивать социальную сферу, поскольку реагирует на нужды той части населения, которая по каким-то причинам оказывается неспособной оплачивать товары и услуги» [20, с. 143].

Вывод

Экономика знаний включает в себя шесть основных компонентов, с опорой на которые проводятся реформы и вводятся различного рода новации в разные сферы деятельности, в частности в образовательную систему. Говоря об образовании в РФ, отмечают четыре основных компонента, влияющих на уровень его качества.

Ввиду экономических нововведений последних лет актуализируются риски «утечки умов» из РФ. В соответствии с официальными данными, основная часть российских эмигрантов имеют высшее образование и являются высококвалифицированными специалистами, потеря которых ежегодно приносит серьезные убытки экономике России. Нет необходимости проговаривать весь ущерб техническому, инновационному, экономическому и т.д. развитию от увеличения количества профессионалов, покинувших РФ. Кроме того, учитывая экономическую составляющую, участие которой только растет в высшем образовании, целесообразным является её грамотное использование и на местном уровне, что окажет такое же влияние на целостное повышение качества образования, как и учебно-методическое и другое сопровождение учебного процесса.

Российское образование находится в зависимости от образовательных, экономических, геополитических интересов. Вузы постепенно переводятся на самостоятельное финансовое обеспечение, что определяет тенденцию коммерциализации образования, которая уже заработала определенную дозу критики со стороны представителей педагогических, социологических и педагогических наук. Однако, при умелом использовании, учете возможных проблем и особенностей каждого направления исследований и ведении образовательной деятельности, эта тенденция может значительно помочь развитию экономики знаний.

Результаты проведенных исследований указывают на невысокую оценку качества современного российского образования преподавателями и общественностью. Эти данные заставляют задуматься о целесообразности некоторых нововведений и действующих направлений в образовании. Представленные данные проведенных исследований будут использованы нами в дальнейшей разработке концепции управления вузом как одного из факторов повышения качества высшего образования РФ.

Статья подготовлена в рамках программы развития опорного университета на базе БГТУ им. В.Г. Шухова.

Список литературы

1. Сысоева С.В. Высшее профессиональное образование в экономике знаний // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2013. Т. 2. № 71. С. 344–347.
2. Weber A.S. The role of education in knowledge economies in developing countries // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2011. **15**. P. 2589–2594.
3. Nunes A. Increased productivity efforts yield few rewards in the knowledge economy // Transportation Research Part A 94. 2016. P. 338–347.
4. Dumitrașcua V., Dumitrașcub R.A Competitive organizations knowledge based on economy // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. **116**. P. 3432–3436.
5. Lafond F. Self-organization of knowledge economies // Journal of Economic Dynamics & Control. 2015. **52**. P. 150–165.
6. Муртазин А.С. Институциональные основы формирования экономики знаний в России: Автореф. дис. … канд. эконом. наук. М., 2015. 23 с.
7. Дикунова М.С. Бюджетная политика России при переходе к экономике знаний // Российская экономика знаний: вклад региональных исследователей: Сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием (Кемерово, 5–6 октября 2017 г.). В 2 ч. 2017. С. 79–83.
8. Kerr A., Riain S.O´. Knowledge Economy // International Encyclopedia of Human Geography. 2009. P. 31–36.

9. Yanqing Jiang. 13: Knowledge economy and knowledge-based development: a tentative discussion // In: China: Trade, Foreing Direct Investment and Development Strategies Chandos Publishing, 2014. P. 205–210 (Chandos Asian Studies Series).

10. ЕГЭ 2018: общественная оценка. Результаты социологического опроса ВЦИОМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/education-skills/article/egeh-2018-obshchestvennaja-ocenka.html

11. Данакин Н.С., Шутенко А.И. Принципы управления образовательными инновациями в современном вузе // Трансформация идеи гражданского общества в контексте социальных изменений: Сборник статей по материалам Первой Международной конференции / Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, 2014. С. 197–203.

12. Данакин Н.С., Шутенко А.И., Оспищев П.И. Принципы управления образовательными инновациями в современном вузе // В мире научных открытий. 2014. № 11. С. 4244.

13. Щербакова А.И. Профессиональная компетентность в понимании работников образовательных учреждений и студентов // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2018. № 1 (43). С. 137–144.

14. Ерлыгина Е.Г., Штебнер С.В. Образование как фактор повышения качества жизни молодежи // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2017. Май № 2 (39). С. 62–66.

15. Kimie Fujita, Hee Sun Kang, Masaaki Mawatari et al. International Journal of Orthopaedic and Trauma Nursing [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S187812411830042X

16. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Принят Гос. Думой. Федер. Собр. Рос. Федерации 21 декабря 2012 г. Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г. Режим доступа: http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA %D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2974

17. Быкасова О.О. Качество образования и система менеджмента качества как основа конкурентоспособности современного высшего образования // Евразийское научное объединение. 2015. Т. 2. № 4 (4). С. 104–106.

18. Jonghun Kim. School accountability and standard-based education reform: The recall of social efficiency movement and scientific management // International Journal of Educational Development. 2018. Vol. 60, May. P. 80–87.

19. Система образования в России: 1991–2016 гг. Результаты социологического опроса ВЦИОМ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/social-problems/education-skills/article/sistema-obrazovanija-v-rossii-1991-2016.html

20. Экономика инновационного развития / Под ред. М.В. Кудиной и М.А. Сажиной. М.: ИД «Форум»: ИНФРА-М, 2014. 256 с.

THE PROBLEM OF QUALITY OF HIGHER EDUCATION AS A COMPONENT OF KNOWLEDGE ECONOMY

A.I. Grebenyuk

Shukhov Belgorod State Technological University, Belgorod

The article gives a theoretical justification of the problem of quality of higher education. The need to identify some core problems and sources of threat to education quality are substantiated from the point of view of sociology. To a significant extent, they are related to the quality of preparation of school students for higher education. The main components and foundations of the knowledge economy are considered. The author presents the results of her empirical study aimed at determining the level of quality of modern Russian education as assessed by teaching staff of higher educational institutions. The results of a secondary sociological study conducted by the Russian Public Opinion Research Center are analyzed. The resources for supporting the interest of the younger generation in higher education and raising the level of this interest are determined. Professional competence of specialists is considered as the ultimate goal and as a complex of professional components which should be considered by the young people as their successful learning outcome. As a result of the empirical research, we have identified some threats to improving the quality of higher education in the Russian Federation, to the development of an innovative economy, and to raising the level of the country's competitiveness.

Keywords: knowledge economy, quality of higher education, competitiveness of the country, national interests, «brain drain».

УДК 316.4.05

РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

© 2019 г.

А.М. Пихтелев

Пихтелев Алексей Михайлович, адъюнкт кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации
pikhtelev.a@bk.ru

Статья поступила в редакцию 14.03.2019
Статья принята к публикации 30.04.2019

Согласно Стратегии социального развития Вооруженных Сил Российской Федерации на период до 2020 года, в организациях военного типа осуществляется масштабная социально-экономическая реформа. В последние годы происходит рост качества жизни военнослужащих, осуществляющих служебно-трудовую деятельность по контракту, что связано с повышением доходов акторов, модернизацией социальной и экономической сфер военных организаций, улучшением качества оказания социальных услуг и внедрением целевых проектов развития человеческого потенциала военнослужащих. Конечная цель реализации стратегии – рост качества жизни военнослужащих и темпов развития их человеческого потенциала. Существующее рассогласование стратегии социального развития военнослужащих с реальными практиками реализации роста человеческого потенциала военных акторов требует комплексного анализа и научного обоснования.

Ключевые слова: военнослужащий, военная организация, человеческий потенциал, актор, доход, качество жизни.

Введение

В последние годы большой интерес ученых различных областей вызывает проблема человеческого потенциала как важного движущего фактора социально-экономического развития. В то же время в множестве научных работ по «человеческому потенциалу» сегодня не существует общепринятого понимания данной социологической категории. Соответствующее обстоятельство привело к тому, что в настоящее время у исследователей прослеживается несоответствие результатов и выводов по данной проблеме. Цель нашей работы заключается в уточнении сущности человеческого потенциала и форм, определяющих его. Также попытаемся определить влияние здоровья, характеризующего физический потенциал, на процесс формирования и использования человеческого потенциала в результате осуществления актором профессиональной деятельности.

Теоретико-методологические подходы

Проанализировав различные парадигмы, представляющие теоретические подходы по данной проблеме, мы выделили наиболее значимые для нас работы следующих ученых: Д.Ю. Быченко, Ю.Г. Быченко, А.Б. Докторовича, С.А. Васина, А.Г. Вишневского, Ж.А. Зайончковской, Т.И. Заславской, О.И. Шкаратана. Своими трудами они создали общетеоретическую базу изучения человеческого потенциала. Рассмотрим их позиции и взгляды.

В понимании Т.И. Заславской, «*человеческий потенциал* – это социальное качество развития потенциальных возможностей общества или его отдельной социальной группы» [1]. Следовательно, человеческий потенциал, с данной позиции, является составляющей социального потенциала с присущими ему относительно независимыми формами. Автор выделяет четыре основных компонента человеческого потенциала: социально-демографический; социально-экономический; социокультурный; инновационно-деятельностный. *Социально-демографический компонент человеческого потенциала* «определяется численностью населения, сбалансированностью ее структуры по полу и возрасту, физическим и психическим *здоровьем* людей…» [1, с. 10].

А.Б. Докторович считает, что «*человеческий потенциал* – это составляющая социального потенциала общества» [2, с. 400], и выделяет следующие основные формы человеческого потенциала: интеллектуальную, культурную и *физическую* [2, с. 401]. Под физической формой автор представляет «физическую активность» акторов, которая главным образом зависит от *здоровья* [3, с. 127]. Тем самым им убедительно обосновывается, что здоровье в физической форме человеческого потенциала является его базовым показателем.

Ряд авторов утверждают, что «*человеческий потенциал* – это совокупность *физических* и духовных сил граждан, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей, как инструментальных, так и экзистенциональных, включая расширения самих потенций человека и возможность его самореализации» [4]. Исследователи выделяют два основных типа человеческого потенциала – физический и духовный.

По мнению И.В. Соболевой, «*человеческий потенциал* – это накопленный населением запас физического и нравственного *здоровья*, общекультурной и профессиональной компетентности…, реализуемый в разнообразных сферах деятельности» [5].

О.И. Шкаратан капитализирует человеческий потенциал, выделяя следующие его характеристики: «уровень образования; профессиональный опыт (стаж работы); общепрофессиональные навыки и умения, наиболее востребованные сегодня на рынке труда; предпринимательские, организаторские, лидерские способности; *уровень здоровья*, различные характеристики семьи» [6, с. 285–286].

Исследователи объясняют сущность человеческого потенциала на междисциплинарном уровне, интегрируя его с уровнем здоровья. Развитие человеческого потенциала взаимосвязано с развитием «человеческой сущности, проявляющейся в повышении социальных потенций (социальных способностей) индивидов» [7]. Ю.Г. Быченко убедительно доказывает, что эмпирические исследования физического человеческого потенциала необходимо изучать на уровне базового показателя, которым является здоровье [8]. Таким образом, физический тип человеческого потенциала характеризуется уровнем здоровья, являясь его основным базовым показателем.

Встает вопрос: что следует понимать под физическим человеческим потенциалом военнослужащих? Рассмотренные концепции позволили нам сформировать его содержательную часть. *Физический человеческий потенциал* военнослужащих – это форма человеческого потенциала, характеризующая уровень здоровья акторов, который формирует их способности в процессе реализации военно-профессиональной деятельности.

Результаты исследования

Рассмотрим трансформации в системе развития *физического человеческого потенциала военнослужащих.* Воспользуемся традиционными методиками социологической оценки физической культуры, проявляющейся в контексте изменений физических способностей и здоровья военнослужащих.

Основу анализа физической культуры военнослужащих составили исследования трансформаций в системе их здоровья [1]. Вместе с тем нужно заметить, что в процессе практического исследования физических ценностей, потребностей, нужд, способностей военнослужащих важно учитывать наличие/отсутствие не только здоровья как такового, но и физических защитных функций личности по сохранению собственного здоровья [9]. Именно формирование здоровья определяет динамику развития физических способностей индивидов. Выявить данную динамику позволит изучение изменений состава военнослужащих в различных группах здоровья. Отдельная группа здоровья и будет характеризовать физический человеческий потенциал военнослужащих.

Уточнить динамику развития физического человеческого потенциала военнослужащих нам позволили результаты проведенного эмпирического социологического исследования «Развитие человеческого потенциала в оценках военнослужащих». Методом анкетирования опрошено 862 военнослужащих в воинских частях Тамбовской области (г. Тамбов – 276 человек (32.0%)), Саратовской области (г. Саратов – 292 человека (33.9%)), Ростовской области (п. Казачьи Лагери – 294 человека (34.1%)). Среди опрошенных 264 человека (30.6%) – офицеры, 598 человек (69.4%) – солдаты и сержанты.

Разного рода группы военнослужащих являются обладателями различного физического потенциала (здоровья). Вследствие перехода военнослужащего из состава одной группы в другую показатель физического потенциала (здоровья) как потенциального ресурса организации военного типа снижается. Полученные результаты социологического опроса позволили нам дифференцировать военнослужащих на четыре группы по уровню здоровья (физического потенциала).

Представителями *первой группы* (высшей) являются абсолютно здоровые военнослужащие – носители максимального уровня здоровья. Данную социальную группу назовем *«совершенно здоровыми»*. 70.6% респондентов отмечают, что в момент проведения исследования у них полностью отсутствуют хронические заболевания, они постоянно физически совершенствуются и довольно редко болеют. Данные военнослужащие в большинстве своем мужского пола 68.2% и лишь 2.4% женского пола, в возрасте 18–25 лет – 34.1%, 25–35 лет – 28.3%, 35–45 лет – 7.5% и 45 и более лет – 0.7%. По количеству детей преимущественно у военнослужащих по

1 ребенку (27.3%), 2 ребенка (22.8%), 0 детей (18.2%), 3 ребенка (2.3%) и 4 ребенка (0%). Важно заметить, что три года назад военнослужащих этой группы было 76.3%. Часть военнослужащих этой группы перешли во вторую группу, вызвав тем самым ее увеличение.

Представителями *второй группы* (средней) являются военнослужащие практически здоровые – носители достаточного уровня здоровья. Назовем эту группу *«практически здоровые»*. 20.9% военнослужащих утверждают, что у них временами случаются небольшие сбои, а также отклонения от нормы физического состояния. Военнослужащих мужского пола 18.7% и 2.2% женского пола, в возрасте 25–35 лет – 12.8%, 35–45 лет – 6.3% и 45 и более лет – 1.8%. По количеству детей: 1 ребенок (9.5%), 2 ребенка (7.8%), 0 детей (1.7%), 3 ребенка (1.2%) и 4 ребенка (0.7%). Их здоровье периодически дает функциональный сбой, отклоняясь от необходимых функциональных норм. Военнослужащие данной группы болеют не чаще одного раза в год (официально находились на больничном). Три года назад 1.4% военнослужащих из соответствующей группы относились к третьей группе здоровья. Тем самым прослеживается положительная динамика увеличения *второй группы* на 6.7% в результате снижения *первой группы* на 5.7% и *третьей группы* на 1%.

Представителями *третьей группы* (критической) являются военнослужащие, обладающие хроническими заболеваниями на этапе выздоровления и компенсации. Назовем данную группу военнослужащими, *«имеющими хронические недомогания или последствия перенесенных заболеваний и травм»*. 8.1% военнослужащих отмечают, что им присущи постоянные функциональные отклонения от принятых норм, имеются хронические заболевания, они периодически, около двух раз в год, болеют (официально находились на больничном). Военнослужащих мужского пола 7.4% и 0.7% женского пола, в возрасте 25–35 лет – 4.6%, 35–45 лет – 2.4% и 45 и более лет – 1.1%. По количеству детей: 1 ребенок (3.2%), 2 ребенка (2.4%), 0 детей (0.7%), 3 ребенка (1.8%) и 4 ребенка (0%). Три года назад 9.5% респондентов относили себя к третьей группе. 1% военнослужащих из *третьей группы* перешли во *вторую группу* и 0.4% в *четвертую группу*.

Представителями *четвертой группы* (предпенсионной) являются военнослужащие, имеющие существенные заболевания и готовящиеся к увольнению с военной службы. Данную группу военнослужащих назовем *«больными»*. 0.4% респондентов отмечают, что имеют существенные функциональные отклонения от принятых норм, довольно серьезные заболевания, отсутствуют возможности для осуществления физического развития. Это военнослужащие мужского пола 0.4%, в возрасте 45 и более лет – 0.4%, у которых 2 детей (0.4%). Они более двух раз в год берут официальный больничный. Отметим, что три года назад военнослужащие *четвертой группы* относили себя к другим группам здоровья. Они планировали дальнейшее прохождение военной службы, имея необходимый физический потенциал.

Значительная часть военнослужащих дают высокую оценку трансформаций в здравоохранительной сфере и системных мероприятий по поддержанию здоровья. 91.4% военнослужащих соответствующую систему считают эффективной, и только 8.6% – неэффективной. Респонденты основными недостатками системы здравоохранения считают: 1) недостаточное оснащение медицинских учреждений новейшим лечебным и диагностическим оборудованием (48.5% опрошенных); 2) слабый контроль руководства медицинских учреждений за работой врачей (26.9% опрошенных).

Следовательно, мы имеем четыре группы военнослужащих, которые обладают различным уровнем здоровья и потенциальных физических способностей.

Первая – *«совершенно здоровые»* – 70.6% (превышение необходимых требований, наиболее высокий уровень физического человеческого потенциала, устойчивое воспроизводство ценностей здорового образа жизни, способностей к физической служебно-трудовой деятельности).

Вторая – *«практически здоровые»* – 20.9% (полное соответствие необходимым требованиям физического человеческого потенциала, имеются некоторые сбои в системе воспроизводства способностей к физической служебно-трудовой деятельности).

Третья – *«имеющие хронические недомогания»* – 8.1% (частичное несоответствие необходимым требованиям биологического человеческого потенциала, имеются периодические сбои в системе воспроизводства способностей к физической служебно-трудовой деятельности).

Четвертая – *«больные»* – 0.4% (полное несоответствие необходимым требованиям физического человеческого потенциала, имеются систематические сбои в системе воспроизводства способностей к физической служебно-трудовой деятельности).

Аналогичное разделение на группы нам позволило провести анализ статистических данных отдельных воинских частей. По архивным данным Саратовского военного института, военно-

служащие делятся условно на четыре группы. Нами были проанализированы статистические данные углубленного медицинского осмотра военнослужащих Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации за 2015, 2018 г., предоставленные медицинской службой института. В 2015 г. были следующие данные: 1-я группа здоровья – 78% военнослужащих; 2-я группа здоровья – 16% военнослужащих; 3-я группа здоровья – 6% военнослужащих; уволены с военной службы по состоянию здоровья 0%. В 2018 г. отмечено снижение физического уровня: 1-я группа здоровья – 72% военнослужащих; 2-я группа здоровья – 23% военнослужащих; 3-я группа здоровья – 5% военнослужащих; уволены с военной службы по состоянию здоровья 0.2%.

Физическая культура выражается в образе жизни, физическом потенциале военнослужащих и в преобразовании их уровня здоровья. Используемый физический потенциал военнослужащих задействован в процессе профессионально-трудовой деятельности, способности акторов к выполнению физических служебно-трудовых действий, операций с целью эффективного выполнения обязанностей, построения карьеры, получения материального довольствия. Военнослужащий оказывается обладателем физической культуры, ценностей сбережения здоровья, а также реализуемого физического потенциала. Он является, с одной стороны, субъектом профессионально-трудовой деятельности, с другой – носителем наследственного и благоприобретенного здоровья. В результате деятельностного развития восстанавливается и развивается физический потенциал военнослужащих. В то же время в процессе профессионально-трудовой деятельности происходит изнашивание данного потенциала, которое ускоряется с увеличением возраста акторов. Происходит обесценивание ценности здоровья, сберегающего физическое развитие, и, как результат, запускается процесс быстрого изнашивания физического потенциала военнослужащих.

В результате реализации социальных проектов, направленных на развитие физического потенциала военнослужащих, увеличивается период их профессионально-трудовой активности. Однако разработанные целевые проекты развития физического потенциала военнослужащих осуществляются пока не в полной мере.

Выводы

Анализ изменения состояния здоровья военнослужащих показал тенденцию снижения его показателей по мере прохождения военной службы. Усугубляет ситуацию со здоровьем негативное отношение военнослужащих к собственному здоровью из-за распространения в военных организациях вредных для организма ценностей, норм и привычек. Наше социологическое исследование показывает, что в целом в военных организациях не сформирован здоровый стиль жизни. Военнослужащие в процессе военной службы, с одной стороны, развивают физические способности спортивными занятиями, с другой стороны, ослабляют здоровье курением, пренебрежением медицинской профилактикой. Военнослужащие не считают важным целенаправленно заботиться о собственном здоровье, отказываются от дополнительных профилактических мер, часто пренебрегают элементарными мерами охраны и защиты своего здоровья. Показательным примером является ответ на ряд вопросов анкеты. На вопрос: «Как Вы относитесь к строительству автомобильной стоянки возле вашего дома?» – 65.7% респондентов ответили положительно, так как удобство хранения и парковки собственного автомобиля важнее, чем загрязнение окружающей среды и сохранение чистоты воздуха. Характерен ответ респондентов и на следующий вопрос: «Хотели бы Вы заниматься спортом и физкультурой?» – 8.9% военнослужащих заявили, что не желают дополнительно заниматься спортом и физкультурой. Подавляющее большинство (89.1%) военнослужащих не осуществляют дополнительные занятия спортом вне рамок рабочего времени. Соответствующее негативное отношение к физической культуре и занятию спортом связано, во-первых, с отсутствием свободного времени (40.6% ответивших), во-вторых, военнослужащие в большинстве своем не имеют финансовых возможностей (28.5% ответивших) для посещения секций физкультурно-оздоровительных комплексов (ФОК), которые в основном платные и по нынешним меркам довольно недешевые. Так, к примеру, стоимость ежегодного абонемента в ФОК по городу Саратову варьируется от 18 до 25 тыс. рублей, при средней заработной плате военнослужащих по контракту (старшины, сержанты, рядовые) от 20 до 30 тыс. рублей. В этой связи наряду с основными потребностями военнослужащих, которые обеспечивают их жизнедеятельность и членов их семей, посещение ФОК налагает на них определенные дополнительные финансовые расходы, для реализации которых они не имеют возможности.

Важно отметить, что реформирование в системе военных организаций привело к снижению уровня физической культуры и здоровья военнослужащих. У военнослужащих в последнее время

формируется негативное отношение к собственному здоровью, что отрицательным образом может сказаться на здоровье будущих поколений, которые будут иметь меньший уровень физического человеческого потенциала, определяющий его наименьшую физическую дееспособность.

Сегодня необходимы разработка и внедрение комплексных мер, которые помогут преодолеть данные негативные тенденции. Во-первых, необходимо разработать и внедрить целевую программу по совершенствованию военной здравоохранительной системы с вложением необходимых денежных средств. Действующие медицинские учреждения испытывают острый дефицит современного оборудования, не способны на достаточном уровне удовлетворить потребности военнослужащих в сберегающем здоровье сегменте. Во-вторых, в военных организациях следует проводить дополнительные мероприятия по пропаганде здорового образа жизни, направленные на профилактику вредных привычек у военнослужащих, оказывающих пагубное влияние на их здоровье.

Остается предположить, что по мере дальнейшего прохождения военной службы военнослужащие не только будут больше внимания уделять образовательному развитию по проблемам самосохранения здоровья, развитию физического человеческого потенциала, но и станут определять собственный человеческий потенциал как важнейший фактор роста военной карьеры.

Список литературы

1. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5–16.

2. Докторович А.Б. Человеческий потенциал // Социальная политика: Энциклопедия / Под ред. Н.А. Волгина, Т.С. Сулимовой. М.: Альфf-Пресс, 2006. С. 400–401.

3. Докторович А.Б. О сохранении и развитии человеческого потенциала // Пространство и время. 2011. № 4 (6). С. 125–130.

4. Вишневский А.Г., Васин С.А., Зайончковская Ж.А. Демографический и трудовой потенциал населения России. СПб.: Питер, 2002. 87 с.

5. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики. Проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007. 202 с.

6. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной Росии. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 560 с.

7. Быченко Д.Ю. Методологические основы исследования человеческого потенциала // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. Вып. 2. 2011. Т. 11. С. 56–60.

8. Быченко Ю.Г. Здоровье как показатель трудового потенциала населения // Вестник Саратовской государственной академии права. 2006. № 4 (49). С. 188–191.

9. Лапшин В.А. Структурные компоненты человеческого потенциала // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 259–263.

DEVELOPMENT OF PHYSICAL HUMAN POTENTIAL OF MILITARY PERSONNEL

A.M. Pikhtelev

Saratov Military Institute for the National Guard Troops of the Russian Federation

According to the Social Development Strategy of the Armed Forces of the Russian Federation for the period up to 2020, large-scale social and economic reform is being carried out in military-type organizations. In recent years, there has been an increase in the quality of life of servicemen engaged in contract service, which is associated with an increase in the actors' income, the modernization of the social and economic spheres of military organizations, the improved quality of social services and the introduction of targeted human development projects for military personnel. The ultimate goal of implementing the Social Development Strategy is to improve the quality of life of military personnel and the rate of development of their human potential. The existing discrepancy between the social development strategy of military personnel and actual practices of realizing the growth of military actors' human potential requires a comprehensive analysis and scientific understanding.

Keywords: military personnel, military organization, human potential, actor, income, quality of life.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСОВ В РАЗРАБОТКЕ КОНТЕНТА ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

© 2019 г.

С.В. Даниленко, Ю.М. Мартынюк, С.С. Гербут

Даниленко Софья Валерьевна, к.пед.н.; доцент кафедры информатики и информационных технологий
Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
sv-danilenko@rambler.ru
Мартынюк Юлия Михайловна, к.пед.н.; доц.; доцент кафедры информатики
и информационных технологий
Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
juliamart@ya.ru
Гербут Светлана Сергеевна, учитель информатики Лицея № 2 им. Б.А. Слободскова, Тула
gerbut-ss@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2019
Статья принята к публикации 26.04.2019

Рассматриваются особенности методики подготовки будущих учителей информатики и работников сферы образования к использованию и созданию электронных образовательных ресурсов (ЭОР) в профессиональной деятельности. Предлагается условное деление контента ЭОР на взаимосвязанные и взаимозависимые модули: модуль материалов для изучения, загружаемых учителем (преподавателем); модуль оперативного контроля усвоения текущей информации; модуль материалов, загружаемых учащимися в качестве отчетов по заданиям учителя; модуль материалов, предназначенных для самостоятельного изучения, самопроверки и самоконтроля со стороны учащихся; модуль обработки и анализа результатов обучения. Сформулированы требования, предъявляемые к указанным модулям и различающиеся в методическом и содержательном исполнении. Описываются основные возможности использования прикладных интернет-сервисов и технологий при наполнении контентом каждого из модулей с учетом обозначенных требований. Определены наиболее существенные факторы, способствующие успешной подготовке компетентных педагогических кадров в области разработки и использования ЭОР.

Ключевые слова: электронный образовательный ресурс, интернет-сервисы, онлайн-сервисы, интерактивный контент, информатизация образования, методика обучения информатике.

Введение

Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы в части содействия развитию дошкольного и общего образования определяет в качестве одного из основных направлений модернизации системы образования формирование новой технологической среды общего образования на основе внедрения в образовательный процесс «новых информационных сервисов, систем и технологий обучения, электронных образовательных ресурсов нового поколения, интерактивных видеоуроков по всей совокупности общеобразовательных учебных предметов, дидактических и методических ресурсов открытого пользования» [1]. Очевидно, что реализация данного направления требует использования новых средств информатизации образования, к числу которых относятся и электронные образовательные ресурсы (ЭОР). Разработка и внедрение таких ресурсов, как отмечают Т.С. Арефьева, В.В. Гриншкун, Т.В. Стебеняева и др., все больше стимулируются не только на государственном, но и на международном и межгосударственном уровнях [2–4].

На сегодняшний день использование электронных образовательных ресурсов в различных областях современной системы образования носит масштабный и комплексный характер. Проблемы и возможности использования ЭОР как инструмента формирования образовательного пространства рассматривались многими учеными. Ряд исследований последних лет посвящен проблемам качества электронных образовательных ресурсов и их эффективного использования [5–7]. Анализ российского опыта создания и использования электронного образовательного контента проведен в работах Л.Л. Босовой, Н.Е. Зубченок. Авторами уточне-

но понятие электронного учебника, охарактеризованы его основные структурные компоненты, сформулированы основные требования к его мультимедийному и интерактивному контенту [8]. Особенности формирования электронных образовательных ресурсов, вопросы разработки системы стандартов и соглашений по их применению описаны в работах Е.Я. Бутко, О.В. Зайцевой [9; 10]. Основные тенденции разработки и опыт применения электронных образовательных ресурсов проанализированы в работах ряда авторов [9; 3; 11]. Интерес представляют работы О.В. Даниловой, Э.Г. Скибицкого, Л.И. Холиной, в которых авторы рассматривают вопросы комплексного подхода к подготовке студентов различных специальностей и направлений к разработке электронных образовательных ресурсов [12; 13]. Обзор литературы по проблемам проектирования и использования электронных образовательных ресурсов показал, что многие существующие ЭОР недостаточно качественно проработаны как методически, так и содержательно, а уровень подготовленности сегодняшнего выпускника педагогического вуза к целенаправленному использованию и разработке ЭОР недостаточен [14, с. 35]. В этой связи одной из первостепенных задач на пути использования электронных образовательных ресурсов является соответствующая подготовка педагогических кадров [15; 16].

Постановка проблемы

На современном этапе качество подготовки выпускника педагогического вуза определяется степенью его соответствия компетентностной модели и Профессиональному стандарту педагога, который в качестве основных умений и трудовых действий обозначает «умение применять современные образовательные технологии, включая информационные, а также цифровые образовательные ресурсы», «умение использовать в работе с детьми информационные ресурсы, в том числе ресурсы дистанционного обучения», оказывать «помощь детям в освоении и самостоятельном использовании этих ресурсов» [17].

Анализ литературы показал, что в большинстве работ содержится описание требований, стандартов, критериев оценки ЭОР. Вместе с тем вопросы определения инструментов и сервисов, применяемых для разработки качественных ЭОР, остаются недостаточно проработанными. В результате выбор этих средств «ложится на плечи» самих учителей, зачастую перерастая в серьезную проблему. Подобные рассуждения обосновывают необходимость овладения современным педагогом достаточно простым и удобным инструментарием разработки ЭОР с точки зрения целесообразности, результативности и экономичности в плане затрат ресурсов и времени.

Решение задачи подготовки компетентных педагогических кадров в области разработки и использования ЭОР видится авторами в совершенствовании методической подготовки будущих учителей к применению и разработке образовательных электронных ресурсов, с одной стороны, а также в организации соответствующих курсов повышения квалификации для работников сферы образования – с другой.

С целью решения данной задачи авторами были разработаны содержание и методическое обеспечение дисциплины по выбору «Методика проектирования электронных образовательных ресурсов» для студентов, обучающихся по направлению 44.03.05 – Педагогическое образование с двумя профилями подготовки («Начальное образование» и «Информатика»), и курсов повышения квалификации для учителей общеобразовательных школ и преподавателей педагогических вузов – по программе «Формирование интерактивного контента для среды электронного обучения». Отправной точкой разработки данных материалов послужил тезис о необходимости формирования у работников сферы образования умения максимально эффективно использовать современные интернет-сервисы для подготовки контента электронных образовательных ресурсов [18].

Методика исследования и результаты

Анализ литературы по вопросам использования интернет-сервисов для создания ЭОР показал, что большинство исследований носит описательный характер в плане возможностей и опыта успешного использования интернет-технологий, онлайн-сервисов и онлайн-инструментов в образовательном процессе [19; 20]. Вместе с тем методические основы применения данных ресурсов многими авторами не рассматриваются.

Согласно положениям ГОСТ Р 53620-2009 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Электронные образовательные ресурсы. Общие положения», структура электронного образовательного ресурса представляется в виде блоков учебного материала как «совместно используемых объектов содержания» [21]. О.Ю. Заславской предложено деление контента ЭОР на автономные модули И-типа (модуль получения информации), П-типа (модуль практических занятий) и К-типа (модуль контроля) [22, с. 47]. Однако авторам данное деление представляется несколько

упрощенным, не вписывающимся в концепцию сетевой модели гипертекстов, перекрестных ссылок, обратной связи, которые в полной мере отражают предназначение и сущность интернет-технологий. Вместе с тем структура и предоставляемые возможности любой современной системы управления контентом, при помощи и под управлением которой создаются и работают электронные образовательные ресурсы, сами определяют количество и назначение каждого модуля ЭОР. Поэтому авторы считают целесообразным условное деление контента ЭОР на следующие взаимосвязанные и взаимозависимые модули:

УП – модуль материалов для изучения, загружаемых учителем (преподавателем);

ТК – модуль оперативного контроля усвоения текущей информации;

ОУ – модуль материалов, загружаемых учащимися в качестве отчетов по заданиям учителя;

СР – модуль материалов, предназначенных для самостоятельного изучения, самопроверки и самоконтроля со стороны учащихся;

ОР – модуль обработки и анализа результатов обучения.

Рассмотрение особенностей формирования ЭОР, проблем обеспечения их качества в соответствии с имеющимися стандартами и соглашениями по их применению, а также принципов организации данных в ЭОР [23] позволило авторам сформулировать основные требования, предъявляемые к каждому из указанных модулей.

Так, основными требованиями, предъявляемыми к содержанию УП-модуля, являются мультимедийный и интерактивный характер контента, наличие статического и динамического визуального ряда, звукового ряда, гиперссылок, объемных моделей и иных объектов виртуальной реальности, позволяющих уточнить, по-новому объяснить и представить изучаемый материал, расширить и углубить основное содержание предмета.

ТК-модуль предназначен для организации текущего контроля и позволяет оперативно проверять усвоение изученного материала. Основными требованиями, предъявляемыми к данному модулю, являются быстрая проверка знаний и обработка полученных результатов, одновременный охват всех участников процесса обучения, разнообразие форм и методов контроля, позволяющих судить о степени усвоения учащимися материала.

ОУ-модуль предназначен для загрузки выполненных учащимися заданий и проверки полученных результатов. Данный модуль должен быть направлен на организацию тренировочной учебной деятельности и обеспечивать удобную «двустороннюю» связь между учителем (преподавателем) и учащимся, иметь разнообразные, простые и удобные в использовании формы отчетности и методы их оценивания.

СР-модуль предназначен для организации самостоятельной творческой деятельности учащихся за счет осуществления информационно-поисковой деятельности, включения разноуровневых и разнохарактерных дидактических единиц. СР-модуль предполагает наличие контента, способствующего активизации познавательной и исследовательской деятельности учащихся, возможность организации общего коммуникативного пространства, наличие интерактивных объектов для самопроверки и самоконтроля, позволяющих оценивать правильность хода выполнения заданий.

Основными требованиями, предъявляемыми к ОР-модулю, являются наличие инструментальных программных средств, позволяющих производить автоматическую проверку результатов обучения и исключающих возможность неоднозначного ответа, наличие дополнительного инструментария, позволяющего осуществить сбор и хранение статистической информации о результатах усвоения учебного материала. Содержащаяся в данном модуле система заданий должна предоставлять новые, более глубокие возможности оценки знаний, умений, навыков в комплексе, позволяя оценить понимание задач и глубину компетентности в заданной предметной области.

В плане методики крайне важен подбор соответствующих интернет-сервисов, позволяющих сформировать содержание каждого модуля, отвечающее основным критериям и требованиям, предъявляемым к нему, и различающихся в методическом и содержательном исполнении. В связи с данным обстоятельством авторы представляют некоторые рекомендации по использованию актуальных интернет-сервисов при формировании контента ЭОР. Данные рекомендации отражают результаты проведенной авторами опытно-экспериментальной работы в рамках обучения студентов указанной выше дисциплине и слушателей на курсах повышения квалификации. Общий объем выборки составил 27 человек. На констатирующем этапе было проведено входное тестирование, задания которого охватывали названия указанных ниже интернет-сервисов с предложением определить функции, инструменты, возможности, составные части того или иного программно-технологического средства. Ввиду невозможности приведения в формате данной статьи полных данных тестирования, ограничимся лишь краткими выводами:

1) ни студенты педагогического направления подготовки, ни действующие учителя школ не смогли в полной мере описать все предлагаемые интернет-сервисы;

2) чаще всего респонденты использовали в работе и знали определенную информацию по следующим сервисам: ClassTools.NET, Socrative, Learningapps, Prezi;

3) абсолютно все опрашиваемые выразили желание узнать как можно больше информации по каждому программному средству с целью использования их в текущей и будущей профессиональной деятельности.

В процессе проведения занятий со студентами и слушателями помимо тем, охватывающих вопросы нормативно-правовых аспектов и методических основ проектирования электронных ресурсов, актуальным представлялось изучение возможностей современных информационно-коммуникационных технологий и интернет-сервисов, позволяющих формировать интерактивный контент ЭОР, в соответствии с предложенной авторами классификацией и требованиями, предъявляемыми к каждому из модулей. При этом отметим, что соблюдение принципа интерактивности при разработке контента ЭОР следует отнести к одному из наиболее важных требований, предъявляемых к ЭОР [24].

Приведем примеры онлайн-сервисов и технологий, предлагаемых для изучения студентам и слушателям и позволяющих наполнять содержание УП-модуля в соответствии с выделенными требованиями. Так, предлагаемый для рассмотрения онлайн-сервис ClassTools.NET позволяет создавать интерактивные Flash-ресурсы в виде дидактических игр на основе готовых шаблонов. Возможность использования данного сервиса при разработке УП-модуля заключается в создании анимированной книги, причинно-следственных диаграмм и диаграмм ключевых факторов и приоритетов. Использование различных сервисов по созданию ментальных карт (MindMeister, Mapul, Glinkr и др.) при объяснении нового материала позволяет эффективнее формировать познавательную, информационно-коммуникативную и рефлексивную деятельность учащихся за счет концентрации внимания на существенных вопросах, выделении основной идеи. В отличие от линейного текста ментальные карты позволяют не только излагать факты, но и демонстрировать взаимоотношения между ними, обеспечивая тем самым более глубокое понимание изучаемого материала. Рассматриваемый сервис Prezi, предназначенный для создания интерактивных мультимедийных презентаций с нелинейной структурой, позволяет дополнять материал УП-модуля динамическим визуальным рядом. Помимо сервисов для создания презентаций изучались также сервисы (TimeRime, Dipity, TimeToast и др.), помогающие представить изучаемый материал в виде лент времени (временно-событийных линеек). Создание ленты времени позволяет изучать исторические события в развитии, располагая их в определенной хронологической последовательности и дополняя теоретический материал графическими изображениями, ссылками или видеофрагментами.

Возможности интернет-сервисов при подборе контента для ТК-модуля были продемонстрированы на примере приложения Plickers, онлайн-сервиса Mentimeter, сервисов по подготовке интерактивных наборов карточек (Flashcard Machine, Quizlet, StudyBlue и др.). Данные ресурсы позволяют эффективно организовывать и проводить фронтальные опросы всего класса (аудитории), при этом имеют возможность автоматической обработки полученных результатов и «мгновенного» их отображения на экране. Онлайн-сервисы по подготовке дидактических материалов в виде набора карточек включают широкий спектр инструментов для облегчения контроля усвоения материала, позволяют добавлять визуальные данные, звуковые эффекты, гиперссылки. Использование в работе с данными сервисами мобильных устройств, интерактивное отображение результатов опроса позволяют повысить познавательный интерес и мотивацию учащихся к процессу обучения, что особо важно на этапе проверки усвоения изученного материала. Другими изученными сервисами, предлагаемыми студентам и слушателям для наполнения ТК-модуля содержанием в соответствии с выделенными требованиями, были онлайн-сервисы, предоставляющие возможности создания тестов, кроссвордов, викторин, онлайн-опросов (ClassTools.NET, JeopardyLabs, Socrative, Learningapps, Simpoll, Flubaroo), позволяющие в игровой форме проводить оперативный контроль усвоения текущей информации и сопровождать его графической и мультимедийной информацией. Интересной при этом является возможность проведения тестирования в открытом режиме в виде «гонки» в онлайн-сервисе Socrative, что добавляет соревновательный момент и повышает заинтересованность учащихся.

Возможности формирования интерактивного контента ОУ-модуля изучались на примере использования онлайн-сервисов Edpuzzle и See-Saw, учитывающих индивидуальные особенности детей при восприятии ими учебного материала и при выполнении учебных заданий. Так, сервис Edpuzzle содержит инструментарий, поз-

воляющий создавать к предлагаемым видеофрагментам аудио- и текстовые заметки, вопросы и задания к ним. А сервис SeeSaw предоставляет обширные возможности по созданию различных форм заданий и способов их выполнения (от стандартных – в виде заданий, предполагающих письменный ответ, до возможностей представления ответов в виде аудио- и видеофайлов). Рассмотренные также сервисы Branch Track и SalesUP24 позволяют создавать компьютерные симуляции диалогов с использованием ветвления в выборе вариантов ответа, внося интерактивную составляющую в учебно-тренировочные электронные материалы, что отвечает основным требованиям, предъявляемым к содержанию ОУ-модуля. Применение данных сервисов возможно при организации дидактических игр типа «квест», методические основы и принципы использования которых с целью актуализации познавательного интереса учащихся были рассмотрены авторами ранее [25]. Интересными для изучения представлялись также онлайн-конструкторы учебных тренажёров (eТреники, LearningApps), организующие тренировочную учебную деятельность, моделирующие процессы и явления, систематизирующие знания и умения учащихся, делая акцент на важнейших моментах изучаемой темы, накапливающие опыт решения практических задач.

Одним из преимуществ обучения с использованием ЭОР является возможность продвижения учащихся по индивидуальной образовательной траектории, что особенно важно при организации самостоятельной работы и наполнении контента СР-модуля. Однако тотальная индивидуализация сводит к минимуму живое общение участников образовательного процесса, сокращая практику социального взаимодействия, заменяя ее «общением» с компьютером. Особый интерес в этой связи представляло рассмотрение при разработке содержания СР-модуля технологий и сервисов, позволяющих реализовывать многопользовательское взаимодействие посредством облачных технологий: совместное редактирование документов, групповые календари событий, доски объявлений и комментариев и т.п. Данные сервисы формируют активно-деятельностную познавательную среду за счет организации сетевого взаимодействия, возможности осуществления информационно-поисковой и творческой деятельности учащихся [18]. Большинство рассмотренных интернет-сервисов (Educaplay, Flippity, PurposeGames, Umapalata.com и др.) позволяет также создавать разноуровневые и разнохарактерные дидактические единицы (упражнения, игры, интерактивные задания), предназначенные для изучения и закрепления материала и активизирующие самостоятельную деятельность учащихся за счет увлекательной игровой формы и мультимедийного характера представленных материалов. Обширные возможности системы ClassDojo при разработке содержания СР-модуля демонстрировались на примере создания индивидуальных образовательных маршрутов учащихся, формирования ученического портфолио, имеющего своего рода «систему поощрений», побуждающую к успешной учебной деятельности.

С целью рассмотрения онлайн-сервисов и технологий, позволяющих наполнить содержание ОР-модуля в соответствии с выделенными требованиями, студентам и слушателям предлагались для изучения сервис Flubaroo, работающий совместно с формами Google, а также сервис Simpoll, позволяющий не только проводить итоговое тестирование учащихся, но и точно и быстро анализировать полученные данные. Применение данных сервисов, несомненно, облегчает анализ результатов усвоения материала учащимися, выявляя «пробелы» в изучении конкретных тем и разделов. В условиях массового образования использование подобных сервисов особенно актуально, так как предоставляет возможность проведения многократного и более частого контроля знаний, «разгружая» учителя, избавляя его от рутинной работы по проверке правильности выполнения заданий, стимулируя учащихся к повторению и, соответственно, закреплению учебного материала. Возможности сервиса ClassDojo при наполнении контента ОР-модуля были продемонстрированы на примере имеющейся в сервисе разносторонней системы оценивания деятельности учащихся. Данный сервис позволяет производить оценку результатов учебной деятельности в соответствии с разнообразными критериями и параметрами не только преподавателем (учителем), но и другими участниками образовательного процесса.

По итогам организованных в ТГПУ им. Л.Н. Толстого курсов повышения квалификации по программе «Формирование интерактивного контента для среды электронного обучения» был проведен опрос 27 респондентов, прошедших данный курс в 2018 году (из них 88% составили преподаватели педагогических вузов и 12% – учителя общеобразовательных школ). В ходе опроса 100% учителей и преподавателей отметили ценность пройденного материала для дальнейшей профессиональной деятельности, 37% респондентов в качестве наиболее значимых и ценных с практической точки зрения выделили ресурсы, позволяющие

формировать модуль материалов для изучения, загружаемых учителем, отмечая, что ранее контент данного модуля представлялся ими в основном в виде авторских презентаций, требующих больших временных затрат для создания качественного мультимедийного и интерактивного ресурса. 63% опрошенных отметили актуальность и важность изучения интернет-ресурсов, предназначенных для наполнения содержанием ОУ-модуля и СР-модуля, выделив такие положительные моменты в их применении, как оперативная проверка выполнения заданий; удобная «двусторонняя» связь; разнообразие форм отчетности; возможность осуществления дифференцированного подхода; активизация познавательной и исследовательской деятельности учащихся. Все опрошенные отметили удобство работы с интернет-сервисами при подборе контента для ТК-модуля, связанное, в большей степени, с возможностью автоматической проверки полученных результатов, оперативного создания отчетов для их анализа.

В результате анализа отчетов студентов по педагогической практике, изучавших дисциплину «Методика проектирования электронных образовательных ресурсов» в соответствии с предложенной авторами методикой, было выявлено, что 93% студентов применяли (или предлагали применять) различные интернет-сервисы на всех этапах урока, а также в процессе организации самостоятельной работы учащихся. Студенты отмечали, что наибольшую активность на уроках учащиеся проявляли при выполнении заданий, разработанных с помощью интернет-сервисов, изучение возможностей которых с целью организации различных форм деятельности школьников позволило широко их внедрять и использовать в учебном процессе.

Вместе с тем и студенты, и учителя (преподаватели) отмечали следующие трудности, возникающие как в процессе изучения предлагаемых курсов и дисциплин, так и при реализации полученных знаний на практике: необходимость постоянного мониторинга актуальности состояния интернет-сервисов, связанная с возможными ограничениями доступа к ресурсу по истечении времени либо с прекращением технической поддержки данного ресурса; разный уровень подготовки слушателей (учащихся), в т.ч. в сфере владения компьютером и программными продуктами; неосознанное использование в работе только одного интернет-сервиса или сервисов для формирования контента одного из модулей, связанное с привычным порядком действий, минимальными временными затратами при подготовке, индивидуальными предпочтениями; необходимость постоянного отслеживания новых сервисов и определения возможностей их применения в учебном процессе.

Таким образом, результаты опроса позволили заключить следующее: преподаватели, учителя и студенты, сталкиваясь с необходимостью разработки ЭОР и наполнения их соответствующим содержанием, испытывают потребность в дополнительной информации, позволяющей определять учебно-методические и дидактические возможности использования интернет-сервисов для подготовки контента электронных образовательных ресурсов; обеспечение качества ЭОР может быть достигнуто за счет соблюдения основных требований, предъявляемых к каждому из выделенных авторами модулей; знание возможностей соответствующих интернет-сервисов, позволяющих сформировать содержание каждого модуля, сокращает временные затраты как на подготовку материалов, так и на проверку результатов обучения.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что внедрение ЭОР в современный образовательный процесс признается большинством экспертов как одно из важных и приоритетных направлений. При этом качество разработанных ЭОР напрямую зависит от грамотного подбора соответствующих инструментов и сервисов, применяемых для наполнения контентом ЭОР.

Учитывая небольшой опыт профессиональной деятельности молодых педагогов, можно заключить, что наиболее трудоемким для них процессом при организации и проведении уроков с использованием электронных образовательных ресурсов становится достаточно длительная подготовка к уроку, связанная с подбором готовых ЭОР, созданием собственных ресурсов. Рассмотренные методические аспекты подготовки будущих учителей и работников сферы образования в области разработки и использования ЭОР позволяют не только изучить существующие интернет-сервисы, но и проанализировать возможность их практического применения на каждом из этапов урока, органичного включения в учебный процесс.

Опыт Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого показал эффективность предложенной авторами методики подготовки учителей и студентов к разработке и применению ЭОР. В результате проведенной исследовательской работы были определены наиболее существенные факторы, способствующие успешной подготовке компетентных педагогических кадров в области разработ-

ки и использования ЭОР: систематическое проведение курсов повышения квалификации для работников сферы образования в данной области; постоянный мониторинг актуальности и возможностей предлагаемых для рассмотрения сервисов; возможность организации дифференцированного подхода в процессе изучения курсов (дисциплины); мотивирование преподавателей и учащихся к использованию различных интернет-сервисов при формировании контента ЭОР, в соответствии с предложенным авторами его условным делением на взаимосвязанные и взаимозависимые модули.

Список литературы

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования»: Утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642. URL: http://www.khsu.ru/assets/units/uno/do/Государственная_программа.docx (дата обращения: 29.01.2019).

2. Арефьева Т.С., Жидкова О.Н., Лобанова Е.И., Нисилевич А.Б., Стрижова Е.В. Открытые образовательные ресурсы: международный опыт и ситуация в России // Экономика, статистика и информатика. 2014. № 2. С. 3–8.

3. Гриншкун В.В., Краснова Г.А., Нухулы А. Особенности использования открытых электронных ресурсов и массовых учебных курсов в высшем образовании // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования. 2017. № 2 (40). С. 8–17.

4. Стебеняева Т.В., Ларина Т.С., Юрятина Н.Н. Новая технология разработки электронных образовательных ресурсов как фактор информатизации сферы образования // Новые педагогические технологии. 2014. № 17. С. 159–165.

5. Алексеева В.О., Малкина М.Г. Проблема качества электронных образовательных ресурсов и их эффективного использования // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2014. № 10. С. 173–182.

6. Болгарина Е.В., Хохлова Н.В. Электронные образовательные ресурсы: как оценить качество? // Новые информационные технологии в образовании: Материалы VIII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2015. С. 215–219.

7. Осин А.В. Электронные образовательные ресурсы нового поколения: открытые образовательные модульные мультимедиа системы // Единое окно доступа к информационным ресурсам. URL: http://window.edu.ru/window/library?p_rid=45271 (дата обращения: 29.01.2019).

8. Босова Л.Л., Зубченок Н.Е. Электронный учебник: вчера, сегодня, завтра // Образовательные технологии и общество. 2013. Т. 16. № 3. С. 697–712. URL: https://www.j-ets.net/ETS/russian/periodical/journal.html (дата обращения: 20.01.2019).

9. Бутко Е.Я. Формирование информационных образовательных ресурсов // Образовательные ресурсы и технологии. 2015. № 4 (12). С. 17–23. URL: https://www.muiv.ru/vestnik/pp/chitatelyam/podshivka-nomerov/ (дата обращения: 29.01.2019).

10. Зайцева О.В. Формирование электронных образовательных ресурсов // Образовательные ресурсы и технологии. 2016. № 4 (16). С. 21–27. URL: https://www.muiv.ru/vestnik/pp/chitatelyam/podshivka-nomerov/ (дата обращения: 18.01.2019).

11. Исупова Н.И., Суворова Т.Н. Использование электронных образовательных ресурсов для реализации активных и интерактивных форм и методов обучения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 26. С. 136–140. URL: http://e-koncept.ru (дата обращения: 28.01.2019).

12. Данилова О.В. Анализ образовательных стандартов педагогического образования нового поколения в аспекте подготовки студентов к разработке электронных образовательных ресурсов // Развитие личности педагога и обучающегося в образовательном пространстве начальной школы и вуза: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. Л.И. Буровой. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2016. С. 132–138.

13. Скибицкий Э.Г., Холина Л.И. Подготовка педагогических кадров к разработке электронных образовательных ресурсов // Непрерывное профессиональное образование: Сб. статей по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов / Под науч. ред. Н.В. Фадейкиной, Э.Г. Скибицкого, О.В. Глушаковой. Новосибирск: САФБД, 2017. С. 266–269.

14. Иванова Л.В. Подготовка будущего учителя к использованию электронных образовательных ресурсов в профессиональной деятельности // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 1-7. С. 34–37.

15. Иванова Л.В. Обучение будущих учителей информатики разработке и применению электронных образовательных ресурсов // Перспективы развития науки и образования: Сборник по материалам Международной научно-практической конференции. В 13 частях. Т. 10. Тамбов: Консалтинговая компания «Юком», 2015. С. 62–64.

16. Суворова Т.Н. Подготовка учителей к разработке, оценке качества и применению электронных образовательных ресурсов в условиях введения новых стандартов // Информатика и образование. 2015. № 9 (268). С. 47–53.

17. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н (с изм. от 25.12.2014) «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (Зарегистрирован в Минюсте России 06.12.2013 № 30550). URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.001.pdf (дата обращения: 29.01.2019).

18. Мартынюк Ю.М., Ванькова В.С., Даниленко С.В. Современное содержание курсов повышения квалификации преподавателей педагогического вуза // Теория и методика обучения и воспитания в со-

временном образовательном пространстве: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2017. С. 212–216.

19. Горутько Е.Н. Интернет-сервисы для создания электронных образовательных ресурсов // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Оренбург: Изд-во ИПК «Университет», 2014. С. 3012–3014. URL: https://conference.osu.ru/ (дата обращения: 19.01.2019).

20. Фаткуллов П.Р. Некоторые особенности использования on-line сервисов в работе современного учителя // Коммуникативные и образовательные возможности современных технологий: Сборник материалов и докладов V Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Инфометод, 2016. С. 78–84.

21. ГОСТ Р 53620-2009 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Электронные образовательные ресурсы. Общие положения». URL: http://docs.nevacert.ru/files/gost/gost_r_53620-2009.pdf (дата обращения: 07.02.2019).

22. Заславская О.Ю. Принципы формирования содержания образовательного электронного ресурса на основе общих и дидактических закономерностей обучения // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2018. Т. 15. № 1. С. 46–53.

23. Лейбович А.Н. и др. Электронные учебники: рекомендации по разработке, внедрению и использованию интерактивных мультимедийных электронных учебников нового поколения для общего образования на базе современных мобильных электронных устройств. М.: Федеральный институт развития образования, 2012. 84 с.

24. Михалева М.Е. Интерактивность как одно из важных требований к электронным образовательным ресурсам // Электронная информационно-образовательная среда вуза: проблемы формирования, контекстного наполнения и функционирования: IV Всероссийская методическая конференция / Под ред. Е.А. Ходыревой. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. С. 150–152.

25. Мартынюк Ю.М., Даниленко С.В., Шарановская Ю.В. Методологические основания и этические принципы организации дидактической игры «квест» в обучении информатике // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 4(44). URL: http://scientific-notes.ru/ (дата обращения: 29.01.2019).

METHODOLOGICAL FEATURES OF THE USE OF INTERNET SERVICES IN THE DEVELOPMENT OF THE CONTENT OF ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES

S.V. Danilenko,[1] Yu. M. Martynyuk,[2] S.S. Gerbut[3]

[1] Tolstoy Tula State Pedagogical University
[2] Tolstoy Tula State Pedagogical University
[3] Slobodskov Lyceum No. 2

The article discusses the features of the methodology for preparing future informatics teachers and educators to use and develop electronic educational resources (EER) in their professional activities.The authors propose a conditional division of the content of the EER into interrelated and interdependent modules: a module of instructional materials uploaded by the teacher(s); a module for monitoring the learning of current information; a module of materials uploaded by students as their reports on teacher's assignments; a module of materials intended for self-study, self-testing and self-control by students; a module for the processing and analysis of learning outcomes. In accordance with the basic principles of data organization in the EER, the authors formulated the requirements for these modules that differ in their methodological and substantive aspects. The article also describes the main possibilities of using applied Internet services and technologies when filling each of the modules with the content, taking into account the above-mentioned requirements. As a result of the research, the most significant factors contributing to the successful training of teachers in the field of EER development and use were identified.

Keywords: electronic educational resource, Internet services, online services, interactive content, informatization of education, methods of teaching informatics.

УДК 378

ВЫЯВЛЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ В ОТНОШЕНИИ СТУДЕНТОВ К ДИСЦИПЛИНЕ «ТЕОРИЯ ВЕРОЯТНОСТЕЙ»

© 2019 г.

Е.В. Кузнецова, К.А. Власова

Кузнецова Елена Васильевна, к.ф.-м.н.; доц.; доцент кафедры прикладной математики
Липецкого государственного технического университета
eva351@yandex.ru
Власова Ксения Александровна, магистрант кафедры прикладной математики
Липецкого государственного технического университета
KseniaVlasova97@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 05.04.2019
Статья принята к публикации 30.04.2019

Данная работа является частью исследования, посвященного проблемам подготовки будущих математиков и IT-специалистов. С целью анализа отношения студентов к изучению курса «Теория вероятностей и математическая статистика» был проведен опрос студентов факультета автоматизации и информатики технического университета и студентов педагогического университета, обучающихся по направлению «Учитель математики и физики». Анкета содержит две шкалы: «Ценности» и «Эмоциональное восприятие». Студенты выражали степень своего согласия с предложенными утверждениями, используя 5-балльную шкалу Лайкерта. Для исследования факторов, влияющих на отношение студентов к изучению теории вероятностей и математической статистики, применялся критерий Пирсона χ^2. Были выявлены статистически значимые различия в ответах студентов двух вузов, что свидетельствует о различии подходов к преподаванию данной учебной дисциплины. Также были выявлены статистически значимые различия в ответах студентов технического университета, обучающихся в потоках с различным количеством зачетных единиц, выделенных на изучение курса. Полученные результаты показывают, что сокращение часов негативно влияет на ценностное восприятие и эмоциональное состояние студентов при изучении предмета теории вероятностей. Отсутствие различий в ответах студентов, обучающихся в одном потоке у одного преподавателя, и наличие различий в ценностном отношении студентов одного направления, обучавшихся в разные годы у разных преподавателей, подтверждает тот факт, что от преподавателя во многом зависит формирование отношения студентов к изучаемой дисциплине. Результаты проведенного исследования помогают определить направление совершенствования в преподавании курса теории вероятностей и математической статистики в высшей школе.

Ключевые слова: высшее образование, обучение теории вероятностей, отношение студентов, анкетирование, ценности, эмоции.

Введение

В современном мире знания стали жизненно важным ресурсом устойчивого развития, и многие ученые видят перспективы человечества в переходе от информационного общества к обществу знаний [1–7]. В докладе ЮНЕСКО «К обществам знаний» отмечается: «Сегодня общепризнано, что знание превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественного состояния общества, контуры которого лишь начинают перед нами вырисовываться» [8]. Способность порождать осмысленное знание становится компетенцией, необходимой каждому человеку [9], и, следовательно, проблема знания и понимания приобретает особую актуальность в условиях компетентностного подхода к обучению. По этой причине очень важно организовать учебный процесс таким образом, чтобы знание для студента было «живым», полным смысла, и он понимал его значимость. В связи с этим возникает вопрос, как же обнаружить «отстраненность» студента от знаний по какому-либо предмету, что на это влияет и какие инструменты необходимо применить для обнаружения этой проблемы. Для решения данной проблемы необходимо знать отношение студентов к изучаемой дисциплине: их ценностные ориентации и эмоциональное восприятие [10].

С целью определения отношения студентов к изучению теории вероятностей и математической статистики (ТВ & МС) нами был проведен опрос студентов Липецкого государственного технического университета (ЛГТУ) и студентов Липецкого государственного педагогического университета (ЛГПУ). В данном исследовании была поставлена задача обнаружения различий в ответах студентов и выявления влияющих на это факторов. В качестве первого фактора было выбрано влияние вуза. Различаются ли ответы

студентов ЛГТУ и ЛГПУ? Вторым фактором была выбрана интенсивность обучения. Различаются ли ответы студентов группы ПМ, СМ и УК с углубленным изучением ТВ & МС и остальных групп факультета автоматизации и информатики с меньшим количеством зачетных единиц, отведенных на изучение данного предмета? Третьим фактором является влияние преподавателя. Различаются ли ответы студентов, обучающихся в разных группах у одного преподавателя, и различаются ли ответы студентов, обучающихся у разных преподавателей? Поиск ответов на эти три вопроса является целью данного исследования.

Становление общества знаний выдвигает требования к высокому качеству образования. Одним из способов реализации задач, стоящих сегодня перед высшим образованием, является многомерный подход, рассматривающий процесс обучения в единстве социального, психологического и педагогического аспектов [11]. Данный подход согласуется с базовыми законами гарантированного качества высшего образования, сформулированными академиком РАО В.И. Андреевым [12]. Среди них – закон эффективности обратной связи в обучении, воспитании и развитии учащихся, который констатирует наличие прямой зависимости между этими двумя факторами: эффективная обратная связь позволяет существенно повысить качество преподавания.

Однако, как показывает практика, иногда преподавателям не хватает ресурсов, чтобы обнаружить проблему в обучении, так как отсутствует эффективная обратная связь со студентом. Прочитаны лекции, проведены практические занятия, выполнены задания, но понимание, зачем это нужно и почему это необходимо усвоить, студенту не прививается, а по истечении некоторого времени большинство материала забывается и труд, вложенный в студента, оказывается напрасным. Для того чтобы понять заинтересованность студента, нужно осознавать его мотивацию, знать интересы и понимать, какие факторы влияют на его обучение, а соответственно, и на тягу к знаниям. Взаимодействие преподавателя и студента в процессе обучения на основе личностно-ориентированного подхода позволяет решать эту проблему. Однако в связи с количеством студентов даже в одной группе существует высокая вероятность не успеть уделить время каждому в полной мере и обнаружить холодность к получению знаний. В данной ситуации помогает проведение студенческих опросов, широко распространенное в зарубежных университетах. Студенты оценивают качество преподавания или выражают свое отношение к изучению отдельных дисциплин. Для этих целей в ряде стран учеными и практиками сферы образования разработаны различные оценочные инструменты, имеются многочисленные исследования результатов опросов, обзор которых представлен в [13]. В России студенческие опросы проходят, как правило, на уровне отдельных учебных заведений (см., например, публикации [14–18]). В последние годы в российских научных журналах появился ряд эмпирических исследований (например, [19–21]), что свидетельствует об усилении интереса к данной тематике. Так как в России проведение студенческих опросов не получило широкого распространения, главной проблемой выявления отношения студентов к изучению отдельных дисциплин является отсутствие оценочных инструментов. Применяемые за рубежом опросники, как правило, содержат большое количество вопросов (больше 50) и требуют много времени для их заполнения. В международных научных изданиях нашла отражение тенденция к разработке сокращенных версий известных оценочных инструментов (например, [22–25]). Поэтому механический перенос практики студенческих оценок посредством перевода на русский язык и применения известных зарубежных опросников является малоэффективным. Необходимы разработка и исследование собственных оценочных инструментов, а также проведение опросов на их основе.

Методы исследования

В опросе принимали участие 145 студентов второго курса ЛГТУ и ЛГПУ; среди них – студенты ЛГТУ, обучающиеся по направлениям «Прикладная математика» (ПМ), «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем» (АИ), «Автоматизированные системы» (АС), «Программная инженерия» (ПИ), «Стандартизация и метрология» (СМ), «Управление качеством» (УК) и «Управление в технических системах» (УТ), и студенты ЛГПУ, обучающиеся по направлению «Учитель математики и физики» (ПЕД). Опрос проводился в конце семестра, включающего изучение курса ТВ & МС. Для проведения опроса применялась анкета, разработанная одним из авторов данной статьи. Анкета содержит 16 вопросов: 8 из них отражают ценностное отношение (V-шкала) и 8 – эмоциональное восприятие (E-шкала). Студентам было предложено выбрать степень согласия с предложенными утверждениями в соответствии с 5-балльной шкалой Лайкерта. В статье [26] подробно перечислены пункты анкеты и правила для представления ответов, рассмотре-

Таблица 1

Эмпирические частоты переменной Е4

Разряды	Эмпирические частоты		
	ЛГТУ	ЛГПУ	Суммы
1	11	0	11
2	39	10	49
3	29	6	35
4	4	8	12
5	2	2	4
Суммы	85	26	111

ны теоретические основы, согласованность и содержательная валидность данного оценочного инструмента.

Для анализа полученных данных было применено два метода: тест на нормальность Жака–Бера и критерий χ^2 (хи-квадрат) Пирсона. Тест Жака–Бера позволяет проверить нормальность признака посредством сравнения его асимметрии и эксцесса с соответствующими параметрами нормального распределения.

Критерий χ^2 позволяет сравнить частоты эмпирического и теоретического распределений изучаемого признака или эмпирические частоты в двух (и более) эмпирических распределениях [27, с. 113]. Это наиболее простой способ проверки значимости влияния качественного признака, представленного в виде категоризированной (группирующей) переменной [28, с. 432]. Напомним основные шаги анализа, направленного на то, чтобы выявить влияние качественного признака.

1. Группировка данных по значениям качественного признака.

2. Вычисление эмпирических частот $f_э$ в каждой группе.

3. Вычисление теоретических частот $f_т$ в предположении, что изучаемый качественный фактор не оказывает влияния и распределения в группах независимы.

4. Сопоставление эмпирических и теоретических частот посредством вычисления $\chi^2_{набл}=\sum\frac{(f_э-f_т)^2}{f_т}$ и сравнения полученного значения с критическим значением $\chi^2_{кр}$. При выполнении $\chi^2_{набл}<\chi^2_{кр}$ наблюдаемые частоты близки к теоретическим частотам независимого распределения и поэтому изучаемый фактор не оказывает существенного влияния. В противном случае фактор оказывает существенное влияние [27, с. 432–433]. Кроме того, во многих стандартных программах статистического анализа рассчитывается значение *p-value*. Будем считать, что при *p-value*<0.05 студенты, принадлежащие к разным группам, отвечали по-разному (уровень значимости 5%), при выполнении условия 0.05<*p-value*<0.10 различия в ответах слабо значимы, и, наконец, при *p-value*>0.10 можно считать, что студенты из разных групп отвечали одинаково.

Результаты опроса исследовались посредством применения программы STATISTICA.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде всего данные были проанализированы на нормальность с помощью теста Жака–Бера. Было выявлено, что большинство переменных V1–V8 и E1–E8 не могут быть аппроксимированы нормальным распределением. Поэтому для исследования необходимо выбрать непараметрические методы анализа данных. К таким методам относится критерий χ^2 Пирсона.

Исследуем, различаются ли ответы студентов двух вузов – ЛГТУ и ЛГПУ. Для каждого пункта анкеты нами были сформулированы гипотезы:

– H_0: *распределения ответов для выбранной переменной не различаются между собой*;

– H_1: *распределения ответов для выбранной переменной различаются между собой*.

Рассмотрим проверку сформулированных гипотез на примере переменной Е4 («Задачи, где есть случайность, ввергают меня в ступор»), отражающей наличие тревожности при изучении ТВ & МС. Сформируем таблицу эмпирических частот (табл. 1).

Обратим внимание, что в некоторых ячейках $f_{эмп}$ будет меньше 5, что недопустимо для данного вида анализа [27, с. 433]. В этом случае необходимо укрупнение разрядов для получения более точного результата. Исходя из интерпретации ответов, можно сделать вывод, что укрупнение разрядов 1 и 2 как «нет», 4 и 5 как «да» и 3 как «нейтрально» позволит получить такой результат без потери информации. После масштабирования составим общую таблицу для эмпирических и теоретических частот (табл. 2).

В результате анализа было получено значение *p-value* = 0.00035, что даёт основания отвергнуть гипотезу H_0 и принять H_1 (так как *p-value* < 0.05). Из этого следует, что студенты разных вузов отвечали на Е4 по-разному, и, следовательно, фактор «университет» играет роль при выборе ответа на данный вопрос. Для

Таблица 2

Эмпирические и теоретические частоты переменной E4 после масштабирования

	Эмпирические частоты			Суммы	Теоретические частоты		
	да	нейтрально	нет		да	нейтрально	нет
ЛГТУ	6	29	50	85	12	27	46
ЛГПУ	10	6	10	26	4	8	14
Суммы	16	35	60	111	16	35	60

Таблица 3

Результаты выявленных различий ответов студентов для фактора «Университет»

Сильно значимые (p-*value* ≤ 0.05)	Слабо значимые (0.05 < p-*value* ≤ 0.1)	Незначимые (p-*value*> 0.1)
V1, V3, V6, E2, E4, E7, E8	E5, V7	V2, V4, V5, V8, E1, E3, E6

Таблица 4

Результаты выявленных различий ответов студентов для фактора «Интенсивность обучения»

Сильно значимые (p-*value* ≤ 0.05)	Слабо значимые (0.05 <p-*value* ≤ 0.1)	Незначимые (p-*value*> 0.1)
V1, V2, V4, V5, E2, E4, E6, E7, E8	V3, V8, E1	V6, V7, E3, E5

примера интерпретируем эту разность ответов. Проведем сравнение теоретических и эмпирических частот, представленных в таблице 2. Для студентов ЛГТУ эмпирическая частота ответа «да» равна 6, что меньше ожидаемой теоретической частоты 12. Эмпирические значения частот для ответов «нейтрально» и «нет» равны 29 и 50, что больше соответствующих ожидаемых теоретических частот 27 и 46. То есть студенты технического университета реже ожидаемого дают ответ «да» и чаще – ответ «нейтрально» или «нет». Для студентов ЛГПУ обратная ситуация: эмпирическая частота ответа «да» равна 10, что больше ожидаемой теоретической частоты 4, эмпирические частоты ответов «нейтрально» и «нет» равны 6 и 10, что меньше соответствующих ожидаемых теоретических частот 8 и 14. То есть студенты педагогического университета чаще ожидаемого дают ответ «да» и реже ожидаемого дают ответы «нейтрально» и «нет». Зная формулировку данного вопроса («Задачи, где есть случайность, ввергают меня в ступор»), можно сделать вывод, что студенты ЛГТУ в меньшей мере испытывают замешательство и растерянность при решении задач по ТВ & МС, чем студенты ЛГПУ.

Аналогичным образом исследуются ответы студентов двух вузов на все оставшиеся пункты анкеты. Результаты анализа посредством применения критерия χ^2 представлены в таблице 3.

Отметим, что выявлены значимые различия как в ценностном отношении (переменные V1, V3, V6, V7), так и в эмоциональном восприятии (переменные E2, E4, E5, E7, E8). Сравнивая эмпирические и теоретические частоты ответов для каждой из указанных переменных, можно сделать вывод, что студенты педагогического университета в большей мере осознают ценностные аспекты изучаемого курса: влияние вероятностных идей на развитие общества (V1), развитие мышления (V3), научные исследования (V6) и научное познание (V7). Однако в ответах студентов технического университета в большей мере выражено отсутствие отрицательных эмоций: скуки (E2), растерянности (E4), раздражения (E5). Они не согласны, что изучение теории вероятностей – пустая трата времени (E7), и хотели бы больше знать и уметь в данной области (E8). То есть студенты ЛГТУ в большей мере ощущают психологический комфорт при изучении ТВ & МС.

На втором этапе нашего исследования сравним группы с различной интенсивностью обучения. Рассмотрим группы факультета автоматизации и информатики ЛГТУ, разделенные на два потока. Первый поток объединяет группы ПМ, СМ и УК; второй поток – группы АС, АИ и ПИ. Студенты факультета разных направлений имеют примерно одинаковые проходные баллы при поступлении, их образовательные программы во многом сходны. В первом потоке отведено больше зачетных единиц на изучение курса ТВ & МС: больше лекционных часов и помимо практических занятий предусмотрены лабораторные работы. Результаты сравнения ответов студентов двух потоков посредством применения критерия χ^2 представлены в таблице 4.

Анализ эмпирических и теоретических частот ответов студентов для каждой из переменных V1, V2, V3, V4, V5, V8, E1, E2, E4, E6, E7, E8, для которых были выявлены значимые различия, позволил сделать следующие выводы.

Студенты первого потока (группы ПМ, СМ, УК) в меньшей мере согласны с утверждением V1: «Вероятностные идеи и методы оказывают значительное влияние на развитие общества». Однако они в большей мере, чем студенты второго потока, уверены, что теория вероятностей нужна в повседневной жизни (V2) и необходима современному специалисту (V4, V8). Кроме того, по их мнению, предмет является нужным для саморазвития (V3, V5, E7, E8) и интересным (E1, E2). Задачи решаются спокойнее и с меньшим количеством затруднений (E4, E6), чем во втором потоке (АИ, ПИ, АС). В свою очередь, студенты второго потока более склонны полагать, что ТВ & МС влияет на общество, но в то же время не считают, что её изучение нужно конкретно им, не уверены, что этот предмет будет полезен в дальнейшей учебе, не заинтересованы и испытывают гораздо больше затруднений при решении задач.

На третьем этапе сравним ответы студентов, обучающихся на одном потоке у одного преподавателя, но в разных группах. Сравнение посредством применения критерия χ^2 ответов студентов групп ПМ и УК-СМ (первый поток с большим количеством зачетных единиц, отведенных на изучение ТВ & МС) не выявило значимых на 5%-м уровне различий в оценках. Слабозначимые различия (p=0.08) наблюдались в ответах на вопрос V7 («Вероятностные идеи и методы играют важную роль в современном научном познании»). Аналогичное сравнение ответов на вопросы анкеты студентов групп АС и ПИ-АИ, обучающихся на втором потоке у другого преподавателя, выявило значимые на 5%-м уровне различия на вопрос V5 («Знание теории вероятностей и ее приложений будет полезно в дальнейшей учебе»), что может быть объяснено различием в учебных планах по другим предметам. То есть для студентов, обучающихся у одного преподавателя в одном потоке, нет существенных различий в ценностном отношении и эмоциональном восприятии учебной дисциплины.

И наконец, рассмотрим ответы студентов групп АИ-16 и АИ-17, изучавших курс ТВ & МС на втором курсе в разные годы у разных преподавателей. В результате применения критерия χ^2 были выявлены статистически значимые (p<0.05) различия в ответах на вопросы V2 («Вероятностные идеи и методы не нужны в повседневной жизни»), V4 («Изучение теории вероятностей и ее приложений необходимо современному специалисту»), V5 («Знание теории вероятностей и ее приложений будет полезно в дальнейшей учебе»). Кроме того, были выявлены слабозначимые (p=0.07) различия в ответах на вопрос E7 («Изучение теории вероятностей и ее приложений – пустая трата времени»). Действительно, если нет понимания, для чего нужны вероятностные идеи и методы, то курс в целом воспринимается негативно. Таким образом, различия в ответах студентов можно объяснить не только количеством часов, отведенных на изучение учебной дисциплины. Многое зависит от преподавателя, его понимания целей и задач обучения, воспитания и развития в учебном процессе.

Заключение

Подводя итоги исследования отношения студентов к изучению курса ТВ & МС, отметим, что сравнение двух вузов показало наличие разных подходов к обучению, каждый из которых имеет сильные и слабые стороны. Преподавателям технического университета следует больше внимания уделить раскрытию ценностных аспектов данного курса, преподавателям педагогического университета – эмоциональному восприятию своих студентов.

Изучение отношения к данной учебной дисциплине студентов факультета автоматизации и информатики с разной интенсивностью обучения показало, что более глубокое изучение предмета положительно влияет на ценностное отношение и эмоциональное восприятие студентов. Большее количество часов, отведенное на изучение дисциплины, включение лабораторных работ, формирующих навыки компьютерного моделирования случайных событий и процессов, позволяет раскрыть логику и взаимосвязь частей курса, сформировать целостное восприятие вероятностных идей и методов. Сокращение часов на изучение фундаментальных разделов математики приводит к отсутствию концептуального понимания, снижению ценностного восприятия, к тревожности, растерянности и раздражению при решении задач, то есть к негативному эмоциональному восприятию процесса обучения.

Сравнение ответов студентов, обучающихся в разных группах на одном потоке у одного преподавателя, не выявило статистически значимых различий. В то же время исследование показало наличие различий в ценностном отношении студентов одного направления подготовки, обучавшихся в разные годы у разных преподавателей. Это показывает, насколько важны в учебном процессе такие факторы, как личность преподавателя, его научный кругозор и педагогическое мастерство.

Таким образом, применение всего лишь одного вида анализа результатов опроса студентов позволяет понять, что влияет на заинтересован-

ность студента в знаниях, как студент или группа относятся к предмету и на какую деятельность в обучении стоит обратить внимание. Такой анализ дает возможность преподавателям модернизировать систему преподавания для получения более успешных результатов. В последующих исследованиях планируется продолжить сбор информации для получения более точных результатов, изучение свойств разработанного опросника и результатов опросов, полученных посредством его применения.

Список литературы

1. Stehr N., Ruser A. Knowledge Society, Knowledge Economy and Knowledge Democracy // Handbook of Cyber-Development, Cyber-Democracy, and Cyber-Defense. Dordrecht: Springer International Publishing, 2018. P. 475–494.

2. Cummings S., Regeer B., de Haan L., Zweekhorst M., Bunders J. Critical discourse analysis of perspectives on knowledge and the knowledge society within the Sustainable Development Goals // Development Policy Review. 2018. 36 (6). P. 727–742.

3. Krawczyk H., Targowski A. Information society development trends, from data through knowledge to wisdom // Task Quarterly. 2017. Vol. 21. № 4. P. 343–353.

4. Di Nauta P., Merola B., Caputo F., Evangelista F. Reflections on the Role of University to Face the Challenges of Knowledge Society for the Local Economic Development // Journal of the Knowledge Economy. 2018. Vol. 9 (1). P. 180–198. URL: https://doi.org/10.1007/s13132-015-0333-9 (дата обращения: 20.11.2018).

5. Gremm J., Barth J., Fietkiewicz K.J., Stock W.G. Knowledge-Based Development // Transitioning Towards a Knowledge Society. Dordrecht: Springer International Publishing, 2018. P. 159–166.

6. Forstorp P.A., Mellström U. Knowledge Society as Ideology and Practice // Higher Education, Globalization and Eduscapes. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–16.

7. Андреев В.И. Глобализационные вызовы качеству жизни, качеству образования и саморазвитию человека XXI века // Образование и саморазвитие. 2010. № 1. С. 3–12.

8. К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2005. 54 с.

9. Кузнецова Е.В. О некоторых аспектах понятий «знание» и «понимание» в условиях компетентностного подхода к обучению // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 2. С. 69–72.

10. Kuznetsova E. Probabilistic ideas and methods in undergraduate mathematics: axiological aspects // IEJME: Mathematics Education. 2019. Vol. 14 (2). P. 363–373.

11. Kuznetsova E., Matytcina M. A multidimensional approach to training mathematics students at a university: improving the efficiency through the unity of social, psychological and pedagogical aspects // International Journal of Mathematical Education in Science and Technology. 2018. Vol. 49 (3). P. 401–416.

12. Андреев В.И. Базовые законы и идеология гарантированного качества высшего образования // Образование и саморазвитие. 2014. № 3 (41). С. 11–16.

13. Benton S.L., Cashin W.E. Student ratings of instruction in college and university courses // Higher education: Handbook of theory and research (M.B. Paulsen ed.) Dordrecht, the Netherlands: Springer, 2014. Vol. 29. P. 279–326.

14. Брызгалина Е.В., Прохода В.А. Социальный облик студенчества: трансформация во времени (2006–2015 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 20: Педагогическое образование. 2016. № 3. С. 118–127.

15. Запесоцкий А.С. Преподаватель глазами студентов. Об изучении мнения студентов о качестве педагогической деятельности преподавателя // Высшее образование сегодня. 2007. № 9. С. 28–32.

16. Зеленев И.Р., Туманов С.В. Об оценке качества преподавания в вузе в контексте восприятия студентами своих преподавателей // Высшее образование в России. 2012. № 11. С. 99–105.

17. Kuznetsova E.V. Evaluation and interpretation of student satisfaction with the quality of the university educational program in applied mathematics // Teaching Mathematics and its Applications: An International Journal of the IMA, hry005/ URL: https://doi.org/10.1093/teamat/hry005 (дата обращения: 13.12.2018).

18. Березина М., Савинцева П. Факторы, влияющие на отношение студента к учебе // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. 2013. № 3. С. 72–77.

19. Шульга Е.В., Шульга В.И. Отношение студентов к учебе: основные причины успеваемости и неуспеваемости // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 1 (14). С. 110–114.

20. Сухова Е.В., Сухов В.М. Отношение к учебе в вузе современных студентов // Наука и образование транспорту. 2015. № 1. С. 286–289.

21. Кузнецова Е.В. Методика мониторинга удовлетворенности студентов вуза качеством образовательных программ // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 56–62.

22. Tabuk M., Haciömeroğlu G. Turkish adaptation of attitude towards mathematics instrument // Journal of Theory and Practice in Education. 2015. Vol. 11 (1). P. 245–260.

23. Lim S.Y., Chapman E. Development of a Short Form of the Attitudes toward Mathematics Inventory // Educational Studies in Mathematics. 2013. Vol. 82 (1). P. 145–164.

24. Huang Y.C., Lin S.H. Development and Validation of an Inventory for Measuring Student Attitudes toward Calculus // Measurement and Evaluation in Counseling and Development. 2015. Vol. 48 (2). P. 109–123.

25. Avcu R., Avcu S. Turkish Adaptation of Utley Geometry Attitude Scale: A Validity and Reliability Study // Eurasian Journal of Educational Research. 2015. № 58. P. 1–23.

26. Кузнецова Е.В. Исследование отношения студентов математических направлений к изучению вероятностных разделов математики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 142–150.

27. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2010. 350 с.

28. Боровиков В. STATISTICA: искусство анализа данных на компьютере. Для профессионалов. СПб.: Питер, 2001. 656 с.

DISCOVERING DIFFERENCES IN THE ATTITUDE OF STUDENTS TOWARDS THE COURSE «PROBABILITY THEORY»

E.V. Kuznetsova, K.A. Vlasova

Lipetsk State Technical University

This paper is a part of the study on the problems of training future mathematicians and IT professionals. In order to analyze the attitude of students to the study of the course «Probability Theory and Mathematical Statistics», a survey of students was conducted. The students of the Faculty of Automation and Informatics of the Technical University and the students of the Pedagogical University studying pedagogy of mathematics and physics took part in the survey. The questionnaire contained two scales: «Values» and «Emotional Perception». The students expressed their agreement with the proposed statements using a 5-point Likert scale. To study the factors influencing the attitude of students to the study of probability theory and mathematical statistics, the Pearson $\chi 2$ test was used. Some statistically significant differences in the responses of students from the two universities were identified, which indicates the difference in approaches to teaching this academic discipline. Also, statistically significant differences were found in the responses of students of the Technical University from the classes with different numbers of credits for studying the course. The results show that the reduction of the number of hours has a negative effect on the value perception and emotional state of students when studying the subject of probability theory. The absence of differences in the answers of students studying in the same class under one teacher and the presence of differences in the value relation of students of the same specialty studying in different years under different teachers confirms the fact that the development of the students' attitude to the discipline depends on the teacher. The results of the study help to determine the direction for improving the teaching of the probability theory and mathematical statistics in higher educational institutions.

Keywords: higher education, teaching probability theory, student attitudes, student survey, values, emotions.

УДК 81:372.881

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ТЕОРИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ (КАТЕГОРИЯ ПОДХОДА)

© 2019 г.

Е.С. Орлова, О.П. Богатова, Т.А. Дедегкаева

Орлова Елена Сергеевна, к.пед.н.; доц.; заведующий кафедрой английского языка для естественнонаучных специальностей Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
orlova_es50@list.ru
Богатова Ольга Павловна, преподаватель кафедры английского языка для естественнонаучных специальностей Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
dragonman@rambler.ru
Дедегкаева Тамара Адильгереевна, старший преподаватель кафедры английского языка для естественнонаучных специальностей
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Irina-amisha@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.03.2019
Статья принята к публикации 23.04.2019

Понятие подхода к изучению иностранных языков в лингвистическом образовании аксиоматически идентифицируется в виде определенной совокупности взаимосвязанных исходных положений о природе языка и способах овладения им. Несмотря на статус подхода как основополагающей категории методологии обучения иностранным языкам, признаваемый профессиональным сообществом термин *подход* отличается неявно выраженным функциональным содержанием, что ставит под сомнение его инструментальный потенциал и лишает его доминирующей концептуальной роли в системе методических конструктов. Рассматриваются внутренние противоречия, присущие понятию *подход* и обусловленные своеобразием предметной области. Их разрешение является условием дальнейшей разработки понятия с целью преодоления его дуализма и установления явных концептуальных признаков.

Ключевые слова: подход, метод, антиномия, парадокс, методическая категория, язык, усвоение языка.

Введение

Прогресс каждой области научного знания отмечается развитием ее терминологии, степенью ее устойчивого использования в исследовательском процессе и адекватным отображением в практике применения создаваемого продукта. В лингводидактике, а также теории и методике обучения иностранным языкам формирование понятий, определяющих ее теоретический фундамент и исследовательское пространство, носит, по целому ряду причин, непростой и своеобразный характер. В качестве основной среди них часто упоминается исторически короткий путь развития, что, на первый взгляд, кажется правомерным, поскольку методика как научная дисциплина начала складываться только во второй половине XIX века и ее достижения неизбежно выглядят более скромными, чем достижения других традиционных фундаментальных отраслей. Однако при более пристальном изучении терминологической проблематики, связанной с наукой о преподавании иностранных языков, нетрудно убедиться, что основные причины неясности и некоторой расплывчатости ряда используемых понятийных имен кроются в другом. Первая из них заключается в том, что методика является гуманитарной дисциплиной и, как и остальные науки этой области, не имеет собственного терминологического корпуса, четко обособленного от естественного языка. Такие общие понятия, как *подход*, *метод*, *контроль*, а также более специфические, такие как *говорение* или *рецепция*, вполне употребительны и в других областях знания и даже в повседневном языке. Вторая причина терминологической многозначности непосредственно сопряжена с первой и объясняется тесной связью методики с рядом других наук, в первую очередь с педагогикой, дидактикой, лингвистикой, психологией, а также в последние полвека – с теорией информации и математическим моделированием. Упомянутые отрасли быстро развиваются, умножая и структурируя свою терминологию, в том числе за счет взаимных исследований и достижений.

Тот же процесс происходит в науке об обучении иностранным языкам, в результате чего методика постоянно обогащается новыми понятиями. Объективно этот процесс совершенно закономерен, так как отражает единство и непрерывность как обоснованных знаний о мире, так и познавательной деятельности человечества. Но осознание этого закона научного раз-

вития не снимает с исследователя обязанности периодически уточнять содержание используемых понятий и систематизировать соответствующую терминологию. Это особенно касается наук, исследующих сложноорганизованные системы, охватывающие большое количество нелинейно взаимодействующих составляющих. Методика обучения иностранным языкам как раз и является одной из них, поэтому для специалистов этой области по-прежнему актуален классический тезис о том, что дефиниция – самая сложная часть сочинения. В методологии языкового образования формулирование определений еще более усложняется известной спецификой иностранного языка как предмета. Эта особенность заключается в том, язык является одновременно и целью, и средством обучения, и к тому же не дает знаний о реальной действительности. «Язык есть средство формирования, существования и выражения мысли об объективной действительности, свойства, закономерности которой являются предметами других дисциплин, – отмечает И.А. Зимняя, – язык этом смысле как учебная дисциплина «беспредметен» [1, с. 20]. М.Н. Вятютнев разделяет мнение И.А. Зимней по поводу «беспредметности» иностранного языка и соглашается с автором в том, что «беспредметной» и к тому же беспредельной и безразмерной дисциплине учить трудно [2, с. 6]. Очевидно, что и разработка, и организация терминологического корпуса, на который опирается теория и практика преподавания иностранных языков, также сопряжены со значительными трудностями. Как никогда ранее, исследования в этой области сейчас подвержены терминологическому давлению со стороны вышеупомянутых дисциплин и новых развивающихся наук, таких как корпусная лингвистика, нейролингвистика, когнитивистика, информационные технологии и др. Хотя объединение исследовательских арсеналов разных наук и интеграция различных дисциплин сами по себе носят позитивный характер и приветствуются, специалист по методике обязан уметь выражать новое знание по обучению иностранным языкам на языке своей науки, в том числе и тогда, когда это знание получено с использованием достижений смежных областей. Данное условие выполняется только при соблюдении терминологической определенности понятийного научного аппарата, что само по себе, как уже отмечалось, является непростым делом. Рассмотрим, как это требование реализуется на примере одного из самых упоминаемых в научной литературе понятий – понятия *подхода к обучению иностранному языку*.

Теоретический и методологический статус категории подхода в науке обучения языкам

Исследователи, работающие в различных направлениях теории и методологии обучения иностранным языкам, постоянно упоминают о том или ином подходе к обучению, изучению или усвоению иностранного языка. В научной литературе подход характеризуется как одна из важнейших основополагающих категорий; однако при общепризнанной значимости это понятие отличается нечеткостью своего определения. Анализ концептуальных значений термина *подход*, представленных в научной литературе, устанавливает примерный диапазон его изменчивости в пределах от самого узкого понимания (например, подход к обучению произношению) до самой широкой трактовки, когда подход называют индуктивным или дедуктивным, тем самым подчиняя ему всю систему обучения. Еще одна особенность употребления термина *подход* вызвана легкостью, с которой исследователи заменяют этот термин словами, которые представляются им синонимичными, такими как *(исходное) положение*, *метод*, *концепция*, *тип обучения*, *способ обучения*, *стратегия*, *технология* и даже *прием*. Данная особенность наиболее заметна в статьях, в заглавиях которых имеется слово *подход*. Например, заголовок «Подходы к преподаванию и изучению языков» предполагает, что в статье рассматриваются названные понятия. Однако этого не происходит уже потому, что общее число употреблений слова *метод*, замещающего термин *подход* в тексте, в четыре раза превосходит количество употреблений термина, заявленного в теме публикации. Авторы доводят терминологическую синонимию до крайнего выражения, когда утверждают, что «по сравнению с традиционным грамматико-переводным методом, коммуникативный подход придает особенное значение аутентичным материалам и контекстам» [3, p. 801]. Таким образом, *подход* и *метод* в данной интерпретации означают одно и то же. Этот пример, являющийся одним из многих подобных, подтверждает факт произвольного употребления термина *подход* в ряде научных публикаций, авторы которых очевидно используют его не для обозначения научного понятия, а в общеязыковом смысле. Для упорядочения его использования прежде всего следует обратиться к определениям, имеющимся в современной науке об обучении иностранным языкам.

Многие исследователи считают, что идея внедрения понятия подхода в методологию преподавания языков принадлежит А. Энтони,

определившему подход как совокупность взаимосвязанных исходных положений о природе языка и способах овладения им. Согласно А. Энтони, подход аксиоматичен, поскольку объясняет весь предмет обучения, формирует общую методологическую основу процесса и доминирует над смежными подчиненными понятиями, такими как *метод* или *способ обучения* [4, p. 63–67]. М.Н. Вятютнев разделяет представление А. Энтони о подходе как системе суждений о природе языка, обучения и усвоения. «Подход аксиоматичен, – подтверждает М.Н. Вятютнев, – и представляет сущность предмета, которому надо обучать, описывает точку зрения, философию. Подход принимается на веру, признается; доказательство его истинности не обязательно» [2, с. 12]. А.Н. Щукин также упоминает определение подхода, данное А. Энтони для обозначения исходных положений о природе языка и способах его изучения. «Будучи компонентом системы обучения языку, – продолжает исследователь, – подход выступает в качестве самой общей методологической основы обучения, характеризуя существующие точки зрения на предмет обучения (язык) и возможности овладения им» [5, с. 95]. Аналогичным образом определяют понятие подхода зарубежные авторы, неизменно ссылаясь при этом на работу А. Энтони [6, p. 19–20; 7]. В своем словаре методических терминов Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин представляют более четкое определение понятия. Подход к обучению есть «базисная категория методики, определяющая стратегию обучения языку и выбор метода <…>, реализующего такую стратегию; (подход) представляет собой точку зрения на сущность предмета, которому надо обучать, … и самую общую методологическую основу исследования в конкретной области знаний» [8, с. 200].

Несмотря на провозглашенный основополагающий характер, фундаментализм и доминирующую роль по отношению к смежным методологическим понятиям, приведенные дескрипции представляют подход как некую орнаментальную сущность с незначительным функциональным потенциалом. Высокий концептуальный статус, приписываемый понятию *подход* в вышеприведенных определениях, не подтверждается достаточным уровнем их теоретической разработки: определение вида «подход есть исходное положение или взгляд на язык и его изучение» вряд ли можно признать удовлетворительным. Отсутствие определения на базе стабильной системной организации взаимосвязанных элементов, формирующих концептуальное содержание того или иного подхода, в сочетании с неявными описаниями, лишает подход инструментальной значимости в теоретическом исследовательском пространстве. Неразработанность содержания понятия подхода также нивелирует его до уровня менее глобальных, но более понятных концептов, таких как *метод*, *прием* или *технология*, приближенных к практике обучения, что объясняет склонность авторов использовать синонимический терминологический ряд, отмеченный выше. При этом и методисты-теоретики, и педагоги-практики часто даже не замечают концептуальных и дескриптивных несовершенств понятия *подход*, так как «все знают, что это такое». Формальная неубедительная дефиниция является причиной определенного отчуждения понятия как от исследовательского аппарата, так и от преподавательской деятельности. Многие ли учителя иностранного языка могут ответить на вопрос о подходе, которого они придерживаются?

Основные концептуальные противоречия категории подхода, антиномии и парадоксы

Для того чтобы это понятие приобретало онтологически положенную ему фундаментальность, прежде всего необходимо рассматривать эту категорию в свете присущих ей понятийных противоречий (антиномий, парадоксов). Антиномия понятия определяется как противостояние или конфликт между его теоретическим обоснованием и опытом применения в научных исследованиях и практике. Иными словами, источником возникновения антиномии концепта являются противоречивые суждения, сделанные на основе его неявного определения, что, в свою очередь, приводит к неоднозначности толкования понятия. Таким образом антиномия понятия плавно переходит в парадокс, означающий, что формально логичные исходные положения приводят к неверным или взаимопротиворечащим выводам. Понятию подхода присущи, по нашей оценке, следующие парадоксы [9, p. 26–29].

1. Несмотря на неявные определения, категория подхода представлена в виде неизменного, устойчивого номенклатурного списка, который с удивительным постоянством воспроизводится в научных публикациях. При своей малой функциональности подход, тем не менее, повсеместно трактуется как основополагающий всеобъемлющий конструкт, основная идея которого считается соответствующей системно организованному обучению и включающей все содержательные и процессуальные компоненты.

2. Несмотря на то что список действующих подходов достаточно представителен, фактически существует только одно общее основание и

один макропринцип их классификации. Хотя существуют различные способы разделения подходов на группы, их классификация всегда сводится к отражению степени приближения определенного подхода или к языковой системе, или к образу его усвоения. Данная дилемма отражает глобальную проблему методики преподавания языков, обусловленную двойственностью ее предметной области, которая формируется системой изучаемого языка и системой его усвоения. Противостояние этих начал традиционно выражается вопросами: «Чему учить?» и «Как учить?». Приемлемые ответы определяются выбором подхода, задающего тот или иной стиль обучения. Имеющиеся в научной литературе различные примеры классификации подходов в иной словесной формулировке сводятся в конечном итоге к указанной оппозиции двух основных акцентов обучения, хотя при этом допускаются смешанные типы. Например, М.В. Ляховицкий называет следующие группы подходов: бихевиористский, индуктивно-сознательный, познавательный и интегрированный [10, с. 17]. Бихевиористский подход предполагает формирование речевых автоматизмов – реакций на предъявляемые стимулы. Это означает, что его доминирующим началом является усвоение языка учащимся (решение с позиции «Как учить?»). Познавательный подход ориентирован преимущественно на усвоение теории изучаемого языка в виде правил фонетики, грамматики и лексики, что означает преобладающую роль языка, который надо усвоить (решение с позиции «Чему учить?»). Остальные подходы представляют собой смешанные типы.

3. Бинарный принцип классификации подходов по степени их приближения к структурному или коммуникативному экстремуму не может служить способом решения еще одного парадокса, каким является подчеркнутое отличие от подходов друг от друга при выраженном отсутствии обозначенного общего качественного основания, присущего каждому из них.

В настоящее время не существует общепринятого мнения о том, какими свойствами должен обладать подход, чтобы стать таковым.

4. Однако существует очевидное несоответствие между высоким декларируемым терминологическим статусом подхода и его воплощением в предположительно подчиненных ему инструментальных единицах, таких как *метод*, *система упражнений*, *технология*, *прием*. При распространенном мнении, что подход является стратегией, а метод и другие элементы формируют тактику, факт отсутствия обозначенной связи между тем и другим остается незамеченным. Ни в одном из подходов не представлен список конкретных рекомендаций по его реализации [6, p. 245], что, очевидно, является одной из причин упоминаемой выше отстраненности категории *подход* от конкретных форм языкового образования. В настоящее время многие преподаватели предпочитают выбирать и сочетать различные технологии построения учебных курсов, которые они считают эффективными, не сообразуясь с тем, какой именно подход или метод при этом реализуется. Эта тенденция, по мнению ряда исследователей, свидетельствует о наступлении так называемой постметодической эпохи, или принципиального эклектизма, отрицающего целесообразность использования каких-либо подходов или методов. Принципиальный эклектизм представляет собой направление, сочетающее принципы, модели и приемы, заимствованные из ранее разработанных подходов и методов. Сторонники нового понимания сущности языкового образования выражают серьезные сомнения в эффективности любых подходов, действующих в течение нескольких последних десятилетий, и их концептуальном превосходстве над прочими методическими категориями.

5. Неизбежным противоречием каждого отдельно взятого подхода является определенное преувеличение роли основного акцента обучения. Так называемые маргинальные аспекты, предположительно исключаемые из учебного процесса в соответствии с избранным подходом, в действительности объективно присутствуют в изучении языка и оказывают свое воздействие на процессы его усвоения. В частности, давно возникший грамматико-переводный подход, опирающийся на изучение составляющих системы языка и перевод, не исключает устного общения в заданных ситуациях. Возможно, благодаря этому он до сих пор успешно применяется в мировой практике. Наоборот, вариации коммуникативного подхода, опирающиеся на моделирование ситуаций общения, мотивирующих создание высказываний, не обходятся без лексико-грамматического анализа и соответствующей практики. Коммуникативное направление при этом до сих пор не определяет круга коммуникативных задач, решение которых действительно актуально для обучаемых.

6. Некоторые подходы в высшей степени субъективированы и в основе своей спорны. Таким является, в частности, так называемый молчаливый подход, предполагающий минимальное участие преподавателя в речевом общении в процессе обучения.

Несмотря на недостаточную обоснованность отдельных направлений, само понятие *подход* остается установленным и признанным преподавательским сообществом.

Антиномии и парадоксы, присущие категории подхода, позволяют сделать вывод о формально достаточном определении подхода, которое функционирует в течение продолжительного времени и не является предметом дискуссии. Как отмечает Б. Мандельброт, подобные понятия в конечном итоге непосредственно основываются на противоречивой аксиоматике, некоторые проявления которой отмечены выше [11, p. 213].

Выводы

Вышеприведенных рассуждения позволяют сделать вывод о неопределенности понятия подхода в теории и практике преподавания языков, что отражается в его традиционно неявной дескрипции. Повсеместно признаваемая академическим сообществом категория подхода основывается на двух базовых сущностях различной природы: языковой системе и процессе усвоения этой системы. Декларируемое объединение двух различных областей представляет собой их формальное совмещение в рамках одной категории, что по существу не является истинной интеграцией. Вследствие этого понятие подхода сохраняет признаки двойственности, что отражается в противоречиях, онтологически присущих данной категории. Возможным способом и условием дальнейшей разработки понятия с целью преодоления его дуализма и установления явных концептуальных признаков является моделирование на основе единого предельного основания, воссоздающего функциональность языка в динамике его усвоения.

Список литературы

1. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М.: Рус. яз., 1989. 219 с.

2. Вятютнев М.Н. Теория учебника русского языка как иностранного. М.: Рус. яз., 1984. 144 с.

3. Zhou G., Niu X. Approaches to Language Teaching and Learning // Journal of Language Teaching and Research. 2015. № l6 (4). P. 798–802.

4. Anthony E.M. Approach, method and technique // English language teaching. 1963. № 17. P. 63–67.

5. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учеб. пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2006. 480 с.

6. Richards J.C., T. Rodgers T.S. Approaches and methods in Language Teaching. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 278 p.

7. Celce-Murcia M. Language Teaching Approaches: An Overview // Celce-Murcia M. (Ed.) Teaching English as a Second or Foreign Language. 3rd ed. Boston: Heinle & Heinle ELT, 2001. 712 p.

8. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения). М.: изд-во ИКАР, 2009. 448 с.

9. Orlova E.S. An Invariant-Based Approach to Second Language Acquisition: Emerging Research and Opportunities. IGI-Global: Hershey, Pennsylvania, 2019. 180 p.

10. Ляховицкий М.В. Методика преподавания иностранных языков: Учеб. пособие для филол. факультетов вузов. М.: Высшая школа, 1981. 159 с.

11. Mandelbrot B. Word Frequencies and Markovian Models of Discourse // Structure of Language and its Mathematical Aspects: Proceedings of Symposia in Applied Mathematics, 12. Amer. Mathematical Society, Providence, Rhode Island. 1961. P. 190–219.

SOME TERMINOLOGICAL PROBLEMS IN LANGUAGE LEARNING THEORY (THE CATEGORY OF APPROACH)

E.S. Orlova, O.P. Bogatova, T.A. Dedegkaeva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The idea of approach to language learning in linguistic education is axiomatically identified as a certain collection of coherent premises of language and its acquisition. Despite the status of an underlying category of language teaching methodology accepted by the professional community, the term *approach* is notable for its fuzzily described functional content that challenges its instrumental potential and divests it of its dominant conceptual role in the system of methodological constructs. In this article, the inner contradictions inherent in the notion of approach and brought about by the peculiarity of the subject domain are considered. Their resolution is a condition for the further concept development in order to overcome its dualism and establish clear conceptual features.

Keywords: approach, method, antinomy, paradox, methodological category, language, language acquisition.

УДК 372.881.111.1

ВВОДНО-КОРРЕКТИВНЫЙ КУРС ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

© 2019 г.

Е.Н. Пушкина

Пушкина Елена Николаевна, к.филол.н.; доц.; доцент кафедры преподавания русского языка в других языковых средах Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
enpushkina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.04.2019
Статья принята к публикации 30.04.2019

Анализируются причины возникновения трудностей в обучении иностранному языку в переходном (от школы к вузу) периоде обучения; затрагивается вопрос об адекватном методическом обеспечении начального этапа обучения. Обсуждается целесообразность деления обучаемых на подгруппы в зависимости от уровня владения языком и индивидуальных языковых способностей в свете данных отечественного и зарубежного преподавания иностранного языка в средней школе и вузе. Обосновывается важность соблюдения принципа однородности состава группы по уровню языковой подготовки, в связи с чем предлагается дифференцировать студентов по результатам тестирования до начала обучения в первом семестре вуза. Рассматриваются требования к вводно-коррективному курсу, структура, система упражнений, принципы отбора и организации языкового материала учебно-методического пособия, составленного с учётом необходимых требований. Обобщается опыт работы над вводно-коррективным курсом английского языка для студентов неязыкового вуза в современных условиях обучения.

Ключевые слова: вводно-коррективный курс, обучение иностранному языку, деление на потоки, уровень языковой подготовки, языковой и неязыковой вуз, начальный этап обучения.

Постановка проблемы

Создание вводно-коррективного курса и его внедрение в процесс обучения иностранному языку в вузе связаны с целым рядом вопросов. Среди них – определение целей и задач курса, его объём, назначение, содержание и соответствие количеству отведённых на его освоение часов, критерии отбора языкового материала, соотношение теоретической и практической частей, структура используемого учебно-методического пособия, типы предлагаемых заданий, последовательность их предъявления и многое другое. Важен также и вопрос о контингенте обучаемых, а именно показатели академической успеваемости по предмету и степень однородности группы по уровню владения языком.

Из вышеперечисленных вопросов последний занимает особое место. С одной стороны, он не вызывает возражений. Но, с другой стороны, он фактически игнорируется в практике преподавания иностранного языка – как в средней, так и в высшей школе.

Известно, что студенты начального этапа обучения, на котором, как правило, осуществляется обучение иностранному языку в вузе, имеют разный уровень языковой подготовки и обладают разными способностями к изучению языка. Они могут отличаться, порой существенно, по таким важным параметрам, как сформированность фонетических навыков, запас слов и грамматическая правильность речи. Не все одинаково хорошо понимают иностранную речь на слух, говорят, читают, пишут и переводят. Скорость усвоения языкового материала также различна у разных категорий студентов; для выполнения одного и того же задания им требуется неодинаковое время.

Причины такого положения различны. Это и слабая мотивация к изучению иностранного языка, и, порой, недостаточно высокий уровень преподавания в школе, частая смена преподавателей, отсутствие интереса или ограниченные способности к изучению языков. Довольно значительное число обучаемых, в силу сложившихся обстоятельств, прибывает из стран ближнего зарубежья, в которых требования к изучению иностранного языка могут не совпадать с теми, которые приняты в российских школах.

Ситуация усугубляется в связи с реформой системы экзаменов и внедрением основного государственного экзамена (ОГЭ) в девятом классе и единого государственного экзамена (ЕГЭ) в одиннадцатом классе, когда многие школьники не сдают экзамены по иностранному языку и практически не владеют его основами в объёме школьной программы. Различие между теми, кто эти экзамены сдавал, и теми, кто их не сдавал, весьма ощутимо.

Выпускникам гимназий (или спецшкол) коррективный курс может не понадобиться вообще. Менее подготовленным студентам он будет необходим. Но, придя в вуз, обе категории студентов оказываются в одной группе, и в плане организации обучения это создаёт проблемы, влияющие на его эффективность и результаты.

В переходный период от школы к вузу необходим единый для всех и несложный языковой материал, позволяющий студентам в сжатые сроки повторить основные правила языка, а преподавателям определить языковой статус группы и каждого студента. Такую возможность даёт вводно-коррективный курс, или, иначе, коррективный курс изучаемого иностранного языка, составленный с учётом реального на данный момент времени уровня языковой подготовки обучаемых студентов. Оговорка о необходимости учёта реального уровня языковой подготовки в настоящий момент представляется важной по двум причинам. Во-первых, через несколько лет, если иностранный язык, как это планируется сейчас, войдёт в число обязательных экзаменов в девятом классе, средний уровень владения языком повысится по сравнению с нынешним периодом и понадобятся другие пособия по коррективному курсу для вузов. Во-вторых, важно, чтобы создаваемое учебно-методическое пособие по коррективному курсу соответствовало уровню именно тех студентов, которых предстоит обучать, с учётом конкретного направления профессиональной подготовки. Естественно ожидать, что студенты, в обязательном порядке сдававшие ЕГЭ (к примеру, студенты-филологи), знают язык лучше, чем студенты других специальностей одного и того же вуза. Вполне возможно также, что очень хорошее пособие, предназначенное для студентов центральных вузов, окажется неприемлемо сложным для студентов других вузов страны. Напрашивается вывод, что оптимальный уровень сложности определяется конкретными условиями, характерными для данного периода обучения иностранному языку.

Целесообразность дифференциации обучаемых по уровню владения языком

Как показывает опыт, чем ближе обучаемые друг к другу по уровню владения иностранным языком, тем быстрее и эффективнее осуществляется процесс обучения. На первый взгляд, это может показаться банальной истиной, не требующей обсуждения и доказательств. Ведь никто не станет, к примеру, предлагать студентам начального и продвинутого этапов обучения заниматься в одной группе, с едиными требованиями или по одному и тому же учебнику. Однако при обучении иностранному языку в школах и вузах имеет место нечто подобное. В одном классе или группе могут находиться обучаемые, которые фактически находятся на разных этапах обучения. К примеру, в девятом классе в школе найдутся ученики, которые знают язык на уровне седьмого класса и ниже, а в седьмом классе могут оказаться те, кто потенциально способен справиться с программой девятого класса и выше. Это, конечно, в меньшей мере касается специализированных языковых школ по той причине, что процесс обучения в них имеет более интенсивный характер и различие языковых способностей не столь существенно влияет на его результаты. В этом отношении языковые школы приближаются к художественным, хореографическим, спортивным и другим училищам и школам, где обучаются дети, от природы одарённые умением рисовать, танцевать, петь, заниматься фигурным катанием или каким-либо иным видом спорта. Вряд ли там будут успешно обучаться дети, не обладающие склонностью к соответствующей сфере деятельности. Другое дело иностранный язык. Он рассматривается как один из учебных предметов, и приём в школу осуществляется по территориальному признаку. Между тем склонность к изучению языков столь же очевидна, как одарённость в области науки, искусства или спорта. Сам факт существования специализированных языковых, математических и других школ служит этому подтверждением. Естественно допустить, что тех, кто остаётся за пределами языковых школ, целесообразнее было бы обучать, предварительно разделив по группам, которые были бы относительно однородными по уровню языковой подготовки и скорости усвоения нового материала.

Деление на потоки (или стриминг (streaming), как его называют в зарубежной учебно-методической практике, когда обучаемые делятся на сильных, средних и слабых) используется за рубежом, но для отечественной средней и высшей школы в целом не характерно. Оно может иметь место в отдельных учебных заведениях, в т.ч. в какой-то период их существования, но не всегда и не везде. В масштабах всей страны обучение иностранному языку традиционно осуществляется в одной языковой группе и на протяжении всего периода пребывания обучаемого в школе или вузе, независимо от его реального языкового уровня. Обучение всех трёх категорий проводится по единым требованиям, по одному и тому же учебнику и в одном и том же объёме часов.

Практика показывает, между тем, что деление на потоки не требует особых усилий и каких-либо существенных изменений в организации образовательного процесса. Так, к примеру, на основе дифференциации студентов по результатам академической успеваемости в шестидесятые годы прошлого столетия в Горьковском педагогическом институте иностранных языков им. Н.А. Добролюбова были созданы спецгруппы для подготовки преподавателей иностранного языка для вузов страны. В такой группе обучались лучшие студенты курса, отобранные по результатам экзамена по иностранному языку в первом семестре. Естественно предположить, что, находясь в группе равных по успеваемости, они имели возможность получить более качественную языковую подготовку, чем если бы они продолжали обучение в смешанной, или разноуровневой, группе.

Деление на группы на основании успеваемости использовалось и в Нижегородском филиале Высшей школы экономики в тот период, когда был отменён вступительный экзамен по иностранному языку в связи с переходом на систему ЕГЭ. Связанные с реформой экзаменов изменения повлекли за собой снижение показателей успеваемости по английскому языку, между тем как необходимость работы с оригинальной литературой по менеджменту и другим дисциплинам требовала более высокого уровня владения языком, что всегда приветствовалось в данном учебном заведении. Деление на обычные и продвинутые группы в зависимости от результатов успеваемости по английскому языку было ответной мерой и адекватной реакцией на сложившуюся ситуацию в сфере среднего и высшего образования.

Применялась методика деления на потоки и в Нижегородской правовой академии, что также было связано с изменениями в системе образования и являлось своего рода ответом на запрос общества. В Академии обучалось немало студентов из бывших республик СССР, и языковой состав каждой группы был весьма неоднородным. С целью совершенствования организации процесса обучения был составлен отборочный тест (*placement test*), по результатам которого студенты каждой группы были разделены на две подгруппы. В «слабой» подгруппе студенты занимались по специально созданным учебно-методическим пособиям: «Изучаем английский для юристов» [1], «Дополнительное чтение» [2], по материалам, которые впоследствии легли в основу «Коррективного курса английского языка» [3], и учебно-методическим разработкам электронного ресурса. При необходимости и по желанию студенты могли переходить из одной подгруппы в другую, обучаясь там, где они чувствовали себя более уверенно. Ошибки в распределении по подгруппам иногда имели место. Впоследствии выяснялось, к примеру, что студент, получивший сниженный балл за устную речь или за невыполнение ряда грамматических заданий в отведённое время, мог довольно хорошо читать и переводить и неплохо ориентировался в грамматике, что немаловажно в условиях неязыкового вуза. Многое зависело от критериев, положенных в основу теста, от того, чему отдавалось предпочтение: устной речи, грамматике или чтению и переводу текста. Критерии отборочного теста, по необходимости, уточнялись, но в целом подготовительный этап и проведение теста не занимали много времени и вполне оправдывались преимуществами, заложенными в самой идее деления на потоки.

Вопрос о делении на потоки, безусловно, заслуживает более пристального внимания. Но и сейчас ясно, что оно может быть без особых затруднений внедрено в учебный процесс, облегчая как изучение, так и преподавание иностранного языка.

Возможно, не все согласятся с этим, поскольку существует мнение, что традиционный, разноуровневый состав предпочтительнее, поскольку средние и слабые студенты, глядя на отличников, более объективно оценивают свои силы и получают дополнительную мотивацию к улучшению своих результатов. В этом есть своя логика, однако трудно поспорить и с тем, что при отсутствии деления на потоки всегда страдают либо сильные, либо слабые студенты. Если преподаватель ориентируется на сильных студентов, не справляется и некомфортно чувствует себя слабое и среднее звено; если же он уделяет больше внимания слабоуспевающим студентам, неинтересно становится тем, кто занимается на «хорошо» и «отлично». Они неизбежно начнут работать на уроке не в полную силу, не используя всех своих возможностей. Их можно, конечно, обеспечить дополнительным материалом, но это уже другой режим подготовки, при котором они так или иначе выводятся из общего процесса обучения в рамках аудиторного занятия. Очевидно, что в этих условиях сделать каждое занятие эффективным для всех – задача декларируемая, но едва ли выполнимая в действительности.

Основной причиной такого положения, очевидно, является то, что в основу организации обучения негласно положен принцип равенства языковых способностей со всеми вытекающими из его признания последствиями. Но поскольку реальность не подтверждает справедливость данного положения, то следует признать, что в

организацию учебного процесса могут быть внесены определённые изменения. Есть основания полагать, что в вузах целесообразнее было бы формировать академические группы с учётом стартового уровня владения иностранным языком, выявленным в результате тестирования ещё до начала обучения в первом семестре. Такая дифференциация в большей мере соответствовала бы реальному положению дел. В существующих же условиях, т.е. вне дифференциации обучаемых, преподавателю фактически приходится обучать все три потока в одной группе, причём делать это одновременно.

Опыт работы над вводно-коррективным курсом в условиях неязыкового вуза

Работа над коррективным курсом позволяет сделать вывод о необходимости его соответствия определённым требованиям. Данный курс должен быть небольшим по объёму, иметь практическую направленность и ориентироваться в основном на фонетику, грамматику и чтение текстов с нейтральной лексикой, одинаково понятной студентам, специализирующимся в разных областях знаний. В должной мере в нём также должна быть представлена разговорная устная речь, предпочтительно – в её диалогической форме. В соответствии с данными требованиями составлено учебно-методическое пособие «Коррективный курс английского языка» [3], прошедшее апробацию в Нижегородской правовой академии и Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Пособие состоит из фонетической, грамматической, текстовой частей, диалогов и приложения и рассчитано на 50–60 часов обучения.

1. Работа над фонетикой

При работе над фонетической стороной речи студенты получают рекомендации по произнесению английских гласных и согласных звуков, повторяют основные типы интонации, знаки фонетической транскрипции, правила чтения буквосочетаний, а также гласных в различных типах слогов. При этом особое внимание уделяется звукам, не имеющим аналогов в родном языке, и звукам, смешение которых приводит к искажению смысла. Студенты читают и передают звучание слова соответствующими знаками транскрипции, что важно не только для адекватного понимания звучащей речи на слух, но и для успешного овладения языком в целом.

Фонетическая часть коррективного курса не претендует на полноту охвата всех данных, имеющих отношение к фонетике английского языка. В задачи коррективного курса входит повторение основных правил и исправление наиболее распространённых ошибок, характерных для русскоговорящих пользователей английского языка, владеющих фонетическими навыками в объёме средней школы. При этом коррективный курс для неязыковых вузов, естественно, отличается от своего аналога в специализированном языковом вузе, целью которого является максимально возможное совершенствование фонетической стороны речи с полным охватом фонетического материала, в том числе и повышенного уровня сложности [4]. В результате освоения фонетического раздела вводного курса студент неязыкового вуза должен владеть звукобуквенными соответствиями, правильно озвучивать транскрипционные знаки, безошибочно произносить звуки, специфические для английского языка, и знать правила чтения гласных в основных типах слогов, в первую очередь – в открытом и закрытом слоге.

В области интонации основное внимание уделяется использованию нисходящего и восходящего тона, соблюдению интонационной структуры утвердительного предложения и вопроса, различению интонации общего и специального вопроса.

Работа над фонетическим аспектом эффективна, когда она осуществляется на уровне слова, предложения и текста и продолжается в последующих разделах пособия. Другим условием её эффективности является регулярность, сочетание индивидуальной и групповой форм работы, заданий тренировочного и контролирующего характера.

Оптимизировать работу над фонетическими правилами помогают используемые в пособии таблицы, позволяющие в максимально сжатой форме выделить главное, облегчить и сделать более надёжным запоминание информации. Являясь материалом справочного характера, таблица ускоряет поиск ответа на нужный вопрос при использовании пособия в режиме самостоятельной работы.

2. Работа над грамматикой

Таблицы не менее эффективны при работе над грамматикой, в особенности при повторении таких разделов, как грамматическое время, залог, местоимения, числительные, неправильные глаголы. Преимуществом таблиц является то, что они могут использоваться не только как справочный, но и как тренировочный материал. Студенты могут спрягать глаголы в заданных преподавателем фразах и предложениях сначала по таблицам трёх базовых времён [3, с. 88], а затем, усвоив этот материал, постепенно переходить к спряжению глагола в 16 видовременных формах [3, с. 89] и в формах страдательного залога [3, с. 90].

Работа над грамматикой в рамках коррективного курса определяется важностью того или иного грамматического материала для освоения предстоящего базового курса. При повторении глагольных категорий это глагольные формы видовременной системы, формы залога и неличные формы глагола. Страдательный залог и конструкции с причастиями относительно редко встречаются в разговорной устной речи, на которую ориентировано обучение английскому языку в школе, но очень часто употребляются в текстах специальной литературы, с которыми студентам предстоит иметь дело во время учёбы в университете и в дальнейшей работе при написании статей, чтении докладов и выполнении других видов научных работ.

Грамматический раздел коррективного курса предлагаемого учебно-методического пособия не дублирует нормативные грамматики английского языка. В нём не ставится задача представить английскую грамматику полностью и в системе. Здесь важно дать студентам ту информацию, которая выходит за рамки школьной грамматики, и активная роль в этом принадлежит преподавателю, владеющему знаниями теоретических дисциплин, изучаемых в специализированном языковом вузе, и в первую очередь грамматики, лексикологии и типологии. Одной из основных трудностей, с которыми студентам приходится иметь дело при изучении английского языка, является полисемия, или многозначность. Английский язык, как известно, в большей мере, чем русский, характеризуется многозначностью. Для адекватного понимания смысла предложения студенту в первую очередь важно научиться различать разные значения одной и той же словоформы, уметь определить, в каком значении употреблено то или иное слово. К примеру, для адекватного перевода предложения необходимо установить, является ли слово *used* формой глагола *use* в прошедшем времени (*использовал*), формообразующим элементом в страдательном залоге *was used* (*использовался*) или причастием в функции определения *the method used* (*используемый / использованный метод)*. Умение различать одинаковые формы не входит в круг первоочередных задач нормативной грамматики для школьников, но является очень важным моментом в снятии грамматических трудностей при обучении чтению и переводу в вузе. Существенную помощь в данном случае оказывает параллельная работа над пособием по переводу, и в частности над теми его разделами, в которых рассматриваются структурный анализ предложения и различение совпадающих по форме слов [5, с. 27].

Немалую трудность для обучающихся, как правило, представляет чтение числительных, выявление значений предлогов и их перевод на русский язык. В связи с этим в коррективном курсе целесообразно повторить правила чтения дат (дни, месяцы, годы), числительных в обозначениях времени, в сравнительных конструкциях, названиях валют, при обозначении температуры, указании адреса, в дробных числах и различных словосочетаниях [3, с. 30–32].

Особую сложность для русскоговорящих студентов представляет тот факт, что одной и той же словоформе английского языка может соответствовать несколько разных слов русского языка, как например, в случае с предлогом и союзом: *for* (*для*, *поскольку*, *так как*, *потому что*, *ибо*, *в течение*, *на*, *в*, *к*, *за*, *из-за*, *от*, *по*, *для того чтобы* и т.д.). Не для всех привычно и то, что в английском языке предлог может не иметь самостоятельного значения в сочетании с глаголом, например, bring *up*, look *for*. Объяснения требуют и случаи перевода одного и того же слова разными словами, к примеру, *since*: предлогом *с*, союзом *поскольку* и в конце предложения – наречием *с тех пор*. В русском языке всем этим значениям соответствуют разные слова. Особенно важную роль такая многозначность, или полифункциональность, играет в текстах по специальности. В рамках вводного курса подробное рассмотрение многозначных служебных слов невозможно, да в этом и нет необходимости. Здесь достаточно остановиться на основных значениях предлогов и союзов [3, с. 33–35]. Недостающие знания можно восполнить в дальнейшем при работе над пособием по переводу [5].

В сфере синтаксиса студентам важно научиться узнавать наиболее распространённые виды придаточных предложений и союзы, с помощью которых они присоединяются к главному предложению. При проведении синтаксического анализа предложения важную роль играет выявление главных его членов, или группы подлежащего и группы сказуемого, что является необходимым условием адекватности перевода [5, с. 6–7].

В центре внимания при работе над грамматическим аспектом оказываются как грамматические, так и лексические характеристики слова. Например, работая над глаголом, студенты знакомятся с его суффиксами и префиксами наряду с формами грамматических категорий времени, вида, залога и т.д. Для студента неязыкового вуза традиционное деление на лексикологию и грамматику условно, поскольку он не изучает эти дисциплины тщательно и последовательно, как это делает студент лингвисти-

ческого вуза. В выявлении смысла предложения студент опирается прежде всего на формальные, внешне заметные признаки, какими являются порядок слов, грамматические окончания и лексические элементы слова (суффиксы и префиксы), формальные признаки различных частей речи.

Важную роль в учебно-методическом пособии «Коррективный курс английского языка» играет *Приложение* [3, с. 86–94]. Сюда входят таблицы форм грамматического времени, залога, неправильных форм глагола, личных, притяжательных и возвратных местоимений, количественных и порядковых числительных. Кроме того, даётся краткая грамматическая характеристика основных частей речи (существительного, прилагательного, наречия) и другая информация, необходимая для выполнения практических заданий (правила и исключения, примеры, особенности написания слов и т.д.). Потенциально в *Приложении* может быть размещена любая информация, по тематике дополняющая по необходимости краткую теоретическую часть пособия.

3. Работа над текстом

Трёхчастность структуры предлагаемого пособия [3] – фонетическая, грамматическая, текстовая части – соответствует его основной задаче, заключающейся в коррекции фонетических, грамматических навыков и навыков работы с текстом. Выполняя задания третьего раздела, студенты применяют знания, полученные при работе над предшествующими разделами пособия.

По своему содержанию значительная часть всех грамматических упражнений связана с темами текстовой части пособия, такими как общая характеристика страны (Великобритании, США, России), её географическое положение, экономика, история, столица, достопримечательности, выдающиеся правители, высшие учебные заведения, традиции, обычаи и праздники. Тематическая однородность заданий по грамматике и текстов позволяет расширить тему, дополнить её материалами, не включенными в содержание текстов пособия. В то же время задания грамматического раздела, выполняемые до работы с текстом, снимают грамматические трудности текстового материала и облегчают работу над смысловым содержанием текста.

Упражнения третьего, текстового, раздела пособия, предполагают многократное обращение к тексту, что способствует запоминанию как отдельного слова или грамматической формы, так и всего текста в целом. При этом студенты могут проверить правильность ответа по тексту, который служит своеобразным ключом к предложенным заданиям. Речь идёт о таких заданиях, как «Дополните следующие предложения», «Правильно или неправильно?», «Вставьте артикли (предлоги), где это необходимо», «Выразите мысль иными словами», «Переведите на английский язык».

Работая над текстом, студенты выполняют задания, тип и формулировка которых уже знакомы им, поскольку они используются в заданиях предшествующего раздела. Задания по фонетике включают чтение содержащихся в тексте слов согласно транскрипции: географических названий, этнических групп, исторических лиц, достопримечательностей, специфических и трудных для произнесения слов.

В грамматическую часть третьего раздела пособия входят задания на постановку различных типов вопросов к утвердительным предложениям (общих, специальных, альтернативных и разделительных вопросов), определение формы глагола (личной или неличной), залога, грамматического времени, на использование прилагательного в трёх степенях сравнения, глагола в трёх формах, употребление артиклей и предлогов. Предлагаются также упражнения, направленные на определение категориальной принадлежности слова по формообразующему суффиксу, поиск однокоренных слов, составление синонимических и антонимических пар слов.

Задания по переводу основаны на содержании текста и представляют собой несложные предложения, которые должны быть переведены с русского языка на английский. Здесь используется принцип обратного перевода с опорой на текст, что позволяет совершенствовать одновременно навыки перевода и употребления грамматических структур.

В заданиях на проверку понимания прочитанного студентам предлагается на начальном этапе дополнить предложения согласно содержанию текста, определить, содержит ли предложение достоверную информацию, и на завершающем этапе ответить на вопросы по тексту.

Порядок предъявления заданий соответствует принципу «от простого к сложному». Правильность выполнения заданий более сложного характера гарантируется снятием языковых трудностей в ходе выполнения всех предшествующих заданий.

4. Работа над разговорной устной речью

Коррективный курс предусматривает работу и над разговорной устной речью, которая проводится на материале диалогов, представленных в форме интервью. По своему содержанию, диалоги охватывают различные вопросы и стороны жизни студентов (учёба, распорядок дня, спорт, отдых, здоровье, еда, семья, друзья, интересы, взгляды, характер и внешность, одежда,

выходные дни, путешествия, транспорт, экологическая обстановка и т.д.). Они могут использоваться как образец, или форма, придерживаясь которой и внося соответствующие изменения студенты могут рассказать о себе. Диалоги дают возможность в интересной и краткой форме повторить базовую лексику большинства разговорных тем и одновременно закрепить фонетические и грамматические навыки, приобретённые в ходе работы над предыдущими разделами пособия.

Во время занятий работа над разговорной устной речью предшествует выполнению заданий по всем остальным видам речевой деятельности. Каждый урок начинается с вопросов, заключённых в Диалоге I (число, день недели, погода, температура, время, расписание, присутствие/отсутствие, опоздание) [3, с. 79]. Такие вопросы являются благодатным материалом для работы над безличными предложениями, порядком слов английского предложения, употреблением числительных в датах, обозначением времени и температуры, а также для тренировки в произнесении названий учебных предметов. Всё это представляет сложность для студентов и требует многократного повторения, как правило, в течение всего периода обучения.

В задаваемых студентам вопросах по тематике пройденных диалогов, таких как *Распорядок дня*, *Транспорт*, *Еда* и др., желательно использовать, помимо настоящего времени, прошедшее и будущее грамматическое время с отнесённостью к предшествующему и последующему периодам (к примеру, *Мой день* вчера, в прошлое воскресенье, завтра, в следующую субботу и т.д.).

Работа в парах создаёт атмосферу непринуждённости, вносит разнообразие в занятие и стимулирует творческий подход. Вопросно-ответная форма к тому же позволяет корректировать и совершенствовать интонацию в различных типах вопросов.

Разговорная речь, несмотря на свою внешнюю лёгкость, является самым сложным видом речевой деятельности. Неслучайно для овладения ею требуется несколько лет обучения в лингвистическом вузе. Регулярность работы над диалогической речью, повторяемость разговорных фраз имеют особое значение для студентов неязыкового вуза, облегчая узнавание слов в высказываниях собеседника и использование их в собственной устной речи. Кроме того, диалоги могут служить основой для развёрнутых монологических высказываний и выполнения разнообразных заданий монологического характера в устной и письменной форме.

5. Дополнительные материалы

При быстром и незатруднённом усвоении материала вводно-коррективного курса могут быть использованы другие учебно-методичес-кие материалы и пособия, такие как «Правильно употребляем английский глагол» [6], «Английская грамматика» [7], «Сборник тестовых заданий по английскому языку фундаментального уровня» [8], «Выбери правильный ответ» [9] и др. Студенты, справляющиеся с заданиями дополнительных материалов, могут приступить к выполнению заданий базового пособия «University Universal Prime» [10], предусматривающего совершенствование лексической и грамматической стороны речи на едином языковом материале и содержащего задания более высокого уровня сложности. Вышеупомянутые пособия в совокупности позволяют работать над грамматикой, лексикой и чтением и содержат разнообразные задания, в том числе и повышенного уровня сложности.

Значительная часть материалов пособия по вводно-коррективному курсу при работе с сильными студентами может быть вынесена на самостоятельную проработку с последующей проверкой их выполнения во фронтальном или индивидуальном режиме. Отведённое на работу над коррективным курсом время может варьироваться в зависимости от скорости усвоения учебного материала, которая определяется уровнем подготовки и индивидуальными языковыми способностями студентов.

Выводы

Целесообразность работы над вводно-коррективным курсом объясняется тем, что он подготавливает студента к освоению базового курса иностранного языка, позволяет ему устранить имеющиеся недочёты и «подтянуться», при необходимости и по мере возможности, до уровня более сильных студентов группы.

В отсутствие деления обучаемых на подгруппы по уровню владения языком вводно-коррективный курс способствует выравниванию группы, достижению большей степени однородности её состава, что является одним из важнейших требований в обучении иностранному языку.

Работа над вводно-коррективным курсом позволяет преподавателю на начальном этапе определить языковой статус группы и с большей степенью точности планировать дальнейшую работу над языком, используя вводный курс как точку отсчёта при сравнении с результатами последующих периодов обучения.

Вводно-коррективный курс удовлетворяет основным психолого-педагогическим требова-

ниям: он обеспечивает последовательное продвижение в направлении *от простого к сложному*, снимает языковые трудности и тем самым вселяет уверенность в своих силах, что играет существенную роль при обучении иностранному языку.

Характер заданий вводно-коррективного курса, к тому же, позволяет, по усмотрению преподавателя, постепенно вводить единицы специальной лексики (математической, физической, химической и др.), как бы «перекидывая мостик» от школьной программы к программе обучения языку избранной специальности.

Список литературы

1. Пушкина Е.Н. Learning Legal English. Изучаем английский для юристов: Учебно-методическое пособие. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2014. 68 с.

2. Пушкина Е.Н. Supplementary Reading. Дополнительное чтение: Учебно-методическое пособие. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2013. 56 с.

3. Пушкина Е.Н. Remedial English. Коррективный курс английского языка: Учебно-методическое пособие для студентов бакалавриата (начальный период обучения). Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2018. 96 с.

4. Ерофеева Н.М., Кашурникова Л.Д. Комплексный вводно-коррективный курс английского языка для студентов 1 курса педагогических институтов иностранных языков: Уроки 1–6. Горький: ГГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1989. 69 с.

5. Пушкина Е.Н. Translation Difficulties. Трудности перевода: Учебно-методическое пособие по переводу. 2-е изд., перераб. и допол. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2017. 84 с.

6. Новожилова Л.И., Пыхина Н.В. Правильно употребляем английский глагол: Практикум. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2011. 39 с.

7. Новожилова Л.И., Пыхина Н.В. Английская грамматика: упражнения: Практикум. Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2011. 40 с.

8. Орлова Е.С., Богатова О.П. Сборник тестовых заданий по английскому языку фундаментального уровня. Выпуск 1: Методическая разработка. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2009. 37 с.

9. Пушкина Е.Н. Choose the Right Answer. Выбери правильный ответ: Учебно-методическое пособие. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2016. 44 с.

10. Орлова Е.С. University Universal Prime: Учебник английского языка для университетов. 5-е изд., допол. и перераб., 2011. 531 с.

INTRODUCTORY COURSE OF ENGLISH IN A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

E.N. Pushkina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Some problems of the initial period of teaching and learning foreign languages at a university are considered. The main cause of such problems is related to the absence of streaming in foreign language teaching at secondary schools and at the university. The need to differentiate students depending on their level of language proficiency is substantiated. It is suggested that such streaming should be based on the results of the placement test preceding the university course of English. The requirements to manuals used in teaching Introductory English to university students are analyzed, in particular, their structure, the system of exercises and the choice of the material. The experience of teaching the Introductory Course of English to students of a non-linguistic university with the use of the manual specially created for this purpose is summarized.

Keywords: introductory course of English, foreign language teaching, streaming, level of language proficiency, linguistic and non-linguistic universities, initial period of learning.

УДК 374

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ НЕПРЕРЫВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ «КОЛЛЕДЖ – ВУЗ»

© 2019 г.

И.Ю. Тарханова, А.М. Ходырев

Тарханова Ирина Юрьевна, д.пед.н.; проф.; заведующий кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью
Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского
tarhanova3000@mail.ru
Ходырев Александр Михайлович, к.пед.н.; доц.; заведующий кафедрой теории и истории педагогики, проректор по научной работе
Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского
a.khodyrev@yspu.org

Статья поступила в редакцию 21.03.2019
Статья принята к публикации 30.04.2019

Современная образовательная политика направлена на конкретизацию образовательного ценза и расширение возможностей для непрерывного образования, в основе которого лежит идея концепции обучения в течение всей жизни. Важную роль при этом играет открытость образовательного пространства, ориентирующая практику профессионального педагогического образования на обеспечение преемственности образовательной деятельности на всех уровнях (среднего, высшего и дополнительного профессионального образования). Деятельность современной системы профессионального образования в России строится по восходящей линии. Проект национальной рамки квалификаций РФ в качестве одного из принципов предполагает преемственность и непрерывность развития уровней квалификации от низшего к высшему за счет использования единых параметров и правил их сочетания, что напрямую соотносится с построением в регионах системы непрерывного педагогического образования и внедрением компетентностного подхода к подготовке педагогических кадров. Одним из механизмов решения задач модернизации кадрового потенциала регионов представляется совершенствование механизмов взаимодействия уровней среднего профессионального, высшего и дополнительного профессионального образования педагогов; однако отмечается, что различная подчиненность на уровне субъектов Федерации, различные источники финансирования, разные образовательные стандарты добавляют проблемности в оформление механизмов взаимодействия, нормативной базы, методического сопровождения образовательных программ, осуществляемых в партнерстве системы среднего профессионального, высшего и дополнительного профессионального образования. Рассматриваются существующие модели подобной интеграции.

Ключевые слова: непрерывное педагогическое образование, профессиональная социализация, ресурсный подход.

Введение

Одним из важных моментов развития образования в России является формирование единого образовательного пространства, что предполагает создание общей методологической базы, обеспечение преемственности образовательных программ разного уровня подготовки. Ключевыми документами, определяющими требования к подготовке педагогических работников с высшим и средним профессиональным образованием, являются Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) соответствующих уровней образования. Новая итерация данных стандартов предполагает соответствие образовательных результатов требованиям работодателей, возможность успешного профессионального старта и достижения высоких профессиональных результатов выпускниками и с высшим, и со средним профессиональным образованием. При этом существует ряд моментов, осложняющих процесс интеграции различных уровней профессионального педагогического образования. Это отсутствие единого ценностно-смыслового поля организации образовательного процесса; недостаточная тождественность в использовании инновационных методов обучения, интерактивных образовательных стратегий; различия в понимании направлений модернизации профессионально-ролевой структуры взаимодействия субъектов образовательного процесса, недостаточный уровень системно-квалитативной компетентности преподавательского состава. Целью нашего исследования является анализ эффективности существующих моделей интеграции деятельно-

сти образовательных учреждений различных уровней для организации единого пространства непрерывного педагогического образования.

Методология

Методологической основой исследования является ресурсный подход к определению содержания непрерывного педагогического образования [1–3], предполагающего управление функционированием и развитием совокупности средовых, институциональных и личностных ресурсов, участвующих в процессе интеграции различных уровней и форм образования. В основу анализа ресурсов нами положено понимание непрерывного педагогического образования как пространства профессиональной социализации личности. Такая направленность, на наш взгляд, позволяет учитывать современную социокультурную ситуацию, в которой профессиональное становление личности является нелинейным процессом. Профессиональное развитие специалиста сегодня определяется не понятием «профессия на всю жизнь», а выбором собственного уникального пути, реализацией сущностных смыслов, обретением свободы жизненных и профессиональных выборов и ответственности за эти выборы. Рассмотрение непрерывного педагогического образования как открытого пространства профессиональной социализации личности позволяет перевести на наличный уровень целый ряд ресурсов: личностные ресурсы обучающихся; ресурсы педагогических и научно-педагогических работников, осуществляющих подготовку будущих педагогов; управленческие ресурсы образовательных организаций различного уровня; ресурсы работодателя как субъекта оценки образовательных результатов.

Результаты и их обсуждение

Заложенные традиции преемственности среднего профессионального (СПО) и высшего образования (ВО) в подготовке педагогических кадров имеют устойчивую тенденцию к развитию. Сложившаяся практика показывает, что выпускник колледжа, продолжающий обучение в педагогическом вузе, имеет сильную мотивацию на профессиональную социализацию и на трудоустройство на работу по специальности.

Первой моделью непрерывного педагогического образования можно назвать интеграцию педагогического среднего профессионального образования в систему университетского образования.

В системе среднего педагогического образования Российской Федерации действуют более 200 педагогических колледжей. В основном педколледжи находятся в ведении региональных органов управления образованием; гораздо меньше организаций, являющихся структурными подразделениями вузов – университетскими колледжами или отделениями среднего профессионального образования в университетах.

Образовательная программа университетских педагогических колледжей и отделений СПО – это целевая программа профессиональной социализации будущего педагога. Её основу составляет подготовка выпускника не только к эффективной работе, но и к поступлению в вуз, к обучению в нем. С одной стороны, при таком подходе сохраняется главное преимущество педагогического среднего профессионального образования – раннее профессиональное самоопределение, с другой – обеспечиваются получение студентами СПО необходимых фундаментальных знаний, адаптация к последующему обучению в вузе. Подготовка студентов при этом осуществляется при непосредственном участии преподавателей университета, что обеспечивает не только преемственность образовательных программ и сопряженность учебных планов, но и преемственность форм и методов профессионально-педагогического образования, направлений научно-исследовательской работы студентов.

Студенты СПО могут быть полноправными участниками научных студенческих лабораторий университета, принимать участие в конференциях, предметных олимпиадах, внеучебной деятельности. Такая интеграция позволяет кроме основных программ осуществлять и дополнительное образование студентов колледжа (например, не просто наравне, а именно совместно со студентами университета получать дополнительное профессиональное образование по программам «Педагог – организатор летнего отдыха детей и подростков» или «Вожатый Всероссийского движения школьников»).

Одновременно расширяется практико-ориентированность образовательного процесса университета, что позволяет улучшить качество практической и методической подготовки студентов уровня высшего образования. Так, преподаватели колледжа, сильные своей методической подготовкой и опытом методической работы, могут работать в качестве ассистентов на образовательных программах уровня ВО, обеспечивая практикоориентированность вузовской подготовки педагогов. Важным ресурсом представляется и возможная интеграция студентов уровня СПО и ВО в совместную квазипрофессиональную деятельность (участие в деловых играх, совместное решение практических

кейсов, подготовка и участие в турнирах WORLDSKILLS RUSSIA). Кроме того, расширяются возможности организации педагогической практики: факультет СПО или университетский колледж может стать площадкой для педагогической практики студентов бакалавров и магистров с других факультетов педагогического университета.

Интеграция среднего профессионального и высшего педагогического образования возможна и с помощью модели сетевого взаимодействия «педколледж – вуз».

Сетевое взаимодействие как феномен нашего времени содержит в себе огромный потенциал. Как основной механизм информационного обмена, сетевое взаимодействие позволяет реализовать его синергетические эффекты в коллективной научно-образовательной деятельности, дает возможность использовать преимущества сети в повышении эффективности работы образовательных учреждений, оптимизации затрат, повышении качества образовательных программ и академической мобильности.

В системе педагогического образования более пятнадцати лет идет процесс реализации педагогическими вузами совместно с педколледжами сопряженных учебных планов по родственным направлением подготовки. Разработаны Рекомендации по разработке содержания образования и организации образовательного процесса в образовательных учреждениях высшего профессионального образования (вузах) для лиц, имеющих среднее профессиональное образование педагогического профиля [4]. Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» также регламентируются права обучающихся (граждан) на ускоренное обучение [5].

Современная ситуация старения педагогических кадров требует ускоренной подготовки кадров высокой квалификации, способных «мгновенно» социализироваться в профессии: осваивать новые профессиональные позиции, быстро адаптироваться к новым условиям и сложившимся командам педагогических коллективов, не теряя собственного уровня квалификации. Поэтому педагогическое образование, с одной стороны, нацелено на сокращение времени на профессиональную подготовку, а с другой стороны, оно требует более высокого уровня профессионализма выпускников. Разрешению данной дилеммы призваны способствовать программы прикладного педагогического баклавриата. Для Российской Федерации создание программ прикладного бакалавриата как вида программ массового, регионально ориентированного высшего образования должно решить проблему сбалансированности развития сфер труда и профессионального образования.

Так, в 2010 году был начат эксперимент по созданию прикладного бакалавриата. В рамках эксперимента программы прикладного бакалавриата разрабатывались по специальностям СПО и (или) направлениям подготовки ВО с учетом профессиональных стандартов (при их наличии) и требований к структуре основной профессиональной образовательной программы соответствующего уровня.

Попытка сетевой реализации таких программ была предпринята в Сибирском федеральном университете (СФУ) совместно с КГОУ СПО «Красноярский педагогический колледж № 1 им. А.М. Горького» [6].

Особенностью созданной в рамках проекта ОПОП являются разработка и апробация механизмов сетевого взаимодействия образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования для достижения заявленных в основной профессиональной образовательной программе образовательных результатов студентов. Данный эксперимент показал, что для эффективного использования возможностей, которые создают программы прикладного бакалавриата, необходимы серьезные изменения в институциональном устройстве подготовки студентов на базе консорциумов учреждений СПО/ВО.

Наиболее устойчивой оказывается та система, где вуз реализует программу прикладного бакалавриата без помощи колледжа, то есть с его введением и теоретическая, и практическая подготовка студентов осуществляется только вузом, а роль колледжа существенно уменьшается. Согласимся с В.И. Блиновым, что в настоящий момент очень неустойчиво, плохо организовано сетевое сотрудничество вузов и учреждений СПО; связано это с финансовыми проблемами, что обусловлено сложностями во взаиморасчетах [7].

На практике очень часто все выглядит следующим образом: вузы либо сводят на нет прикладную часть, ограничиваясь лишь академическим бакалавриатом, либо реализуют полноценно обе программы, оставляя не у дел учреждения СПО. Но при этом всем участникам эксперимента очевидно, что практико-ориентированное обучение необходимо [8]. Прикладной бакалавриат находится в стадии становления, и законодательство, регулирующее его реализацию, изменяется, совершенствуется.

В настоящий момент программы бакалавриата, в том числе и прикладного, могут быть реализованы лишь на базе ВО, а потому их полноценная реализация в рамках педколледжей невозможна. Однако за счет заключения догово-

ров сетевого взаимодействия между колледжами и вузами видится возможным улучшить качество образования в образовательных учреждениях двух уровней. Так, вуз, используя ресурсы СПО и его связи с работодателями, может легко поднять качество практической подготовки. Колледжи же, наоборот, смогут резко повысить качество теоретической подготовки студентов, хотя все же формально продолжат подготовку по программам среднего профессионального образования. Участие работодателей в разработке профессиональных стандартов, ФГОС ВО, взаимодействие вузов и СПО позволит сделать программы прикладного бакалавриата более эффективными и ориентированными на потребности рынка.

Ещё одной моделью взаимодействия «пед-колледж – вуз» может стать ассоциация региональных колледжей с профильным вузом. Многолетнее сотрудничество Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского и учреждений среднего профессионального образования, входящих в состав межрегиональной ассоциации «Непрерывное педагогическое образование», доказало свою эффективность. На сегодняшний день мы можем сделать вывод, что подобная форма взаимодействия способствует интеграции учебных планов и программ, общению и совместной научной работе педагогических коллективов, создает почву для дальнейшего расширения сотрудничества. Кроме того, такая форма интеграции позволяет использовать ресурсы системы дополнительного профессионального образования университета, как центра непрерывного педагогического образования, в формировании профессионального сообщества преподавателей Ассоциации [9].

Система повышения квалификации кадров Ассоциации позволяет осуществлять стратегию формирования единой корпоративной культуры научно-педагогических работников, реализующих программы непрерывного педагогического образования. В основу содержания дополнительного образования для преподавателей Ассоциации может быть положена идея интеграции научного и методического опыта слушателей с учетом специфики научно-педагогических школ головного вуза. Основу работы составляют три формы обучения: включение преподавателей колледжей в дополнительные образовательные программы для основного профессорско-преподавательского состава; программы корпоративного обучения преподавателей СПО, реализуемые с привлечением профессоров вуза; стажировки работников колледжей на базе профильных кафедр университета.

Выводы

Анализ существующих моделей интеграции организаций СПО и ВО в рамках создания единого образовательного пространства непрерывного педагогического образования показал, что вне зависимости от типа интеграции основным условием эффективности является объединение следующих ресурсов:

– кадровые ресурсы (социальный и профессиональный опыт преподавателей организаций СПО и ВО);

– институциональные ресурсы (реализуемые образовательные программы вузов и педагогических колледжей, научно-исследовательская компетентность доцентов и профессоров вуза и методическая компетентность преподавателей СПО, наличие инновационной деятельности в вузе, используемые технологии обучения, традиции организации совместной деятельности, преобладающие мотивы профессиональной социализации выпускников);

– ресурсы среды (образовательная среда, установление партнерских отношений с иными образовательными и социальными учреждениями, учреждениями культуры, общественными организациями, административными органами, предприятиями и организациями в целях оптимизации процесса повышения профессионального уровня выпускников в рамках освоения программ как среднего профессионального, так и высшего педагогического образования).

Список литературы

1. Клочкова Л.И. Реализация идей ресурсного подхода в развитии воспитания школьников: к вопросу о системе понятий // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=12821 (дата обращения: 22.08.2018).

2. Лубянкин И.Н. Проблема ресурсного подхода в образовании // Гаудеамус. 2005. № 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-resursnogo-podhoda-v-obrazovanii (дата обращения: 23.08.2018).

3. Тимонин А.И. Теоретические подходы к обоснованию понятий «Потенциал» и «Ресурс» в педагогике // Экономика образования. 2008. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-obosnovaniyu-ponyatiy-potentsial-i-resurs-v-pedagogike (дата обращения: 20.08.2018).

4. Письмо Министерства образования России от 09.03.2004 № 03-23ин/42-03.

5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ. М.: Легион, 2015. 212 с.

6. Опыт, проблемы и перспективы в прикладном бакалавриате психолого-педагогического направления: Коллективная монография / Отв. ред. О.Г. Смолянинова. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. 157 с.

7. Блинов В.И., Есенина Е.Ю. Развитие среднего профессионального образования: сценарий и прогнозы // Профессиональное образование. Столица. 2015. № 3. С. 5–7.

8. Набиев В.Ш. Академический и прикладной бакалавриат: нормативные требования к качеству результатов педагогического образования в высшей школе // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции / Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. С. 77–80.

9. Коряковцева О.А., Тарханова И.Ю. Непрерывное образование как средство социализации взрослого человека // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 8. С. 132–135.

ORGANIZATIONAL MODELS OF CONTINUING PEDAGOGICAL EDUCATION IN THE SYSTEM «COLLEGE – UNIVERSITY»

I.Yu. Tarkhanova, A.M. Khodyrev

Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University

Modern educational policy is aimed at specifying the educational qualification and expanding opportunities for continuing education, which is based on the idea of the lifelong learning concept. An important role is attributed in the area of professional teacher education to the openness of the educational space, which ensures the continuity of educational activities at all levels: secondary, higher and additional professional education. The activities of the modern vocational education system in Russia are organized along an ascending line, where each subsequent step is a logical continuation of the previous ones. One of the principles declared in the draft of the national qualifications framework of the Russian Federation is continuity of skill development from the lowest to the highest level through the use of uniform parameters and rules for combining them. This directly correlates with the construction in the regions of a system for continuing pedagogical education and the introduction of a competence-based approach to the training of pedagogical personnel. The authors believe that one of the approaches to solving the tasks of modernizing the personnel potential of the regions is to improve the mechanisms of interaction between secondary professional, higher and additional professional education of teachers. The need and usefulness of such cooperation is unquestionable, but different subordination at the level of the constituent entities of the Federation, different sources of funding, different educational standards make it difficult to formalize interaction mechanisms, legal framework, methodological support of educational programs implemented in the partnership of the system of secondary professional, higher and additional professional education. The article considers the existing models of such integration.

Keywords: continuing pedagogical education, professional socialization, resource-based approach.

УДК 378

МЕТОДОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОДХОД И ПРИНЦИПЫ

© 2019 г.

А.О. Бударина, К.Л. Полупан

Бударина Анна Олеговна, д.пед.н., проф.; директор Института образования Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград
ABudarina@kantiana.ru
Полупан Ксения Леонидовна, к.пед.н., доц.; руководитель службы обеспечения образовательного процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград
KPolupan@kantiana.ru

Статья поступила в редакцию 14.02.2019
Статья принята к публикации 25.04.2019

Представлено разработанное авторами методологическое обоснование концепции цифрового управления качеством высшего образования. На основе партисипативно-синергетического подхода сущность цифрового управления качеством высшего образования трактуется как комплексный, целенаправленный, скоординированный процесс информационного взаимодействия всех участников образовательного процесса, позволяющий определять и непрерывно корректировать построение индивидуальной траектории студента, а также предоставляющий возможность развития его профессиональных и личностных качеств.

Философской предпосылкой данного подхода явилась смена концептуальной парадигмы в управлении современным образованием – от «субъект-объектной» на «субъект-субъектную». Выделяются основные направления и обосновываются принципы концепции цифрового управления качеством высшего образования. К ним относятся: принципы философско-социального характера (открытости, энтропийно-информационный, вариативности стратегий и технологий управления), принципы общественно-профессионального характера (интеграционной подвижности, кластерной трансформации, инструментальной гибкости), принципы личностно-технологического характера (адаптивно-селективного развития, персонифицированности и саморазвития деятельности).

Ключевые слова: методология, цифровое управление, качество образования, взаимодействие участников образовательного процесса, принципы цифрового управления.

Введение

Возникшая на наших глазах цифровая экономика диктует изменения во всех сферах общественной жизни [1; 2]. Как справедливо отмечает В.В. Путин, «цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути, это основа, которая позволяет создавать качественно новые модели бизнеса, торговли, логистики, производства, изменяет формат образования, здравоохранения, госуправления, коммуникаций между людьми, а следовательно, задает новую парадигму развития государства, экономики и всего общества»[1]. Разумеется, это относится и к системе высшего образования. Условия существования в цифровом мире приводят к смене парадигмы управления в высшем образовании: от «субъект-объектного» взаимодействия на «субъект-субъектное» [3–5]. Это обстоятельство позволило нам ввести и обосновать понятие «цифровое управление качеством образования».

Содержание данного понятия трактуется нами в трех проекциях:

– как направление профессиональной педагогики, представляющее собой комплексный, целенаправленный, скоординированный процесс информационного взаимодействия всех участников образовательного процесса, позволяющий определять и непрерывно корректировать построение индивидуальной траектории студента, а также предоставляющий возможность развития его профессиональных и личностных качеств;

– как компонент профессиональной подготовки в системе высшего образования, имеющий целью проектирование и поддержку качества реализации условий и результатов образовательного процесса;

– как система вовлечения субъектов образовательного процесса в единую интерактивную интеллектуальную среду, способствующую их развитию и личностной трансформации.

Теоретико-методологический подход

Существующие в современной педагогике подходы – компетентностный, деятельностный, системный и др. – при всех различиях предполагают традиционную технологию реализации управления качеством образования, с разделе-

нием ее субъектов на «управляющую» и «управляемую» подсистемы. Достоинством и преимуществом предлагаемого нами партисипативно-синергетического[2] подхода является акцент на взаимодействии участников образовательной деятельности, ориентированном на развитие самоорганизации [6]. Он включает такие направления деятельности:

– создание необходимых условий и мотивационных установок, а также технологии для улучшения коллаборации между преподавателями и студентами;

– продуктивное взаимодействие преподавателей и студентов, основанное на дискуссионной деятельности, игровой имитации и моделировании, использовании рефлексии, обратной связи, специальных методов развития эффективного мышления;

– гармонизация интеллектуально-эмоционального взаимодействия в процессе обучения;

– совместное принятие решений с использованием «выращивания» новых знаний на основе развития и использования индивидуального и группового потенциала;

– эффективное использование новых современных технологий организации, свертывания, трансляции и приобретения знаний, обеспечивающее проблемность образовательного процесса.

Предлагаемый подход изменяет «обычное» представление о процессе управления качеством как линейном, основанном на принятии решений управленца или управляющего коллектива. Так, он предполагает «совместную» структуру деятельности внутри управленческого цикла, включающего ряд обязательных элементов, а на наш взгляд, требований, определяемых А.П. Панфиловой и А.В. Долматовым следующим образом:

– единая цель, ее жесткая регламентация и определение способов осуществления контактов между участниками взаимодействия;

– общность мотивов, побуждающая людей к совместной деятельности;

– вынужденность взаимосвязи участников;

– выработанный стандарт поведения (организационная культура);

– наличие единого пространства и времени для выполнения совместных действий (регламент занятий, аудитория и др.);

– разделение единого процесса деятельности на отдельные функции и их распределение между участниками (обучающий и обучаемые);

– координация индивидуальных действий, необходимость управления ими;

– знание каждым участником норм, правил, процедур межличностного и группового взаимодействия;

– необходимость постоянной передачи информации и обязательная обратная связь [9].

Принципы цифрового управления качеством образования

Партисипативно-синергетический подход позволяет сформулировать принципы цифрового управления качеством высшего образования, а именно: интеграционной подвижности, энтропийно-информационный, адаптивно-селективного развития, вариативности стратегий и технологий управления, инструментальной гибкости, открытости, персонифицированности и саморазвития деятельности, кластерной трансформации.

Принцип *интеграционной подвижности* обеспечивает непрерывное реагирование системы цифрового управления качеством образования на внутренние изменения содержания предметной области. Он сформулирован нами на основе принципа, действующего в экономике, который обеспечивает наиболее выгодные условия для продукции компании, готовящейся к выходу на еще не освоенный рынок, или в жизненном цикле товара находится на стадии развития. Именно это «действие» экономического принципа мы формулируем как одну из основополагающих позиций для эффективного цифрового управления качеством высшего образования. Данный принцип обязывает коренным образом перестроить образовательную деятельность в вузе на основе объединения образовательных областей, что предполагает получение целостного образовательного продукта, обеспечивающего формирование интеллектуальных и интегративных качеств личности обучающегося и его гармоничное нахождение в социуме. Процесс интеграции различных систем (субъектов, образовательных программ, технологий или др.) проявляется в обмене данными, выступающими как результат решения задач управления в этих системах.

Суть принципа интеграционной подвижности состоит в углублении взаимосвязей между всеми элементами процесса управления для повышения устойчивости и эффективности функционирования образовательной программы (в более широком смысле – качества образования) в различных ситуациях, режимах, условиях. Это предполагает не «наличие» нескольких преподавателей одновременно и не механическое объединение материалов дисциплин, модулей, курсов, а определение круга задач, которые возможно выполнить или решить только благодаря интегрированию. В первую очередь это может быть интенсификация познавательного

интереса и процесса выработки универсальных учебных и исследовательских умений и навыков на основе решения одной и той же поставленной профессиональной задачи.

Одним из оснований цифрового управления качеством образования в вузе является, на наш взгляд, предложенный Ю.Г. Левагиным, А.Ю. Нагорновой, Ю.С. Нагорновым *энтропийно-информационный принцип* [10]. Особенностями его реализации являются следующие направления:

– рассмотрение содержательной части процесса обучения как системы взаимосвязанных образов и проведение анализа ее структуры на базе таких категорий, как количество педагогической информации, энтропия дидактического образа, его информационная проводимость и др.;

– проведение анализа познавательной деятельности обучающихся на основе оценки снятия условной неопределенности (энтропии) того или иного образа и системы образов в целом;

– развитие человека как субъекта творческой деятельности до уровня реализации его потенциальных возможностей;

– обеспечение становления целостной, гармоничной и всесторонне развитой личности.

Для нашего исследования особую значимость имеет понятие «энтропия знаний» – в смысле – мера отсутствия уверенного (на данном этапе развития личности) знания о смысле известных по названию понятий, фактов реального положения дел в окружающей действительности, взаимосвязях между фактами, понятиями и фактами, понятиями и понятиями [11]. Энтропийно-информационный подход в цифровом управлении качеством высшего образования обеспечивает непрерывную работу системы с учетом постоянного «информационного вливания» как внутри образовательного процесса, так и вне него. Такая ситуация не всегда поддается конструктивному анализу в силу различных причин, к которым можно отнести: большие потоки информации, недостоверные источники, «устаревшие» программные продукты и приложения обработки; недостаточный уровень сформированности исследовательских умений анализа, синтеза и отбора необходимого контента. Учет энтропийно-информационного принципа как основополагающей позиции позволяет обеспечить устойчивость и развитие многоаспектной и многофакторной системы высшего образования.

Раскрывая сущность принципа *адаптивно-селективного развития*, необходимо рассмотреть трактовку в научной и методической литературе слагаемых его дефиниции. Адаптивной считается система, которая способна сохранять функциональность в ситуации неопределенности и агрессивности внешней среды. Соответственно, адаптивное управление – это управление в ситуации неопределенности, основанное на динамичном изменении системы управления с целью улучшения качества ее работы. Понятие «селекция» в педагогической науке появляется в контексте когнитивно-селективной концепции образования [12]. Для нашего исследования важно одно из положений данной концепции, которое предлагает более гибкий взгляд на интеллектуальный рост и развитие и предполагает совместное обучение индивидов с разными умственными способностями. Находясь в одной учебной среде, носители разноуровневых способностей должны получать возможность обучаться в удобном для каждого темпе; объем материала и сложность выполнения заданий должны соответствовать индивидуальным способностям обучающегося. При таких условиях важно диагностировать исходные способности, разрабатывать наиболее оптимальные пути образования для каждого обучающегося, включенного в групповую или индивидуальную работу, корректировать содержание учебных курсов, фиксировать достижения каждого и создавать благоприятный для качественного обучения климат. Перечисленные особенности «когнитивно-селективной» концепции и явились предпосылками для введения нами понятия «принцип адаптивно-селективного развития». Суть его заключается в том, что цифровое управление качеством высшего образования должно обеспечивать выбор наиболее приоритетного направления развития личности в соответствии с ее постоянно изменяющимися и совершенствующимися способностями и возможностями, осуществляя как можно более гибкую и быструю подстройку образовательного процесса под «нужды» субъектов управления.

Следующим важным для проектирования концепции цифрового управления качеством высшего образования становится соблюдение принципа *вариативности стратегий и технологий управления*. Вариативность – один из основных путей гуманитаризации не только содержания, но и самого процесса обучения, она проявляется в различных способах и формах получения образования, типах и видах образовательных учреждений, разновидностях учебных курсов. Принцип обеспечивает взаимосвязанную деятельность участников управленческого процесса, осуществляемую в условиях выбора содержания, средств и способов деятельности и коммуникации, ценностно-смыслового общения. Ядром реализации принципа является свободное установление основ-

ных позиций и требований к образовательной программе или процессу, что позволяет определить стратегию и технологию реализации данных требований всеми участниками процесса управления. Выделенный нами принцип обеспечивает:

– оценку и учет состояния, в котором находится система управления, и определение влияния на него факторов внешней среды и их изменений;

– своевременное определение необходимости внесения изменений в действующую стратегию с учетом анализа изменений внешней среды и возможностей образовательного учреждения;

– определение сильных и слабых сторон образовательного учреждения в каждом конкретном случае (материально-техническое оснащение, кадровый потенциал или другое), которые необходимы для достижения высокого качества образования.

Одним из направлений партисипативно-синергетического подхода является соблюдение принципа *инструментальной гибкости*. Предпосылками данного принципа стали обозначенные Б.М. Жуковым особенности гибкой управленческой системы организации, к которым автор относит:

– взаимозависимость процесса управления на всех этапах достижения как стратегических, так и оперативных целей. При этом процесс управления не может быть разорванным процессом;

– параллельность различных этапов управления, их слияния в единую систему [13].

Ценным для нашего исследования является то, что содержание понятия «гибкость организации» связано с изменением функций управления, обеспечивающих синхронизацию отношений между элементами внутренней и внешней среды. Управленческая гибкость в данном контексте представляется в виде интегрированной системы мотивов инновационной модели управления, обеспечивающей быструю смену стратегий действий, а также постоянный поиск, перестройку и внедрение новых управленческих технологий. Принцип обеспечивает быстрое реагирование системы управления на происходящие изменения во внутренней «производственной» и «институциональной» внешней среде в пределах возможностей субъектов управления. Данный принцип отражает объективные процессы интеграции образования, производства, науки, а также тенденции к разнообразию во всех социальных сферах. Реализация принципа инструментальной гибкости для эффективного цифрового управления качеством высшего образования позволит:

– ускорить реализацию сложных проектов, комплексных программ научных исследований и изысканий;

– сформировать управленческую структуру на временной основе, на период решения проблемы или выполнения проекта;

– обеспечить многофункциональность, многоуровневость и многоступенчатость технологий, средств, методик, форм и др. управленческого процесса.

Традиционным на сегодняшний день для любой разработки в области образования является *принцип открытости.* Это такой взгляд и такой тип рассуждения, при котором не только социальные институты (детский сад, школа, вуз и т.п.) имеют образовательные функции, но и каждый элемент социальной и культурной среды может нести определенный образовательный эффект [11]. К.А. Зубарева рассматривает реализацию принципа открытости в двух, значимых для нашего исследования, аспектах. Первый воплощается в предоставлении самостоятельности учебным заведениям, возможностей им самим определять основные характеристики образовательного процесса, в частности методы и технологии, структуру кадрового потенциала, источники финансирования, контингент обучающихся и другое. Второй аспект связан с изменением роли участников управленческого процесса в открытой среде. Роль обучаемого в современной системе образования становится более значительной, поскольку учебный процесс все в большей степени превращается в процесс самообучения, когда обучаемый сам выбирает свою образовательную траекторию в детально разработанной среде [14]. Для нас важно, что он предполагает изменение отношений между преподавателями и студентами, изменение типа отношений между поколениями, уход от авторитарной модели управления, от наставнического «подчинения» и установленных рамок принуждения к сотрудничеству, взаимодействию, взаимоосмыслению и пониманию, взаимопомощи и сотрудничеству. Принцип открытости обеспечивает:

– значительное увеличение информированности представителей субъектов управления;

– понимание качества образования как ориентации на результат;

– изменение состава акторов разработки образовательного программы и реализации образовательного процесса;

– признание самореализации движущей силой эффективного образования;

– предоставление выбора участникам образовательного процесса и формирование «культуры» выбора и соорганизации различных обра-

зовательных предложений в собственную образовательную программу;

– высокий уровень прозрачности контроля, мониторинга и построения рейтинга всех видов «продуктов» образовательного процесса.

В этой связи мы считаем необходимым выделение отдельного принципа, названного нами *принципом персонифицированности и саморазвития деятельности*. Правильная трактовка данного принципа означает решение следующего спектра профессиональных задач цифрового управления качеством высшего образования:

– развитие безоценочной рефлексивной деятельности обучающихся;

– формирование основ самонаправленности и направленности на личность партнера по взаимодействию;

– мотивация потребности и формирование готовности к осуществлению личностного развития и ценностно-личностного общения;

– поиск путей заинтересованного доверительного межличностного общения, создание необходимых условий для единения интересов преподавателя и студента на основе взаимного уважения;

– установление позитивного отклика на влияние другого с целью «встречной» активности.

При определении принципа *кластерной трансформации* как основы в проектировании и реализации цифрового управления качеством высшего образования мы руководствовались следующими факторами:

– оптимизация компонентов образовательного процесса (устранение излишних и неработающих звеньев, изменение целей, критериев оценки и технологий);

– повышение нацеленности учебной и профессиональной деятельности на результат;

– переформатирование понимания промежуточного и конечного продукта интеллектуальной деятельности, структурирование и переосмысление результатов деятельности на различных уровнях;

– возможность оценки и измерения формируемой компетенции (включая самооценку, рефлексию);

– реализация возможностей индивидуального и группового подходов в образовательном процессе;

– доминирование и систематизирование практической деятельности субъектов управления;

– целенаправленное изменение качества мотивирования (усиление мотивации и саморазвития);

– модификация подходов к универсализации выпускника образовательной организации высшего образования;

– понимание преподавателями и обучающимися списка формируемых и не формируемых компетенций в процессе обучения, а также понимание методов и технологий их развития.

Г.Л. Тульчинский подтверждает нашу уверенность в выделении принципа кластерной трансформации. Так, он указывает, что в эпоху широкого и интенсивного развития компьютерных образовательных программ радикально меняется процесс и формат высшего образования, что является серьезным вызовом высшей школе – как по содержанию образовательного процесса, так и по его организации [15]. Эти вызовы нуждаются в серьезном осмыслении, и дело заключается не только и столько в записи лекций и подготовке электронных версий учебников. Речь идет о «разгерметизации» образования, выходе его за пределы университетских учебных аудиторий, лабораторий и библиотек.

Для цифрового управления качеством высшего образования необходимы механизмы учета как «внутреннего» состояния качества образования (в рамках образовательного процесса), так и внешнего качества (с диагностикой опережения). Принцип требует, чтобы результат интеллектуальной деятельности не сводился к «наличию» знаний, а носил индивидуальный и автономный характер. Это достигается путем:

– переноса ответственности за качество образования на обучающегося;

– замены технологий обучения на механизмы построения индивидуального маршрута каждого обучающегося;

– перестройки контактной работы преподавателя и студента с учетом возможностей новых технологий;

– совершенствования системы стимулов и мотивации обучающихся и преподавателей с целью получения искомого качества.

Заключение

Обобщая обозначенные выше положения, можно говорить о том, что цифровое управление качеством высшего образования является сегодня концепцией, отвечающей вызовам теории и методики профессионального образования. Это связано с тем, что условия, в которых находится система высшего образования, быстро интегрируются в цифровое пространство, а образовательные организации «не успевают» определить и реализовать стратегии обеспечения высокого качества подготовки и конкурентоспособности своих выпускников.

Примечания

1. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума, 2017. http://www.kremlin.ru/events/president/news/54667

2. Термин participative management означает дословно «управление, основанное на участии» [7]. Термин «синергический (синергийный) эффект» (от греч. *Synergos* – вместе действующий) означает возрастание эффективности деятельности в результате соединения, интеграции, слияния отдельных частей в единую систему за счет так называемого системного эффекта [8].

Список литературы

1. Иванов В.Г., Кайбияйнен А.А., Мифтахутдинова Л.Т. Инженерное образование в цифровом мире // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 136–143.

2. Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И., Колосова О.В. Пути снижения рисков при построении в России цифровой экономики. Образовательный аспект // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2. С. 9–22.

3. Клюев А.К., Томилин О.Б., Томилин О.О., Фадеева И.М. Управление университетом: итоги трансформации // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 1. С. 93–104.

4. Буцык С.В. Горизонтальное управление в российском вузе: дань современности или насущная необходимость? // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 10. С. 20–29.

5. Боголепова С.В., Малкова Н.В. Использование потенциала современных систем управления обучением в вузовском образовании // Высшее образование в России. 2017. № 5. С. 105–112.

6. Budarina A.O., Polupan K.L. Digital quality Management in Higher Education // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4. С. 93–97.

7. Карпов А.В. Психология менеджмента. М.: Гардарики, 2005. 584 с.

8. Хоружий С.С. Что такое *Synergeia*. Синергия как универсальная парадигма // Вопросы философии. 2011. № 12.

9. Панфилова А.П., Долматов А.В. Взаимодействие участников образовательного процесса: Учебник для бакалавров. М.: Изд-во «Юрайт», 2016. 487 с.

10. Левагин Ю.Г., Нагорнова А.Ю., Нагорнов Ю.С. Энтропийно-информационный подход в педагогике // Актуальные проблемы развития вертикальной интеграции системы образования, науки и бизнеса: экономические, правовые и социальные аспекты. 2015. Т. 3. С. 219–226.

11. Бояров Е.Н., Абрамова С.В. Энтропийный подход в оценке эффективности инноваций в образовательной среде // Современные исследования социальных проблем. Электронный журнал. 2012. № 6. URL: www.sisp/nkras.ru

12. Кривов С.В., Поскребышева Е.С., Старкин С.В. Когнитивные технологии в образовании // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (4). С. 97–100.

13. Жуков Б.М., Ткачева Е.Н. Исследование систем управления: Учебник. М.: Дашков и К, 2018. 208 с. URL: http://znanium.com/catalog/product/337801

14. Зубарева К.А. Открытость как феномен современного образования // Педагогическое образование в России. 2012. № 3. С. 6–10.

15. Тульчинский Г.Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С. 121–136.

THE METHODOLOGY OF DIGITAL QUALITY MANAGEMENT IN HIGHER EDUCATION: THE APPROACH AND THE PRINCIPLES

A.O. Budarina, K.L. Polupan

Immanuel Kant Baltic Federal University

The article reveals the methodological rationale for the concept of digital quality management in higher education. Based on the participative synergistic approach, we define the essence of digital quality management in higher education as an integrated, targeted, coordinated process of communication and interaction of all actors in the educational process. This process allows one to determine and continuously adjust the construction of students' individual learning paths and provides an opportunity for the development of individual professional and personal characteristics.

The philosophical basis for this approach was provided by the change of the conceptual paradigm in the management of modern education from «subject-object» to «subject-subject».We identify the main directions in the selection and justification of the principles, which underpin the fundamental positions of the concept of digital quality management in higher education. The principles of philosophical and social nature comprise: the principle of openness, entropy-informational principle, the principle of variability of strategies and the principle of management techniques. The principles of social and professional nature include: the integration mobility principle, cluster transformation principle and instrumental flexibility principle. The principles of personal-technological character comprise: adaptive-selective development principle, personification principle and the principle of self-development activities.

Keywords: methodology, digital management, quality of education, interaction.

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (54)

2019

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 25,2. Усл. печ. л. 21,2. Тираж 100 экз. Заказ № 471.
Дата выхода в свет: 28.06.2019
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет